

NOSLNOSL

Xamery

История Хенга, сотника Ханьской империи эпохи Древнего мира, начавшего жизненный путь крестьянином. Хенг не подозревает о своих скрытых способностях, но однажды становится одним из участников большой Игры под названием «Останется только один». Но не всё просто и очевидно. Обычный житель Древнего мира поверил бы в стандартную байку для новых Игроков, но не двуживущий — редкий участник Игры. Он докапывается до правды и не собирается играть по правилам Игры, но на его мнение всем фиолетово...

Глава 1

Об эпохе правления Империи Хань мы знаем слишком мало; до наших времён дошли лишь немногочисленные летописи, хотя достоверно известно, что история Китая началась много раньше.

В те времена было два полюса силы: Римская Империя и Империя Хань, но они находились так далеко друг от друга, что почти не контактировали. Народы этих государств говорили на совершенно разных языках, имели письменность, построенную на разных принципах, но всё же иногда пересекались, о чём доказывают некоторые археологические находки и исторические летописи. Ханьская и Римская империи были гегемонами противоположных концов Евразийского материка, однако в силу значительной удалённости сведения друг о друге у них были довольно скудные. Китайцы называли Рим «Дацинью», дословно «Большая Цинь». Римляне называли Китай и китайцев «Серес», что значит «шёлковый» или «страна шёлка».

Имелись тогда и иные державы в разной степени развития, населённые иными народами.

Существовали также бескрайние просторы неизведанных земель. Цивилизованные государства, при всей их обширности, занимали весьма скромную часть земной суши.

Основное население планеты составляли варвары, живущие первобытно-общинным строем, и всяческие племена кочевников, которые частенько нападали на цивилизованные страны. Например, кочевники Хунну, которые постоянно совершали набеги на Империю Хань. Для защиты от набегов этих кочевников уже многие годы шло строительство Великой Китайской стены.

Китайцы и в наше время не отличаются высоким ростом, а в те времена, когда пища была скудна, рослых людей встретить было ещё сложнее. В особенности это касается крестьян, которые составляли большую часть населения цивилизованных стран.

Когда в обычной семье крестьян у двадцатитрёхлетней крестьянки Чжао Мин и двадцатипятилетнего землепашца Чжао Ки, проживающих в Империи Хань под управлением императора Сяочжао-ди, родился очередной, седьмой ребёнок, родители были очень рады. Сын оказался необычайно здоровым и крупным — его назвали Хенг, что означает вечность. Старшему из братьев Хенга было девять лет, младшему всего лишь год.

Хенг рос в спартанских условиях, приучившись с самого детства к крестьянскому труду. Чжао Мин продолжала рожать детей, пока не умерла в возрасте тридцати лет. Оставшись один с оравой детей, отец семейства стал задумываться о сложности прокорма такого количества ртов. Старшие сыновья завели свои семьи, дочери вышли замуж, оттого остались лишь малыши до двенадцати лет. Старшие дети помогали отцу в поле, средние присматривали за младшими детьми и работали по дому.

Хенг выгодно отличался от своих сверстников высоким ростом и отменным здоровьем, разве что от скудного питания был очень худым. Когда ему исполнилось тринадцать лет, в их деревню прибыл военный разъезд для набора рекрутов в Императорскую армию. Отец семейства оказался на распутье: с одной стороны, Хенг лучший помощник, с другой, он уже считается взрослым парнем, которому пора завести свою семью, и всё равно он вскоре покинет отчий дом. Но когда чиновник сказал волшебную фразу: «Те семьи, кто отправит своего сына в Императорскую армию, получают возможность не доплатить в этом году налог

в виде одного мешка риса за каждого парня», — то все сомнения отца семейства мгновенно отпали. Чжао Ки с радостью избавился от лишнего рта, отправив сына в армию, и ещё очень переживал, что остальные сыновья слишком маленькие и нельзя ещё и их «обменять» на сэкономленный мешок риса!

Вообще ситуация с взятыми в армию мальчиками тринадцати-четырнадцати лет, была довольно странной даже для этого времени. Обычно в Империи Хань в рекруты для несения военной службы набирали мужчин в возрасте от двадцати трёх до пятидесяти шести лет, хотя в иные годы могли забирать и двадцатилетних. Военная служба длилась два года, причём этот срок делился на несколько периодов. Вначале новобранцы проходили обучение, после чего их направляли в гарнизоны, расквартированные по всему Китаю. Обученные военные могли остаться служить в виде наёмных солдат ещё на два года. Эта система очень напоминает призывно-контрактную службу двадцатого и последующих веков. Так зачем же военным возиться с детьми, а не как обычно, согнать крестьян нужного возраста, да ещё отбирать самых здоровых и делать налоговые поблажки?

Всё дело в том, что в голову императору Сюань-ди, который занял этот пост после смерти Чжао-ди и свержения недолгого правления Чань-и-ва, пришла в голову идея воспитать отряд личной гвардии Императора, который будет хорошо подготовлен, независим от аристократии и предан лишь правителю. Этот приказ он спустил одному из наиболее приближённых военачальников. Военачальник отобрал лучших ветеранов для подготовки элитного отряда и разослал в разные уголки страны приказы чиновникам о наборе в армию здоровых мальчиков в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. А поскольку ситуация не относится к рядовым, всё же подростков набирают, то военачальник от имени императора разрешил давать небольшую налоговую поблажку крестьянам, из семей которых заберут ребёнка.

Чтобы добраться до места назначения, Хенг несколько недель путешествовал по плодородным долинам, лесам и террасным участкам в верховьях Янцзы с обозом, который заезжал в разные деревни. Компания детей росла. Во время этого длительного марша отвечавшие за новобранцев чиновники ревностно следили за дисциплиной и приучали детей к будущим обязанностям. К месту дислокации, к границе, новобранцы перемещались в составе команд из тех местностей, откуда они происходили, поэтому у Чжао разлука с родными сглаживалась общением с несколькими земляками. Дети в то время ещё не представляли себе, в каких условиях вскоре окажутся. По дороге они испытывали совершенно разные чувства: восторгались невиданными пейзажами или замирали от ужаса. Вскоре местность сменилась, любой неточный шаг на горной тропе мог привести к падению в пропасть. Несколько новобранцев были недостаточно осторожны и сорвались вниз. Дальше будущие солдаты прошли через безводные пустыни, где даже после дождей почти ничего не росло, через дремучие леса, где их подстерегали злые духи или дикие звери.

Добравшись до северо-западной окраины империи, где возвышалась Великая стена, новобранцы должны были привыкать к новому суровому климату. Летом здесь стояла невероятная тропическая жара, сменявшаяся пронзительно холодными зимними месяцами.

Чем дальше шли новобранцы на северо-запад, тем менее плодородной была земля. Только изредка природа оказывалась благосклонной к человеку и позволяла ему выращивать просо или ячмень.

Когда новобранцам удалось встретиться с местными поселенцами, то выяснялось, что они жили совсем по-другому, чем на плодородном юге. Жизнь этих людей непосредственно

зависела от получаемого урожая, скотоводства или охоты. Да и люди, жившие в горных районах, говорили на другом языке и вообще не были китайцами.

Как бы ни был долог путь, но новобранцы, наконец, прибыли к конечной точке маршрута в штаб военного командования. Там их определили в военизированное поселение, специально организованное правительством для подготовки личной гвардии Императора. Путь до поселения был недолгим. Там усталых детей поселили в казармы.

В поселении Чжао с удивлением осознал, что тут много таких же подростков, но поскольку он не умел считать, то не смог бы поведать точное число.

Со следующего дня начались тренировки до упада и обучение грамоте. Учёбу весьма стимулировало то, что на отстающих и лентяев никто не тратил сил, их переводили в другие менее комфортные казармы, после чего они занимались орошением и вспашкой полей. Но получить урожай со скудных земель удавалось лишь ценой каторжного труда, не то, что в родных краях на берегах Янцзы, где вырос Хенг. Это стимулировало детей к старательному постижению военной науки.

Хенг не хотел пахать поле, по крайней мере, такое плохое, тем более ему нравилось то, что будучи солдатом, он стал получать достаточно много еды. Хорошее питание и тренировки сделали своё дело, парень стал быстро прибавлять в росте, раздался в плечах и стал обрастать мускулатурой. Новобранцев учили обращаться с копьём, мечом, луком, арбалетом и секретному искусству боя руками и ногами. Помимо этого их учили письму, счёту, тактике, философии Конфуция и кодовым сигналам.

Во время учёбы Хенг показал себя как образцовый ученик, за что его сделали командиром десятка своих сверстников.

Через четыре года учёбы уже перед подросшими и обученными парнями стали ставить различные задачи. Они несли караулы в военизированных поселениях, дежурили на Великой Китайской стене, делали диверсионные вылазки в стан кочевников. Практика происходила на протяжении трёх лет, за это время Хенг набрался боевого опыта и потерял многих товарищей. Он не раз был ранен, но на парне раны заживали быстро, из-за чего среди солдат ходили слухи о том, что их командир колдун.

В отдаленном военном поселении с женским полом было туго, а все парни молодые, здоровые и жаждали плотской любви. Некоторые опускались до того, что спали друг с другом, но подобное не поощрялось, хотя и остракизму такие солдаты не подвергались. Зато в набеги на небольшие племена кочевников солдаты ходили с превеликой радостью. Несмотря на опасность быть убитыми, там были женщины, и с ними можно было делать что угодно. Так что, в отличие от братьев-крестьян, Хенг лишился девственности не с женой-крестьянкой, а с грязной кочевницей.

Кроме сугубо военных, Хенгу со своим десятком пришлось выполнять таможенные и полицейские функции. На караванных путях и на дорогах размещались специальные посты для прохода и проезда на ханьскую территорию. Любой, кто хотел пройти через оборонительные линии, должен был предъявить подорожную или другой документ, удостоверяющий личность, а также перевозимые товары. Убедившись, что его имя не находится в списке личностей, которых следовало арестовать, и он не перевозит контрабандные товары, офицер вносил его имя в список пересекающих границу. В нем отмечались дата и время поездки, в сокращенной форме обозначались транспортные средства. После этого проезжающий мог продолжать свой путь и получал пропуск для проезда внутрь страны.

Через семь лет с начала призыва были собраны все выжившие элитные солдаты, прошедшие обучение с подросткового возраста. Двадцатилетний Хенг получил звание сотника личного отряда Императора и вместе с отрядом отправился в столицу Империи.

Чжао вырос очень высоким в сравнении с остальными китайцами, целых сто восемьдесят сантиметров. К этому стоит добавить чёрные волосы, заплетённые в косу, красивое лицо слегка вытянутое к низу с выделяющимся на нём пронзительным взглядом серо-стальных глаз, что тоже странно для кареглазых китайцев. Помимо этого он отличался богатырской фигурой: всё тело увито жилистой мускулатурой, широкие плечи, мускулистые руки, сильно выделяющиеся валики грудных мышц и чётко очерченные кубики пресса. Любая девушка при виде такого красавца и силача готова пасть к его ногам.

Дальнейшая служба нашего героя протекала не столь гладко, как бы ему хотелось. Императорский дворец оказался местом более опасным, нежели граница с кочевниками. На границе сразу понятно, откуда и какой опасности стоит ждать, а во дворце многое было непонятно. Интриги и подковёрная борьба, попытки отравить, подкупить и многое другое. Возможно, будь Хенг простым рядовым гвардейцем, то не знал бы никаких проблем, а попросту нёс бы свою службу. Но он был сотником личной гвардии Императора, должность очень высокая, даже более высокая, чем тысячник обычной армии.

Потихоньку сотник втянулся в дворцовые интриги, в чём ему помогла, привлекающая женский пол внешность. Многие аристократки жаждали затащить в постель такого красавчика, естественно, по доброте душевной, помогали юноше втянуться в гадюшник под названием «дворцовая жизнь». Поскольку аристократки крутятся в интригах с рождения, то лучших советчиков найти было сложно. Естественно, девушки использовали юношу в своих целях, получая не только секс, но и иную выгоду, но и он использовал их, так что все оставались довольны. Уже через десять лет службы Чжао стал чувствовать себя в интригах, словно рыба в воде, он даже не вспоминал о своей крестьянской родне, разве что пару раз помянул добрым словом отца, что так выгодно разменял сына на мешок риса.

Помимо отменного здоровья и живучести, Хенг заметил за собой иную странность. В то время как его подчинённые в тридцать лет обзаводились морщинами, он продолжал выглядеть молодым, максимум на двадцать пять лет. Но и это не всё — ему оказалось проще поддерживать себя в идеальной физической форме, чем обычным солдатам. Пока эта тенденция не так заметна, оттого сотник отбросил размышления об этом.

В возрасте тридцати семи лет Чжао Хенг стал тысячником и фактическим главой императорской гвардии. Естественно, это не понравилось некоторым аристократам, которые хотели поставить на эту должность своего человека. Некто шепнул на ухо Императору, что тысячник Чжао колдун, владеющий секретом бессмертия, иначе каким образом ему удаётся почти в сорок лет выглядеть на тридцать? Да и среди солдат поговаривают, что их командир колдун.

Несколько лет назад Император Сюань-ди увлекался поисками бессмертия, но разочаровался в этом, поняв бесперспективность подобного шага, а тут пригляделся к тысячнику, припомнил, что тот почти не постарел со времён службы во дворце, оттого почти сразу поверил в навет. Сюань-ди в тот же миг отдал приказ главе тайной службы пленить тысячника гвардии и выпытать секрет бессмертия.

В тот же день Чжао Хенг был пленён, помещён в казематы тайной службы, где его на протяжении недели подвергали всевозможным пыткам. Вышло как в плохом анекдоте, когда разведчика пытаются, а он не выдаёт тайны, потому что оной не знает. Так и Хенг не понимал,

что происходит. Палачи же старались, как могли, в итоге было принято решение подвергнуть пленного пытке водой. Тысячника привязали к скамье в тёмной комнате под резервуаром, из которого ему на темя капала вода. Пытка продолжалась несколько дней, но вместо секрета бессмертия на руках у тайной службы оказался сошедший с ума Чжао, который едва ли мог внятно связать пару слов.

Палачи за столь небрежную работу сами оказались на месте пленного, поскольку император лично спрашивал о результатах с начальника тайной службы. Чтобы избавиться от улики, начальник тайной службы сочинил сказку о том, что эликсир бессмертия получают из отвара толчённого нефрита, а чтобы о его косяке не стало никому известно, приказал убить всех причастных палачей и свихнувшегося тысячника.

Безумного Чжао Хенга ударили ножом в сердце, а тело по приказу руководства вместо нормального погребения отвезли в ближайший лес на растерзания зверям.

Начальник тайной полиции доложил об успехе императору, поведав тому, что ему пришлось приказать убить всех причастных, чтобы секрет эликсира бессмертия не стал никому известен. С той поры император Сюань-ди стал пить отвар из толчённого нефрита, но понятное дело, что он ему ничем не помогал. Если забежать немного вперёд, то после этого Сюань-ди прожил недолго, и непонятно, что больше в этом виновато: старость или же «чудодейственный» эликсир...

В июле две тысячи пятьдесят седьмого года в семье обычного японского инженера Фукацу Хатору и простой японской домохозяйки Фукацу Эри, произошло знаменательное событие — рождение сына. Мальчика назвали Хизеши. Конечно, фамилии и имена не переводятся на другие языки, но если бы кто-то попытался сделать это, то понял бы игру слов, придуманную молодыми родителями, которые назвали ребёнка подобным именем. Фукацу Хизеши можно перевести на русский, примерно как «Возрождающийся Долговечный». Казалось бы, просто игра слов, если бы не дальнейшая жизнь их сына.

Хизеши отличался от остальных людей отменным здоровьем. Мальчик почти никогда не болел, а если болел, то выздоравливал очень быстро. Так что он не успел познать «радости» нахождения на больничном, пока учился в детском саду и школе. Самый жуткий грипп мог закончиться для него максимум чихом, а когда все в школе переболели ветрянкой, у него лишь на половину дня поднялась температура тела.

Имея в качестве примера отца, работающего инженером, Хизеши не желал быть гуманитарием и тоже стремился к точным наукам, но у него была тяга к другой профессии. По окончании с отличием старшей школы парень поступил в Токийский университет и выучился на скучную для многих, но интересную, а главное любимую для себя профессию программиста.

К огромному сожалению родителей, мальчик рос необщительным, чему способствовало то, что он был единственным ребёнком в семье, плюс его чрезмерное увлечение учёбой и век высоких технологий, когда человеку большим другом является компьютер, а не другие люди. Если говорить языком психологов, то он являлся социофобом. Хизеши боялся больших скоплений людей и предпочитал общество компьютера реальным людям. К счастью, во второй половине двадцать первого века для жителя развитого государства подобное не является препятствием для трудоустройства и жизни.

По окончании обучения в университете Хизеши устроился на удалённую работу. Заказы на программы ему присылали по электронной почте, он в свою очередь писал и отправлял код заказчику. Еду предпочитал заказывать по интернету с доставкой на дом и вообще старался как можно реже покидать квартиру. В Японии для обозначения таких людей даже придумали своё название — хикикомори, они же сокращённо хики. В общем, юноша был одним из многих хики, коих в огромном количестве порождает век высоких технологий.

Жизнь Хизеши была спокойной, без каких либо происшествий и потрясений, в программировании и компьютерах он стал почти что богом, а в качестве развлечения обожал играть в компьютерные игры, смотреть аниме и порно.

К сорока годам сын инженера так и остался девственником, хотя в своих потаённых мечтах желал занять гарем. Каким бы затворником он ни был, но не заметить за собой странностей было невозможно. Помимо того, что Хизеши Фукацу не болел, он ещё и не старел, поскольку выглядел на двадцать пять лет, будучи почти вдвое старше. В принципе, для японца это не так уж и странно, поскольку многие японцы и вообще азиаты в целом могут до старости выглядеть довольно молодо, а уж в век развитой пластической хирургии можно встретить и старушку, выглядящую на тридцать лет.

Годы шли, Хизеши стал одним из разработчиков игр для недавно появившихся капсул виртуальной реальности, а вскоре занял там должность специалиста по безопасности, который отвечает за защиту от взлома. При этом он всё так же продолжал выглядеть на двадцать с небольшим лет. Даже в семьдесят лет он выглядел молодым, был здоровым и полным сил.

В Японии можно выбрать, в каком возрасте выйти на пенсию, начиная с возраста от шестидесяти до семидесяти лет, но чем позже человек станет пенсионером, тем больше ему будут платить. Так, выйдя на пенсию в возрасте шестидесяти лет, можно получить лишь сорок процентов от максимальной пенсии, в шестьдесят пять лет сумма составит уже шестьдесят процентов, но если уйти на пенсию в крайнем возрасте, то есть по достижению семидесяти лет, то оплата будет наиболее высокой.

Поскольку Хизеши Фукацу исполнилось семьдесят лет, то он, как и положено, решил выйти на пенсию, при этом не собирался забрасывать некогда любимое, но превратившееся в рутину, прибыльное программирование. Когда он обратился в нужную государственную службу, то возникли проблемы. В больницы Хизеши не ходил, реальных друзей не имел, а все контакты осуществлял через интернет. Даже с соседями не общался, к тому же они периодически менялись, так что было сложно доказать, что этот юноша в самом расцвете сил на самом деле старик. Людям свойственно думать худшее, чиновники не исключение. Они решили, что парень убил старика, чтобы выдать себя за него. Бедняге Хизеши пришлось столкнуться с самым страшным врагом в своей жизни — с бюрократией! Чтобы доказать, что он тот, кем представляется, «старому» программисту пришлось пройти кучу медицинских обследований, пока не удалось откопать данные из школьных медосмотров и генетическая экспертиза не показала, что он на самом деле тот, кем представляется. Раньше ему не приходилось так много бывать в больницах и подобное для него стало шоком.

К своим семидесяти годам Хизеши Фукацу, несмотря на то, что выглядел, как симпатичный юноша, так и не познал любви и женских ласк из-за своей стеснительности и неуверенности. Казалось бы, если не можешь познакомиться с девушкой, отчего бы не воспользоваться услугами жриц любви? Денег у него накопилось на небольшое состояние, поскольку зарабатывал хороший программист прилично, а трат у нестареющего парня было

мало. Но тут сыграла свою роль брезгливость, на которую нахлобачился страх перед первым разом с девушкой, плюс странное и извращенное для иностранцев представление некоторых японцев о сексуальной жизни.

Хизеши возвращался из больницы с вожденным заключением генетической экспертизы как раз в час пик. Несмотря на век высоких технологий, важные документы печатали на пластобумаге. Он прижимал к груди папку с заветным бланком. Народу в это время в метро оказалось не просто много, а целая бездна, но ему пришлось преодолеть страх перед толпой и зайти в подземку. Нахождение в толпе людей его серьёзно нервировало, он начал паниковать, дёргаться и неудобно встал перед вагоном метро.

Толпа, словно многоногая химера, стала втягиваться в нутро вагона, совершенно не обращая внимания на потуги парня попасть внутрь. Запаниковав ещё больше, Хизеши рванул сквозь людскую реку в попытке вырваться подальше от поезда, двери которого только что закрылись. Но толпа, не успевшая попасть в вагон, напирала и давила, люди с упорством баранов удерживали свои позиции, не позволяя никому пройти ни вперёд, ни назад. Какой-то здоровяк отмахнулся рукой, отталкивая Хизеши, словно надоедливую букашку, тот неловко взмахнул руками, не сумел удержать равновесия и упал между вагонов под колеса отходящего поезда. Последнее, что увидели окружающие, как упавшему на рельсы человеку стальным колесом отрезало голову...

На опушке леса лежал молодой мужчина азиатской внешности. Он был очень высок для этих краёв и времени, а также мускулист, словно былинный богатырь. С чёрными длинными заплетёнными в косу волосами, он был одет в рваную, некогда дорогую одежду, которая вся была залита кровью, тело было покрыто шрамами, словно долгое время подвергалось пыткам. Обуви на ногах не оказалось. В целом складывалось ощущение, будто этот человек был ограблен, подвергся пыткам, после чего его убили, а тело грабители бросили, не озаботившись погребением.

Какое-то время мужчина лежал без движений, к нему стала осторожно подбираться лиса, чтобы полакомиться свежим мясом, но вдруг грудь мужчины вздрогнула, он сделал хриплый вдох. Это напугало лисицу, и она отбежала на несколько метров, спрятавшись за соседним деревом. Веки богатыря затрепетали, он открыл глаза и медленно огляделся по сторонам.

Долго богатырь на земле не стал залёживаться, а кряхтя, словно столетний дед, опираясь на локти, сумел вначале сесть, а затем осмотрелся вокруг ещё раз и ощупал себя. Лисица, видя такой поворот событий, поспешила скрыться от этого места подальше.

— Что за ерунда происходит? — спросил на японском языке богатырь.

Мужчине явно не понравилась ситуация, в которой он оказался. Он силился понять, что произошло.

— Что за?! — тихо, словно спрашивая самого себя, спросил богатырь уже на китайском языке своего времени.

В голове у него сплелись воспоминания о двух жизнях, причём он чётко осознал, что одна из них оставлена позади, то лишь память о прошлой жизни, в которой он был японским программистом по имени Хизеши Фукацу и помер в двадцать втором веке под колёсами поезда. Вторая же жизнь — это прожитые сорок один год жизни под именем Чжао Хенг.

Оказалось, что удивительный организм тысячника имперской гвардии (теперь точно бывшего), который больше привык считать себя сотником, поскольку в последней должности пробыл считанные дни, сумел справиться и исцелить даже тяжёлое ранение в сердце, хотя на это ему понадобилось не так уж и мало времени. Подобным невероятным здоровьем он обладал и в прошлой жизни, воспоминания о которой пробудились в результате пережитой клинической смерти.

Если бы всё происходило согласно мистических учений, с которыми парень был мельком ознакомлен в прошлой жизни, то главенствующим должно было стать сознание Хенга. То есть, если бы память о прошлой жизни пробудилась, как это произошло сейчас, то воспоминания были бы лишены чёткого эмоционального окраса, а прежняя личность никак не могла бы стать главенствующей.

К сожалению, хозяин тела лишился рассудка во время пыток, в результате этого личность Хизеши переплелась с памятью и личностью Хенга, но к счастью, это привело к тому, что получилось что-то среднее между программистом-хикикомори и суровым богатырём-военачальником.

Недостатки одной личности были компенсированы достоинствами другой — это работало в оба конца. Так, страх перед толпой Хизеши был компенсирован опытом Хенга, в свою очередь жестокость и беспринципность древнего воина были смягчены характером

личности из мира будущего. Таким образом, только что произошло рождение нового человека в старом теле.

— И как мне теперь себя называть? — задумался богатырь. — В принципе, я не против быть Хенгом, но моё местное имя слишком известное, с внешностью проще, она знакома лишь при дворце императора, хотя расслабляться не стоит, помимо дворца меня видело много солдат и чиновников. Значит, надо менять имя и уходить как можно дальше из Поднебесной!

Мужчина поднялся и стал приводить себя в порядок: он замазал кровь землёй, соорудил некое подобие обуви из разодранной рубахи, после чего сориентировался на местности и словно хищный зверь, мягко заскользил вглубь леса.

— Имя... Как же себя назвать? — продолжил размышлять богатырь. — Допустим, Ли. А что?! Имя весьма распространено в Китае. Да, пусть будет Ли Чан. Только вот как замаскировать внешность? С моим ростом это будет сделать непросто. Косу жалко, но лучше избавиться от неё, чем от головы.

Парень перешёл на лёгкий бег, но не мог прибавить скорость, поскольку вместо нормальной обуви его ноги были обмотаны тряпками, а здоровье ещё не пришло в норму.

— Интересно, а какой сейчас год? — продолжил размышлять человек, решивший временно зваться Ли Чан. — Империя Хань существовала где-то в районе лет за двести до нашей эры и продолжала существовать ещё лет сто или двести уже в нашей эре. К сожалению, я не то, что не помню китайских императоров, я о них ничего не читал. Куда двигаться? По-хорошему, надо валить в иные цивилизованные края. Что сейчас из этого есть? Индия? Римская империя? В Японии точно ловить нечего, там сейчас живут дикари, с которыми мне не по пути. Может, всё же Римская империя? Может быть, удастся посмотреть на исторические события?

Парень добежал до ручья, возле которого остановился. Он разделся и стал купаться, смывая с себя грязь и отстирывая от крови одежду. Конечно, полностью отстирать кровь дело очень сложное, но даже так одежда, а точнее тряпьё, в которое она превратилась, стала выглядеть немного лучше.

Судя по виду самозваного Ли Чана, даже столь небольшая пробежка его чрезвычайно утомила. Переборов осторожность, он осознал, что дальше до выздоровления двигаться опасно. Парень решил переночевать прямо у ручья.

Первым делом Хенг установил на растяжках мокрую одежду на просушку. Для ускорения процесса он выломал палку покрепче и ею срезал дёрн, сделав углубление для костра. Затем он потихоньку натаскал веток, из которых соорудил шалаш, потом принёс много хвороста для костра.

Оторвав от рубашки несколько полос ткани, Хенг сплёл из них подобие верёвки, затем наложил разных стружек и пуха в углубление на бревне и соорудил небольшой лук. В тетиве лука он закрепил палочку, конец которой установил над углублением, набитым пухом, затем стал быстро крутить палочку. Вскоре из углубления запахло дымком. Хенг из тлеющего пуха споро развёл костёр, наложил побольше хвороста и отодвинул от костра растяжки с одеждой, чтобы мокрое тряпьё не сгорело.

Дальше Хенг стал раздирать на полосы остатки рубашки и сооружать верёвки. Всего у него вышло сделать две небольших верёвки, в результате чего он остался без верхней половины одежды. Из этих верёвок и подручных материалов он на обнаруженной звериной тропе соорудил пару ловушек, после чего вернулся греться к костру.

Лес был добр к Хенгу. Вскоре у него на ужин оказался запечённый в глине заяц. Мясо было жестковатым, не хватало соли, но мужчина не обращал на такие мелочи внимания. Он наслаждался сочной зайчатинной, утоляя зверский аппетит. Организм требовал строительных материалов. Долгая голодовка, пытки и смертельные раны поглотили все запасные ресурсы тела.

После сытного ужина Хенг уснул прямо на земле. Такой отдых закончился закономерно — всё тело мужчины болело, местами мышцы одеревенели. Но в целом он чувствовал себя довольно сносно для человека, который недавно пережил смерть.

В остатках лохмотьев он отправился в путь через лес. Он понимал, что в таком виде лучше не появятся на людях, поскольку его могут принять за беглого раба. Любой патруль его задержит для выяснения.

В первую очередь Хенг старался убраться как можно дальше от столицы. Затем ему нужны будут деньги. Поэтому он придерживался определенного направления.

Как раздобыть денег Хенг знал. В империи Хань распространены круглые медные монеты с квадратным отверстием по центру. Эти монеты называют учжу (пять чжу) и весят три целых две десятых грамма. Их обычно носят на шее, продевая через центр монет верёвку.

Чеканить монеты имеет право лишь министерство финансов, но так было не всегда. Раньше задолго до рождения Хенга чеканить монеты могли и центральное правительство, и военачальники. Зачастую монеты военачальников были хуже по качеству и меньшего веса, из-за этого император У-ди запретил частную чеканку монет.

Сами монеты с того времени внешне не претерпели особых изменений. У ханьцев до сих пор в ходу монеты, выпущенные при императоре У-ди.

Хенг мог бы сказать, что по случайности ему известно о тайнике с оттисками для чеканки учжу одного из военачальников, но случайностью тут и не пахло. Подвизавшись в дворцовых интригах, он многое знал об аристократии. Лет пять назад он участвовал в подавлении заговора одного из аристократов, который был потомком одного из военачальников при императоре У-ди. Во время операции Хенг прихватил кое-какие ценности, среди которых оказалась припрятанная заготовка для чеканки монет семидесятилетней давности. Светить такой вещью было опасно, поскольку за подделку денег наказание суровое, поэтому Хенг припрятал оттиск, медь и инструменты в одном из схронов в паре дней пешего пути от столицы. Он намеревался после выхода в отставку втайне заняться обогащением, но не сложилось.

Четверо суток он двигался преимущественно лесами от Чанъань (столицы) в сторону небольшого южного городка У, который находится на берегу реки Янцзы. Так долго в пути он пробыл из-за того, что приходилось передвигаться по пересеченной местности и искать пропитание.

Вскоре он нашел знакомый овраг и захоронку.

Следующую неделю Хенг первую половину дня был занят поисками пропитания. Всё остальное время он посвящал чеканке монет. Для этого ему не пришлось строить горн или плавить медь. Клише для чеканки и медь были позаимствованы в одном и том же месте. Аристократ явно собирался заняться чеканкой монет, поэтому медь была уже заготовлена полуфабрикатом в виде прутков.

Простейшая чеканка монет не подразумевает каких-то особых навыков — с ней справится любой человек, руки которого растут из плеч, а не из другого места. От медного прутка зубилом отрубается кусочек. Он кладётся на наковальню в пресс-форму, сверху

накрывается второй половиной пресс-формы и по её центру наносится удар кувалдой.

С помощью формы для чеканки, кувалды и какой-то японской матери Хенг придавал заготовкам вид учжу. Учитывая примитивный способ чеканки и условия, в которых она производилась, немудрено, что качество денег было отвратительным. Именно таким же оно было у военачальников прошлого по тем же причинам. Такие учжу имеют меньшую ценность, тем не менее, их повсюду в империи Хань принимают к оплате.

Когда бывший сотник двинулся в У, он выглядел измождённым, но довольным. Питание подножным кормом и тяжёлый физический труд сильно вымотали мужчину. У него на шее висела связка с парой десятков учжу. Сумма небольшая, более свойственная бедному крестьянину или бродяге, как и оборванный вид Хенга. Основное богатство — тысяча монет — скрывалось под лохмотьями. Монеты были нанизаны на самодельную верёвку и обмотаны вокруг пояса. Это всё, на что хватило небольшого запаса меди. Хенг не ожидал, что ему придётся заниматься чеканкой монет в глухом овраге. Он просто прятал то, что изъяс у аристократа.

Наконец, он выбрался на тракт и свернул в первую попавшуюся деревню. Деревенские жители смотрели на него с опаской, но стоило продемонстрировать монеты на шее, как у крестьян прорезалась доброжелательность.

Из деревни он вышел в простом крестьянском халате серого цвета, с мешочком риса и рисовой лепёшкой. На ногах у него были надеты потрёпанные чёрные туфли из конопляной ткани с квадратными носами и с деревянной подошвой. Это мужская обувь. Женщины носят туфли с острыми носами.

Но главными богатствами Хенг считал лист бумаги, маленький глиняный пузырек с чернилами и небольшой бронзовый нож, которые сумел купить у старосты.

Он вновь скрылся в лесу и занялся очередным преступлением, за которое могут четвертовать и срубить голову — подделкой документов.

За время службы он столько раз пользовался государственной печатью, что знал наизусть её рисунок до миллиметра.

Найдя подходящую древесину, Хенг приступил к вырезанию печати. Дело было крайне кропотливым и без навыков резьбы по дереву нереализуемым. Но Чжао в детстве увлекался резьбой по дереву, делая игрушки для младших братьев и сестёр. Руки быстро вспомнили навык и принялись двигаться в хорошем ритме.

Лишь ближе к вечеру он с радостью в сердце поставил печать на заполненном документе. Десять раз прочитав текст и ещё больше раз осмотрев оттиск печати, он не нашёл к чему придраться. Подорожная на имя Ли Чана имела вполне официальный вид, таких за время службы Хенг выписал тысячи. Даже он сам во время службы не нашёл бы к чему придраться и ни за что не подумал бы, что обычный с виду крестьянин или рабочий-бедняк, каким он сейчас выглядит, сумел бы так ловко подделать официальный документ.

Копыта цокали по улице, ведущей к пристани. Крестьяне поспешно разбегались, увидев грозного всадника на вороном жеребце. К седлу коня были прикреплены мешки, копьё и арбалет с колчаном болтов. На поясе воина в красном кожаном нагруднике с наплечниками висел короткий меч.

Если бы Хань покупал всё это, ему бы не хватило денег. Хорошее оружие стоит очень

дорого. Да и не продал бы никто крестьянину оружие и тем более солдатскую броню. Поэтому он поступил проще и до крайности нагло — из засады напал на отряд из четверых патрульных военных, среди которых был конный десятник. Это были обычные призванные солдаты из крестьян. Десятник наверняка получил своё звание не за выучку, а за знание грамоты. По сравнению с опытным элитным воином эти увальни были никем. А уж если воин заранее подготовил поле битвы...

Хань не имел такого недостатка, как излишнее благородство. Всё же он сам выходец из крестьян, целый сотник императорской гвардии и дитя своего времени. Даже память из жизни Японии будущего не сильно изменила его мировоззрение, скорее, лишь смягчила характер. Поэтому он быстро расстрелял военных из самодельных самострелов в спину, после чего избавился от тел и прихватил их имущество.

Империя большая, когда ещё слухи о пропавших солдатах дойдут до дальних провинций. Сделав себе новые документы, Хенг под видом десятника, который следует в Нижний У по важному поручению, отправился в путь.

Единственное, о чём он жалел, о том, что не сумел прихватить с собой оружие солдат. Десятник с тремя копьями выглядел бы подозрительно. Зато ничто не помешало ему забрать трофейные припасы и деньги.

Нижний У расположен в низовье реки Янцзы в месте её впадения в море. В этом городе расположился огромный порт, откуда отплывают торговые корабли в соседние страны.

Хенг вольготно с важным видом приближался к порту.

— Ого! Неужели это Чжао Хенг?

Хенг обомлел. Обернувшись, он обнаружил сотника в красной, разукрашенной золотым лаком броне. Он сидел в седле коня. Неподалеку от него в проулке стояли вытянутые в струнку дежурные десять солдат, патрулирующих припортовую территорию.

Случилось то, чего Хенг больше всего опасался. У него по спине пробежал табун мурашек. Лицо сотника было до боли знакомым. Такая встреча — это одно из худших, что могло случиться, ведь поддельные бумаги себе Хенг выписал на имя Ли Чана.

— Дружище Сюин, — расплылся в притворной улыбке он. — Давно не виделись.

— Плохи твои дела, Хенг, — ехидно зубоскалил Сюин. — С каких это пор ты из сотников гвардии опустился до рядового десятника?

— Недавно, друг Сюин, — грустно опустил подбородок Хенг. — Благодаря наветам завистников я попал в опалу императора, да осветится его лик. Солнцеликий понизил меня в звании и отправил подальше с глаз своих, выдав длительную посольскую миссию к варварам. Как видишь, теперь я десятник.

— До меня доходили слухи, будто тебя бросили в темницу.

— Было дело, — изображая равнодушие, ответил Хенг.

— Хенг, ты знаешь правила, — продолжал зубоскалить сотник, — я должен посмотреть твои бумаги.

Мурашки, бегающие по спине Хенга, стали размером с носорога. Он пытался придумать, как выкрутиться.

— К чему эти формальности, друг Сюин? Ты же меня прекрасно знаешь. Лучше давай пойдём в лучший трактир, я угощу тебя крепким вином и жареной свининой. А формальности уладим завтра.

Крепкое вино Хизеши назвал бы рисовым самогоном. До перерождения он и не подозревал о том, что в древнем Китае умели делать крепкие алкогольные напитки. Он

полагал, что перегонный куб изобрели в средневековье. Но нет. В империи Хань такое устройство было известно. Более того, самогон, или на местный манер крепкое вино, считался элитным напитком для богачей. Император У-ди ввёл на крепкий алкоголь налог в размере одной уджу за сто миллилитров. Из-за этого литр крепкого вина в трактире стоит целых двадцать уджу. Обычный крестьянин или даже солдат не может себе позволить такие траты. Даже сотнику такие расходы окажутся накладны. Оттого немудрено, что на лице Сюина отобразилась внутренняя борьба.

Плох тот солдат, который не мечтает стать тысячником. Ещё хуже тот воин, который не любит халявы, особенно, халявной выпивки. Если не пьёт, значит, шпион, или враг.

Сюин ещё во время совместной службы на границе завидовал положению Хенга. Теперь же, увидев его рядовым десятником, он хотел над ним поиздеваться. У него и мысли не возникло, что с документами Хенга может быть что-то не в порядке. Просто хотел потрепать ему нервы. Когда на чаше весов оказалась халявная элитная выпивка с дорогой жареной свининой, а на другой издевательства над бывшим сотником, он недолго размышлял.

«Ну, поиздеваюсь я, получу немного удовольствия, — думал он. — И что дальше? Хенг обидится, я немного повеселюсь и останусь трезвым. А тут можно и пожрать мяса, и выпить крепкого вина, и немного поиронизировать над бывшим гвардейским сотником...»

— Твоими устами, да мёд пить, — широко улыбнулся Сюин. — Друг Хенг, пожалуй, я приму твоё предложение. Ты впервые у нас в Нижнем У?

— Угадал, друг Сюин.

— Тогда позволь, я покажу тебе хороший трактир. А вы, — обернулся он к солдатам, — продолжайте патрулирование.

Трактир оказался весьма приличным, наверняка, самым дорогим в городе. Гостей обслуживала молодая симпатичная рабыня.

Глядя на крепкую приземистую фигуру сотника и его прохиндейское лицо, Хенг понял, что самогона понадобится много.

Сюин, совершенно не стесняясь, стал заказывать самые дорогие блюда. Вскоре на столе появился запотевший холодный глиняный кувшин с гранатовым соком, жареная свинина на шпажках, тонкостенный фарфоровый кувшин с литром рисового самогона, фарфоровые чашки и блюдо со сладкими фруктами: персики, гранаты и ягоды личжи.

При виде ягод Хенга бросило в холодный пот. Он помнил недавнюю историю о том, как император пожелал свежих ягод личжи. Гонец загнал двух лошадей, чтобы доставить эти ягоды Светлоликому. Лошадей, которые стоят безумно дорого. Конечно, Нижний У южный город, ягоды раздобыть тут гораздо проще, но всё равно их цена раз в пять выше кувшина с вином. Хенг прикинул в уме, что весь ужин потянет минимум на двести учжу. Годовой подушный налог обычного человека составляет сто двадцать учжу, а купца двести сорок. Это весьма приличная сумма. Бедный крестьянин на эти деньги может жить полгода.

С другой стороны, деньги не важнее жизни. Хенг был уверен, что без головы он не оживёт. На это намекали древние фильмы про бессмертных, просмотренные в бытность японцем. Поэтому, скрепя сердце, он выдавил из себя дружескую улыбку.

— А ты не мелочишься, Сюин.

— Ты же угощаешь, — радостно оскалился сотник. — Уверен, что за время службы при дворце ты успел накопить приличное состояние.

Слова сотника пришлись Хенгу пенопластом по стеклу. Денег он и в самом деле накопил много, купил обширные земли и три сотни рабов-крестьян. Но недавно лишился

всего нажитого честными грабежами и взятками, не считая солидного оклада. Как бы ни было сильно желание вернуть хотя бы часть состояния, Хенг здраво сопоставил риски и даже не дёрнулся в сторону своей недвижимости.

Громкий цокот копыт распугивал пешеходов. Доскакав до причала, взмыленный десятник соскочил с коня и взбежал по трапу на борт однопалубной шестнадцативесельной галеры (по восемь весел с каждой стороны). Галера сзади имела прямоугольную надстройку и для жителя будущего выглядела непривычно. Никаких плавных обводов, она была угловатой и не имела парусов.

Матросы в чёрных штанах и синих рубахах, готовящиеся к отплытию, засмотрелись на богатыря в красном кожаном нагруднике. Пузатый, но при этом крепкий шкипер с козлиной чёрной бородкой протестуяще воскликнул, заметив на борту десятника:

— Эй! Мы договорились с сотником. Проваливай, иначе я пожалуюсь господину Сюиню!

— Отчаливай! — грозно прорычал здоровяк, суя под нос шкиперу меч, с клинка которого на палубу упали красные капли.

— Э-э-э... — шкипер испугался и попытался придумать отмазку, чтобы спровадить солдата с корабля. — Мы плывём в Чжи!

— Так и плывите в Чжи! — пригрозил мечом богатырь.

— Но, господин... — шкипер норовил спровадить солдата, он проследил за его взглядом, и обнаружил погоню. К причалу приближались солдаты-лучники. Тут-то он сообразил, что десятник скрывается от своих сослуживцев, видимо, совершив какое-то преступление. Он нагло ухмыльнулся. — А господину есть, чем заплатить?

— Тысяча учжу! — прорычал воин. — Либо сталь в брюхо! Выбирай, что тебе больше нравится. Но если немедля не отчалишь, то я сам сделаю выбор!

То, как десятник качнул клинком вблизи от шеи шкипера, дало понять морскому волку, что тот не шутит. Шкипер считал, что он неплохо разбирается в людях. Одного взора на мрачное, полное решимости лицо воина намекало на то, что лучше не торговаться.

— Учжу меня устроят, — стараясь не демонстрировать страха, сказал он. — Эй, — окликнул он крепких матросов, — быстро убрать трап! Отдать швартовы и налечь на весла!

Без лишних слов шкипер оттолкнул галеру багром от берега. Весла опустились, заработали гребцы. Галера всё шустрее скользила по морским волнам.

На берегу лучники, выкрикивая угрозы, начали натягивать луки.

— Быстрее гребите, дети порочной любви! — гаркнул на матросов-гребцов шкипер.

Рулевой на корме с натугой ворочал рулевой балкой.

Шкипер считал, что проблем с законом у него не будет. Местный сотник прикормлен. В крайнем случае он скажет ему, что не мог противиться воле десятника, который тем более грозил убийством. Тысяча уджу — большая сумма, даже если её честно разделить с экипажем. Честно — значит половина ему, а половина матросам. Довольно солидный заработок всего за один рейс.

Отлив помог галере быстро удалиться от берега. Лучники хоть и сделали по паре выстрелов, но быстро поняли бесперспективность этого занятия. Их луки не добивали до шустрой небольшой галеры.

Хенг с облегчением вздохнул.

Поняв, что всё в порядке, шкипер направился к неожиданному пассажиру.

— Раз уж ты плывешь с нами, то неплохо было бы познакомиться. Я Чжиган, шкипер из порта Фаньюй. Держу путь в Чжи, где собираюсь поменять сладкие фрукты и крепкое вино на шёлк, мечи и фарфор, которые повезу к варварам в государство Сатавахана.

— Я Ли Чан, десятник нашей доблестной армии.

— Это не моё дело, но раз ты десятник, то почему же тебя преследовали солдаты?

— Это действительно не твоё дело, но я расскажу, — Хенг настроился с вдохновением вешать лапшу на уши. — Я выполняю важное поручение Светлоликого! Он отправил меня с посольством к варварам, так что нам как раз по пути. Но среди аристократов нашлись люди, которые, пользуясь своим положением, хотели воспрепятствовать моей миссии. Дворцовые интриги, они такие, Чжиган! Лучше держаться от них подальше.

Чжиган не считал себя глупым. Сразу он не поверил словам десятника. Хотя его форма, оружие и вид, с каким он держался... Шкиперу казалось, будто перед ним не десятник, а целый тысячник или важный чиновник, привыкший повелевать. Так что сразу такое объяснение он не отверг.

Тут Хенг пустил в дело козыри. Он достал из мешочка на поясе свиток и протянул его шкиперу. Чжиган прочитал бумагу. После этого все его сомнения были развеяны. У него не имелось поводов не верить официального вида документу с печатью военачальника имперской гвардии, должность которого по положению стоит выше обычной армии. По бумаге выходило, что десятник Ли Чан и в самом деле выполняет важное поручение с посольской миссией от военачальника, который подчиняется напрямую императору.

А уж когда из другого мешочка Хенг извлёк пять связок учжу, аж пятьсот монет, и в кошеле явно ещё осталось не меньше, настроение шкипера и вовсе поползло в гору. На оплату после предъявления документа он уже и не надеялся.

— Господин десятник, — залебезил Чжиган, — вас довезти только до Чжи?

— За тысячу монет? — изумлённо приподнял брови Хенг. — Нет, конечно! За кого ты меня принимаешь, за мецената?! Остальные пятьсот учжу получишь по прибытии в Сатавахану.

— Хорошо, господин Ли, — вежливо поклонился шкипер.

Это не совсем то, на что он рассчитывал, но тоже неплохо. Даже за вычетом расходов на кормёжку пассажира прибыль обещала быть неплохой.

Хенг скинул с себя нагрудник и наплечники, подложил доспех под голову и нагло развалился на крыше надстройки трюма. Он бы с радостью спрятался от палящего солнца в самом трюме, но тот был полон. Лежать же в проходе ему не приглянулось.

Волны покачивали галеру, а Хенг припомнил, как всё пошло по одному месту.

Заговаривание зубов сотнику началось замечательно. Он начал спаивать Сюиня, но... Жизнь, как обычно, преподнесла сюрприз. К сотнику с важными бумагами прямо в трактир прибыл посланец. Хенг не особо удивился и не насторожился. Дело-то привычное, и ему, бывало, схожим образом приносили документы домой или в увеселительное заведение. Но... Среди бумаг была ориентировка на беглого тысячника Чжао Хенга.

Всё же Хенг не был лишён любопытства и краем глаза поглядывал на текст. В лице они вместе с Сюинем изменились одновременно. Сотник поднял на Хенга изумлённый взор и схватился за меч, а Хенг зловеще свёл вместе брови.

Стоило Сюиню начать вынимать меч, как Хенг не стал медлить. Он рванул свой меч и

заколол ретивого служаку. Посыльный рванул за стражей, а Чжао подался в бега. Вот такая немудрённая история. Правда, Хенг успел прихватить с трупа сотника кошель и ориентировку на себя, чтобы запутать следы. Это должно было ему помочь выиграть немного времени. По крайней мере, солдаты будут охотиться за неизвестным десятником — убийцей командира и грабителем, а не за опальным сотником, который привлёк недоброе внимание Светлоликого. Обычного убийцу будут искать менее рьяно.

*Личжи — плод размером с небольшую сливу, покрытый твердой тонкой пупырчатой красной оболочкой, под которой скрывается упругая полупрозрачная мякоть с кисловато-сладким вкусом и ароматом розовых лепестков. Личжи широко употребляется в китайской традиционной медицине.

— Ли, ты есть будешь?

Голос шкипера разбудил Хенга. Спросонья он не сразу сообразил, что обращаются к нему.

— Есть? Буду!

— Держи.

Взяв из рук шкипера свою порцию, которую тот достал из белого холщового мешка, Хенг не спешил привередливо корчить лицо. Во дворце он питался хорошо, даже отлично, в прошлой жизни и вовсе пища была великолепной, но в этой жизни ему приходилось и голодать, и есть всякое. Что летает, что ползает — всё съедобно для бывшего ханьского крестьянина.

Развернув тряпицы, он выложил еду на глиняную миску и вернул тряпицы мореплавателю. Всё оказалось не так плохо, как можно было подумать. Из истории прошлой жизни он знал о том, что европейские моряки питались крайне скудно и отвратительно. Варёный рис, который тут же был полит соевым соусом из предложенного шкипером кувшинчика, горсть орехов в меду, твёрдые пресные рисовые лепешки, немного фиников, кусочек тофу и полоска вяленого мяса. Сразу видно, что ханьские моряки не голодают.

Хенг обратил внимание на то, что остальные получили такие же порции аналогичной еды. То есть его не обделили и никак не выделили.

Чжиган залез на помост рядом с Хенгом и достал себе такую же порцию. Во время еды оба молчали. Но после трапезы, запив её водой, шкипер не сдержал интереса:

— Ли, ты не боишься преследования недругами? Я слышал, что дворцовые интриги — это серьёзно.

— Слава бюрократии — нет, не боюсь! Сухопутные и морские военные силы всегда были слегка на ножах. Без бумажки за мной никто не отрядит погоню. Пока солдаты подадут прошение командиру, пока он договорится с флотскими, там и вечер наступит. Ночью никто не станет высылать корабль. А утром... Разве он нас догонит?

— Ну... — шкипер задумался. — Если это будет сорокавесельная галера, то к прибытию в порт, может, и нагонит нас.

— А может и не будет галеры, — прищурился Хенг. — Солдатам проще послать гонца в Чжи. Но гонец не станет загонять лошадь... Я не император, чтобы ради меня лошадей загонять. Мы по морю прибудем в Чжи раньше. Вот скажи, Чжиган, сколько времени вам понадобится на разгрузку, торговлю и погрузку?

— За день управимся.

Хенг прикинул скорости передвижения курьера и галеры. Выходило, что этот день у него есть. В крайнем случае, можно попробовать пересесть на другой корабль.

Плаванье продолжалось пять суток. Моряки старались не отплывать далеко от берега. Земля всегда оставалась в пределах видимости, пусть и вдалеке.

У Хенга было время просчитать ситуацию. Выходило, что если за ним в погоню пустили обычную галеру, то она нагонит его на следующий день после прибытия в порт. Если же в Чжи выслали конного курьера, то он прибудет на место лишь через четыре-пять дней. Последний вариант был более предпочтительным, поскольку к моменту прибытия курьера его уже несколько дней в городе не будет. Но оставалась ещё ориентировка с

описанием его внешности.

За время плавания Хенг поработал над маскировкой — выкупил у шкипера одежду моряка. Распознать бывшего сотника по описанию вряд ли смогли бы, а вот наткнутся на знакомого, как показала практика, вполне возможно. Хотя с его ростом и цветом глаз могут и узнать даже по ориентировке.

Стоило галере отдать швартовы, как Хенг подхватил холщовый мешок с броней и оружием. Перемахнув через борт, он выскочил на пирс.

— Ли, ты куда?

Обернувшись к шкиперу, Хенг одарил его хмурым взглядом.

— Прощвырнусь по городу.

— Мы отплываем завтра утром, не опаздывай.

Кивнув, Хенг пошёл по деревянному настилу пирса. На самом деле он не собирался возвращаться на эту галерею. Рисковать нарваться на погоню не значилось в его планах.

Для жителя будущего старинный порт показался бы отвратительным: запахи тухлой рыбы, громкие голоса матросов, грузчиков и купцов. Тут жизнь кипела. Люди торговали, не отходя от берега.

Хенг вдалеке заметил крупную сорокавесельную галерею с квадратным парусом, представляющим собой множество секций из дощечек, между которых крепились отрезки белой ткани. Это традиционный ханьский парус — стоит очень дорого, оттого его можно встретить лишь на судах богатых купцов и на военных кораблях.

Бывший сотник нагло зашёл на борт галеры. Путь ему перегородил широченный шкипер с огромным пузом и мощной мускулатурой, при этом он был на голову ниже богатыря.

Положив руку на палку, которая висела у него на поясе, он грозно посмотрел на незваного гостя.

— Кто такой? Что ты тут делаешь? А ну пошёл вон, пока я не задал тебе палок!

На галере стоял неприятный запах невымытых потных тел, который исходил от рабов, прикованных к вёслам. Рабы были молодыми мужчинами с чрезмерно развитой мускулатурой. Они сидели и лежали прямо на лавках.

— Заткни пасть, брехливый пёс! — рявкнул Хенг. — Позови владельца корабля, у меня к нему важное дело.

Тяжёлый взгляд сотника и тон привыкшего повелевать человека не обещал ничего хорошего. Шкипер счёл за лучшее позвать купца.

Владелец корабля, выбравшийся из просторного трюма, выглядел недовольным. В отличие от шкипера, он был худым. Дорогой шелковый наряд красного цвета, расшитый золотыми узорами, говорил о состоятельности торговца.

— Кто такой? Что надо? — торговец не церемонился и был груб.

— Я посланник Светлоликого. Куда плывешь?

Хенг протянул купцу бумагу, которую уже продемонстрировал Чжихану. Владелец корабля внимательно прочитал документ, лишь после этого подобрел и заулыбался.

— Господин Чан, я плыву к варварам в царство Сатавахана.

— Пятьсот уджу за то, что я плыву с вами.

— Простите, господин Чан, но я не планировал брать пассажиров.

— Ты смеешь перечить воле Светлоликого?!

Грозно сдвинутые брови на лице Хенга ничуть не смутили купца, а вот изъятый из мешка меч и увиденный внутри нагрудник десятника заставили торговца взбледнуть.

— Нет-нет, что вы, господин Чан. Конечно же, я буду рад, если учёный муж составит мне компанию в пути. Будет, с кем обсудит учение Конфуция. Я только распоряжусь купить дополнительных припасов, и мы сразу же отчалим.

— Вот и славно.

Хенг вложил меч в ножны и закинул его обратно в мешок. Оттуда же он извлёк две связки уджу, которые кинул торговцу.

Купец поймал монеты, но при виде них скривился.

— Старые монеты военачальников, — недовольно пробурчал он. — С вами сплошь убытки, господин Чан...

— Этого должно с лихвой хватить на припасы туда и обратно, так что не надо бурчать, — ухмыльнулся Хенг. — Ты в накладе не останешься.

— Меня зовут Шэнли Ван, пройдёмте за мной, дорогой гость.

— Можешь звать меня просто Ли.

— Тогда и ты зови меня Шэнли. У меня есть отличное вино...

Хенг очнулся с сильной головной болью. Ноги и руки налились непривычной тяжестью. При движении раздался звон цепи.

Продрав глаза, Хенг с изумлением обнаружил себя прикованным к скамье. На руках и ногах кандалы, соединённые между собой цепью. Эта цепь была соединена с другой цепью, горизонтально натянутой вдоль полой балки. Длина цепей достаточная, чтобы лечь. Та из них, которая прикована к кандалам, может скользить по горизонтальной цепи, позволяя перемещаться до борта, чтобы справить нужду.

Рядом на лавке дремал парень лет шестнадцати с огромной мускулатурой. От него разило спертым ядрёным потом и застарелой вонючей жировой грязью давно не мытого человека. Спереди и сзади рабы гребли, а в каждом ряду через одного дремали.

— Попил вина, называется, — тихо пробормотал он.

Раздался звук грузных шагов. В проходе слева от Хенга появился ухмыляющийся шкипер, в правой руке он держал дубинку, которой тут же ударил бывшего сотника по спине.

Боль прострелила спину Хенга. На него накатила ярость. Он вскочил и попытался ударить в ответ, но вместо этого получил серию ударов палкой. Шкипер от души избивал пленника, а Хенг не мог ничего поделать — он не мог дотянуться до обидчика из-за цепей, длины которых не хватало. Единственное, что он мог, сгруппироваться и уводить в сторону самые опасные удары. Лишь когда он избитый и обессиленный рухнул на скамью, шкипер прекратил избиение.

— Пёс, ты хоть понимаешь, на кого поднял руку?! — зло прошипел Хенг.

— На раба! — лицо шкипера перекосила кривая ухмылка.

— Пленить имперского посланника...

Шкипер громко рассмеялся над словами Хенга. сосед-раб Чжао, черноволосый кочевник с большим горбатым носом, проснулся, но продолжил лежать. Он лишь с опаской косился на надсмотрщика.

— Раб, — продолжил шкипер, — ты надеялся нас провести?! Ха-ха-ха! Глупец! Мы опоили тебя и осмотрели вещи.

Рука шкипера нырнула в карман. Он извлёк небольшую деревяшку, в которой Чжоу

опознал свою поддельную печать.

— Вижу, что ты узнал свою вещь, мошенник, — оскалился шкипер. — Занимательная вещичка... За подделку печати сотника тебя ждёт четвертование. А ещё мы проверили твои монеты... Они будто отчеканены вчера, а не семьдесят лет назад...

Это «будто» было сказано с изрядной долей сарказма. Оно и понятно. Если вещи Хенга обыскали, то не могли не найти лекала для чеканки учжу.

Глядя на кислое лицо Хенга, шкипер вновь разразился громовым хохотом на всю галеру.

— Да-да, мы поняли, что ты не только мошенник, но и фальшивомонетчик. Как минимум, на два четвертования в благословенной империи ты заработал! Так что, раб, благодари духов за то, что мы всего лишь посадили тебя на весла, а не сдали властям.

— Надеюсь, ты вскоре сам передашь мою искреннюю благодарность духам при личной встрече, — зло посмотрел на надсмотрщика Хенг, за что получил ещё один удар палкой.

Хенг продолжал сверлить гневным взором довольного шкипера, мысленно желая ему всякого нехорошего, мягко говоря.

Шкипер, насладившись моментом, продолжил расхаживать среди рабов.

Хизеши наверняка впал бы в ступор и в итоге смирился бы с незавидной участью, как и большинство рабов. В море не существует ни полиции, ни прогрессивного законодательства, ни Женевской конвенции. Есть лишь право сильного.

Прежний Хенг готов был умереть, чем стать рабом. Конечно же, прихватив с собой как можно больше врагов.

Новый же Хенг был другим. Он больше ценил жизнь, особенно свою. Он не смирился и затаился. Решил притвориться принявшим свою участь, но искать способы побега и мести.

Вскоре наступила очередь смениться гребцам. Для Хенга начался новый виток ада. Тело болело после избиения, мужчина не умел грести, но это надсмотрщика не волновало. Стоило кому-нибудь допустить малейшую ошибку, как вскоре прилетал болезненный удар палкой. А поскольку одним веслом управляли двое, то и получали оба.

— Чувствуй ритм, — на ломаном ханьском со злостью прошипел сосед. — Дыши в ритме. Двигайся как я. Смотри, учись. Иначе нас так и будут бить. А я не хочу быть битым!

Хенг прислушался к соседу, стал приспособливаться к ритму. Руки болели, мышцы гудели, кандалы, несмотря на тканевые подкладки, натирали, солнце истово палило израненную спину, напекало голову. И хотя верхняя половина тела изнывала от жары, ноги замерзали от воды, которая изредка выплескивалась через борт и оставалась в ногах. От холода ноги сводило судорогой. При этом приходилось ворочать тяжёлым веслом.

Пытка, казалось, никогда не кончится. Когда же подул попутный ветер и матросы развернули парус, шкипер гаркнул:

— Убрать вёсла!

Рабы с радостью затащили весла и распластались на скамьях.

Рабов кормили и поили, но чем?! Вода была слегка подтухшей, хотя галера только вышла из порта. Еда: копчёная рыба и залитый водой разбухший сырой рис. Хоть количество пищи было приемлемым, но радости такое питание не приносило.

Когда ветер сменился, раздался протяжный вздох десятков рабов. Вновь пришлось браться за весла.

Вскоре Хенг натёр на ладонях кровавые мозоли. Кандалы натёрли предплечья и голени.

Дальнейшее плавание было однообразным. Час гребёшь, час отдыхаешь, пока гребут другие. Если повезёт и подует попутный ветер, то отдыхают все рабы. Иногда матросы

кормили и поили гребцов. Изредка кому-то прилетало палкой от шкипера. Чаще всего доставалось Хенгу. И не потому, что он не нравился надсмотрщику, а оттого, что Хенг поначалу допускал много ошибок. Но со временем количество ошибок падало. Боль — лучший учитель.

Трое суток продолжалось плавание. За это время не выдалось ни единого шанса на побег. Это не останавливало Хенга от разработки плана. Он подмечал каждую мелочь в надежде, что она даст шанс на обретение свободы.

Хенг заметил, что его регенерация стала намного лучше, чем до смерти. Он и до этого на здоровье не жаловался. На нём всё заживало, как на собаке. А сейчас он и вовсе исцелился за считанные часы. Но постоянные травмы и сильные физические нагрузки не давали ему почувствовать себя хотя бы приемлемо. Всё время хотелось есть. Боль стала его постоянным спутником, будто он и не покидал пыточной.

Время тянулось подобно резине. Грести, грести и снова грести — вот, что оставалось Хенгу. И с каждым движением весла он всё больше ненавидел экипаж судна. Весь экипаж, начиная с купца и заканчивая матросами. Но больше всего он возненавидел шкипера-надсмотрщика.

Единственными его собеседниками оставались рабы, которые в большинстве были сломлены. Да и собеседники из них так себе. Рабами были варвары, которые, за редким исключением, ханьского языка почти не знали.

Кулхин, тот самый подросток, который соседствовал с Хенгом, среди рабов выделялся крепкой волей.

— Кулхин, ты давно в рабстве? — спросил Хенг во время очередной беседы.

— Пару лет, — он перешёл на шёпот: — Ты бы так сильно не дёргал цепями. Если шкипер заметит, то тебе несдобровать! Сбежать не получится, я пробовал.

— А если выйдет? — совсем тихо спросил Хенг. — Ты со мной?

— Да! Но это бесполезно.

Месяц продолжалось плавание. Часто на ночь галера становилась в дрейф. Пару раз она подходила к берегу, чтобы набрать пресной воды.

Хенг за это время изрядно окреп. Даже на скудной пище его и так могучая мускулатура стала ещё более мощной. Спина и живот бывшего сотника были испещрены шрамами от старых ран. От новых же ран не осталось и следа.

Шторм налетел неожиданно. Грести пришлось всем рабам и много, чтобы добраться до тихой заводи. Устали не только рабы, но и матросы. Ветер шумел очень громко, за ним не было слышно криков рабов и матросов. Палуба скрипела, цепи звенели.

Хенг счёл, что сейчас наилучший момент для побега. Рабы устало свалились спать. Матросы кинули якорь и от проливного ливня спрятались в трюме.

Хенг просунул одно звено цепи, которая соединяла кандалы на руках и ногах, в другое звено, после чего стал с силой скручивать цепь. Он не обращал внимания на боль от кандалов, на потекшую из-под браслетов кровь, игнорировал жуткую усталость. От напряжения мышцы взбугрились. Он размеренно дышал, словно упорный спортсмен на тренировке в спортзале. На лбу и поверхности мышц взбухли жилы. Сталь заскрипела. Ещё немного, ещё чуть-чуть... после очередного особо сильного рывка цепь лопнула в районе щиколоток.

Он медленно поднялся и, стараясь не греметь цепью, покрался по проходу. Цепь он намотал на руки.

Некоторые рабы не спали, они заметили Хенга, но смотрели на него с сочувствием или безразличием, словно на мертвеца. Но был среди них один взор полный надежды. Кулхин молился духам предков, чтобы у его напарника получилось убить всех рабовладельцев.

Ещё немного, и он бы достиг надстройки трюма, но внезапно дверь распахнулась. Сквозь пелену дождя в темноте можно было лишь различить контуры фигуры. По объёмному животу Хенг опознал того, кого ненавидел от всего сердца.

Шкипер прищурился, пытаясь понять, кто перед ним стоит. Хенг набросил на его шею цепь и рванул на себя. В движении он развернул шкипера к себе спиной и ногой захлопнул дверь. Он натянул цепь и уперся коленом в спину надсмотрщика. Шкипер захрипел от нехватки воздуха. Он пытался дотянуться пальцами до Хенга, пытался оттянуть цепь от шеи, но тщетно. Хенг продолжал душить врага.

Шкипер сипел, теряя силы. Он долго сопротивлялся, но нехватка воздуха дала о себе знать. Он рухнул на колени, ещё громче захрипел и стал конвульсивно дёргаться. Хенг убрал цепь лишь в тот миг, когда полностью убедился в смерти шкипера.

Быстрый обыск позволил обнаружить небольшой стальной нож и палку. Естественно, никаких ключей от кандалов предусмотрено не было, поскольку они были заклёпаны. Единственный способ их снять без вреда здоровью — срубить клёпки.

В трюме Хенг спускаться не спешил. Там сейчас находятся семь матросов и купец. Жадный торговец экономил каждый уджу: минимально допустимый экипаж для галеры, дешёвая рабская сила. Бывший сотник надеялся, что это сыграет ему на руку. Вот только сражаться в замкнутом пространстве сразу с восемью противниками опасно даже для элитного воина.

Хизеши в такой ситуации растерялся бы. Да он в любой ситуации растерялся бы. Он был совершенно не приспособлен для жизни. Вот если бы у него был интернет и компьютер... Но до их изобретения ещё как минимум пара тысячелетий. Зато Чжао был прекрасно приспособлен для современной жизни и заточен для сражений. Он дотащил труп шкипера до борта, раздел и выбросил за борт. После чего решил ждать, когда кто-нибудь появится на палубе.

Рабы просыпались от криков «коллег». Они кричали:

— Освободи нас!

— Эй! Мы поможем!

Но как бы Хенг их освободил? Опять рвать жилы, чтобы порвать одну цепь? Кроме трофейного ножа у него не было подходящих инструментов. Лучше сэкономить силы и попробовать справиться самому, чем потратить много времени и сил впустую и упустить момент.

Ждать пришлось относительно недолго, по прикидкам не более десяти минут. Матросы даже через шторм слышали крики разозлившихся на Хенга рабов.

Дверь отворилась. На мокрую палубу под дождь выбрался один матрос, затем второй. Ни один из них не заметил прижавшегося к стене Хенга.

Резкий рывок, и его нож вошёл в подбородок крайнего матроса. Второй обернулся, но не успел даже воскликнуть, как получил могучий удар кулаком с намотанной на него цепью. Удар пришёлся прямо в висок и сразу же наповал убил. На доски палубы рухнули уже мертвецы. Один удар — мертвый противник. Так учили гвардейцев Светоликого. Хенг был хорошим учеником. Плохие давно полегли на поле боя.

Добыча с моряков была не очень богатой: хлопковая одежда и плетёная обувь на

деревянной подошве. Но туфли уже были на ногах Хенга — у шкипера они по качеству были лучше и даже подошли по размеру.

Ещё два обнаженных тела с небольшим интервалом отправились за борт.

Дальше всё пошло не по плану. Хотя и плана особого не было, скорее, ожидания, что моряки будут появляться по одному-два. Но нет. Что-то заподозрив после того, как трое не вернулись снаружи, на борт повалили все остальные матросы. Они были вооружены ножами и палками. Только они не учли, что у Хенга есть преимущество. Проход узкий, пройти в него можно только по одному, а матросы поднимались снизу вверх. Тот, кто наверху, зачастую находится в выигрышном положении.

Первый моряк, оказавшись на палубе, получил сокрушительный удар в висок кулаком с намотанной на него цепью. Второй шедший через дверной проём был насажен на нож.

Товарищ, поднимающийся по крутым ступеням позади, попытался дотянуться ножом до Хенга, но тщетно. Его уже там не было.

Завладев ещё парей ножей, Хенг почувствовал себя более уверенно.

Из трюма послышалась отборная ругань и крики.

— Рабы бунтуют!

— Рабы освободились!

Из нутра корабля купец дрогнувшим голосом воскликнул:

— Вперёд, дети собак! Все рабы не могли освободиться. Там их максимум пара. Быстрее подавите бунт!

— Луки! Нам нужны луки!

— Ну, так возьмите луки! — раздражённо рыкнул торговец.

Освобождая проход, матрос стал затаскивать внутрь тело более неудачливого товарища, тело которого загородило проход на палубу. Дождь и тьма мешали обзору изнутри, но не снаружи. Свечи пусть и плохо, но освещали трюм, а на улице царила крошечная тьма, а как известно, человеческим глазам сложно приспособиться видеть что-то в темноте из освещённого места. Поэтому матрос, который тащил тело товарища, стал прекрасной мишенью — Хенг метнул в него один из ножей. Несмотря на отвратительную балансировку и на то, что нож не был предназначен для метания, он чётко вошёл в шею матроса. Тот с жуткими хрипами завалился внутрь.

«Минус шесть, — подумал Хенг. — Осталось трое».

Это число было более оптимистичным, чем девять. Со всей шайкой разом он бы не совладал, а вот с тремя, да имея пару ножей... Шансы на победу выросли соразмерно с выбывающими противниками.

Сквозь шум дождя он услышал звуки натягиваемой тетивы. Казалось, что в такой погоде невозможно услышать нечто подобное, но человеческие уши слышат многое, просто за громкими звуками очень сложно вычленить более тихие. Но тренированный воин способен распознать некоторые звуки, которые представляют опасность.

Не давая матросам шансов, Хенг резким рывком приблизился к двери и прыгнул в проём. Ещё в полёте он метнул один из ножей, а, приземлившись на спружинившие ноги, он перехватил последний нож в правую руку.

Хенг с удовлетворением отметил, что нож вошёл в плоть врага напротив сердца. Матрос рухнул на подкошенных ногах, заливая кровью пол.

Оставшийся в живых моряк держал в руке бесполезный лук с наложенной на него стрелой. Он с ужасом взглянул на окровавленного Хенга.

Моряк резко поднял лук и направил стрелу в сторону раба.

Хенг прыгнул на моряка.левой рукой он отвёл в сторону лук.Щелкнула тетива и стрела отправилась в короткий полет.Её наконечник воткнулся в стену.Матрос получил смертоносный удар ножом в подбородок.

Радоваться было рано.Купец не первый день в море.Он хладнокровно ждал, когда противник окажется в неудобном положении.Он счёл этот момент отличным для нападения.Чёрной тенью он выскочил из правого бокового проёма каюты.В руках он держал меч Хенга.

Сам же Хенг действительно был в невыгодном положении.Нож застрял.Тело матроса рухнуло, оставляя бывшему сотнику выбор: сковать себя, удерживая труп, либо же отпустить нож.Он выбрал последнее, только всеми силами толкнув мёртвого матроса в сторону купца.

У торговца ушло мгновение, чтобы оттолкнуть в сторону летящего на него мертвеца.Этого хватило Хенгу, чтобы размотать цепь и послать её в голову противника.

Купец ловко отбил цепь в сторону мечом.Это было плохо, поскольку по движениям было видно, что тот знает, с какой стороны держаться за меч.

Ещё хуже то, что Хенг не успел отдернуть цепь на себя.Купец наступил на неё и махнул мечом, целясь в шею сотнику.Хенг быстро присел, пропуская над головой смертоносную сталь, после чего он обеими руками схватился за цепь и резко дернул её на себя.Торговец на миг потерял равновесие.Хенг не стал терять времени на вставание.В бою вооруженных мечом и цепью почти всегда победит первый.Держа место битвы под контролем, Хенг на подсознательном уровне отмечал разные мелочи.Сейчас в сидячем положении он мог дотянуться до рассыпанных по полу стрел, что он и проделал, правой рукой схватив стрелу.

Купец хищно скалился, жертва казалась ему уже неопасной, меч в руке придавал ему уверенности.Сократив расстояние, он рубанул сверху вниз.Холодная сталь должна была разрубить голову Хенга напополам, но она со звоном столкнулась с левым браслетом кандалов, которым воин скользящим движением отвёл смертельный удар в сторону.И хотя смерть прошла мимо, но без ран не обошлось.Его левое предплечье получило серьёзную рану, мышцы оказались перерублены до кости, оттуда обильно лилась кровь.

Миг лицо купца выражало хищную радость, но за следующее мгновение выражение сменилось на страх со смесью неверия.Его глаза испуганно выпучились.Медленно, будто двигаясь в замедленной съёмке, он поднёс руку к животу.Потрогав его, он поднял ладонь.Она была в крови.

Опустив глаза вниз, торговец обнаружил стрелу, на которую его насадил воин, будто энтомолог бабочку.

Хенг перехватил свой меч из ослабевшей руки купца.Занеся руку для удара острой сталью, он пафосно произнёс на неизвестном доселе языке:

— Асталависта бейби!

Голова купца полетела с плеч с застывшим на лице выражением ужаса и изумления.

Пнув голову врага, Хенг устало опёрся спиной о стену.

— Я же говорил, что вы сами будете общаться с духами предков... А вы не верили!

После устранения экипажа галеры Хенг развил бурную деятельность. В первую очередь он оказал себе медицинскую помощь. Затем нашёл в каюте молоток и зубило, которые передал рабам. Те сами себя освободили. Как же этих инструментов не хватало до этого. Тогда можно было бы организовать массовое освобождение рабов и полноценный бунт, в котором шансы на победу были бы куда выше. Но ни один идиот не будет хранить столь ценные и опасные инструменты на палубе в пределах доступности рабов.

Дальше было сложнее. Освобождённые рабы начали выяснять отношения, хотели бежать на берег. Тут Хенгу пришлось воспользоваться добрым словом и мечом, а в таком случае, как известно, люди воспринимают информацию намного лучше. Даже с одной рукой он ловко управлялся с мечом. Привыкший повелевать людьми сотник быстро установил на галере свою диктатуру. Где угрозами, где посулами части добычи и лучшей жизни в другой стране он уговорил бывших рабов продолжить путь в Индию.

Единственная проблема заключалась в том, что никто из них не разбирался в судоходстве и не знал куда плыть. С последним Хенг разобрался. Он по памяти прошлой жизни воспроизвёл карту мира. Наиболее точно он помнил карту Японии и соседствующей Азии. Естественно, до идеальной точности там было далеко, но даже так карта была превосходной для этого времени. А плыть, держа в поле зрения берег, не так уж и сложно.

Первую неделю было тяжело. Пока новый экипаж разобрался с рулём и парусами, галера преодолела едва триста километров. Зато потом теперь уже свободные люди сами с энтузиазмом садились на весла, когда не было попутного ветра. Средняя скорость держалась в районе шести-семи узлов. За световой день судно успевало преодолеть около ста двадцати — ста сорока километров.

Ещё через три недели галера прибыла в крупнейший порт Сатаваханы под названием Вишакхапатнам.

Там Хенгу удалось распродать весь товар и продать галеру. Деньги были поделены честно: половину забрал Хенг, а половину раздал экипажу. Правда, не все бывшие рабы были довольны таким дележом. Но после пары бузотёров, отправленных к духам предков, недовольных не осталось. Тем более, доля мертвецов была поделена между остальными.

С Хенгом остались всего семеро человек. Точнее, хотели остаться многие бывшие рабы, но сотнику они были не нужны. Он выбрал лишь несломленных духом и успевших стать преданными ему людей, среди которых оказался мальчишка, с которым он сидел за одним веслом. Кулхин оказался самым преданным Хенгу, он его чуть ли не боготворил. Он сам был готов убить недовольных своим господином.

Зря в империи Хань всех остальных считают варварами. Экономическая система Сатаваханы была хорошо организована и систематизирована. Сельское хозяйство, промышленность и торговля довольно развиты для этого времени.

Как и во всех современных странах, сельское хозяйство было основным занятием большей части местного населения. Земля принадлежала как частным лицам, так и государству.

Питание здешних людей не сильно отличалось от ханьского. На рынке продавали рис различных сортов, крупы, кунжут, шафран, бобовые, пшеницу, льняное семя, сахар и горчицу. Кроме того, имелся большой выбор овощей и фруктов.

В городе-порту имелись различные ремесленники, такие как плотник, гончар, кузнец, парикмахер, канатщик, мойщик и прочие.

В отличие от Поднебесной, где власть имела строгую вертикаль, а все рабочие либо были сами по себе, либо чьими-то крестьянами и рабами, тут в основе угла стояли гильдии. Они определяли правила работы и контролировали качество готового продукта и его цены, чтобы защитить как ремесленников, так и покупателей. Споры членов гильдии разрешаются через суд гильдии.

Гильдии также выполняют функции банкиров, финансистов и попечителей. У каждой из гильдий есть особая категория купцов, выполняющих банковские функции. Местные зовут их четтис. Процентные ставки у них, конечно, высоковаты, от двенадцати до пятнадцати процентов годовых. Но это же практически банки!

Всех спутников Хенга поразили порт. К нему шли хорошо спроектированные дороги, да и сам город прорезали качественные дороги. Архитектура на высоте. Красивые каменные храмы, подпираемые колоннами. Каменные дворцы богачей. Даже глиняные хижинки бедняков располагались по строгому плану и не выглядели уродливо.

Уджу тут были не в ходу, хотя их можно было по невыгодному курсу поменять у тех же четтис. Что Хенг и сделал. Помимо своих монет он недрогнувшей рукой отправил на обмен и трофейные уджу.

Ещё одним отличием было то, что местные использовали свинцовые, серебряные и золотые монеты. Первые и вторые откатывались, словно монеты ханьских военачальников. На круглых свинцовых деньгах изображён слон. Серебряная монета имела квадратную форму, на ней была изображена корова. Золотая монета большая и круглая, идеальной чеканки. Она имела самый большой номинал и была вся расписана какими-то надписями на санскрите, в котором Хенг полный ноль. Что уж говорить о степняках с северных границ Империи Хань.

Индийцы неплохо владели математикой. Их монеты считать одно удовольствие. В одной серебряной десять свинцовых. В одной золотой десять серебряных. Итого золотой можно разменять на сотню свинцовых. А золотых у Хенга после продажи имущества купца было много. Но продал он не всё. Часть шелка и всё оружие он прихватил с собой.

Трофейное оружие пошло на вооружение его семерых спутников: луки, ножи, дубинки и копья. Мечей, к сожалению, на галере не нашлось. Свой клинок он в счёт не брал. Да и не умели степняки пользоваться мечами. Зато луки, копья и ножи им как родные. Конечно, это не элитные ханьские гвардейцы, даже на солдат регулярной армии не тянут, но по меркам степи воинами они были неплохими. Если подучить, так и вовсе станут хорошими бойцами.

Помимо их преданности в пользу выбора именно семи спутников сыграло роль количество оружия на галере. Его хватило всего на восьмерых. Сам Хенг тоже прибрахлился копьём, ножом, луком и дорогим кинжалом, найденным в каюте купца.

Тащить же с собой бесполезный балласт с дурным нравом Хенг не собирался. Он был на девяносто процентов уверен, что бывшие рабы долго на свободе богатыми не проживут. Их либо ограбят, либо облапошат, либо они всё спустят на ерунду вроде дам лёгкого нрава, алкоголя и азартных игр. Но забирать или не отдавать честно заработанные деньги он даже не думал, хотя мог. Эти люди помогли ему добраться до Индии, они достойны шанса на лучшую жизнь. Возможно, кому-то из семидесяти степняков повезёт обрести лучшую долю. К тому же, Хенг всегда старался держать своё слово. Он обещал награду, и выдал её. Не заплатить — крысиный поступок. Это как если бы работодатель не выплачивал зарплату рабочему,

мотивируя это тем, что его сотрудник потратит деньги не туда. Не его дело, кто и как распорядится деньгами.

Рана на руке Хенга, нанесённая мечом, зажила рекордно быстро. А вот шрам сходил долго. Спустя месяц плавания всё ещё оставалась узкая белая полоска, будто рана была нанесена лет десять назад.

Найти в порту толмача, который знает ханьский, оказалось несложно. Нанять его на работу тоже дело пустяковое. Имея сопровождающего, который хорошо знает город и местный язык, гости с востока быстро сориентировались.

На первое время они остановились в трактире. А уже на следующий день Хенг купил дом, который принадлежал разорившемуся купцу. Просторные двухэтажные каменные хоромы стоили, как половина галеры. Несмотря на удар по бюджету, денег у Хенга осталось прилично.

Следующие полгода Чжао усиленно гонял своих людей по методикам боевых тренировок гвардейцев. Он обучал их владению мечом, копьём и секретному бою без оружия.

В дом была нанята прислуга из местных.

Все иноземцы в ускоренных темпах изучали местный язык, а Хенг ещё учил письменность. Для этого ему пришлось разориться на дорогие книги с сутрами.

Читая сутры, он поражался распушенности местных нравов. Конечно, в бытность Хизеши он слышал о Камасутре и даже читал её, но в современном варианте будущего, из которого были убраны некоторые вещи. Например, для привлечения приглянувшейся невесты там рекомендовалось предложить девочке куклу или заманить её лепестками роз, после чего древний автор предлагал обесчестить её, не оставив родителям шанса на отказ. Вот только возраст невесты... Восемь лет! Именно такой пример приводился в книге. Даже для Хенга это стало шоком. У них невест раньше двенадцати замуж не выдают. Раньше девушка женщиной чисто физиологически стать не может.

Для пополнения бюджета Хенг построил небольшую кузню, купил меди у кузнеца и научил Кулхина чеканке. Появившийся приличный запас уджу был обменян на местные монеты. Подделка денег ничуть не смущала сотника. Его пугало лишь наказание, если кто-то прознает об этом. Поэтому всё проводилось в строгой секретности от слуг и остальных подчинённых.

В принципе, при экономии Хенгу хватило бы денег лет на десять приличной жизни в окружении охраны и слуг, но он считал, что так нельзя. Нужно зарабатывать деньги, даже если кажется, будто их много.

Часто поддельные уджу лучше не продавать, иначе есть шанс раскрыться. Так что этот способ добычи средств оставался на крайний случай.

Хенг принялся размышлять о способах заработка. Наилучшим вариантом являлись инвестиции. Единственный способ инвестиций этого времени — покупка земли, лучше всего с крестьянами.

Был ещё вариант заняться торговлей, но он отбросил его.

В итоге на девять десятых имеющихся средств была куплена деревня с прилегающей землёй и людьми. Всего несколько десятков гектаров и полсотни человек, ерунда по меркам брахманов, но даже так это открыло для Хенга вход в элиту местного общества касты вайшьи.

Для увеличения прибыли нужно было повысить эффективность земледелия. Для этого

Хенг ввёл ряд инноваций. Воспользовавшись деревенской кузницей и помощью кузнеца, он «изобрёл» тяжёлый плуг со стальным отвалом, не просто подрезающий, но и переворачивающий верхние пласты земли. Создал «инновационную» модель топора, более удобного для рубки деревьев. А ещё он начертил макет четырёхколесной телеги с поворотным дышлом. До этого повсеместно использовались двухколёсные телеги. А четырёхколёсные могли ехать только прямо с учётом двух впряженных волов. Для поворота такой телеге требуется большой радиус и ровная поверхность. Обычную деревенскую телегу с меньшими передними колёсами и поворотным дышлом может тащить одна лошадь. Она крайне манёвренная, по сравнению с местными телегами. Эта телега даёт ускорение передвижения грузов с меньшими затратами.

Там свинцовую монету сэкономил, тут другую, увеличил в два раза урожайность, ввёл систему треполья — на выходе приличное увеличение доходности. В итоге, деревушка на пятьдесят человек начала приносить доход, как деревня с сотней крестьян в три раза большими посевными площадями.

Через год, когда было завершено строительство хозяйского дома, он продал дом в Вишакхапатнаме и на вырученные с продажи средства купил ещё одну ближайшую деревушку. Хенг вместе со слугами и стражей, в которую превратились бывшие рабы, переехал в сельский дом.

В один мерзкий день сезона дождей, когда ливень лил стеной, в кабинет Хенга постучались. Но перед этим почувствовал нечто. Его словно что-то разом толкнуло изнутри, будто ударило разрядом тока.

Его кабинет был оформлен в стиле конца девятнадцатого или начала двадцатого века: резная лакированная деревянная мебель, мягкий диванчик с тканевой обивкой, уютное мягкое кресло с подлокотниками и масляные светильники.

— Войдите.

— Господин, — склонилась симпатичная темнокожая служанка, её густые чёрные волосы были стянуты косынкой, а оранжевое сари не скрывало ладной фигуры. — Простите, что посмела беспокоить вас. У ворот поместья стоит бродячий брахман. Он просит крова.

Брахманы играют важную роль в этой стране. Они служат духовными наставниками в семьях большинства каст высшего или среднего статуса. Брахманы в большей мере, чем остальные варны, придерживаются занятий и профессий, которые предусматриваются их варной.

Варна — это четыре касты местного общества. Брахманы — самая старшая варна, куда входят жрецы, учёные, подвижники. Кшатрии — вторая варна, состоящая из влиятельных воинов, из кшатриев обычно избирали царей. Вайшьи — земледельцы, ремесленники, торговцы. Шудры — слуги, наёмные рабочие.

Убийство брахмана — одно из самых тягчайших преступлений.

Конечно, бродячие брахманы, то есть жрецы-йоги, считаются самыми низшими из их касты. С ними побрезгует находиться рядом любой иной брахман. Их считают бездельниками все, даже ничтожные шудры. Тем не менее, совсем голодными они не остаются, всё же жрецы. А богов у местных много. Наиболее распространенной является вера в Будду, при этом никто не запрещает молиться другим индусским богам.

За время жизни в Индии Хенг был наслышан о чудесах, которые творят жрецы. Всяким храмовым жрецам он ни на уджу не верил, а вот об удивительных способностях йогов даже при жизни Хизеши он многое слышал. Ему стало интересно посмотреть на настоящего йога.

— Пригласи брахмана в дом, — сказал он. — Дай ему умыться и сухую одежду. Накройте стол и пригласите гостя к столу. Я хочу поговорить с ним.

— Как прикажет господин.

Служанка изрядно удивилась желанию Хенга, но не посмела высказать своего изумления. Чтобы вайшьи-земледелец, да ел за одним столом с бродячим жрецом... Это что-то из разряда невозможного. А вот желание видеть гостя чистым ей было понятно. С момента начала работы в этом доме она ещё удивлялась помешанности господина на чистоте. Он заставлял всех мыться минимум раз в день, перед каждым приёмом пищи мыть руки, а при входе в дом омывть ноги, и называл это гигиеной. Не дай боги появиться на глаза господину грязным и вонючим — наказания не избежать. Господин и сам придерживался этих правил. А ещё он заставлял кипятить питьевую воду и брать воду для питья лишь из колодца, а не как это делали все — из реки.

Долго удивление у служанки не продержалось. В очередной раз она списала странности на иноземное происхождение господина. Несмотря на это, Кири приняла близко к сердцу рассказ хозяина о злых духах, которые живут в грязи и сырой воде. Эти духи, говорил он, вызывают у людей болезни. А также он ненавидел кровососущих насекомых. Поэтому заставлял кипятить своё постельное бельё и всех мужчин в поместье принуждал бриться налысо.

Когда Хенг спустился в столовую в своём нарядном шёлковом костюме, брахман уже сидел за столом в чистой белой ткани, обернутой на манер жрецов вокруг плеч и талии, оставляя лишь голыми живот, спину, босые ноги ниже колен и руки от плеч.

Брахман был темнокожим, черноволосым и изрядно худым. На вид ему можно было дать около пятидесяти лет, о чём говорили морщины на лице и лёгкая седина в волосах.

— Здоровья вам, господин, — низко склонился бродячий жрец.

— Приветствую, — обозначил кивок подбородком Хенг, продемонстрировав небывалое уважение к низшему из касты брахманов. — Прошу за стол, присаживайся, будь моим гостем.

Стол был накрыт различными яствами: рис-карри, жареная птица, фрукты и овощной салат. От такого обилия глаза жреца разбежались. Было заметно, что он долго голодал, но при этом ел неспешно и понемногу.

После еды наступило время беседы.

— Как тебя зовут, движда (дважды рожденный, то есть прошедший посвящение и получивший священный шнур)?

— Родители нарекли меня Махендра.

— Махендра, я слышал, что йоги владеют мистическими техниками. Это так?

— Ничего мистического, добрый господин. Йога-сутры, которые я практикую, позволяют человеку стать ближе к богу. Это цель жреца. Упражнения же лишь позволяют приблизить самадхи*.

— Но йоги могут делать то, на что неспособны обычные люди?

— После длительных упражнений и медитаций, господин, йог открывает в себе сиддхи**. Я овладел парачиттаджняна, оттого вижу ваше желание раскрыть в себе сиддхи.

— Парачиттаджняна?! — нахмурился Хенг. — Ты научился читать мысли?

— Да, господин. Не скажу, что это даётся просто. Люди мыслят грязно. Тем спокойнее мне находится рядом с дважды рождённым.

— Ты и это понял? — ещё сильнее сдвинулись брови Хенга.

— Вы пробудили память души, — оставался спокойным жрец, — этого многие брахманы добиваются на протяжении всей своей жизни, но почти ни у кого не получается. У вас же всё неправильно. Не познав учения, уже стать движду...

— Махендра, я бы хотел учиться у тебя.

Глаза жреца хитро блеснули.

— Господин хотел бы открыть в себе сиддхи, но не прийти к самадхи...

— Даже если так, — Хенг пытался скрыть прущее из него раздражение, его нервировало то, что сидящий напротив него мужчина может читать его мысли. Отчего-то он в этом совершенно не сомневался.

— Не стоит волноваться, я стану обучать тебя, — хитро улыбнулся Махендра.

— Но почему? — Хенг позволил удивлению вырваться наружу. — Ты же сам сказал, что мне нужны лишь сиддхи.

— У каждого человека свой путь, — с невозмутимым видом философа продолжил жрец. — Во многих людях говорят низменные желания. Но в итоге, уверен, ты всё равно придёшь к пути самадхи.

После того странного разговора Махендра остался жить в поместье Хенга. Он стал его духовным наставником, передавая мудрость. Упражнения йоги, медитации и специальные голодания стали постоянными спутниками бывшего сотника. Единственной странностью было то, что стоило им разойтись на отдалённое расстояние, как при приближении к жрецу Чжао ощущал толчок по всему телу. Этой загадке он так и не нашёл объяснения, а Махендра загадочно улыбался и всегда отвечал, что так одни движду ощущают других дважды рождённых.

Хорошо быть землевладельцем, можно не думать о хлебе насущном. Есть охрана, крестьяне приносят доход. Свободного времени вагон и маленькая тележка.

Хенга мучала скука. Он в бытность Хизеши привык к неограниченному спектру развлечений, который предоставлял интернет. Он привык к огромному потоку информации. А будучи японцем, ещё и был заядлым трудоголиком. Он не мог сидеть без дела.

Отбросив мысли о прогрессорстве, как несвоевременные, он тратил свободное время, как мог. Поэтому отдался познанию йоги с полной отдачей.

Махендра хоть и позиционировал себя в качестве аскетичного бродячего жреца, но жить в одном месте, иметь крышу над головой и стабильное трёхразовое питание ему нравилось больше, чем бродить меж сёл и городов под палящими лучами солнца и дождями. Он руками и ногами ухватился за возможность жить в комфорте. Иной вайшьи его ни за что не пустил бы на порог хозяйского дома. Тут же наивный иностранец, который дал невероятную возможность не только не отвлекаться от пути к самадхи на разные бытовые мелочи, но и дал толчок вперёд на этом поприще. Ведь человек, уча других, больше узнаёт о своём деле, чем из обычной практики.

В общем, оба остались довольны и каждый считал, что урвал свой выигрышный шанс.

Четырнадцать лет продолжалась размеренная жизнь Хенга полная практики йоги.

Деревни приносили стабильный доход. Деньги копились и вкладывались в покупку новых земель. В итоге у Хенга к этому моменту набралось пять деревень с общей численностью населения около пятисот человек.

Когда у кого-то дела идут хорошо, неизбежно появляются завистники. На выскочку-иностранца точили зуб многие соседи-землевладельцы. Они находили разные поводы для ненависти, например, неподобающее его касте занятие йогой, множество странностей, не поклонение индусским богам. Но пока шла война с династией Канва, которая тридцать пять лет назад захватила власть в соседнем королевстве Мадха и хотела ещё и завоевать власть в Сатавахане, никто из брахманов ни смел и пикнуть. В военное время суд короткий.

Но вот Сатаваханы победили и вынудили представителей династии Канва подчиниться, признав себя вассалами.

С долгой войны с богатой добычей домой вернулись воины-кшатрии. Но не всем воинам так повезло. У многих не было за душой ни свинцовой монеты. Провинциальное болото всколыхнулось. Соседи-брахманы сговорились с нищими кшатриями о нападении на иноземца под прикрытием того, будто он иностранный шпион. В их планах было произвести захват земель соседа, после чего их планировалось поделить. Для этого следовало захватить Хенга в плен и принудить подписать бумаги о передаче собственности. В будущем это назвали бы рейдерским захватом. На крайний случай Хенга планировали убить, а документы подделать. Убить его собирались в любом случае. Мертвый не предъявит претензий, так они считали.

Ночью Хенг был разбужен дурным предчувствием. Особых успехов на пути раскрытия сиддхов он не добился, но старый йог уверял, что передал ему все знания. Осталось лишь тренироваться, медитировать на чакры, и когда-нибудь Хенг пробудит сверхспособности. Может, это будет через год, возможно, через десять лет, а при малом усердии возможно и через века. Последнее, правда, жрец говорил шутливым тоном и при этом хитро шурился. В такие моменты Хенг старался отгородить мысли о том, что он прожил на свете уже более полувека, при этом выглядит на тридцать лет и ощущает себя соответственно, то есть молодым, здоровым и полным сил. А всё потому, что первое, чему научился Хенг — скрывать свои мысли. Часто йог мог прочесть поверхностные мысли ученика, но Хенг никогда не думал о своих самых сокровенных тайнах. Он научился контролировать своё сознание, как люди учатся контролировать речь.

Хенг не отмахнулся от своих ощущений. Он понял — это оно, зачатки сиддхи. Ощущение опасности, которое передаётся через ясновидение или интуицию.

Тут же он поднял тревогу. Его небольшое воинство, следуя примеру господина, спешно вооружалось.

В отличие от Хенга, бывших рабов время не щадило. Кулхину, самому молодому из охранников, сейчас тридцать два года. А самому старому охраннику недавно стукнуло пятьдесят. По нынешним временам старик, который на удивление слуг всё ещё довольно силен и бодр благодаря гимнастике из рукопашного боя ханьских гвардейцев.

Предчувствия не подвели Хенга. Нападение! Причём до крайности наглое. К поместью приближался отряд из сорока воинов.

Дом Хенга не был предназначен для обороны. Местность в самой глубине страны, тут безопасно... по крайней мере, было. Крестьяне не бунтуют, поскольку живут относительно неплохо. Тут не принято было строить укрепленные поместья. Дом был огорожен невысокой изгородью больше предназначенной обозначить территорию хозяйского дома.

Отряд вторжения шёл вразвалочку прямо по центральной дороге от ворот, возле которых валялся труп садовника. Видимо, этого шудру убили, чтобы он не поднял тревоги.

Выйдя на шаг вперёд впереди отряда, Хенг громко воскликнул:

— Что вам понадобилось у меня дома?

Не то, чтобы мотивы кшатриев были непонятны, просто он хотел выяснить — это чья-то личная инициатива или официальная группа. Это ничего не решало, поскольку обороняться Хенг собирался в любом случае. Но почему бы не потянуть время и не выяснить важную информацию?

Один из воинов в кожаном нагруднике, в котором Хенг опознал одного из соседей-землевладельцев из касты брахманов, криво ухмыльнулся и произнёс:

— Мерзкий иноземец, ты пришёл на нашу землю и смеешь портить её своим присутствием. Сдавайся, иначе мы вас вырежем, как цыплят!

— Тебе нужно прочистить уши, Амар! Зачем вы пришли на мою землю и убили моего шудру?

— Конечно же, чтобы вернуть землю истинным владельцам! — криво усмехнулся Амар. — Если ты добровольно подпишешь бумаги, то мы оставим жизнь тебе и твоим людям.

Хенг понял, что Амар врёт. Эти люди пришли убивать. Они не собирались сохранять жизнь никому, разве что за исключением шудр. Зато стало ясно, что это не инициатива власти. Местные брахманы и кшатрии решили поживиться за счёт успешного иноземца.

— Уходите или ваши тела останутся кормить червей!

Воины противника громко захохотали.

— Жалкий иноземец, — через губу с презрением выдал Амар, — ты слепец, если не видишь наше превосходство! Нас тут сорок воинов, а вас всего восемь, из которых шестеро старики!

— Каждый мой старик стоит пяти твоих шакалов, которых ты смеешь гордо называть воинами! Так что это вы в меньшинстве.

— Убейте всех! — приказал Амар. — А этого шудру плените!

Стоило воинам противника двинуться вперёд, как Хенг завёл руку назад и подал сигнал своим охранникам.

Готовые к бою бывшие рабы быстро извлекли из-за спин небольшие деревянные арбалеты.

Это были чо-ко-ну, стандартные ханьские скорострельные арбалеты с деревянным коробом, который вмещает десять болтов. В этом арбалете действия по натяжению тетивы, укладке болта и спуску тетивы производятся одним движением руки. Благодаря устанавливаемым на оружие магазинам с болтами многозарядный арбалет позволяет значительно увеличить темп стрельбы (примерно десять болтов за пятнадцать секунд) по сравнению с обычным арбалетом.

Для стрельбы арбалетчику необходимо лишь постоянно переводить подвижную рукоять из переднего положения в заднее (вперед-назад). Механизм сам подхватывает стрелы, опускающиеся из коробчатого магазина под действием силы тяжести, а когда стрелок притягивает рукоять в крайнее положение «на себя» — срабатывает автоспуск.

Мощность чо-ко-ну слишком слабая для дальней стрельбы. Прицелиться можно максимум на десять метров. Но отравленные наконечники болтов позволяли даже слабое ранение превратить в смертельное.

Первый же совместный залп вынес весь передний ряд атакующих. Они несильно пострадали, но раны и неожиданность слегка замедлили наступление. Промаяхнуться на расстоянии семи метров было практически невозможно. Заминка позволила воинам Хенга сделать ещё один выстрел. Ещё семь солдат противника получили слабые раны. Но они считай уже мертвецы.

Разозлившись кшатрии резко рванули вперёд. Они быстро сократили небольшое расстояние. Охранники Хенга, понимая, что не успеют ещё раз выстрелить, отбросили арбалеты в сторону и схватились за копья.

Кшатрии же полагались лишь на гибкие сабли. Видимо, они ожидали лёгкой прогулки, поэтому даже не взяли луков и копий. Это сыграло на руку обороняющимся. Копьё втрое длиннее сабли, оттого в первоначальной стычке оно эффективнее.

Отравленные и раненные воины начали терять силы, их опередили кшатрии из задних рядов, которые оббежали товарищей со сторон, затаптывая клумбы с цветами. Они-то и были насажены на копья. Шестеро противников тут же с хрипами и криками, заливая землю кровью, отправились на встречу с предками.

Вынимать копья из ран не было времени. Хенг схватился за меч и с грозным рыком рванул вперёд. Он уже не обращал внимания на схватки охранников, лишь краями глаз старался держать своих воинов в поле зрения, чтобы не допустить окружения.

Нападающие были опытными воинами. Они ловко сражались саблями, уклонялись от ударов и грамотно теснили охрану Хенга.

На Хенга напирала сразу два кшатрия. Реакция мужчины была чисто автоматической: инстинктивно он ударил по ближайшему противнику. Клинок просвистел по воздуху и отрубил протянутую руку с зажатой в ней саблей. Сжимая рукоять оружия, отрубленная рука упала на землю. Из мускулистого обрубка брызнул фонтан крови.

Наклонившись, сотник пропустил клинок второго кшатрия над головой. Его лысину обдало ветерком, сталь просвистела в считанных сантиметрах над черепушкой.

Ответный выпад насадил противника на клинок. Ударом правой ноги он отбросил в сторону смертельно раненного противника, освобождая меч из тисков плоти и пробитого насквозь кожаного нагрудника.

Взмахом меча он снёс голову противника, который мгновением раньше лишился кисти. Его голова слетела с плеч. Из шеи брызнул фонтан крови.

Видя это, противники рассвирепели. К Хенгу устремились сразу три кшатрия.

Уголками глаз Хенг успел заметить, что его охранники гибли один за другим. Они имели отличную подготовку, но без опыта реальных боёв та была неполноценной. Оттого и гибли. Но всё же успевали ранить или убить по одному противнику.

Лишь Кулхин чудом продолжал сражаться, хотя и успел получить несколько несущественных ран.

К счастью, яд с наконечников болтов стал собирать свою жатву. Раненные кшатрии стали с хрипами валиться на землю.

Тринадцать кшатриев теперь сражались против всего двоих: Хенга и Кулхина. К счастью, трое из них были серьёзно ранены и старались не лезть в бой, а сам Амар трусливо держался позади воинов. Но даже такое соотношение — плохой расклад. Хотя гораздо лучше, чем воевать с сорока бойцами.

Хенг дико отскочил от наседающих противников и занёс клинок для мощного удара, описав широкую дугу. Удар обрушился на бок кшатрия, который неосторожно открылся,

наступая с правого бока. Рёбра треснули, как гнилые ветви, и пока ещё живой мертвец с громким воплем рухнул на цветочную клумбу, обильно орошая жёлтые цветы алой кровью.

Кшатрии на миг отступили. Хрипло переводя дыхание, Хенг стал спиной к спине к Кулхину. Они заняли круговую оборону.

Воспользовавшись моментом, пока кшатрии осторожничали, Хенг левой рукой рванул из пояса тяжёлый прямой нож и метнул в ближайшего противника. С хрипом тот схватился за горло, из которого торчала рукоять ножа, и повалился на землю.

Обозлённые кшатрии кружили вокруг парочки потных, тяжело дышащих противников. Они выкрикивали грязные ругательства в их адрес, окружали и медленно сокращали расстояние.

Кулхин и Хенг медленно-медленно кружили на небольшом пятачке твёрдой утоптанной земли. Кшатрии наскakивали на них по двое-трое. Пока паре удавалось отражать атаки, но они почти каждый раз получали небольшие раны.

Во время очередного наскока Кулхин не сумел отразить один удар и упал с саблей в бок.

Кровавая пелена застелила глаза Хенга. Всё его естество переполнила животная ярость. Он грозно зарычал и рванул вперёд, грозно выкрикивая боевой клич:

— БАНЗАЙ!

Широко размахнувшись, он ударил рослого воина по голове. Ловкий солдат пригнулся, и вновь сотнику пришлось поспешно отступить. Сразу трое кинулись на него с разных сторон, но он опять рванул вперёд. Наконец, меч с глухим стуком грянул о защитный тюрбан, который высоко возвышался над головой рослого соперника. Тюрбан был непростым, в него были вплетены стальные пластины для защиты. Второй удар сорвал тюрбан с головы и вонзился в череп, раскроив его на треть.

Сразу два удара пришлись на красный лакированный нагрудник ханьского воина. Броня спасла Хенга от смертельных ранений, но не смогла полностью защитить. Две глубоких раны на спине снизили мобильность воина.

Бой продолжался. Хенг крутился подобно юле, отбивая удары со всех сторон.

Каким бы умелым, ловким и сильным он ни был, шестеро на одного — это слишком много. Тем более, противники сами оказались умелыми воинами, а Хенг терял силы из-за ран.

— Банзай!

С грозным боевым кличем он вновь наскочил на противника. Со звоном отбив вражеский клинок, он отрубил ему руку по локоть. Предплечье с саблей устремилось к земле, а противник, получив серьёзную травму, с воплем выскочил из круга товарищей назад.

Краем глаза Хенг уловил движение в просвете. Хлопнула тетива, а через мгновение он ощутил укол в правое предплечье.

Амар, пока кшатрии сражались, подобрал один из ханьских арбалетов. Выждав удачное мгновение, он подстрелил Хенга.

Хенг, понимая, что отравлен и вскоре умрет, больше не экономил сил. Подобно берсерку он с налитыми кровью глазами набросился на противников. Принимая удары телом и получая небольшие и не очень раны, он рубил кшатриев. Вокруг Хенга стала расти стена трупов. Вот пал один враг от раны в сердце. Затем второй лишился головы.

В сердца оставшихся троих соперников вселился животный ужас. Но вот Хенг совершил

ошибку, споткнулся и упал. В тот же миг его сердце пронзил клинок. Затем ещё один клинок распорол живот. Ещё один болт впился в левое бедро. Третья сабля распорола мышцы левого плеча. Клинок остановила лишь кость.

Тьма затопила сознание сотника.

*Самадхи — умиротворённое сверхсознательное состояние блаженного осознания своей истинной природы.

**Сиддхи — сверхъестественные силы, возможности, развитые благодаря духовным практикам; способность творить чудеса.

Ноздри забивало едким дымом с вонью палёной кожи. Резко открыв глаза, Хенг закашлялся. Он почувствовал жаркое пламя, обжигающее его кожу. Всё вокруг заполонили густые облака дыма.

В попытке вырваться из пожара он обнаружил под собой груды тел. Он свалился с этой горячей кучи.

Оглушённый и шокированный сотник не сразу сообразил, что происходит. Толпа до крайности изумлённых людей в белых одеждах, стоящая вокруг огромного погребального костра с кучей тел, позволила Хенгу сложить два плюс два. Его чуть окончательно не угробили местной погребальной процедурой.

Среди провожающих покойных Хенг обнаружил испуганно выпучившего глаза Амара.

— К-ха! Что, не ожидал?! — зло оскалился Хенг.

— Демон! — попятился Амар.

Наплевав на слабость и боль от обширных ожогов и едва заживших ран, ханец резко сорвался с места. Мощный удар в кадык бросил хрипящего Амара на землю. Удар стопой в висок отправил его на встречу индусским богам.

В толпе испуганно заверещали женщины. От страха завопили мужчины-шудру.

— Живой мертвец!

— Бегите!

— Он пришел за нашими жизнями!

— Демон убил брахмана Амара! А-а-а!!!

С воплями ужаса народ начал разбегаться кто куда.

С Амаром было два воина. Они единственные, кто не побежали, а схватились за сабли. Но пока шудру металась в панике, воины никак не могли вырваться из толпы.

Хенг воспользовался замешательством, рванул из ножен Амара саблю. Его лицо скривилось от злобы. Эти воины были из тех, которые напали на его поместье.

Он замахнулся саблей. Но воин сумел отбить удар. Но тут же ему прилетел удар ногой в пах. И пока тот сложился пополам от боли, клинок снёс ему голову.

Второй воин атаковал Хенга. Но сотник ушёл в сторону, затем атаковал сам. Началась яростная дуэль. Сабли свистели, на лице кшатрия при виде озлобленного Хенга проступил животный ужас. Он изо всех сил сражался за свою жизнь.

— БАНЗАЙ!

Боевой клич на миг ошеломил кшатрия, чем не преминул воспользоваться Хенг. Удар сбоку рассёк бедро противника. Отскок, отвод клинка врага в сторону, и Хенг рубанул по кисти кшатрия. Рука, сжимающая саблю, полетела к земле. Из культи с толчками сердца вырывалась кровь.

Расплывшись в хищной улыбке, Хенг сказал:

— Асталависта бейби!

Свист стали, и голова кшатрия, как была с тюрбаном на голове, покатила по земле.

Собрав оружие и деньги, Хенг поспешил покинуть место погребальной церемонии. Он не сомневался, что вскоре перепуганные шудру схватятся за дубины и вернутся большой толпой добивать «ожившего мертвеца». Ну его нафиг! Против обезумевшей толпы никакое воинское мастерство не спасёт.

Бредя окольными путями к своему поместью, Хенг размышлял над тем, как быть дальше. Местные точно не позволят оставаться рядом с собой тому, кого считают зомби или демоном. Даже если удастся доказать, что он не зомби, убийство брахмана на глазах толпы свидетелей ему никто не простит. Нужно бежать подальше от этих мест, но не бросать же всё, что нажито честным трудом.

«Интересно, — подумал он, — а куда делся этот прохиндей йог? Я его в ночь нападения не видел. В то, что он предатель, не верится. А вот предвидеть неприятности, как и Хенг, он вполне мог. Тогда, скорее всего, он сбежал».

Старая служанка прибиралась в гостиной, когда услышала, как открывается дверь. Обернувшись посмотреть, кто зашёл в дом, она обомлела. Её смуглая кожа моментально стала белее мела.

На пороге стоял ОН! Господин, душа которого в данный момент должна была освободиться от тела на погребальном костре. Израненный, замотанный в погребальный саван забрызганный свежей кровью, с саблями в каждой руке.

— Г-г-г-осподин?!

— Шейла, — как ни в чем ни бывало слегка обозначил кивок Хенг, показывая, что заметил внимание служанки. — Что-то не так?

— В-вы же м-мертвый!

— Слухи о моей смерти излишне преувеличены.

— Но, г-г-осподин, на вас окровавленный саван...

— Да?! — невозмутимо протянул он. — Бывает. К сожалению, проснувшись, я не обнаружил своих одежд...

Служанка и вовсе посерела, казалось, сердце в её груди бьётся подобно соловью в клетке.

— Но-о... Господин, вы же сейчас должны быть на погребальном костре!

— Мне там не понравилось: дымно, жарко, толпа врагов кругом... Дома лучше. Итак, не стой столбом, лентяйка! Всё бы вам языком почесать, лишь бы не работать. Распорядись наполнить мне ванную и приготовить одежду.

— Ванную... — словно замороженная пробормотал Шейла.

— Да, ванную. Ну, знаешь, ёмкость, в которую наливают воду для купания.

— Конечно, господин, — насмерть перепуганная служанка рванула прочь из гостиной, но на середине пути застыла и медленно обернулась назад. — Прошу милости, господин, но в доме не осталось слуг, кроме старой Шейлы. Брахман Амар увёл из дома всех шудру, лишь меня оставил приглядывать за домом.

— Ладно, — тяжело вздохнул Хенг. — Планы меняются. Сам помоюсь у колодца. Тогда тащи мне одежду.

— Эм...

— Что? — вздернул брови Хенг. — Шейла, не мнись, как девственница перед супружеским ложем!

— Прошу простить, господин, но вашей одежды тоже нет, — поникла головой служанка.

Хенг прикрыл глаза, переложил сабли в левую руку и устало потёр переносицу правой.

— Позволь догадаться, Амар забрал мою одежду?

Увидев, как Шейла закивала, он грустно продолжил:

— Не стоит сомневаться, что деньги и ценности «гости» тоже прихватили?

— Простите, господин, — ещё ниже опустились плечи служанки.

— А еда? — с надеждой посмотрел на Шейлу сотник. — Хотя бы еда в доме осталась?

— Да, есть немного.

— Тогда, пока я моюсь, найди мне хотя бы чистый отрез ткани и приготовь еды.

Сказать, что Хенг был зол, всё равно, что промолчать. Он был в ярости. Но это не была жаркая ярость, как во время битвы. Это было холодное чувство, требующее мести и возмещения как материального, так и морального.

После омовения ледяной колодезной водой старая дрожащая служанка протянула Хенгу чистый отрез белой ткани. Он обмотался ею на манер тоги.

Поев, Хенг соорудил из куска кожи подобие пояса, на который повесил обе сабли, после чего выдвинулся к поместью Амара. Пришлось идти пешком, избегая дороги и людных мест. К сожалению, «гости» забрали всю живность, в том числе и коней. Вообще, они знатно прибарахлились, в доме осталась лишь самая тяжёлая и габаритная мебель. Всё мало-мальски ценное они забрали. Но одну сумку, пару глиняных плошек, плохонький бронзовый нож и немного припасов в дорогу найти удалось.

Так и отправился в путь сотник: тога, с обеих сторон на поясе висят сабли, через правое плечо перекинута полупустая сумка.

Обогнув по большой петле поля, Хенг нырнул в джунгли. В отличие от крестьян, которых заросли и их обитатели пугают до жути, он не боялся леса. Но и той уверенности, с которой по джунглям передвигаются егеря, в нём не было. И всё же выживать в лесах он умел, как и любой ханьский гвардеец.

Вскоре Хенг отловил несколько ядовитых змей. В местных джунглях их водилось бесчисленное множество, частенько они выползали к людям. От змеиных укусов в год гибло множество шудру, особенно страдали маленькие дети, которые ещё не научились бояться змей.

В мире найдется немного мест, где ползучие гады чувствуют себя так привольно, как в Сатавахане. Здесь змей почитают за священных, они окружены уважением и заботой. В их честь возведены храмы. Часто возле дорог, водоёмов и деревень можно встретить высеченные из камня изображения рептилий.

Культ змеи в этой стране насчитывает более трёх тысяч лет.

Согласно древним верованиям индусов, опорой Вселенной служат многочисленные головы змея Шешы, который лежит на водах Мирового океана, а на ложе из его колец отдыхает хранитель жизни Вишну. В конце каждого космического дня, который равен двум миллиардам ста шестидесяти миллионам земных лет, огнедышащие пасти Шешы уничтожают миры, а творец Брахма затем отстраивает их заново.

Ещё одного могущественного змея, семиголового Васуки, бог-разрушитель Шива постоянно носит на себе в качестве священного шнура. С помощью Васуки боги добывали напиток бессмертия под названием амриту.

Шеша и Васуки — цари нагов. Наги по местным поверьям — полубожественные существа со змеиными туловищами и одной или несколькими человеческими головами. Обитают наги в подземном царстве — в Патале. Его столица — Бхогавати — обнесена стеной из драгоценных камней и пользуется славой самого богатого города в четырнадцати мирах, составляющих, по легенде, основу мироздания.

Но Хенгу было плевать. Он доставал из широких штанин дубликатом бесценного груза кое-что, и клал это на священность ползучих гадов. Он их ловил и доил их яд, после чего

выкидывал на волю подальше от себя. Так он набрал достаточно яда.

Затем он срубил бамбук и сделал из него духовую трубку. Из стебля бамбука он нарезал тонких и длинных деревянных игл.

Пошерудив в паре заброшенных птичьих гнезд, он набрал пуха и перьев. С помощью них и нитки, которую вытянул из тоги, он соорудил несколько десятков игл для духовой трубки.

Всё это он проделывал буквально в дороге. Самые трудоёмкие задачи он совершал во время привалов, а вытачивать бронзовым ножом иглы или делать дротики можно и на ходу.

К ночи, когда Хенг добрался до обнесенного каменной стеной поместья Амара, он был готов к мести. Этот брахман забрал всё, что было ему ценным. А он заберёт за это виру. Семь друзей, семь старых соратников, которые были ему верны, но отправились на встречу к духам предков. Военская честь требовала забрать не меньшую кровавую виру. Одна «кровавая монета» была уплачена: жизнь самого Амара. Жизни двух его воинов он не считал — тем он мстил отдельно. Осталось не меньше шести «монет».

Хизеши был бы против. Он бы вопил о жестокости и несправедливости, но Хенг больше не был рафинированным японцем из будущего. Хотя он и так считал себя излишне мягким. Раньше, до первой смерти, он бы за такое вырезал всех родных Амара до седьмого колена. Но память прошлой жизни смягчила его нрав.

Ночью он скинул приметную белую тогу и весь с головы до пят вымазался в черной грязи. Сумка с дротиками была тоже измазана грязью. В одной руке сабля, в другой духовая трубка. Подобно шиноби он скользил в ночи. Вскоре он бесшумно преодолел стену. Двое сторожей слегли в конвульсиях раньше, чем успели понять, что такое их «ужалило». Отравленная стрелка, впиваясь в открытый участок кожи, оставляла там ядрёную концентрацию змеиного яда и опадала на землю. Найти её в темноте без освещения было сложно. А со светом факела проще себя ослепить, чем обнаружить что-то маленькое под ногами. Повсюду много всяких жалящих насекомых, поэтому болезненный «укус» хоть и вызывал у воинов, охраняющих поместье, раздражение и злость, но не воспалил сильных подозрений. А зря.

Токсин яда блокирует мускульные сокращения, что вызывает паралич дыхательной мускулатуры, остановку дыхания и смерть. Его силы и объёма при попадании в шею (куда целился сотник) хватает, чтобы вызвать смерть в течение пятнадцати минут. А поскольку яд быстро проникает в мозг, то паралич быстро охватывает всё тело.

Избавившись от охраны, Хенг пробрался в дом. Там он использовал яд змеи Эфу и тонкую деревянную иглу для его введения. Тихо пробираясь по дому, он заглядывал в комнаты и иногда посылал из духовой трубки дротик с ядом змеи Эфу. Её яд обладает обезболивающим свойством. Спящий человек зачастую не чувствует укуса этой коварной змеи, а в данном случае укола дротика. В итоге наутро человек не просыпается. Он убивал лишь сыновей Амара, коих было трое. Все они были уже взрослыми, хотя и жили в родительском доме.

Дочерей и жён он не трогал. Им и так придётся несладко, ведь власть в руках мужчин. Местные женщины бесправные. Вдова обречена на вечные скитания подобно прокаженной. Дочерям не достанется ни капли богатства отца. Эти муки Хенг счёл более жестокими, чем смерть во сне. Оттого он сам себе зачел весь кровный долг исполненным. Но женщин и слуг он не оставил как есть. Все они получили дротики со снотворным эффектом.

В итоге ни один человек в поместье не мешал Хенгу всю ночь производить обыск.

Он стащил всё золото, серебро и украшения, собрал все монеты вплоть до свинцовых.

Рулоны с шелком, резные фигуры из полудрагоценных камней, драгоценные камни, бронзовые ложки, стальные ножи, наконечники копий и стрел, сабли и мечи. Были там и целые стрелы с болтами, ханьские арбалеты из его поместья и несколько луков. Не забыл он и о провизии для долгого похода для себя и корма для лошадей.

Десять лошадей он нагрузил баулами с добычей. Помимо возврата своих ценностей он прихватил вдвое больше сокровищ Амара.

Вести вереницу груженных лошадей в одиночку очень сложно, особенно по предрассветным джунглям. Но не жадность, а жажда справедливости гнала Хенга вперёд. Оставляя семье врага хоть какие-то ценности он не собирался.

В путь он отправился сильно усталым, ведь долго не спал, зато чистым и в своей походной одежде из натурального хлопка. На поясе висел его верный меч, трофей с далёкой родины.

Одно радовало Хенга — его раны почти зажили. Осталось множество свежих шрамов, но они со временем сойдут, он был в этом уверен. С ним вновь останутся лишь старые шрамы, полученные им до первой гибели, как это уже не раз бывало.

С десятью конями в десять раз больше проблем, чем с одним. Их всех нужно стреножить, разгрузить, обтереть, накормить, напоить. Если есть поляна с сочной травой, то поесть они могут сами, но это не уменьшает иных забот. К этому прибавлялась защита животных от хищников, паразитов и змей, расчистка пути от зарослей, ведь через джунгли не так просто пробираться.

С другой стороны, на себе Хенг ни за что не унёс бы настолько много груза.

Двигался он медленно, но большой запас провианта подобное позволял.

Через пару суток Хенг почувствовал неладное. Предчувствия кричали о приближении неприятностей. Единственное, что он мог предположить — по его следам пустили погоню. Убийство брахмана — непростительное преступление. Но его могли искать и не из-за этого. Скорее всего, искали не совсем его, а вора, который ограбил дом брахмана и убил аж троих представителей знати. Десять лошадей оставляли отчётливый след в джунглях. Целая просека, прорубленная саблями.

Сотнику вспомнился один старый фильм. Боевик-ужастик, просмотренный в прошлой жизни. Там солдат боролся с опасным инопланетянином с помощью охотничьих ловушек. Он решил принять на вооружение эту тактику.

Набредя на удобную поляну и стреножив коней, Хенг отправился обратно по своим следам. Шёл он, можно сказать, налегке. С собой взял лишь лук, несколько арбалетов и по колчану стрел и болтов к ним. Плюс моток веревки, нож, топор и саблю.

Остаток дня сотник натужно трудился. Рубил брёвна, точил колья, копал, натягивал веревки, ветки и деревца. Маскировал ловушки, устанавливал самострелы.

К вечеру он взмок и сильно устал. Во время установки очередной ловушки он уловил изменение в фоне леса. Внезапно вдали зашумели обезьяны. Он помнил эту стаю хвостатых приматов. Когда сам проходил мимо, обезьяны шумели аналогично.

Бросив недоделанную ловушку, он вооружился и тихим скользящим шагом двинулся через джунгли к одной из приготовленных лёжек.

Лёжа в засаде на поваленном стволе дерева в стороне от тропы, Хенг размышлял о том,

что ему сильно не хватает бинокля, а лучше тепловизора. Ещё снайперской винтовки или хотя бы автомата, а в идеале боевого робота. Но всё это из разряда несбыточных мечтаний.

Грустно вздохнув, он натянул тетиву на лук, выложил в ряд пять стрел и отложил лук в сторону. Наступила очередь чо-ко-ну. Десять болтов с отравленными наконечниками легли в магазин, движением рычага тетива была взведена, а нижний болт занял место в ложе. Дальше пошла в дело хитрость ханьских гвардейцев — одиннадцатый болт занял место в слегка опустевшем магазине.

Издали Хенг заметил пеший отряд из двадцати двух человек. Выглядели они не лучшим образом. Усталые и слегка потрёпанные. Их тела были мокрыми от пота. Сразу было заметно, что передвигаться по джунглям — это не их призвание, но и совсем профанами они не были, по крайней мере, среди них затесалась пара следопытов.

Хенг радовался, что не одному ему приходится тяжело. Сильная влажность, днём жарко, ночью холодно, в воздухе насекомые, в воде пиявки, на земле змеи и хищники, вай-фая нет и не будет ближайшие пару тысяч лет.

Кшатрии были облачены в длинные хлопковые рубахи и сандалии. Их ноги ниже колен были голыми, а пальцы на ногах сбиты о лесной ландшафт. Из вооружения маленький щит, сабля на поясе и у некоторых простой лук, перекинутый наискось через плечо. Проводников можно было запросто отличить от воинов, у них из оружия были длинные ножи и луки, а на ногах брюки и туфли. А ещё, в отличие от воинов, у них на головах не было тюрбанов. К счастью, стрелкового оружия оказалось немного, лишь у каждого пятого кшатрия имелись лук и стрелы.

Хенг затаил дыхание. Отряд приближался к первой ловушке.

Проводники не заметили замаскированной ловушки и прошли мимо по прорубленному в джунглях коридору. За ними шли кшатрии. Один, второй, третий.

Хенг взмок от напряжения. Ни один из людей не наступил на ветку-активатор. Он взмолился духам, чтобы, наконец, кто-нибудь наступил уже на эту чёртову ветку! Видимо, его молитвы оказались услышаны.

Четвёртый воин, следовавший за парой проводников, шёл, держась правой стороны, он-то и наступил на ветку. Раздался предательский хруст. Кшатрий замер и взглянул вниз. Услышав сверху шорох, он задрал голову. В тот же миг головы задрали его соседи по цепочке спереди и сзади. Их глаза расширились от ужаса, огромное бревно, утыканное заостренными кольями, летело сверху.

— А-а-а!!!

Джунгли огласил пронзительный вопль кшатрия, который столь неосмотрительно наступил на замаскированную ветку-активатор. Его тело пронзило сразу тремя кольями и сверху придавило тяжелым бревном.

Третьему в цепочке кшатрию колом распорол правую руку и ударом бревна отбросило в сторону.

Пятому воину не повезло так же, как впереди идущему. Колья не причинили ему вреда, а вот конец бревна упал ему прямо на голову и размозжил её.

Тут Хенг открыл стрельбу из лука. Для маломощного арбалета было слишком далеко. Он очень быстро выпустил пять стрел. Когда первая стрела пронзила первого проводника, пятая уже слетела с тетивы в воздух.

Воины были не пальцем деланные, они сразу сообразили, что на них напали, и приготовились к бою — бросили на землю походные баулы с провизией и достали щиты и

сабли, а четверо вооружились луками, поскольку пятый лучник был ранен.

— Он там!

Палец одного из кшатриев показывал напрямик в сторону Хенга. Четверо лучников тут же наложили стрелы на тетиву. Крики раненых товарищей на миг отвлекли их. Пока войны на мгновение обернулись и обнаружили, что ещё трое воинов и проводник подстрелены, Хенг успел схватить чо-ко-ну и, пригнувшись, поспешно покинул засвеченную позицию. Он отступал к следующей лежке.

Один из проводников, которому предназначалась одна из пяти стрел, чудом умудрился выжить. Каким-то звериным чутьем он почувствовал опасность и упал на землю. Стрела просвистела мимо на высоте его торса и воткнулась в дерево.

Лучники разозлились и стали осыпая стрелами всю местность в направлении, в котором был замечен враг. Вот только они лишь бесцельно тратили стрелы, ни одна не попала в сотника.

Сердце в груди Хенга билось подобно молоту по наковальне. Адреналин зашкаливал, натруженные и усталые мышцы натужно скрипели, но выдавали свой максимум. В душе он ликовал. Избавиться разом сразу от семи врагов он не ожидал даже при самой большой удаче. Точно убиты четверо, а трое под вопросом. Но раненые даже лучше. Они сильно задержат перемещение преследователей. Правда, и столь большого отряда он тоже не ожидал. И вот беда — теперь войны будут настороже. Вряд ли они попадутся в столь примитивную ловушку повторно. Но партизанскую тактику никто не отменял. В данных условиях она наилучшая.

Злые от накопившейся звериной ярости кшатрии рванули в погоню за беглецом. Лишь трое из них остались оказывать помощь раненым. Среди преследователей оказались все лучники и семеро воинов с саблями и щитами.

Выкрикивая угрозы и ругательства, они пёрли напролом через джунгли.

Внезапно один из них, бегущий вторым за самым быстроногим воином, зацепился ногой за верёвку. Он не успел удивиться, как услышал в кустах слева и справа щелчки тетивы.

— ЛОВУШКА! — во всю глотку завопил он, падая на землю.

Его товарищи успели среагировать, отскакивая в стороны или падая плашмя. Но один из них думал, что, пробежав вперёд, он будет в большей безопасности. Это был тот, кто следовал по пятам за воином, зацепившим верёвку. Ему-то в грудь и прилетел отравленный болт из самострела-ловушки. Второй такой же болт пролетел мимо, никого не задев.

Схватившись за живот, из которого торчал болт, раненый дико завопил от боли.

— Раджив! — с воплем бросился к нему обеспокоенный товарищ, из-за которого сработала ловушка. Он схватил его за плечи и посмотрел в наполненные болью глаза. — Раджив, нет! Я спасу тебя. погоди, не уходи в круг сансары! Я вытащу стрелу.

Первый из преследователей, командир отряда, прекратил свой забег, проявив повышенную осторожность.

— Этот лес может быть напичкан ловушками, — громко сказал он. — Будьте осторожней и внимательней. Идём. Пракаш, помоги Радживу.

Пракаш и так пытался оказать первую помощь раненому, потому лишь молча кивнул и продолжил разрезать ножом окровавленную ткань вокруг раны.

Уже не столь резво, с подозрением зыркая по сторонам, отряд из девяти кшатриев продолжил преследование.

Они шли довольно долго и по пути обнаружили ещё одну ловушку, которую обогнули по дуге. На берегу широкого ручья они потеряли следы беглеца. Отряд разделился. Трое переправились через ручей и стали удаляться от него в поисках следов. Трое отправились вверх по течению, а оставшаяся троица вниз.

Вскоре отряды скрылись из поля зрения друг друга. Троица, которая шла вниз по течению, миновала небольшой холмик. Стоило им удалиться примерно на десять метров от него, внезапно позади отряда из земли приоткрылся Люк из бамбука, с которого посыпалась листва. В щели показался чо-ко-ну.

Щелчок арбалетной тетивы заставил всех воинов резко обернуться назад, но один из них вскрикнул. Из спины у него торчал короткий арбалетный болт. Он рухнул на колени, спину заливала кровью. Руками он попытался достать болт из раны.

Привлекая внимание товарищей громкими криками, два кшатрия с саблями наголо понеслись в сторону холма.

— Он тут!

— К нам, скорее! Мы его наш...

Хлопок тетивы совпал с криком этого кшатрия. Захлебываясь кровью, с хрипами он рухнул на колени. Сабля и щит выпали из ослабевших рук. Он обеими руками схватился за болт, который торчал из горла.

Последний воин почти успел добежать до лежки, но, услышав щелчок тетивы, он резко отскочил в сторону и перекатился через плечо. Когда же он поднялся на ноги, то обнаружил, что люк над небольшой ямой-лежкой полностью распахнут и рядом в полный рост стоит его противник с саблей в руке.

Кшатрий рванул в сторону сотника.

Хенг оскалился. Он резко вскинул левую руку и с неё сорвался в полёт метательный нож. Кшатрий чудом сумел взмахом сабли отбить нож, но следом за этим ему в голову прилетел удар сабли Хенга, который резким прыжком сократил расстояние.

Оставив тела врагов, хрипло дышащий сотник собрал трофейное оружие и поспешил подальше убраться с места битвы, к которому спешили два отряда подмоги.

Сотник спешил, как мог. Он возвращался в сторону первой засады.

Оба отряда преследователей пришли к месту бойни третьего отряда почти одновременно. Обнаружив мёртвых товарищей, они разозлились пуще прежнего, и рванули по следам за убийцей.

У Хенга имелась небольшая фора, которой он воспользовался на полную катушку.

Четыре кшатрия и проводник, оказывающие помощь трем раненым товарищам (четвёртый погиб), совершенно не ожидали повторного нападения. Щелчок арбалетной тетивы стал для них неожиданным. Проводник схватился за живот. Он поднял к глазам окровавленную ладонь. Его лицо выражало безмерное удивление. Из живота торчал отравленный арбалетный болт.

Кшатрии выхватили сабли и щиты. Все четверо обернулись в сторону, откуда услышали выстрел. Со всех ног они рванули в ту сторону и увидели спину удаляющегося противника.

Один из воинов поспешил вернуться назад и вооружиться луком. Когда же он добежал обратно, то увидел лишь спины соратников, которые преследовали беглеца.

Вот только наученные горьким опытом преследователи осторожничали, ожидая ловушек, оттого бежали небыстро. А Хенг этим фактом не был ограничен, потому оторвался на приличное расстояние.

Лучнику ничего не осталось, как поспешить вслед за товарищами. Вскоре он их нагнал. Преследование продолжалось уже минут десять, но ему что-то казалось странным.

— Парни, мы же бежим кругом! — воскликнул он. — Ещё немного, и вернёмся к лагерю.

— К лагерю?

Внезапно лучника озарило. Он испуганно округлил глаза и уставился на товарищей.

— Скорее! Нам нужно вернуться.

— Что? Почему?

— Раненые! — воскликнул лучник. — Этот гад нас выманил из лагеря...

Судя по угрюмым лицам, все поняли. Воины побежали в сторону лагеря со всех ног. Прибежав на место, они с ужасом обнаружили, что раненые отправились в колесо сансары. С перерезанным горлом не живут.

Тут ещё из леса выбежали шестеро злых кшатриев, которые первоначально отправились в погоню за Хенгом.

— Что тут произошло? — спросил хмурый командир.

— Этот... — тихо начал лучник. — Сын падальщика и собаки выманил нас из лагеря, сделал круг и вернулся к ним раньше нас.

— Он снова обвёл нас вокруг пальца, — заскрипел зубами от злости командир.

— А где остальные? — поинтересовался лучник.

— Он убил их из засады, — ответил командир. — Мы должны найти его. Он не мог далеко уйти. Разделяться больше не будем — это играет на руку этому демону. Держимся вместе, идём по следам, соблюдая максимальную осторожность.

Свежие следы беглеца обнаружили прямо в просеке.

— Слишком чёткие следы, — нахмурился командир. — Похоже на ловушку.

— Сандип, — обратился к командиру лучник, — он не может бегать вечно. Нужно

продолжить преследование, но утроить осторожность.

— Так и поступим, — согласно кивнул Сандип.

Десять от изначальных двадцати кшатриев, лишённые проводников, последовали по просеке. Отряд продвигался медленно. Каждая ветка, лиана и куча листвы казались им подозрительными. Обходя по дуге каждую предположительную ловушку, они давали время сотнику.

Вскоре воины оказались на поляне. Их взгляды были направлены на гору мешков, неподалеку от которой паслись стреноженные кони.

Кшатрии добрались до поклажи и принялись заглядывать в мешки.

— Это всё, что было украдено в доме брахмана, — глаза командира жадно блестели при виде мешочков с серебряными и золотыми монетами.

— Кони тоже его, — согласился Пракаш. — Тут целое состояние. Сандип, а нам обязательно возвращать это владельцам? Там ведь выжили одни бабы.

Многие кшатрии, да что там многие, все они были согласны с Пракашем. Жадность в зародыше задавила совесть. Одни кони стоят целое состояние, а уж монет и ценностей хватит всем на безбедную жизнь на долгие годы.

— Хм... — Сандип задумался. — Пожалуй, смерть наших соратников должна быть щедро оплачена. Вернём коней — они слишком приметные. Скажем, что нашли только их. Остальную добычу честно поделим.

— А убийца?! — внимательно посмотрел на командира лучник. — Что будем с ним делать?

— Конечно же, найдем и убьем его! — твёрдо заявил командир. — Он убил наших друзей. За это его ждёт жестокая кара!

— А ещё он лишний свидетель, — тихо пробормотал себе под нос Пракаш.

— Пракаш, ты что-то сказал?

— Да, Сандип, — кивнул лучник. — Я говорю, нужно провести погребальную церемонию нашим павшим соратникам.

— Уже темнеет, — отрицательно качнул головой Сандип. — Нам придётся разделиться. Возможно, демон только этого и ждёт. Завтра похороним товарищей.

— Но, командир, — произнёс один из воинов, — до завтра дикие звери могут надругаться над телами. Да и вонять они будут.

— Ничего страшного, — сказал Сандип. — Лучше так, чем составить им компанию в колесе Сансары.

— Сандип, — начал другой кшатрий, — нам так и так придётся разделиться. Нужно сходить за водой, а до ручья несколько километров.

— Среди вещей вора есть бурдюки с водой, — пнул один из них Пракаш, которого совершенно не прельщало переться в темноте через джунгли за водой и становиться мишенью для демона.

— Но она может быть отравлена! — заметил тот же кшатрий.

— Вряд ли, — сказал командир. — Эти бурдюки предназначены для поения лошадей. Ни один безумец не станет травить воду для дорогих животных.

Пока кшатрии подсчитывали добычу — начали надвигаться сумерки. Они попробовали пойти по следу, но темнота быстро наступала. В итоге они вернулись на поляну и разбили лагерь. Решено было поужинать и переночевать. Воины для варки риса воспользовались водой из бурдюка. Но вначале они проверили воду на добровольце, которым послужил один

из коней. Конь чувствовал себя замечательно и через десять минут, и через полчаса.

Хенг знал, что ночью в джунглях его не будут преследовать. Поэтому он, наконец, сумел отдохнуть. Лёжа в ветвях раскидистого дерева, в которых он соорудил себе удобную лежанку, он совмещал приятное с полезным: ужинал прихваченными в своём лагере припасами и думал. Думать почти всегда полезно. Конечно, бывают исключения, но не в этот раз.

Отряд преследователей поредел более чем наполовину. Это хорошо. А вот то, что их десять против одного — уже не очень. Навести воинов на свою добычу было единственной возможностью на время сбить их энтузиазм, тем самым избавиться от погони и получить передышку.

Поев сушёного мяса, орехов и рисовых лепёшек, запив всё это водой из фляги, Хенг поудобнее устроился на лежанке и поспешил уснуть. Он настроился проснуться ровно через четыре часа.

Пробуждение произошло, как и было запланировано. Навык самовнушения, чтобы проснуться вовремя, вбивали во всех ханьских гвардейцев Светлоликого. Порой он бывает невероятно полезным, например, как сейчас, чтобы совершить ночную диверсионную вылазку.

Подобраться к стоянке не составило труда. Часовых на месте не оказалось. А всё потому, что лагерь кшатриев лихорадило. Воинов рвало. Часть из них лежали, скрючившись от резей в животе, парочка засела в кустах, страдая от жуткой диареи.

«Попили халявной водички! — ехидно подумал Хенг. Но взглянув на лошадь, которая лежала на боку, жалобно ржала и сучила ногами, он нахмурился. — Жаль животинку. Изверги! Испытывать воду на коне!»

Очередная ловушка сработала. На этот раз пригодились знания из будущего, когда-то почерпнутые Хизеши в интернете.

Лакричник, он же абрус молитвенный, ягоды которого используются для изготовления четок. Он произрастает в этой местности.

Корень абруса молитвенного совершенно не ядовит и съедобен. Но в его семенах содержится белковый токсин абрин — смертельно опасный яд, который не имеет антидота. Оттого при проглатывании чёток нужно срочно молиться. Все человеколюбивые службы будущего очень любят это растение. Хенгу оно тоже приглянулось.

Яд четочника срабатывает не сразу, а через несколько часов. И убивает он тоже не мгновенно. Человек после приёма яда может прожить от полутора до трёх суток, в зависимости от принятой дозы и крепости организма. При этом отравленный пройдёт через муки ада, страдая от боли в животе, отека лёгких, тошноты и диареи.

Удостоверившись, что враги вскоре присоединятся к духам предков, Хенг неспешно отступил назад к лежке. Теперь ему оставалось лишь ждать, когда кшатрии ослабеют до невозможности оказать сопротивление, чтобы вернуть своё добро и продолжить путь. Ждать же пока их души освободятся от тел слишком долго. Следовать за ними по джунглям несколько суток сотник не собирался.

Матерясь, как сапожник, Чжао пробирался через джунгли, ведя в поводу девять коней. Добычи прибавилось, а четырехногих транспортных средств стало меньше. Два десятка

сабель и щитов, семь луков и приличное количество стрел. Всё это стоит целое состояние. Мало того, отравленные кшатрии умудрились отступить с добычей на сутки пути назад.

Сотнику пришлось сократить дневные переходы и начать движение почти с начала. Лошадей при большей нагрузке приходилось щадить.

Две недели он пробирался через лес, но в итоге вышел на накатанный телегами тракт. Поскольку аборигены пользовались телегами без поворотного дышла и запрягали в них пару волов, дорога была прямой, как стрела. Проблема такого транспорта заключается в сложности разворота. По прямой телега движется нормально, но любые маневры для неё, как серпом по яйцам. Нередко можно встретить опрокинутые во время попытки разворота телеги. С двумя колёсами они манёвренные, но и грузоподъёмность смешная, а вот четырехколесные, да ещё на цельнодеревянных колесах — это ужас. Но и такая повозка не помешала бы.

В ближайшей деревне сотник осуществил довольно выгодный с точки зрения крестьян обмен: одного коня он сменил на телегу, которую костерил на трёх языках, и пару волов. Хороший конь стоит раза в два дороже, но поди ещё в этой глуши найди того, кто даст за лошадь полную цену.

Поскольку сам Хенг с телегой и волами обращаться не умел, он нанял там же мужиков-шудр. Оплату они требовали небольшую, зато плюсов масса.

В первую очередь Хенг перестал выглядеть подозрительно. Из бандита с кучей ценностей он превратился в глазах окружающих в купца с нанятой прислугой. Во-вторых, заботы о живом транспорте легли на плечи крестьян, как и готовка, стирка и многое другое. Теперь Хенг мог спокойно ехать верхом.

Благо, что фотоаппаратов не существует, а времена дикие. Он радовался, что в этой стране менее развита бюрократия. Вот в империи Хань его портреты, он уверен, до сих пор висят в отделениях стражи крупных городов. А тут в соседней области и не слышали о крупной краже, а дадут духи, услышат об этом ещё через месяц-два. К тому моменту Хенг намеревался быть как можно дальше от места продажи ценностей.

На удивление сотника, до города Джаббалгарх удалось добраться без серьёзных происшествий. Не считать же за таковое развалившееся колесо телеги или то, что она один раз перевернулась. Право слово, пустяки для путешествия длиной в несколько недель.

Величественный город поражал воображение непритязательного путешественника. Для крестьян он и вовсе казался сказочным. Каменные дома, каменистые улицы. Река Нармада проходит через город, который окружен величественными храмами. Холмы Джаббалгарха невероятно живописные. Город окружен невысокими, каменистыми бугорками. По берегам реки раскинулись скалистые берега.

На берегу неподалеку от въезда в город погонщики медленно вели пару слонов на водопой. Они с любопытством покосились на процессию из восьми лошадей и телеги с запряженными волами.

Вскоре Хенгу удалось разместиться в местном постоялом дворе. Прекрасное двухэтажное здание в виде буквы «П» было выложено из белого камня и покрыто черепичной крышей. Широкие арки обрамляли здание на протяжении всей длины по обоим этажам. За ними скрывались галереи с массивными дверьми в номера. Арки давали свет и тень. Весь дизайн здания был выполнен таким образом, чтобы в жару внутри было прохладно. Естественно, остановиться в таком постоялом дворе стоило недешево, но уж пару номеров, один из которых дешёвый для слуг, Хенг мог себе позволить.

Обслуживание тут было на высоте. Стройные и гибкие темнокожие служанки в зале ресторана быстро выполняли заказы посетителей. Еда, как и вся в этой стране, была жгуче-острой, сдобренной огромным количеством приправ. Всё те же рис, мясо птицы, и ни грамма говядины. Правда, почувствовать вкус риса и мяса за приправами было невозможно даже самому заядлому гурману.

Виноградная сура повысила градус настроения сотника. После третьей рюмки стало вообще хорошо.

— Крепкая, зараза, — зажмурился он, поставив на стол глиняную рюмку.

Индусы были теми, кто придумал дистилляцию. До этого Хенг был уверен, что именно на его родине первыми стали гнать крепкий алкоголь, но, пожив в этой стране, ознакомившись с её историей, он понял, что заблуждался. Тут на каждом углу можно было купить крепкий алкоголь. Самогон гнали из всего, что попадётся под руку: кокосовое молоко, рис, пшеница, виноград. Виноградная сура ближе всего по вкусу напоминала чачу или же невыдержанный бренди. В этой ещё градусов было под шестьдесят.

На стул напротив Хенга бесцеремонно сел смуглокожий толстяк. Судя по богатой одежде и тюрбану, это был кто-то из зажиточных вайши, возможно, купец.

— Двойная перегонка, — сказал он. — Балу, хозяин постоянного двора, знает толк в хорошей суре.

— Ещё бы он года три выдержал эту суру в дубовой бочке из-под вина, вообще бы прелесть получилась, — и глазом не моргнул на бесцеремонность Хенг.

— Ханец? — вопросительно изогнул правую бровь толстяк.

— Ханец, — кивнул сотник. — Хенг. Чжао Хенг.

— Джей, — представился купец и, что удивительно после бесцеремонного занимания стула, почтительно в местной традиции пожал свои ладони и вежливо склонил голову.

В ответ на это Хенг отзеркалил действия Джей. Он тоже пожал свои ладони и опустил подбородок.

У местных не принято пожимать руки другим людям, а в качестве приветствия они соединяют свои ладони. Чернь складывает ладошки перед грудью и кланяется, прямо как на родине сотника. Высшее общество скрещивает руки перед грудью или животом, левая ладонь направлена к небу, а правая ложится поверх неё. Знакомые люди могут в качестве приветствия сжимать ладони замком над головой и потрясать ими.

Служанка быстро сориентировалась. Пока господа представлялись друг другу, она успела поставить перед Джейем набор посуды. Хенг плеснул ему местной забористой чачи и не забыл себя.

— За знакомство! — поднял он свою рюмку.

Кивнув, Джей одним глотком выпил огненную воду и громко стукнул рюмкой по столу.

— Ха! — громко выдохнул он, отправляя в рот кусочек апельсина. — И правда, забористая! Так какими судьбами ханьца занесло так далеко от родины?

— Торговые дела.

— М-да?! — недоверчиво изогнул брови Джей. — Обычно ваши в порту всё продают и спешат уплыть поскорее с нашими товарами. Тем более, я не припомню ни одного ханьца, который бы удосужился выучить наш язык, которым ты владеешь настолько прекрасно, словно родился здесь...

— Я давно веду дела в вашей стране, — с вдохновением начал нагло врать Хенг. — Пробую разные маршруты. В порту дают низкую цену. Лучше потратить лишние пару

месяцев на путешествие вглубь страны и получить большую выручку, чем довольствоваться малым. Тем более, караван у меня небольшой, объём товара скудный, зато ничего портящегося. Вот если бы партия была большой...

— Я сразу понял, что ты тоже купец, — на лице Джейя расплылась довольная улыбка. — Да и кто ещё, кроме успешного купца или брахмана сможет себе позволить остановиться у Балу? На брахмана ты не похож, а значит, остается одно.

Пьянка набирала обороты. За первым кувшином виноградной сурь пошёл второй. Обоих купцов под конец шатало, будто листья на глади ручья. Слово за слово, мужчины нашли общий язык. Когда хитрый Джей выяснил список товаров, его лицо озарила счастливая улыбка.

— Куплю, я всё куплю, — сказал он.

— Не могу же я продать всё так дёшево! — возмутился Хенг.

— Так и быть, только ради нашей дружбы, добавлю десять золотых сверху!

— Какая дружба после одной пьянки?! Джей, не заговаривай мне зубы. Двести золотых за всё и ни единой свинцовой монетой ниже! Мы оба прекрасно знаем, что это ниже розничных цен на треть. Иначе мне проще задержаться тут ещё на месяц и арендовать палатку на рынке, чтобы всё распродать.

Джей закусил удила. Начался жаркий торг. В итоге купцы сошлись на ста восьмидесяти пяти золотых. Огромная, просто гигантская сумма.

Куй железо, пока горячо, Джей спешно послал слугу за деньгами. Вскоре между пьяными купцами состоялась сделка. Хенг избавился от всего хабара и обзавёлся солидным состоянием.

На один золотой можно год вполне прилично жить, а на пять жёлтых монет в год можно жить, ни в чём себе не отказывая, включая наём пары шудр в прислугу.

С точки зрения Джейя он совершил крайне выгодную сделку. Хенг вроде и потерял приличную сумму, если бы продавал всё в розницу, зато сэкономил время, которого у него было в обрез. Продал он не совсем всё, две лошади и кое-какой скарб он оставил себе. Одна лошадь для себя, вторая заводная. К тому же, он даже не думал продавать драгоценности. Везят немного, стоят дорого. Ханец лишь избавился от лишнего груза.

На следующее утро сотник обменял у местных банкиров почти всё мелкие монеты на золотые, а на оставшиеся свинцовые монеты закупил на рынке всё, что требуется для дальнего путешествия в отрыве от цивилизации. В итоге он стал обладателем двухсот семи золотых. Такое количество золота весит чуть больше килограмма, но места занимает немного.

Покидая город, сотник был настороже. Он предполагал, что большая сумма не даст спокойно спать Джейю. Это в городе стража, поэтому тот честно расплатился, а за городом ограбить богатого одинокого путника сами боги велели.

Конечно, Хенг постарался пустить как можно больше пыли. Город он покидал втайне, прилично поплутав по его улочкам. При этом гостиница была оплачена на три дня вперёд и никого о своих планах он не предупредил. Наоборот, весь день активно распространял дезинформацию. Ходил с важным видом по базару, приценивался к товару, словно настоящий купец, договаривался об оптовых покупках и аренде телег. Затем много плутал по городу, сбрасывая возможный «хвост». Но прикормленных стражей на воротах или шпионов, которых он не заметил, исключать было нельзя. Одинокий ханец, покидающий город с нагруженным скарбом заводным конём — это не то, что можно пропустить.

К сожалению, с лесами вокруг было напряжённо. Местами произрастали отдельные деревья или небольшие рощицы, но спрятаться там не представлялось возможным. Повсюду простиралась каменистая местность. Несмотря на все старания Хенга поскорее удалиться от города, через несколько часов он увидел вдалеке облако пыли. У него не оставалось сомнений в том, что это конные воины скачут по его душу.

Вместо того чтобы загонять коней, сотник решил принять бой на своих условиях. К сожалению, местность всё ещё оставалась каменистой. В ближайшем обозримом пространстве лишь несколько кустиков могли являться хоть какой-то преградой. Заприметив небольшой холм с неровностями ландшафта, Хенг направил лошадей к нему, съехав на правую сторону от накатанной телегами грунтовой дороги.

Стреножив коней, он достал лопату и за небольшой земляной насыпью начал быстро копать лежачий окоп. Облако пыли стремительно приближалось. Хенгу едва хватило времени, чтобы вырыть укрытие, отвести коней немного в сторону и достать из седельных сумок многозарядный арбалет, болты, лук, стрелы, две сабли и ножи.

Вжав голову в землю, чтобы не выдать своего укрытия раньше времени, Хенг прислушался. По топоту копыт он определил, что по дороге скачут шесть коней. Это его удивило и обрадовало. С одной стороны, это немного воинов — всего шестеро. Могло быть намного больше. Конечно, даже столько человек против одного — это чересчур много. Но лучше, чем десяток, два или три.

Топот лошадиных копыт стих. Отряд преследователей остановился, заметив стреноженных лошадей, которые паслись справа от дороги. Мужчины, которые оказались типичными кшатриями в белых одеждах с луками, висящими за их спинами, и с саблями, которые они поспешили вынуть из ножен, после чего радостно заголосили.

— Он где-то рядом!

— Внимательно смотрите по сторонам, он не мог далеко уйти.

— Я вижу следы! — соскочил с коня один из кшатриев, обнаружив следы, ведущие в сторону холма, которые в спешке не успел замести Хенг.

— Эй! — воскликнул командир преследователей. — Ханец! Я знаю, что ты рядом. Выходи и отдай все свои ценности, тогда обещаю, что мы сохраним тебе жизнь.

В это время Хенг был занят смазыванием остатками яда наконечников болтов, которые аккуратно помещал в магазин арбалета. Он плавно взвёл механизм, стараясь не издавать ни единого звука, после чего поместил в магазин одиннадцатый болт.

Набрав полную грудь воздуха, он приподнялся на локтях и положил арбалет в положение для стрельбы, быстро ловя взглядом ближайшую цель. Тренькнула тетива. Командир кшатриев с воплем боли свалился с коня. В его боку торчал арбалетный болт. Рука воина разжалась и на землю с глухим звуком упала сабля, который он до последнего продолжал удерживать.

Хенг понял, почему преследователей всего шестеро. Кони были те самые, которые совсем недавно продал сотник. Стало абсолютно понятно, кто выслал погоню — Джей. Видимо, у него под рукой больше не было лошадей, кроме тех, которые он приобрёл. Вот и выдал воинам то, что было.

Мысли пролетели в голове сотника быстро, практически мгновенно. В это время тело совершало заученные движения. Потянуть за рычаг, натягивая тетиву. Услышать знакомый звук правильно уложенного в ложе болта. Прицелиться и выстрелить, пока противники не успели прийти в себя.

— А-а-а! — громко завопил воин, который спешился. — Моя рука!

Болт попал ему в левое плечо. Кшатрий поспешно рухнул на землю, больше не изображая ростовую мишень. Он громко орал и матерился на двух местных наречиях.

Остальные воины быстро пришли в себя. Их не остановила смерть командира, а лишь сильно разозлила. Четверо всадников направили коней в сторону лежки Хенга. Кони на склон двигались неспешно, несмотря на понукание всадников.

Успешно выбранное место засады играет важную роль в битве. Не зря сотник залёг пусть недалеко от дороги, но на возвышенности. Это позволило ему выиграть время. Он успел совершить еще один выстрел, выбив из седла самого резвого ездока. Болт вошёл напрямик в глаз, что подарило воину быструю смерть. И спроси кто у Хенга, куда он целился, он бы ни за что не признался, что в туловище, причем совершенно другого противника. Так удачно сложились звёзды на небосклоне, что смертник в момент выстрела вырвался вперёд и подставился под болт.

Дальше везение сотника закончилось. Троица кшатриев была уже близко к лежке. Они успели спрыгнуть с коней и помимо сабель вооружились небольшими круглыми щитами. Раненый кшатрий медленно поднимался вслед за товарищами. Он болезненно морщился, придерживая левую руку предплечьем правой, в которой держал саблю.

— Ты поплатишься за смерти наших братьев, смердячий пёс! — гневно прошипел один из троицы, совершая резкий рывок в сторону окопа.

— Слишком длинно... — тихо сказал Хенг.

Этого времени ему хватило, чтобы ещё раз взвести тетиву. Болт вошёл прямо в живот смельчака. Инерция сбила его с ног, отчего тот рухнул, мешая товарищам.

Двое кшатриев поспешили зайти с разных боков. Они ещё сильнее разъярились и ещё больше испугались. За яростными боевыми криками они постарались спрятать свой страх.

Противники были слишком близко, чтобы продолжать сражение при помощи арбалета. Поэтому это оружие было отложено в сторону. Из окопа подобно чёртику из табакерки выскочил Хенг. В каждой руке он держал по сабле.

Раздался свист стали. Правый воин принял удар сабли Хенга на щит, отведя грозное оружие в сторону. Удар второй сабли он отразил своим клинком. Но... неожиданный сокрушительный удар коленом по колокольчикам заставил кшатрия сложиться пополам, что поставило точку в его жизни. Сабля сотника распорола брюхо противника.

Второй воин налетел на Хенга со спины. Но опытный сотник, прошедший через множество битв и развивший интуицию с помощью йоги, почувствовал смертельную опасность. Звон стали огласил окрестности. Хенг в последний момент обернулся и сумел отвести смертоносную сталь от своей головы. Вторым клинком он отрубил кисть кшатрия. Рука, продолжавшая сжимать клинок, упала на землю. Из культи фонтаном полила кровь. Следующий удар сотника снёс буйную голову.

Добить раненого не представляло труда. Перед гибелью он успел ослабнуть от яда и проклясть неправильно выбранное направление. Видя, как один за другим гибнут его товарищи, он подумал, что нужно было идти к коню и бежать отсюда. Но поздно.

— Так-так, — стряхнул с сабель кровь Хенг. Он смотрел на мирно жующих траву коней. — И куда на этот раз я буду девать этот табун?!

Повторная продажа коней и оружия убитых кшатриев на этот раз прошла без сучка и задоринки. Правда, на этот раз продавать пришлось всего за полцены и в соседнем городе.

После удачной сделки Хенг поспешил покинуть город. Вместо первоначального плана уплыть из негостеприимной страны на корабле он предпочёл углубиться на материк и пройти по Великому шёлковому пути. Его путь лежал через Парфию, известную ханьцам под названием Аньси.

Александрия-Ариана в провинции Ария встретила путника всем своим великолепием. Город находится в долине реки Герируд и стоит на Великом шёлковом пути. Самым известным местным строением является Цитадель Александра, названная так в честь Александра Македонского, который и дал когда-то название этому городу после его основания.

Цитадель построена на искусственном холме и тянется на двести пятьдесят метров с востока на запад. Её восемнадцать башен поднимаются на тридцать метров выше среднего уровня улиц, толщина стен составляет два метра. Окружающий ров завершает комплекс оборонительных укреплений. И ведь ей уже лет триста, при этом с виду так не скажешь.

До цитадели ещё нужно добраться. Она расположена в центре города, окружённого крепкими глинобитными стенами.

Внезапно весь организм Хенга встряхнуло, словно каждую клеточку нечто дёрнуло. Такое же чувство он испытывал при приближении духовного наставника по йоге. Он принялся вертеть головой в поисках того, кто мог послужить причиной, ожидая увидеть знакомого старого пройдоху... Через мгновение он встретился взглядом с серо-голубыми глазами невероятно красивой блондинки с белоснежной кожей. Она с интересом разглядывала его с паланкина, который несли шестеро крепких негров в окружении десятка воинов с короткими прямыми мечами и бронзовыми щитами.

Девушка что-то сказала десятнику, после чего тот направил к Хенгу пятерых солдат. Языка он не понимал, но суровый вид, приказной тон и жесты в направлении паланкина не оставляли простора для фантазий. Сопротивляться он пока не считал нужным и вынужденно подчинился.

К его приходу негры уже поставили паланкин на мощённую камнем землю. Подобно ангелу с него сошла красавица-блондинка в короткой белой тоге, которая выставляла на обозрение ровные ножки. Фигура, попка, грудь — всё на десять из десяти. Ханец готов был закапать слюной мостовую.

Воины и рабы старались не смотреть в сторону госпожи. От них ощущалось напряжение.

Девушка что-то сказала на местном наречии.

— Не понимаю, — мотнул он головой. — Ханьский или санскрит — я на этих языках говорю.

— Санскрит, так санскрит, — мгновенно переключилась она, чем ввела парня в ступор. — И что же в наших краях забыл ханец?

— Путешествую, госпожа.

— Угу, чего ещё я ожидала? — прорезался у неё сарказм. — Кто такой, сколько лет, кто твои родители? Говори правду! Я умею отличать ложь от правды.

— Чжао Хенг, госпожа, — от неё за версту веяло высшей аристократией, силой и правом повелевать. По его спине пробежали мурашки, а интуиция завопила об опасности, если он попробует соврать. — Пятьдесят шесть лет. Я родился в семье крестьянина. Подростком попал в армию Светлоликого, а там стал сотником имперской гвардии.

— Я так и думала, — ухмыльнулась она. — Опять кто-то из наших наплодил полубогов с крестьянками...

— Простите, госпожа? — Хенг едва удержал брови от разлёта по сторонам.

— Полубоги — слышал о таких?

— Это легенды...

Заливистый смех блондинки напоминал перезвон колокольчиков.

— А ты забавный, малыш. Пойдёшь со мной!

— Буду рад, госпожа. Простите, я до сих пор не знаю вашего имени.

— Афродита, — лукаво улыбнулась она.

— Прямо как богиня.

— Почему прямо как? — усмехнулась она. — Я и есть богиня. Но для тебя, малыш, я просто Афи.

Один из солдат перехватил поводья коня у Хенга и повёл обеих лошадей следом за паланкином. Забраться внутрь ему никто не предложил. Негры с натугой подняли свою ношу и отправились дальше в сторону элитной застройки кирпичными виллами.

Хенгу пришлось идти рядом с паланкином. Он покосился на свои седельные сумки.

— Не беспокойся, — перехватила направление его взора Афродита. — Твои вещи останутся нетронутыми. Лучше скрась мою скуку, юноша. Поведай о своих родных краях.

— Янзы простирает свои воды далеко на юге Ханьской империи. Благословенны её берега...

Показательным зеванием девушка прервала его.

— Скукота!

— При дворце Светлоликого существовали фокусники. Их императору У-ди подарил правитель откуда-то из этих краёв. Конечно, те первые фокусники давно оправались на встречу к духам предков, но ученики их учеников до сих пор неплохо справляются с развлечением аристократов. Так вот, госпожа, я воин, а не фокусник и не сказитель. Языком трепать не умею. Если вам скучно — позовите факиров.

Пара солдат с жалостью покосилась на Хенга. Негры втянули головы в плечи. Слов они не понимали, но им хватило услышать его интонации.

Ноздри девушки затрепетали. Её грудь начала подозрительно часто подниматься. Она приоткрыла рот и... Хенгу показалась, что она возбуждена.

— Вот это понимаю — мужик! — с придыханием выдала она.

Хенг понял, что не показалось — она действительно возбуждалась. Это и поведение окружающих мужчин его настораживало. Такое он в жизни Хизеши видел только в школе, когда школьники старались словно стать меньше и незаметнее, чтобы учительница не вызвала их к доске.

Вскоре поведение окружающих мужчин Хенгу стало понятно. Стоило им добраться до роскошной виллы Афродиты, выполненной в греческом стиле, как девушку словно с цепи

спустили. Она выглядела так, будто жаждущий в пустыне, который добрался до воды, только вместо пустыни её спальня, а воду заменил ханец.

Целые сутки Хенга использовали по полной программе. Он ещё никогда до этого настолько сильно не выкладывался в постели. Чижик работал на износ и едва успевал восстанавливаться и регенерировать. Из спальни девушки парень выползал выжатый как лимон и с единственным желанием — поспать.

Когда же он проснулся, то смуглая брюнетка-рабыня помогла ему помыться и проводила его в столовую к госпоже. Вид Афродиты был чрезвычайно довольным. Она смотрела на парня по-хозяйски, будто на породистого жеребца, которого недавно удачно нашла в поле.

— Неплохо для полубога, — не сходила с её лица улыбка. — До бога по выносливости тебе далеко, но из ваших не каждый на подобное способен.

— Прости, Афродита, но ты уже не впервые упоминаешь богов и полубогов. Я не понимаю, о чём речь. Можешь объяснить?

— А ты мне казался умнее, — дёрнула она уголком губ. — Что ж, слушай. На Земле среди обычных людей живут боги — живые из плоти и крови. Мы вечные, а люди смертные. От связи человека и бога рождается полубог, который может жить немного дольше обычных людей, но всё ещё остаётся смертным.

— Ты мне удон на уши вешаешь, — скептически скрестил руки перед грудью Чжао.

— Не веришь?! — взлетели ко лбу её брови. — Вот это номер! А когда мы пять тысяч лет назад спустились с небес к дикарям и стали учить их сельскому хозяйству, письму и счёту — никто не сомневался в нашей божественности.

— А я сомневаюсь. Кто спустился? На каком транспортном средстве происходил спуск на поверхность планеты? Почему вообще вы решили заниматься прогрессорством?

— Вынуждена взять свои слова обратно, — расслабленно откинулась Афродита на спинку стула. — Ты не такой тупой, как мне казалось. Слова-то какие знаешь...

— То есть ответов не будет?

— Отчего же нет? Поболтать о былых временах я никогда не против. Но... — она прищурилась и погрозила ему пальчиком. — Даже не вздумай назвать мой рассказ старческим бурчанием, иначе познаешь на себе божественный гнев!

— Ни в коем случае, прекраснейшая.

— Так вот, наш предок был богом. Он спустился с небес к смертным и стал жить среди них, притворяясь одним из них. Потом взял в жены трёх наших бабушек. До этого они были обычными людьми, но он их сделал полубогинями. Потом он устал жить среди людей и на своей огненной колеснице улетел в другой мир. С собой он взял некоторых из детей с их мужьями, жёнами и детьми. Всех их и своих жён он превратил в богов.

— То есть вы пришельцы из космоса, которых ваш предок-инопланетянин привёз сюда на космическом корабле?

Афродита замерла и широко распахнутыми глазами уставилась на собеседника.

— Так-так-так... — пробарабанила пальцами она по столешнице. — И откуда у ханца из крестьянской семьи подобные познания?

— Во-первых, я с крестьянами прожил всего тринадцать лет. Большую часть жизни я провёл при дворце Светлоликого. Во-вторых, я общался с умными людьми. Последние пятнадцать лет меня учил йог, который ощущался так же, как и ты при нашей первой встрече.

— Вот оно что... — изумление на лице девушки сменилось самодовольной улыбкой. — Оказывается, ты успел ещё с одним полубогом пообщаться. Значит, ты уже знаешь о бессмертных? И зачем тогда морочишь мне голову?

— О вас он мне ничего не рассказывал. Вернее, он говорил о богах, но столь расплывчато... Мол, если я разовью сиддхи, то стану ближе к богам.

— Сиддхи? Забавно, что кто-то верит в эту чушь, — мягкая улыбка заиграла на губах красавицы. — Что ж, раз ты немного в курсе, то буду проще. Папаня нас привёз сюда, потому что у нас на планете началась война. Он модернизировал наши организмы, сделав нас сверхсильными, сверхпрочными и неубиваемыми. Мы разделились на несколько групп и начали заниматься прогрессорством. А когда наши племена начали воевать... В общем, мы слишком увлеклись и стали воевать друг с другом. В результате уничтожили оборудование, которое дарило нам различные блага, оружие и всё, что пожелаем.

Хенг обтекал от рассказа девушки, но вида не подавал. Он даже в мыслях не допускал изумления. Натренированный скрывать мысли от йога-телепата он и сейчас занимался тем же самым. Даже близко чего-то подобного он не ожидал.

— Когда дедуля узнал об этом, он вместе с бабулями сел на звездолёт и свалил с планеты. Две из шести жён умоляли его вернуться, но он был непреклонным.

— погоди! Сначала речь шла о трёх женах.

— Три жены — это его жёны, которые до этого были людьми. Других трёх жён он создал искусственно ещё до этого. Не перебивай, я ещё не закончила. Так вот, в итоге они, то есть две бабки-бунтарки, сговорились и убили деда, после чего забрали один из шаттлов с оборудованием и вернулись назад на планету.

— Значит, вы всё же смертные.

— Ну вот, настроение испортил, — скривила она мордашку, отчего та ничуть не потеряла в красоте. — Да, и нас можно убить. Только обычного меча для этого недостаточно. Нужно мощное космическое оружие. У Зевса с давних времён имеется запас тазеров, отчего он всем известен метанием молний. Но даже тазера маловато для убийства бога. Нужны фазеры. А они были только у бабулей.

— Были?

— Наши родители боялись, что мамыши могут их прикончить, ведь своего мужа они грохнули, хотя до этого прожили с ним тысячу лет и он им подарил бессмертие. В общем-то, у них имелись все основания опасаться этих психопаток. Поэтому они сговорились, украли фазеры, разобрали их на комплектующие и попрятали те в разных местах. Один старший бог знает о том, где спрятана одна деталь фазера. Для сборки оружия необходимо, чтобы пятеро богов, спрятавших разные детали, сговорились и распотрошили свои тайники.

— А космический корабль? Оборудование?

— Мамаши расхреначили шаттл при посадке, — скривила губы в вымученной ухмылке Афродита. — Они же впервые управляли такой техникой. Не понимаю, почему они решили сажать шаттл вручную, но от него не осталось ничего ценного, кроме металлических обломков. Самих мамань катапультировало. Фазеры и аварийный чемоданчик — вот и всё, что у них осталось. Мы застряли на этой планете навечно.

— А что не так с полубогами?

— Это будет сложнее объяснить древнему человеку, — задумалась она. — Вот представь себе маленьких муравьёв, но из металла. Настолько маленьких, что их невозможно разглядеть взглядом.

— Представил...

«Она говорит о нанитах? — подумал он. — Очень на то похоже».

— Так вот, — продолжила она, — в организме богов этих «мурашей» множество. Именно они даруют нам могущество. Но со временем количество этих мурашей уменьшается. Они ломаются, портятся, расходятся. Когда бог спит с человеческой девушкой, то вместе с семенем он передаёт немного «мурашей». Они даруют ребёнку отменное здоровье и долголетие.

— А после смерти они могут оживить?

— Хороший вопрос, — серо-голубые глаза внимательно осмотрели парня с ног до головы. — Когда организм полубога подвергается смертельной опасности, мураши начинают быстро размножаться. Они исцеляют тело и делают полубога бессмертным. Если же смертельного ранения не случится, то полубог доживёт до старости и погибнет, словно обычный смертный... Видимо, твоя мать была симпатичней макаки, раз на неё повёлся кто-то из богов.

— Моя мать была красивой, несмотря на множество родов. Значит, я теперь не могу умереть?

— Не зазнавайся. Ты хоть и бессмертный, но всё ещё можешь погибнуть. Если травмы будут слишком обширными или тебе отрубят голову, то умрешь. О Геракле слышал?

— Слышал.

— Ему досталось много «мурашей», отчего он обрёл невероятную для людей силу. Он серьёзно покуролесил, но всё закончилось тем, что парень потёк крышей и сам взошёл на погребальный костер. А всё из-за этой ревнивой суки Геры! Зевс у неё ещё тот ходок — ни одной юбки не пропускает. А его жёнушка мстит его любовницам и детям. Так что послушай хороший совет — даже не пытайся выяснить, кто твой папаша. Если выяснится, что это Зевс — Гера не успокоится, пока не сведёт тебя в могилу.

— То есть, Геракла свела с ума Гера? Выходит, полубог может сойти с ума?

— Угадал. Обычно психов приходится устранять.

— А излечиться от сумасшествия эти самые «мураши» могут помочь?

Афродита задумалась.

— Был один случай. Над дочкой одного из наших ещё до становления бессмертной жестоко надругались, отчего она лишилась разума. Но «мураши» создали ей дополнительную личность, смоделировали, будто она прожила другую жизнь. С тобой такое же произошло?

— Просто спросил.

Хенг был шокирован известием о том, что его жизнь в роли Хизеши полностью выдуманная и сконструированная инопланетными нанитами с целью исцеления его от безумия. Жизнь в Японии далёкого будущего ему казалась невероятно реалистичной. И лишь сейчас, если задуматься, что многое было упущено. Где друзья и коллеги? У Хизеши их не было. Как программист он понимал, что так программе было проще поддерживать симуляцию. Ей не приходилось симулировать новых людей в круге общения. Поэтому Хизеши и был хикикомори.

— Просто спросил... — передразнила она. — Мальчик, мне шесть тысяч лет. Я тебя минимум в сто раз старше. Для моих ушей твоё враньё звучит как детский лепет. Ты столько раз проговорился словами, которые современным людям неизвестны, что пальцев на руке не хватит пересчитать. Значит, ты тоже свихнулся и получил вторую личность. Это многое

объясняет. Ты всё больше и больше распяляешь моё любопытство, малыш.

— Одного не пойму, если ты такая могучая, зачем тебе я? Зачем-то же ты рассказала мне о «богах» и моей природе.

— Малыш, у нас хорошим тоном считается при первой встрече просвещать полубогов об их природе. Конечно, обычно это происходит без таких подробностей, а на уровне, доступном для понимания дикарями. Ты говорил, что перед нашей встречей что-то почувствовал.

— Было такое, словно толчок внутри тела.

— И твой наставник не рассказывал, что это такое?

— Ты о наставнике-йоге? Нет, никогда. Он вообще о бессмертных ничего не упоминал, только учил меня йоге и всё. Я всегда думал, что он простой человек. Потом он просто исчез, после чего я его не видел.

— Какой интересный учитель... — прорезалась у Афродиты ирония. — Ничему не научил, ничего не рассказал и сбежал.

— Он учил меня йоге.

— Я и говорю, что ничему не научил, — фыркнула она. — Бесплезная гимнастика. Может, смертным она немного здоровья прибавит, но бессмертному она ни к чему — лишняя трата сил и времени.

— Ты говорила про дрожь внутри тела.

— Ах, да. Так «мураши» дают нам понять, что рядом находится кто-то из бессмертных. Вы, молодые полубоги, можете натворить таких дел, что нам столетиями их последствия разгребать придётся. Поэтому проще при встрече провести вам ликбез, чтобы вы понимали свою природу.

— То есть, существуют какие-то правила, нарушать которые не стоит?

— А ты догадливый, — выпятила она вперёд грудь, приковывая мужской взор к декольте. — Люблю таких мальчиков. Правила простые. Первое — не идти против богов. Второе — не сражаться на святой земле. Третье — сильно перед смертными не отсвечивать. Прошли те времена, когда мы вмешивались в жизни смертных. Наступает новая эра, в которой боги и полубоги обязаны притворятся простыми людьми. Так мы скорее приблизим эру благословенного прогресса с тёплыми унитазами и электрическим освещением, чем своими корявыми вмешательствами. Как показал опыт — обучение новому хорошо лишь на начальном этапе. Чем дальше, тем больше наши вмешательства приводят к застою, а то и регрессу.

Хенг постарался изобразить из себя варвара, который ничего не понял, но при этом делает вид, что понял. И судя по дёрнувшимся вверх уголкам губ Афродиты, у него вышло.

— Что ж, отбросим высокие материи. Так значит, ты воин?

— Воин, госпожа.

— Ну что ты, малыш? Мы же договорились, что для тебя я Афи.

— Как будет угодно госпоже, — склонил он голову.

Девушка поморщилась.

— Думаешь, это весело? Малыш, твоя ирония не тянет даже на сотую часть иронии Бахуса. Я ведь с тобой как раз собиралась обсудить серьёзные дела.

— Я весь внимание, Афи.

— Так-то лучше! Рабы мне доложили, что у тебя обнаружили много золота и драгоценностей. И не морщись — я должна знать, чем живут мои гости. Ты же понимаешь,

что просто так одиночка без высокого покровителя не сможет потратить богатства?

— Понимаю. Меня обязательно попробуют ограбить.

— Рада, что ты это понимаешь. Но у тебя есть шанс обзавестись таким покровительством.

— Вы предлагаете себя, госпожа?

— Прикажу выпороть! — надула она губы.

— Прости... Афи.

— Сокращать моё имя — привилегия. Не стоит ей пренебрегать. Итак, ты прав, я предлагаю своё покровительство. Ты сможешь купить в этом городе хороший дом и рабов.

— Афи, я не верю в благотворительность на пустом месте. Покровительство не бывает просто так. Чем я тебе буду обязан?

— Будешь иногда выполнять мои скромные поручения.

— Быть слугой?

— Ты же воин, малыш, и один из нас. Слуг у меня хватает. Тебя ожидают более интересные дела. Например, доставить послание другому богу и тому подобное.

— Божественный курьер? Звучит неплохо. Где расписаться кровью?

Столовую огласил звонкий задорный смех. Подойдя к Хенгу, Афродита нежно погладила его ладошкой по правой щеке.

— Хороший мальчик. Ты сделал правильный выбор, о котором не пожалеешь. Вот только... — её глаза на миг блеснули холодной сталью. — Не вздумай меня предать!

Две недели Хенг обустроивался в городе: купил виллу и пару рабынь для присмотра за ней. Своё первое задание он ожидал с нетерпением. А всё потому что Афродита повадилась каждую ночь навещать его. И за эти четырнадцать дней её для него стало слишком много.

Чжао любил женщин и совокупление с ними. Он не представлял себе жизни без женских ласк и с ужасом в смеси с жалостью думал о «своей прошлой жизни», в которой Хизеши так и не познал женщины. Но такое... ни один мужчина не выдержит. Ему не давали выпастся и набраться сил. Спать приходилось днём, а дела решать ближе к вечеру. После этого его всю ночь использовали и выжимали до доньшка.

Когда Афродита выдала ему поручение передать письмо старому знакомому, он с радостью ухватился за это задание и быстро оседлал коня. Теперь он понимал солдат и рабов этой девушки. Наверняка им доставалось от её любвеобильности в первую очередь.

Лишь в пути у него нашлось время задуматься. И Хенг внезапно осознал, что весь мир для него перевернулся с ног на голову, но он этого не почувствовал. У него попросту не оставалось ни сил, ни времени, чтобы думать о чём-то постороннем. Это породило мысль о том, что возможно, Афродита не просто любительница мужчин, но ещё и опытный психолог. Она не дала ему погрузиться в пучину отчаяния.

Это сейчас по прошествии двух недель он с радостью воспринимает длительную поездку в другую страну по поручению властной и сексуально озабоченной девицы. Но если бы не отвлечение на дела и секс, он бы наверняка загонял себя мыслями о том, что узнал.

Все прошлые представления о мире в одночасье рухнули в пропасть. Оказалось, что на Земле живут некие бессмертные инопланетяне, которые считают себя богами. У них рождаются дети-долгожители. Но никакой магии и высших сил тут не замешано — всё объясняется высокими технологиями. В его организме существуют наниты, благодаря которым он обладает повышенной живучестью. И он такой не один. Одним самозванным богам известно, и то не факт, сколько их наплодили «полубогов».

Но самой шокирующей новостью для него оказалось то, что его прошлая жизнь создана виртуальной симуляцией в его разуме с помощью продвинутых технологий, чтобы спасти его от безумия. При этом насколько он осознал, сами «боги» в этих технологиях не особо разбираются, по крайней мере, Афродита.

Стоит отметить, что нанитам их задача удалась на сто процентов — он избавился от безумия. А вот избавиться от ощущения реальности воспоминаний Хизеши он не мог. Зато у него забрезжило понимание, что смерть под колёсами поезда была создана нанитами не просто так. Это ему толстый намёк на то, что если он лишится головы — умрёт окончательно.

Хенг подозревал, что и профессия программиста микромашинами была выбрана не просто так.

Чтобы создать реалистичную эмуляцию у роботов должна быть база знаний. Много ли нанитов поместится в мужском семени? Много ли памяти могут иметь эти роботы? Хенг сомневался в этом. Наиболее вероятно, что в нанитах заложены базовые принципы построения механизмов, например, передатчика, который будет связываться с сервером и подключаться к его базам данных.

Наличие сервера объяснило бы знание японского и нескольких языков

программирования. Также это объясняет реалистичность эмуляции мира будущего. Вероятней всего, за основу был взят реальный мир, например, параллельной вселенной.

Кстати, знания школьной физики, в которых фигурировала информация о многомерности и параллельных мирах, намекают на то, что так и есть.

В результате размышлений Хенг пришёл к выводу, что где-то в пределах планеты или на её орбите находятся сервера, которые продолжают работать на протяжении пяти тысяч лет. В таком случае появляются сомнения в том, что космические корабли и оборудование были уничтожены. Ему либо навешали на уши рамена, либо Афродита действительно верит в то, что сказала.

Путешествия на лошади занимают много времени. Чтобы таким образом попасть куда-то далеко, придётся затратить на путешествие много времени и сил. Это не в двадцать первом и втором веках, когда можно было сесть на поезд или самолёт и отправиться в любую точку планеты. Только Хизеши дальше Токио никуда не уезжал, но теперь понятно почему — зачем компьютеру лишняя нагрузка на процессоры, если задачу можно выполнить с меньшими затратами? Это же придётся прорисовывать новые локации, новых окружающих персонажей, новости в телевизорах, иностранные языки.

Кстати, о языках. Хенг вспомнил, что знает ещё два языка. Первый — эсперанто — он в мире Хизеши считался международным и обязательным для изучения в школе. Второй — Английский, который активно использовался в языках программирования.

Логично предположить, что эсперанто — язык «богов», вернее, мира, откуда их привёз некий отец. А поскольку тот был сам для них инопланетянином, то логично предположить, что в его мире использовался другой язык. Несложно догадаться, что раз программирование предполагает использование английского, то это и есть родной язык «отца богов».

Путешествие вышло долгим и непростым. Хенг не знал местных языков, которых в Парфии только официальных государственных было четыре: парфянский, греческий, арамейский и древний вавилонский.

Ему пришлось преодолеть почти всю страну с востока на запад. Одному это путешествие далось бы тяжелее, но ещё на первой неделе пути он прибился к купеческому каравану. Для купцов обычная практика брать попутчиков, ведь путники им платят с наваром за питание и постой в общих шатрах, а то и прикупают чего из товаров для личного пользования. Брать плату с путников за включение в караван не принято. Но и подозрительного человека запросто пошлют, заподозрив в нём разбойника. Но с этим Хенгу повезло, несмотря на то, что он был по уши вооружён и очень подозрителен. Хотя языками он не владел, зато обладал подорожной грамотой от своей новой работодателя. Документ решал множество проблем, которые наверняка возникли бы в пути без него.

Дорога с караваном сильно замедлилась, плюс пыль от телег глотать куда менее приятно, чем скакать в одиночестве. Зато в большом скоплении людей меньше шансов стать жертвой очередных любителей лёгкой поживы. Попыток ограбления Хенгу до этого хватило с лихвой.

Из этого путешествия он извлёк ещё один плюс. В пути людям скучно. Основной способ убить время — общение. Проще говоря, караванщики и путники очень общительны. Некоторых из них корёжит от того, что «новые уши» не могут слышать их сто раз рассказанные и приукрашенные истории, которые другим уже давно неинтересны. Это вылилось в то, что спутники старательно помогали Хенгу овладеть новыми языками. А поскольку он общался с людьми с разных концов Парфии, то и языкам его пытались научить

сразу двум: греческому и вавилонскому. В результате они причудливо переплелись в его голове и он научился говорить с жутким акцентом на смеси обоих.

Опис — бывшая столица Парфии, а ныне столица региона, расположенная неподалеку от когда-то могучего Вавилона, который ныне пришёл в упадок, встречал путников семью стенами, возвышавшимися друг над другом зубцами, выкрашенными в цвета белый, чёрный, пурпурный, голубой, красный, серебряный и золотой (соответственно пяти планетам, луне и солнцу).

Город раскинулся на большой территории и имел плотную застройку домами из глиняных кирпичей. Для жителей в каждом стеновом пределе были выстроены бассейны с питьевой водой. Людей тут было не протолкнуться. В высокие арочные ворота втягивались вереницы телег. Воины на въезде проводили опись имущества купцов, что приводило к длительным заторам. Хенг с подорожной проехал мимо купцов и после того, как стражник бегло ознакомился с конопляной бумагой, был пропущен внутрь. Стражникам одинокий путник был неинтересен, в отличие от купцов, с которых можно стясти взятку за то, чтобы они меньше придирались к торговым людям.

Путь ханьца лежал в квартал ремесленников, который как раз находился за белой стеной. Оно и понятно: жители центральных районов не потерпят соседства с шумной и дымной кузней или вонючей кожевенной мастерской. К тому же, подвоз сырья вроде дров, кож и прочего проще осуществлять в ближайший к въезду в город квартал. А вот рынок, что удивительно, расположен во втором кольце. По логике и ему место в первом кольце, но ограниченность городских площадей и плотное население диктуют свои условия.

По слухам, в городе проживает около полумиллиона жителей. Невероятное число, которое ожидаешь применить к городам будущего. Но в будущем, если верить симуляции с Хироши, будет ходить быстрый общественный транспорт, к примеру, то же смертоносное метро. А сейчас приходится двигаться или на своих ногах, или верхом, или на телеге. Из-за неповоротливых телег без поворотного дышла на улицах создаются заторы. Телеги и верховые всадники частенько сталкиваются с пешеходами, отчего нередко можно услышать брань или стать свидетелем драки. Правда, на всадников в основном тихонько ругаются, поскольку лошади дорогие и их для верховой езды могут себе позволить в основном благородные. А с аристократами связываться желающих мало.

Его точка назначения находилась как раз в первом круге, вернее, в квартале кузнецов. Найти его было просто даже без расспросов горожан по клубам дыма и громкому звону молотов по наковальням.

И вот она — одна из дюжины кузниц, при этом она выглядела самой лучшей по оснащению инструментами, строению горна, качеству наковальни и прочим мелочам. Ещё и занимала самую большую территорию.

При приближении к ней тело Хенга дернулось, оповещая о близости другого носителя нанитов.

Его уже ожидал на пороге коренастый мужчина, всё тело которого было увито мускулами. Густые кучерявые чёрные волосы были прижаты к голове бронзовым обручем. Такая же кудрявая борода была подстрижена квадратом на манер древних жителей Вавилона. Карие глаза хмуро уставились на незваного гостя. Он был на голову ниже Чжао, при этом шире в плечах. Из одежды у него имелись лишь сандалии и тога, прожжённая во множестве мест. Его ноги были кривыми, а когда он шагнул навстречу, то удивление ханьца выросло до небес — он хромал на обе ноги.

— Кто такой? — резко спросил он на эсперанто.

— Эм... День добрый. Чжао Хенг. Меня послала Афродита передать вам письмо. Я думал, что «боги» обладают невероятной регенерацией, — устремил он взор на изогнутые ноги.

— Когда родился таким — никакая регенерация не поможет. Ты хоть знаешь, кто я?

— Нет. Мне сказали, что узнаю вас по Чувству.

— Узнаю эту двинутую нимфоманку — это в её стиле. Хотя бы что в письме написано знаешь?

— Никак нет. Не приучен читать корреспонденцию начальства. У нас в Ханьской империи это могло закончиться усекновением головы или четвертованием.

— Значит, корреспонденцию подчинённых ты читать привычен?

— Это обязательно. Вдруг они решат устроить заговор?

— И кто же ты такой, ханец? — слегка приподнял брови кузнец.

— Бывший сотник гвардии императора.

— Странный ты, сотник, — сощурился кузнец. — Вот смотрю я на тебя — вроде полукровка, коих множество наплодили мои родичи. Но при этом ты отлично говоришь на эсперанто.

— Выучил. Я вообще стараюсь изучать все новые языки, — Хенг протянул письмо, на доставку которого ушло пару месяцев. — Вы так и не представились, господин.

— Гефест я последнюю тыщонку лет. Он же Фта. Он же Гибил.

Насладившись вытянутым лицом Хенга, он распечатал письмо и пробежался глазами по тексту на эсперанто.

— Ха! — усмехнулся он. — Ты знаешь, что она пишет? — приподнял он письмо.

— Нет.

— Просит, чтобы я научил тебя. Представляешь, научил всему, что нужно знать юному полубогу! Ха-ха-ха! А сама наверняка тебя только за хер брала и в постель затаскивала?

— Так и было, господин Гефест. Я люблю учиться новому. И если вы действительно готовы взяться за моё образование, то в долгу не останусь.

Гефест принял серьёзный вид.

— В отличие от этой шалавы, что до сих пор считает меня мягкотелым младшим братцем, я ответственно подхожу ко всему. Если ты согласишься на обучение, то тебя ожидает геенна огненная! Работа с утра и до ночи.

— Почту за честь учиться у опытнейшего кузнеца в мире.

Губы Гефеста изогнула кривая ухмылка.

— Вообще-то божественная шлёндра просила ввести тебя во внутреннюю божественную кухню, но мне нравится твой настрой. Так и быть, посмотрю, сколько ты протянешь в кузне учеником, а там видно будет, стоишь ли ты потраченного времени.

Хенга поселили в гостевой комнате вполне приличного коттеджа. Тут даже имелся санузел со смывом и глиняным унитазом, водопровод и большая купель или же небольшой бассейн.

Лошадям негде было разместиться. С ними пришлось расстаться, о чём Хенг лишь немного жалел. Но на вырученные монеты в любой момент можно купить другого скакуна.

Водопровод в доме был реализован причудливым образом. Это не обычные акведуки, которые использовали вавилонцы и их соседи. Скорее, это напоминало систему полива известных на весь мир и ныне уже не существующих висячих садов Семирамиды. Во дворе вырыт колодец. В него помещена труба из глиняных колец, внутри которых находится бронзовый винтовой насос. Слуги впрягают ослика и он начинает ходить по кругу и крутить ворот, приводящий в действие шестерни, которые передают движение на насос. Тот качает воду из колодца в акведук, по которому вода стекает в большую бочку на каменных столбах — аналог водонапорной башни. У бочки имеется кран. Если его открыть, то вода потечёт по малым акведукам в дом. С помощью заслонок её можно направить либо в бачок унитаза, либо в бассейн, либо на кухню.

На следующий день Гефест принялся его обучать азам кузнечного мастерства. И он настолько его загонял, что Хенг вечером рухнул в постель и уснул.

Так повторялось на протяжении двух месяцев. Наставник постепенно повышал нагрузку. Хенг не мог связно мыслить — он всё время был усталым, а вечером едва доползал до постели. Если бы не служанки, то он и помыться не смог бы. Они помогали ему с омовениями и предлагали большее, но на это уже не оставалось сил. И это при том, что он выносливее обычных людей.

Тело ханьца обросло могучей мускулатурой, хотя он и до этого на недостаток мышц не жаловался. Самым большим молотом он без усталости отмахал весь день.

— Остановись, — сухо скомандовал Гефест.

Хенг прекратил лупить молотом по заготовке для бронзовой лопаты.

— Вижу, ты действительно готов учиться, — продолжил кузнец. — Большинство смертных обычно сбегает в первую неделю. Лишь единицы продержались месяц. Обычно последних я брал в ученики, но учил лишь кузнечному мастерству. Что ж, ты выдержал два месяца. Дальше не вижу смысла тебя истязать. Поздравляю, ты отныне мой подмастерье.

— А? — взор Хенга был пустым. За эти месяцы он так устал, что голова совершенно не соображала. — Э?!

— Отдохни пару дней, — похлопал его по потному плечу Гефест. — А там начнём нормальную учёбу с более щадящим рабочим графиком.

— Спасибо. Прости, ты говорил, что просветишь меня по своим собратьям.

— Всё, что тебе нужно знать о богах и полубогах: держись от них подальше — проживёшь подольше.

— Очень информативно, — фыркнул сотник. — Афродита мне сказала, что на самом деле вы не боги, а пришельцы с другой планеты.

— Странно...

— Странно?

— Очень. Обычно боги такими тайнами даже с бессмертными не делятся. Но раз она тебе рассказала, то не буду скрывать. Я родился на этой планете, но ещё во времена проживания на Атлантиде ещё до того, как придурки из старшего поколения взорвали реактор и затопили остров. И то я узнал о том, что мы инопланетяне, лишь в возрасте тридцати лет. Раз ты знаешь об этом, то и своей природе осведомлён?

— Ты о нанитах?

— Даже так?! — широко распахнул глаза Гефест. — А ты интересный малый. И кто же твоя мать, что она тебе обо всём рассказала?

— Почему именно мать?

— Потому что я знаю своих предков и братьев. Там все мужики такие: всунул, вынул и ушёл. Только бабы будут возиться с воспитанием потомства, и то лишь некоторые из них.

— Мне про наниты Афродита рассказала. Своего отца я не знаю и знать не хочу. Моя мать — обычная ханьская крестьянка, которая давно умерла.

— Поразительная щедрость со стороны сестрицы, — качнул в стороны головой Гефест. — Ты прав, в наших телах находятся наниты. Чем их больше, тем мы сильнее, живучей, выносливей и тем быстрее заживают раны. Наибольшая их концентрация содержится в телах тех, кого родили мои родственницы. Проблема в том, что со временем количество нанитов у богов уменьшается, отчего они теряют свои силы. У мужчин этот процесс слабо заметен, а у женщин-богов каждые роды отнимают приличное количество сил, отчего они не любят рожать и принимают против этого меры.

— Странная технология.

— Полагаю, это побочный эффект, — развёл руками Гефест. — Наверняка изначальная задумка такого не предполагала. Вряд ли дедуля Брэд думал, что его дети начнут друг с другом воевать, а жёны убьют его. Иначе он бы мог объяснить изначальный принцип работы нанитов. Я вначале был сильно заинтересован в изучении технологий. Чинил остатки техники, пытался воссоздать хоть что-нибудь и научить этому других. Потом плюнул на это и решил, что всему своё время.

— И что ты знаешь о нанитах?

— Ты действительно хочешь об этом знать, юноша? — пополнял брови Гефест. — Эти знания добавят тебе печали.

— Хочу!

— Что ж, присаживайся и слушай.

Мужчины расселись на трехногих табуретках и Гефест продолжил:

— Наниты в телах полубогов проявляют слабую активность. Они помогают с лечением, но если они не активируются, то это даёт лишь хорошее здоровье. Прожив лет пятьдесят-шестьдесят, такой отпрыск погибнет от старости. Он может иметь детей и даже не заподозрит, что чем-то отличается от других людей. Но всё меняется после «потрясения». В качестве потрясения может быть смерть или смертельная рана, но без отделения головы от туловища. В таком случае наниты активизируются, размножаются и изменяют тело носителя. В результате полубог обретает долгую жизнь. Чем больше нанитов, тем дольше можно прожить. Но после этого он больше не может иметь потомства.

Хенга поразила мысль о том, что он не сможет иметь детей. И всё же он нашёл в себе сил спросить:

— И никто не искал способ увеличить количество нанитов?

Губы Гефеста изогнулись в кривой улыбке.

— Малец, это я должен был тебе объяснить сразу, но другими словами как для всех. Немного увлёкся кузнечным делом — редко ко мне попадают столь упорные ребята.

— М-м?! — Хенг вопросительно приподнял брови.

— Обычно мы говорим, что среди полубогов есть убийцы, которые охотятся за другими бессмертными ради получения их Силы. И нужно быть готовым к их появлению.

— Убийцы? И как отнятая жизнь им даст силы?

— Если возле обезглавленного бессмертного окажется другой бессмертный, то наниты создают ионизированный канал, по которому переходят к ближайшему целому носителю. Со стороны это напоминает поток молний, бьющих из мертвеца в живого бессмертного.

— Эм...

— Ты же всё понял? — Гефест внимательно вглядывался в лицо собеседника.

— Понял. «Боги» мужского пола специально плодят потомков в надежде, что те погибнут и оживут, после чего у них в теле расплодятся наниты. После этого психи из таких же их потомков охотятся на других бессмертных.

— Ты слишком умный для современного жителя, — продолжал внимательно глядеть ему в лицо Гефест, заставляя Хенга чувствовать себя неудобно. — Но ты прав. Они даже придумали себе «игру» и правила.

— Что за игра?

— Называется «в живых останется только один». Предполагается, что последний из бессмертных обретёт силу бога. Двое бессмертных сражаются друг с другом с помощью холодного оружия. Другие не имеют права вмешиваться в поединок. Побеждает тот, кто срубает голову противнику. Основное правило — поединки на святой земле запрещены. За нарушителем основного правила открывается охота всеми участниками Игры.

— Интересно, кто придумал эту фабрику по сбору нанитов? Я же правильно понимаю, что в итоге победителю многих бессмертных срубит голову кто-то из богов, чтобы вернуть утраченные за столетия наниты?

— Ты слишком умный и много знаешь того, чего знать не должен... — сощурился Гефест. — Обычным участникам игры знать такого не положено. Обычно Сбор проходит в конце тысячелетия. Сейчас как раз идёт время очередного Сбора. Обычные бессмертные, участники Игры, думают, что Сбор — это возможность возвыситься до бога. На самом деле это время жатвы для богов.

— Ты зачем-то мне рассказал об этом...

— Затем же, зачем рассказывал об этом другим полубогам. Среди богов есть группа недовольных Игрой. Мы не одобряем подобного возвращения сил. Нас слишком мало и нам нужны сторонники.

— Почту за честь и не посрамлю вашего доверия, — склонил голову Хенг.

— Посмотрим, что из тебя получится, ханец, — потеплел взор Гефеста.

Ещё во время беседы с Гефестом о природе долгожительства богов у Хенга забрезжили ассоциации с древним фильмом о бессмертных, просмотренном Хироши. Но он старательно гнал от себя эти мысли, пока не остался в одиночестве. Опыт общения с йогом показал, что существуют люди, способные читать мысли. Лишь когда остался в одиночестве предоставленный сам себе и в выходной пошёл гулять по городу, он решил всё обдумать.

Получалось, что с помощью фильма в эмуляции жизни Хироши наниты пытались его ввести в курс дела. Возможно, что другие художественные произведения вроде фильмов, аниме и книг, которые подсовывали Хироши, ему также пытались что-то сказать.

Если взять за аксиому этот вывод, то выходит, что наниты не просто бездушные машины. Где-то существует разум, возможно, что искусственный, который подобным образом передаёт информацию некоторым полубогам. Вероятней всего, это именно искусственный разум с множеством ограничений, который подобным образом пытается обойти запреты, то есть доносит информацию окольными путями. Иначе что ему мешает напрямую вмешаться и приказать нанитам сконфигурироваться в передатчик и передать нужные мысли напрямую?

Если быть конкретным, то из имеющихся сведений можно сделать вывод, что предположительный искин может передать информацию лишь редким полубогам при соблюдении некоторых условий. Во-первых, потомок бога должен иметь достаточный запас нанитов для того, чтобы после активации они его успели откачать. С этим наниты справляются при помощи размножения, поскольку изначально их в организме немного. С самими протоколом размножения нанитов не всё так просто. Наверняка в них на базовом уровне вшит запрет на копирование, который снимается лишь на небольшое время в ситуации, которая несёт серьёзную угрозу жизни носителя. Во-вторых, необходимо погибнуть или получить несовместимые с жизнью травмы, чтобы активировались наниты. В-третьих, к моменту гибели необходимо окончательно и бесповоротно сойти с ума. Причём вариант сумасшествия после смерти и активации нанитов не годится, ведь со слов Афродиты тот же Геракл свихнулся и покончил с собой, а наниты ему не вернули разум. То есть акция одноразовая и второй раз халявы не стоит ждать. Так что повторно сходить с ума не стоит. В-четвёртых, после активации нанитов человек становится бессмертным, при этом теряет возможность размножаться. И это самое странное, поскольку те же «боги» вполне себе спокойно могут делать деток, чем активно занимаются.

Подытожив, можно сказать проще: пациент для внедрения информации от искина должен быть безумным и недавно погибшим потомком «бога». Довольно редкое сочетание, как ни посмотри, но при этом боги сталкивались с подобным как минимум один раз.

Ещё Хенг понял, что Афродита была с ним недостаточно честна и откровенна. Она многое недоговаривала и местами откровенно лгала. Впрочем, подобное норма для всех людей, за исключением блаженных.

Он не мог понять, почему бессмертные лишены возможности иметь детей. У него на этот счёт имелось несколько гипотез. Первая — изменения в ДНК, которые делают бессмертных несовместимыми с людьми. Но только странно, что «богам» это нисколько не мешает размножаться. Второй вариант — то же самое, но обойти генетические ограничения помогают наниты, количества которых бессмертным не хватает. Третий вариант — наниты

после активации блокируют детородные функции. Последние два варианта казались Хенгу наиболее вероятными.

В первый же выход в город Хенг столкнулся со своим малым словарным запасом и незнанием греческого, на котором тут говорили многие жители. С Гефестом он общался на эсперанто, отточив владение этим языком, а с аборигенами контакт был затруднительным. Даже купить жареного мяса на рынке оказалось проблематично, но не фатально. Торговцы всегда поймут клиента, даже если тот немой и глухой иноземец — на пальцах всё разъяснят. Так что голодным он не остался, но на будущее решил учить языки.

Выходные ханец провёл с местными жрицами любви, оттягиваясь по полной программе за все месяцы вынужденного воздержания.

После отдыха началась нормальная учеба под руководством Гефеста. Тот обучал его кузнечному делу, механике и архитектуре. Он знал об этом так много, что даже реальному жителю двадцать второго века было чему поучиться. Всё же несколько тысяч лет профессионального опыта дают о себе знать. За тысячу лет даже самый последний неумеха превратится в суперпрофессионала своего дела.

Чжао уже не столь сильно выматывался. Каждую неделю ему предоставляли один выходной, во время которого он посещал город или его окрестности. Поскольку с жрицами любви его сбережения быстро таяли, а пополнения бюджета не предвиделось, то он стал экономить. Ночами у него в постели стали задерживаться служанки, коих у кузнеца было четыре. Сам кузнец к девушкам не проявлял интереса. То ли за долгую жизнь они ему наскучили, то ли берёг наниты, которые у его вида пытаются сбежать вместе с семенем. Хенг же наниты не берёт. Как он понял — бессмертные вроде него подобным «недержанием» не страдают.

Служанки помимо того, что дарили ему удовольствие, помогали Хенгу освоить местную речь.

Время летело стремительно. Так пролетело четыре года. Ханец научился ковать «как безрукий козёл» по мнению авторитетного учителя. Но по его личному мнению в кузнечном деле он уже был неплох, как минимум не хуже кузнецов с соседних кузниц. Но для бессмертного перфекциониста это жалкие потуги на профессионализм, а не мастерство.

Одно было хорошо. Уже несколько лет он получал доход с продажи своих поделок. Не все средства оседали в его карманах, а лишь половина прибыли, поскольку он пользовался кузнём, материалами и ресурсами учителя. Из-под его молота выходили обычные бытовые предметы из меди и бронзы и стальные бытовые ножи. До изготовления мечей на продажу Гефест его не допускал, лишь разрешал тренироваться на нескольких заготовках, отрабатывать приёмы изготовления слоистых сталей и кузнечной сварки.

Обычный летний день, как и многие другие до него: солнечно и немного ветрено. Хенг привычно зашёл в кузницу и начал растапливать дровами горн. Он привёл в действие меха для растопки пламени, которое от такого быстро занялось. Начали образовываться угли. Ещё немного, и можно будет приступать к поковке.

Организм привычно дёрнулся, извещая о приближении бессмертного. За годы жизни в Описе парень привык к подобному. Стоило им с Гефестом разойтись на несколько десятков метров, как на повторное сближение наниты всегда так реагировали. Чжао подумал, что

Гефест уходил за вторую стену и сейчас возвращается. Он обернулся к уличному входу, но оттуда в помещение кузницы зашёл совершенно не тот, кого он ожидал увидеть.

Это был крепкий воин лет тридцати с гладко выбритым лицом. Его левую щеку пересекал безобразный рваный шрам. Его вооружение составляли короткий меч на поясе, круглый щит, шлем, панцирь на груди и поножи. Из-под шлема выбивались чёрные локоны. Взор его цепких карих глаз замер на Хенге.

— Так вот ты какой, Гефест, — криво ухмыльнулся он. — Я тебя иначе представлял. Я Леон из спартанцев.

— Ты ошибся, спартанец, — сохранил безмятежное лицо подмастерье, туловище которого прикрывала лишь рабочая тога. — Меня зовут Чжао Хенг, я ханец и ученик кузнечного дела уважаемого мастера. Если вам нужен мастер, то он где-то в доме. Но если работа простая, то не стоит его отвлекать, я и сам справлюсь. Что вам нужно починить, уважаемый Леон? Или быть может вы хотите купить что-то из наших товаров?

Хенг намеренно тянул время и строил из себя непонимающего простофилю кузнеца. Он сразу при виде напряженной фигуры воина и по его смертоносному взгляду понял, что тот один из участников Игры и пришёл для сражения с одним из богов. На самом деле он был абсолютно уверен в том, что Гефеста нет дома, как и служанок. Сегодня суббота, а значит, во втором круге собрался большой базар, на который пошёл поглазеть хозяин дома. Служанки после завтрака тоже отправились на базар за вином, продуктами и прочими товарами. Всей толпой они уходят лишь по субботам, чтобы принести с рынка всего побольше.

Ханец оказался в неудобном положении: оружия под рукой нет. Самое ближайшее — кузнечный молот, но до него пара шагов. Ещё ближе кочерга и бронзовый совок для подбрасывания углей в горн, но их он за оружие не считал. Готовых мечей в кузнице никто не хранил. Тут имелось лишь две заготовки под мечи, на которых он тренировался. По сути, это тупые железяки подобные монтировкам.

Он чувствовал себя неуютно без оружия в компании вооруженного бессмертного фанатика.

— Сдаётся мне, что ты врёшь, — сурово сдвинул брови спартанец. — Впрочем, плевать. Я зарежу тебя как свинью и прославлюсь на весь мир как убийца бога!

Короткий меч с шелестом покинул ножны.

— Эй-эй-эй! — приподнял руки Хенг и испуганно заголосил, отступая ближе к горну. Его спину начало припекать жаром от горячих углей. На коже выступили капли пота. — Я не тот, кого вы ищете. Я даже не воин, а всего лишь подмастерье кузнеца. Если вино ударило вам в голову, охладитесь водичкой, господин спартанец.

— Кому ты врёшь? — медленно наступал на него спартанец, перехвативший в боевое положение щит. — Я же вижу твои шрамы. Часть из них нанесены стрелами и мечами!

Хенг с досадой мысленно выругал короткую тогу, выставляющую на обозрение его тело, на котором боевых шрамов хватало, но больше их было от пыток. Все шрамы, полученные им до смерти, сохранились с ним навсегда. Так у всех полубогов. Бесследно заживают лишь раны, которые нанесены после активации нанитов.

— Если бабу трахнули — она не обязательно жрица любви. Остановись, воин. Молю, сохрани мне жизнь! Клянусь духами предков — я не тот, кто тебе нужен!

Он не остановился, почти пересёк кузницу и уже собирался нанести удар мечом, как Хенг схватил совок и зачерпнул в топке углей. Спартанец начал удар, но в тот же миг ему в

лицо полетели горячие угли, которые в полёте разбрасывали искры. Он попытался прикрыться щитом, для чего ему пришлось дёрнуть меч назад. Часть углей врезалась в щит, но несколько перелетели через него и попали мужчине в лицо.

— Кала малака сисе*! — громко и с экспрессией воскликнул он.

Чжао не дал ему продолжить атаку и вслед за углями кинул в него совок, от которого спартанец тоже защитился щитом.

Следом за совком, звонко отскочившим от щита, в него прилетела правая нога Хенга, в удар которой он вложил всю богатырскую силушку и сопровождал его боевым кличем:

— БАНЗАЙ!

Удар по щиту отбросил спартанца назад. Ему пришлось отступить на несколько шагов, чтобы удержать равновесие. Лицо Леона перекосило от ярости. Он с трудом удержался от падения на пол, но левой ногой ударился об наковальню.

Стоило ему вновь перейти в атаку, как он обнаружил в руках Чжао мешок с дровами, который тот крутанул над головой. Причём мешок стремительно приближался к голове изумленного спартанца вместе с его шустрым владельцем. Воин Спарты хоть и пытался вновь прикрыться щитом и рубанул по мешку мечом, но это не помогло. Через мгновение меч отбросило в сторону и раздался глухой удар полешками по шлему. У Леона в тот же миг перед глазами брызнули звёзды. Следом он почувствовал сокрушительный удар по бубенчикам и как меч ловко выкручивают у него из руки.

Он попробовал отмахнуться щитом, но после удара по голове двигался неуверенно и видел лишь яркие пятна на тёмном фоне.

— Промахнулся, — сухо констатировал голос Хенга сзади. — Теперь моя очередь...

Со свистом короткий меч вспорол воздух и съёл голову спартанца с плеч. Из обрубка шеи с ударами сердца забили фонтанчики крови. Тело простояло так несколько мгновений, после чего рухнуло на пол вслед за головой.

Хенг поморщился, представляя, как будет убирать лужу крови. Вряд ли Гефест доверит это занятие служанкам — их никто в кузницу не пускает. Тут правило такое: кто намусорил — тот убирает. Есть ещё одно правило, применимое к любому ремесленнику: если есть подмастерье, то всегда убирается он.

Дальше произошло то, о чём Хенг слышал, но никогда не видел. Из шеи мертвеца стали бить молнии. Они впивались в его кожу и причиняли жуткую боль, от которой он не устоял на ногах и рухнул на четвереньки. Эта боль была такой, словно все нервные клетки разом взбесились. Молнии продолжали бить из тела спартанца на протяжении нескольких секунд, которые для ханьца растянулись на долгие минуты. Но зато после того, как светопреставление прекратилось, он испытал небывалое наслаждение, по сравнению с которым оргазм нервно курит в сторонке. Боль разом отступила и его охватила эйфория. Казалось, что тело переполнено силой, но это чувство было ложным, поскольку мышцы стали ватными и он едва был способен двигаться.

Надеясь прибраться раньше, чем вернётся Гефест, Хенг схватил мертвеца за ноги. В этот момент он почувствовал очередную дрожь по всему телу. Отпустив ноги спартанца, он схватил трофейные меч и щит. Напряжение охватило его с головы до пят.

Дверь распахнулась и... в проёме застыл Гефест. Обведя помещение кузницы внимательным взглядом, он уставился на Чжао и сказал:

— Хенг, что я говорил по поводу мёртвых шлюх в моём доме?

— Не виноватый я — он сам пришёл, — с облегчением опустил он меч и щит.

Кузнец зашёл в помещение и замер над отрубленной головой. Носком сандалии он перевернул её лицом вверх.

— Спартанец Леон, двухсотлетний сопляк. Отпрыск Ареса. Тебе повезло его завалить. У тебя был меч?

— Нет, — нахмурился Хенг. — У меня вообще оружия не было. Пришлось импровизировать. Он принял меня за тебя. Гефест, зачем ему вообще пытаться тебя убить? Откуда он о тебе узнал?

— Ты задаёшь интересные вопросы. Первое поколение богов убить трудно. Их кожу мечом не пробить. При этом они всё равно умудрялись погибнуть. Кто-то устал жить и сам «нажал на стоп-кран». Кого-то по каким-то причинам убили другие боги. В итоге из первого поколения остались единицы: Зевс, Гера, Посейдон, Аид, Деметра, Гестия и несколько других. Мы же с Афиной и другими богами их потомки, родившиеся уже на этой планете. Мы не сильно отличаемся от вас — полубогов. Крепче, выносливее, жить можем вечно, но не обладаем той же силой, что первое поколение.

— Продолжай, очень интересно.

— Не ёрничай, ученик. Не знаю, кто навёл на меня этого пацана, но он явно много знает обо мне. Скорее всего, это кто-то из моей родни, как бы ни сама мамочка.

— Ты так сказал, будто её не любишь.

— А за что её любить? — набежала тень на лицо Гефеста. — Гера зачала меня под амброзией непонятно с кем в отместку Зевсу за Афину, которую он нагулял на стороне. Когда я родился, моя драгоценная матушка, видимо, в порыве большой любви скинула меня со скалы.

Хенг широко распахнул глаза. Он видел много жестокости, в том числе как матери убивают своих детей, если у тех зубы растут сверху, а не снизу, что в том племени считается плохим знаком. Но чтобы боги столь радикальным образом пытались избавиться от своих детей — звучит безумно.

— И как же ты выжил?

— Я всё же бог, — криво изогнулись губы Гефеста. — Тётя Фетида забрала меня к себе. Она на родине была морским биологом и до уничтожения Атлантиды успела построить подводную лабораторию. Всё детство я провёл в этой лаборатории, но это к делу не относится. Убирай тело и собирай инструменты — мы переезжаем.

— Куда?

— Куда-нибудь, где нас не найдут участники Игры. Знаю я их. Где появился один — там они начинают появляться толпами, только и успевай хоронить.

— И всё же, зачем Гере пытаться тебя убить?

— Ты не представляешь, Хенг, насколько она мстительная самка собаки. Да и я не образец добродетели. Когда я в молодости узнал подробности своего появления на свет, мягко говоря, я был зол. Дурак был — надо было сразу что-то убийное соорудить, чтобы уничтожить её мгновенно, но мне хотелось, чтобы она долго страдала. У тёти Фетиды оставалось некоторое количество техники — остатки былой роскоши. Из разных приборов я сконструировал золотой трон и подарил Гере. Стоило ей сесть на трон, как активировалось силовое поле. Поле должно было удерживать её десятилетиями. Я рассчитывал, что она будет раз за разом умирать и воскресать, и в итоге от этого свихнётся. Трон никто не сумел бы отключить, даже тётя Фетида, поскольку я это предусмотрел, а встроенного генератора на антиматерии должно было хватить на несколько столетий, но...

— Тебя заставили её освободить?

— Именно, — горько вздохнул Гефест. — Сначала пришёл посланник от Зевса, но я его послал на хер босса. Потом пришёл мой сводный брат Дионис, напоил меня, отвёл к трону и уломал выпустить мать. Она на словах простила меня, но я знаю, что она до сих пор на меня злится. Периодически она пытается мне подгадить. Зевс бы меня и сам прибил, но я для него полезен. Кто ещё ему починит тазеры для метания молний? Вот такая у нас семейка.

— А твоя тётя Фетида... Ты говорил о старшем поколении, но её не упомянул.

— Она устала от жизни лет семьсот назад... Всё, Хенг, хватит ковырять старые раны. Собирайся.

* Кала малака сисе — (греческий) ну ты мудак.

После сборов и совещания решено было выдвигаться в Александрию-Ариану. Там у Хенга простаивала вилла, а у Гефеста проживала лояльно настроенная к нему сестра. По его виду было заметно, что он не особо желает её видеть. Но лучше её, чем толпы бессмертных, жаждущих отрубить его голову.

Путешествие налегке или же со скарбом, включающим в себя кузнечную мастерскую — две большие разницы. Гефесту пришлось купить три телеги, лошадей и столько же мужчин-рабов, чтобы те управлялись с транспортом. Плюс их сопровождали четыре служанки и осел. Дай кузнецу волю, он бы из дома всё забрал, но без насоса и водопровода его мастерская стоила куда дешевле.

К тому же один бронзовый винт из колодца весит столько, что для его транспортировки пришлось бы покупать четверых волов, делать очень прочную телегу и сбрую. Скорость путешествия с волами уменьшилась бы раза в два, а то и в три, поскольку столь тяжёлая телега наверняка будет часто ломаться и застревать. А для шестерёнок уже понадобится другая телега. В итоге, такой караван по размерам не будет уступать торговому, но прибыли он не сулит, а лишь большие убытки. Дешевле на месте купить металл и сделать новый насос и водопровод.

И всё же сборы заняли много времени. К тому же Гефест выставил на продажу мастерскую, из-за чего пришлось ждать ещё дольше. Повезло, что в Описе спрос на недвижимость превышал предложение, поэтому даже столь дорогую мастерскую кузнецу удалось продать за считанные месяцы и почти без скидки. В итоге город их караван покинул лишь спустя три месяца после нападения спартанца.

Первый привал случился всего в двадцати километрах от города. Дороги не способствовали быстрому передвижению, как и неповоротливые телеги. На привале рабы распрягли и покормили лошадей, а служанки начали готовить ужин в медном котелке. Вот только готовка на природе занимает немало времени. Нужно найти и заготовить дрова, принести воду с реки или ручья, подготовить продукты. Процесс обещал затянуться. С лошадьми тоже всё небыстро.

К Хенгу подошёл серьёзно настроенный Гефест.

— Пора тебе научиться владеть оружием.

В ответ ханец насмешливо фыркнул.

— Гефест, вообще-то я воин. Меня с детства учили владеть оружием.

— Давай посмотрим, какой ты воин, — кинул ему короткий меч кузнец.

После поединка Хенг чувствовал себя униженным, это если не считать множества болезненных порезов, оставленных ему учителем. Гефест гонял его, словно матёрый пёс слепого щенка. Всё же между опытом в несколько тысячелетий и шестьюдесятью годами лежит целая пропасть.

Раны быстро зажили. Быстрее, чем это случалось раньше — всего за несколько часов. Чжао связал это с недавно убитым бессмертным, чьи наниты достались ему. Логично, что чем больше нанитов в организме, тем быстрее они проводят лечение. К утру он был бодр и свеж, а от ран не осталось ни следа, что напугало рабов и служанок, но те не смели сказать хозяевам ни слова.

Хенг был уверен, что если бы не эта демонстрация, то рабы уже этой ночью попытались

бы сбежать. Ведь просто так здоровые и крепкие мужики в рабство не попадают. Судя по их речи и поведению, они раньше были греческими солдатами, но не из регулярной армии, а ополченцами из крестьян. Он восхитился Гефестом, который одним действием решил две проблемы: провёл тренировку, заодно продемонстрировал силу и сверхспособности по заживлению ран, отчего рабы и служанки уверились в том, что их хозяева боги во плоти. Имя кузнеца в глазах служанок заиграло новыми красками и они с большим энтузиазмом принялись за готовку. А мужики вопреки всему воспарили духом и стали работать на совесть. Ведь одно дело — быть рабом неизвестного парфянского кузнеца, иное дело — прислуживать родному греческому богу.

Дальше терпеть унижение Хенгу не хотелось. Он с большим энтузиазмом принялся тренироваться под руководством опытного наставника. Тот учил его сражаться не только на мечах, но и продемонстрировал новые техники работы с копьём и ножом, а также приёмы греческой борьбы.

Так и повелось: днём небольшой переход на несколько десятков километров, вечером привал на ночёвку с обязательной тренировкой. Пару раз их пытались ограбить небольшие банды из потерявших берега крестьян, посчитавших их за лёгкую добычу, но Хенг на пару с Гефестом вырезали бандитов быстро и безжалостно.

О прибытии их каравана в Арию Афродита узнала очень быстро. Иначе сложно объяснить появление её паланкина на пороге виллы Хенга до того, как они успели разобрать скарб.

— Так-так-так, милый братец решил навестить сестричку? — лукаво улыбалась она и походкой от бедра шла от паланкина в сторону Гефеста, который в этот момент держал в руках наковальню. Крепкий мужчина вздрогнул и выронил наковальню. Закономерным итогом стало её падение на землю, сопровождаемое громким ударом и земной дрожью.

— Афи, милая, рад тебя видеть, — натянул он улыбку.

— А как я тебе рада, — приблизившись к нему, она крепко прижалась к Гефесту грудью.

Он пытался отступить, но сзади мешала телега, в борта которой упёрлась его спина. Глаза кузнеца панически метались из стороны в сторону. В итоге он не выдержал и с трудом отодвинул от себя девушку. Судя по его напряжённому лицу и бороздам на земле, оставленным её туфельками, ему пришлось для этого приложить немало сил.

— Ты что, Гефи, не рад меня видеть? — обиженно надула она губы.

— Рад, конечно, рад, но ты любого залюбишь до смерти — даже бога, — его взор наткнулся на Хенга, который вышел из дома за очередной партией груза и посмотреть, что за шум. Он замер столбом. — Вон, пользуйся им. Он парень выносливый, а сейчас ещё выносливей должен был стать, поскольку недавно завалил спартанца.

— Так неинтересно, — и всё же Афродита устремила любопытный взор на ханьца.

— Приветствую, госпожа, — склонился он в вежливом поклоне, сложив ладони перед грудью.

Она недовольно нахмурилась.

— Малыш, я кому говорила не звать меня так?

— Прости, Афи, — подошёл он к ней ближе. — Ты всё так же прекрасна.

— Значит, ты вступил в Игру? — продолжила она.

— Меня вынудили.

— Рано или поздно это должно было случиться, — философски протянула она. — А ты,

братец? — устремила она взор на Гефеста.

— Спартанец пришёл ко мне домой. Он искал меня — в этом нет никаких сомнений. Знать бы, кто его на меня навёл.

— Понятно кто, — повела правым плечом Афродита, отчего декольте её короткой туники расширилось и выставило напоказ белоснежные холмики, — мамаша.

— Не факт. Помимо неё этого малолетнего охотника на меня могли натравить старые игроки, например, Хронос.

Афродита недовольно надула губы.

— Зачем тогда ты приехал в Арию? Теперь Игроков будет сюда манить как пахучая субстанция мух...

— Извини, Афи, но мне некуда было ехать, а ученик предложил свой дом. Не думаю, что нам есть о чём беспокоиться. Пройдёт лет пять, прежде чем они встанут на наш след. За это время я успею подготовить ученика.

— В таком случае и я приложу руку к его обучению.

— Простите, возможно, я чего-то не понимаю, но это звучит подозрительно. Зачем вам понадобилось меня срочно к чему-то готовить?

— А ты предлагаешь сражаться со всякими варварами хрупкой девушке и ремесленнику? — вопросительно приподняла брови Афродита. — К тому же, тебе нужно уметь защищаться от врагов. Как самый слабый из нас, ты наверняка станешь первой целью для нападения.

— Насчёт хрупкой девушки и ремесленника хорошая шутка. В остальном согласен, — Хенг устало потёр переносицу. — С чего начнём?

— С отдыха, — эротично облизнула губы Афродита и пробежалась раздевающим взглядом по фигуре ханьца. — А ты действительно стал сильнее. Какие крепкие мышцы, — начала она поглаживать его плечи.

В это время Гефест подхватил наковальню, словно пушинку, и поспешил скрыться с глаз сестры. На памяти Хенга ещё никто до этого так быстро и бесшумно не бегал с наковальней в руках, а ведь она весит килограммов сто пятьдесят.

Хенг замер статуей.

— Не думаю...

Его речь прервали сладкие губы блондинки, заткнувшие ему рот.

— Заткнись! — облизнулась она, оторвавшись от страстного поцелуя. — У меня давно не было нормального мужика. Смертные слишком быстро выдыхаются, даже чёрные рабы. Приходится их брать сразу по пять-шесть штук... Шагом марш в койку!

Негры, сидящие в тени паланкина, нервно вздрогнули. Они было начали подниматься с выражением лиц великомучеников, но обнаружив, что приказ был адресован не им, одновременно издали шесть облегченных выдохов.

Возражать приказному тону девушки Чжао не решился и покорился судьбе. Секс — не убийство, так что можно и «отдохнуть». Но если бы ему предоставили выбор, то между сексом с Афродитой и тренировками до упаду он выбрал бы второе.

Афродита оказалась не только неутомимой термоядерной секс-бомбой в постели, но ещё отлично умела фехтовать, владела ножами и метала всё, что в теории можно метнуть,

начиная от копий и дротиков, заканчивая топорами, ножами, иглами, спицами, монетами, ложками и прочим. В её руках любой металлический предмет превращался в опасное оружие.

Девушка использовала уникальную методику обучения, которая серьёзно мотивировала Хенга. Она показывала приёмы и устраивала спаринги. Если Чжао проигрывал большинство спарингов, то вынужден был отработать наказание у неё в постели. Если же выигрывал хотя бы на один поединок больше, то мог отдохнуть. В результате он из шкуры вон лез, чтобы лишний раз не попадать в сексуальное рабство к неустанной нимфоманке.

Для простого человека подобные нагрузки оказались бы смертельными. Но бессмертный с невероятной регенерацией быстро восстанавливался и мог заниматься намного дольше. За всё бралась плата. В данном случае приходилось расплачиваться повышенным аппетитом. Они часто делали перерывы и много ели высококалорийной пищи, иначе наниты могли начать пожирать организм носителя.

Тренировки с Гефестом проходили через день. На них он отдыхал душой и телом. И как губка впитывал науку сражения, чтобы на очередной тренировке с Афродитой выйти победителем.

Гефест выкупил участок на окраине города и построил там кузницу, в которой Хенг продолжал совершенствовать ремесленное мастерство, заодно изготавливал себе боевой арсенал высочайшего качества.

Кузнец немного ошибся в своих прогнозах. Прошло уже семь лет с момента их приезда в Арию, но пока тут не появилось никого из других бессмертных.

Улочки города как обычно были полны народа. Повсюду стоял терпкий запах пота и галдёж толпы. Жители Арианы обожали болтать. Они говорили обо всём на свете со знакомыми и незнакомцами, стоя и на ходу, здоровались со всеми, кого хоть раз видели, при этом никуда не спешили и передвигались со скоростью беременных улиток.

Несмотря на то, что в этих местах люди соблюдали гигиену, но всё же в городе вода была в дефиците, оттого и купались простолюдины редко. Это в среде знати каждый день проводить омовения в бассейне считалось хорошим тоном и показателем роскоши. Чистый и приятно пахнущий — значит, богатый и можешь себе позволить личный бассейн. Но улочки Арии не имели деления на дорожки для богатых и нищих, поэтому хоть розами благоухай — вдыхать будешь запахи едкого пота и ослиного навоза.

Но он уже привык к этим запахам, поэтому не обращал на них внимания. Хорошего настроения ему добавляло то, что уже девять дней подряд он стабильно побеждал в поединках Афродиту, чем её невероятно бесил. Она мучилась от недотраха, а он впервые за семь лет нормально высыпался.

Неожиданно он почувствовал толчок изнутри. Привычное за последние годы чувство приближения бессмертного, вот только Гефест сейчас должен быть у себя в мастерской, а Афродита на приёме управляющего городом.

Ханец пробежался глазами по толпе и почти сразу обнаружил по-нищенски одетую девочку лет десяти, которая смотрела на него со страхом. Мешок с дырками для головы и рук, подпоясанный веревкой — вот и вся её одежда. Ноги босые, взгляд загнанного волчонка. Увидеть такую нищенку можно в любом городе. Приютов ещё не придумали, а

посторонние дети в городе никому из нормальных людей не нужны. Разве что крестьяне готовы взять пару дополнительных рабочих рук, но они живут в деревнях. С такой нищенкой может случиться всякое: нечистые на руку люди могут её поймать и продать в храм Афродиты, чтобы она стала жрицей любви или заклеить и продать в качестве рабыни. В таком случае она приобретает некую ценность. А ещё есть множество любителей пошалить с девочками, не заплатив при этом храму богини любви.

Поймав на себе его взгляд, она рванула от него, сверкая босыми пятками.

Первым его желанием было броситься вдогонку, но Хенг остановил себя. Слишком часто в подобные ловушки попадались неопытные воины в недавно завоёванных поселениях. Местные ополченцы или мстители подсылали к ним невинных дев или детей, заманивали в укромное место, после чего ножом по горлу, и нет солдата. Бывший сотник не раз устраивал подчинённым взбучку и намертво вбивал им в голову, что в таких ситуациях необходимо позвать подмогу и уже при оружии и в боевой готовности идти проверять, что там и как. Он не собирался сам наступать на эти грабли, поэтому поспешил в противоположном направлении в ремесленный квартал.

По пути он хмурился, обдумывая эту встречу. Стоило ему зайти в святая святых Гефеста, как тот отложил молот.

— Что случилось? На тебе лица нет.

— Гефест, я сейчас встретил в городе бессмертную.

— Это плохо, — нахмурился он.

— Это девочка лет десяти. Нищенка.

— Ещё хуже.

— Гефест, я не понимаю, почему она ещё ребенок? Она же...

— Не повзрослеет. Такое случается, что дети богов умирают в юном возрасте и наниты активизируются. Нанороботы мешают не только старению, но и взрослению. В каком возрасте умер — на него и будешь выглядеть. Другое дело, что бессмертные даже в бытность смертными выглядят моложе своего возраста, например, как ты. А плохо это тем, что обычно такие дети долго не живут. Есть Игроки, которые специально ищут детей богов и убивают их в юном возрасте, затем дожидаются активации и на этот раз убивают окончательно для увеличения сил.

— Она могла быть жителем Александрии-Арианы?

— Сомневаюсь, — мотнул головой Гефест. — У Афродиты наверняка тут каждый житель учтён. Уж потенциальную бессмертную она бы заметила и прикарманила себе.

— Прикарманила?!

— Удочерила бы и воспитала, как родную дочь, чтобы она в будущем была ей предана душой и телом, словно первожрица. Ты же не считаешь её бессребреником, который творит добрые дела даром?

— Нет, конечно, — фыркнул Хенг. — Ни её, ни тебя. И со мной вы возитесь не по доброте душевной, а в надежде, что я приму на себя удар Игроков.

— Мы это не скрывали, — развел руками кузнец.

— Так что с девчонкой?

Гефест задумался.

— Боюсь, что она может быть не сама по себе. Возможно, она лишь рабыня при охотнике за головами.

— Что будем делать, наставник?

— Для начала нужно найти девчонку.

— Легко сказать, — во взгляде Чжао читалось откровенное сомнение в успехе мероприятия. — Попробуй найти нищенку в большом городе, особенно если она не хочет быть обнаруженной.

— Нужно привлечь детей.

— Детей? — глаза ханьца стали похожи на очи европейца, настолько они округлились. — Серьёзно? Плохая шутка.

— Не нужно недооценивать детей, Хенг, особенно в таком деле, как слежка и розыск. Тем более, если дело доходит до поиска другого ребёнка. Их много, они шастают везде, общаются друг с другом и порой знают больше, чем стражники. Сироты сбиваются в стаи. Так им легче выживать. Мелкие и озлобленные хищники промышляют воровством и попрошайничеством, дерутся с собаками за объедки. Они мать родную готовы продать за звонкую монету, а уж пришлую девку и подавно. Уж они точно подметят новенькую нищенку. К тому же, дети обойдутся намного дешевле стражников и работать будут с куда большим энтузиазмом.

— Всё-все, понял, — поднял руки Хенг. — Что будем делать, когда её найдём?

— Вот видишь, — улыбнулся Гефест, — ты уже уверен в том, что мы её найдём. Говоришь «когда», а не «если». Слушай мой план...

Обнаружив на боковой улочке стайку мальчишек, Хенг поманил пальцем самого старшего. Тот испуганно заозирался, словно готовый бежать. Остальная ребятня замолкла и напряжинилась.

— Иди сюда, дело есть, — вновь поманил его пальцем Чжао.

Парень с опаской приблизился. Смуглокожий и черноволосый, жилистый и невысокого роста. На вид ему лет тринадцать. Карие глаза смотрели на мужчину затравлено и всё время косились на его левый бок, где на поясе в ножнах висел прямой длинный меч.

— Господин воин, мы ничего такого не делали.

— Мне плевать, чем вы занимались. Есть работа.

Пацан приободрился и распрямил плечи, он уже не так боялся, лишь осталась небольшая опаска.

— Что за работа, господин?

— В городе появилась карлица. Ты знаешь, кто это?

— Забавная коротышка, господин?

— Обычно да, но эта коротышка выглядит как обычная десятилетняя девчонка. Шатенка с волосами до плеч, ходит в серой мешковине с дырками для рук и ног и притворяется нищенкой. Но не стоит вестись на её внешность. На самом деле это коварная взрослая женщина, известная в славном Вавилоне убийца-отравительница. Понимаешь?

— Понимаю, господин стражник, — активно закивал пацан. — Вы хотите её поймать и казнить?

— Я не стражник.

— Как скажет, господин, — совсем расслабился пацан и принял вольготную позу вразвалочку. Прищурившись, он спросил: — Так какая нам с того выгода?

— Плачу каждому по серебряному, если найдёте «девчонку». А тебе, как командиру банды — все три монеты.

Набравшись храбрости, пацан выпалил:

— Пять! Мне пять монет, а пацанам по две!

Хенг пробежался глазами по компашке пацанов. Тут была целая ватага из дюжины ребят, а тринадцатый стоял рядом с ним.

— Если справитесь до вечера, тогда получите свои двадцать девять монет. Если завтра, то пятнадцать. Мой дом находится на улице пихт. Белая двухэтажная вилла с колоннами в греческом стиле. Скажите рабам, что пришли к господину Чжао.

Он бросил пацану три серебряника. Тот ловко перехватил монеты в воздухе и осветил счастливой улыбкой весь переулок.

— Мы мигом, господин! — радостно гаркнул он. — Мы сегодня же найдём вашу карлицу, вот увидите!

Ещё не наступил вечер, а уже молодая и симпатичная чернокожая рабыня из Нубии пришла к Хенгу, поклонилась и сказала:

— Господин, к вам пришли дети, как вы и предупреждали.

Хенг некоторое время полюбовался ладной фигурой девушки. Вот что с человеком творит девять дней без постели с бессмертной нимфоманкой. Сначала о сексе даже думать не хочешь, а потом начинаешь засматриваются на рабынь. Хотя там было на что посмотреть.

Нубия, которая сейчас носит название Мeroитское царство, на весь цивилизованный мир славится своими рабами и золотом. Название региона Нубия пошло от египетского нуб — золото. Египтяне несколько тысячелетий воевали с нубийцами, но так до конца и не захватили их территории. Рабы Афродиты были привезены оттуда. Бежать им далеко, по цвету кожи чернокожего раба сразу видно, поэтому в основном они покорные. Девушек продала ему Афродита. Она их выкупила ещё девочками и сама воспитала, так что в их преданности сомневаться не приходится.

Отгнав мысли о постели, Хенг кивнул рабыне и направился во двор. По пути он почувствовал знакомый толчок от приближения бессмертного. Неподалёку от ворот собралась ватага пацанов. Лица некоторых ребят украшали синяки, кулаки были сбиты, руки и ноги расцарапаны. Но сразу же в глаза бросалась девчонка в драной мешковине, которая валялась связанная по рукам и ногам и с кляпом во рту из старой тряпки. Она бросала на пацанов гневные взгляды и что-то яростно рычала в их адрес. Они отвечали ей не менее злыми взглядами.

Вперёд выступил тот самый пацан, с которым Хенг договаривался.

— Господин, вот ваша карлица, как и договаривались.

— К-хм... Вообще-то мне только её найти нужно было... — посмотрев на нахмурившихся ребят, он поправился. — Но вы молодцы. Перевыполнили план. Это достойно награды.

Он бросил мальчишке тугой кошель, который тот подхватил на лету и чуть не упал под его весом. Развязав завязки, парень округлил глаза.

— Ох! Сколько же тут?

— Полсотни серебряников. Вы заслужили. А теперь попрошу освободить двор.

— Спасибо, господин, — поклонился мальчишка, засовывая кошель за пазуху и прижимая обеими руками. — Спасибо, — продолжил он кланяться.

Не менее ошарашенными выглядели его товарищи. Их лица вытянулись и осветились ликованием. Они принялись кланяться вслед за другом и пятиться на улицу.

Когда от мальчишек и след простыл, а рабыня закрыла ворота, Хенг подхватил девчонку за шиворот. Ткань опасно затрещала, но выдержала. Девушка возмущённо замычала и начала брыкаться, но кулак по темечку её мгновенно успокоил. Хенг не сюсюкался и не церемонился. Нокаутированную пленницу хозяин дома затащил на второй этаж.

Простолюдины считают, что в любом поместье богача обязательно имеется как минимум тюремная камера, как максимум под тюрьму отведен весь подвал, ещё и пыточная там в наличии. Вопреки их мнению, такого в виллах нет и не было. Подвалы отведены под хранение вина, пива и продуктов. Слишком дорого стоит их постройка, чтобы делать там камеры. Да и содержать пленника в подвале ненормально, если только не собираешься его сгноить заживо, что тоже идея так себе. Неприятно жить в доме, зная, что в подвале под тобой гниёт человек.

Более того. На этой вилле даже карцера для рабов не имелось. Сами же рабы жили не в бараках, а в том же доме, но в крыле для прислуги. Если же их следовало наказать, то для этого есть более гуманные методы. Вообще, излишне строго их наказывать нежелательно и даже запрещено законом. Серьёзные наказания допустимы лишь к беглым рабам и бунтарям,

которых отправляют на тяжёлый труд в шахты и каменоломни.

Домашние рабы могут иметь собственные деньги и владеть каким-либо имуществом. В конце концов, если раб сумеет накопить достаточно средств, он может попытаться купить свою свободу и стать «вольнотпущенником».

В пособии по обращению с рабами, которое Афродита давно вручала Чжао, говорилось, что если предполагаются тяжёлые или опасные работы, то лучше нанять на них свободных людей. Тем всего лишь достаточно заплатить немного денег, а рабы — очень дорогое имущество, которое может пострадать и нанести хозяину большие убытки.

Поскольку личной тюрьмы и даже близко похожего помещения в доме не имелось, Хенг принёс пленницу в свой кабинет и бросил на пол, словно мешок с рисом.

Стоило ему выдернуть кляп, как на него полилась брань на английском звонким и при этом слегка охрипшим девичьим голосом:

— Твою мать! Засунь себе в задницу этот долбанный кляп и протолкни straponом, грёбанный педобир! Чтоб твоё очко разодрали...

Кто именно должен был заниматься столь увлекательным занятием, как раздирание его очка, Хенгу не суждено было узнать. А всё оттого что пленница начала ловить ртом воздух и скорчилась от боли. Удар сапогом по печени может утихомирить и здорового мужика, и соплюшку метр с кепкой.

— Успокоилась? — он спокойно смотрел на неё сверху вниз.

— Боже, как вы можете бить детей?

— Ногами. Показать как?

— Я же женщина! — прослезилась она.

— Бывает.

— Я ребёнок!

— С каждым случается.

— Да что ты за человек такой?! Да тебе никогда девушка не даст. Ты извращенец и маньяк!

— Даст. Не даст — сам возьму. Первой своей девушке я вспорол брюхо, вытащил кишки, набил живот рисом и скормил свиньям.

Девчонка замолкла и в ужасе уставилась на лицо Хенга в попытке найти признаки лжи, но он оставался безмятежным и говорил о своём первом сексуальном опыте, словно о чём-то обыденном. Это напугало её ещё больше, отчего она перешла на шёпот:

— За что?!

— Мы пришли на стоянку этих варваров, чтобы предупредить нападение на наши деревни. Сначала меня ранил её муж. Потом чуть не подстрелил из лука её сын. А потом она сама меня чуть не зарезала. Я не прощаю тех, кто пытался меня убить.

— Ужас... — сглотнула она ком. — Какой кошмар... Хотя бы это был сон... Стоп! — она распахнула глаза и по-новому уставилась на парня, словно на говорящего кота. — Ты же говоришь на английском! Мы, мать твою, оба говорим на английском! Этого языка ещё не существует. Это язык будущего. Далекого, мать твою, будущего!

— Ты мою покойную мать не поминай. Печень у тебя регенерирует хорошо — я быстро отучу тебя от этой вредной привычки.

— Ты мой глюк! — запрокинув голову, она безумно захохотала. — А-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха! Ты просто мой глюк. Я сейчас лежу в больнице под аппаратами в коме и жду пробуждения. Да, так и есть. Ха-ха-ха... Кх-кх-кх...

Её веселье закончилось после того, как Хенг поднял её за шиворот и встряхнул. Он усадил её на диван и с шелестом вынул меч. Она замолкла и застыла сусликом, которого ослепили фары. Меч свистнул, девушка зажмурилась и... она почувствовала, как дернуло в районе ног.

Медленно приоткрыв глаза, она с недоверием уставилась на свои ноги и пересчитала их. Обе были на месте, а вот веревка оказалась перерублена. Она подняла взор на парня. Тот качнул мечом и сухо сказал:

— Попробуешь сбежать — на месте веревок будет твоя голова. А может, придумаю что-нибудь более интересное. Бессмертными я свиней ещё не кормил.

— Что за бред? Какие ещё бессмертные? Ты что, «Вечного ирландца» пересмотрел?

— Хороший сериал, жаль, что вымышленный.

— Так значит, я не ошиблась? — появилась на лице девчонки надежда. — Ты тоже попаданец в прошлое? Да? Да что я спрашиваю — так и есть!

— Ты считаешь себя попаданкой в прошлое?

Глядя на ухмылку парня, она неуверенно кивнула.

— Ну да. Это же логично. Я жила в будущем в две тысячи двадцать седьмом году. Потом умерла и попала в дикое прошлое. У нас давно искоренили варварство и рабство. Эй! Развяжи мне руки, мне же больно.

— Потерпишь. Я всяким психам руки развязывать не спешу, — попытавшуюся встать на ноги девочку он толкнул назад и приставил ей к горлу кончик меча. Она тут же застыла и свела зрачки к ледящей стали. — Не дёргайся. Любое движение я восприму за попытку к бегству или нападению и наделаю в тебе дырок. Затем закую в кандалы и использую любимое развлечение Светоликого — отрезание рук и ног.

— Но я же умру! — возмущённо воскликнула она.

— Что за глупости? — фыркнул Хенг. — Нет, конечно. Уж кто-кто, а ты не умрешь. А я получу много пользы. Во-первых, какое-то время ты не сможешь сбежать. Во-вторых, я узнаю то, что меня давно гложет — могут ли бессмертные отращивать конечности.

— И это меня ты назвал сумасшедшей? — в ужасе выпучила она глаза. — Да ты конченный психопат! Я более безумного маньяка в жизни не видела.

— Глупости. Я самый милый и добрый сотник на свете. В Риме с тобой так мило никто бы не беседовал. Тебя бы отдали на поругание солдатам. А когда от тебя остался бы лишь кусок мяса, то распорол бы осла, тебя связали и зашили внутри него, оставив голову торчать из его задницы. После этого наблюдали бы, как ты медленно и мучительно умираешь внутри гниющего трупа.

Девчушка позеленела, побледнела, пару раз дёрнулась, согнулась и раскрыла свой внутренний мир прямо рядом с диваном. Хенг едва успел убрать меч от её горла.

— Персидский ковер! — возмутился он. — Ты хоть знаешь, сколько он стоит?!

— Бу-э!

— Когда купишь новый или отработаешь его стоимость — узнаешь, — хмурый констатировал он.

— Сам виноват, — от испорченного ковра, вернее, от угрюмого вида его хозяина, она пришла в ужас, но бояться дальше было некуда. По крайней мере, она так думала, словив приступ фатализма. — Чего тебе от меня нужно? Хочешь надругаться надо мной? Так вот она я, связанная. Делай, что хочешь. Хочешь, отсосу?

— Ты слишком болтливая, причём не по делу. Отвечай на мои вопросы и не вздумай

врать. Как тебя зовут?

— Дина Блант. Я гражданка Соединённых Штатов Америки.

— Оно и видно. Вы мне всегда казалось двинутыми на голову. Дай угадаю — ты ещё и феминистка?

— Конечно! Женщины должны бороться с давящей пятой патриархата!

— Ты не феминистка и не американка, и даже не попаданка. Ты сумасшедшая девчонка, которая погибла и воскресла. Чтобы спасти твой разум, скажем так, некие высшие силы смоделировали в твоём же мозгу целую жизнь в будущем. Это всего лишь плод твоего воображения, навеянный извне. Из настоящего у тебя лишь знание английского языка, но он не из будущего, а взят из альтернативной вселенной. Ты заплатка на разуме всё той же маленькой девочки, у которой съехала крыша. А ещё ты бессмертная и навсегда останешься в таком виде. А теперь я хочу услышать — как ты оказалась в Арии и вышла на меня?

— Эй! — она ещё не переварила его слов. — Я тебя всего второй раз вижу.

— Не вешай мне на уши рамен. Ты меня увидела и сразу побежала. Так с первым встречным не бывает.

— Интуиция меня заставила. Слышь, мужик, я уже устала бояться. Мне плевать, что со мной будет дальше. Ну что тебе нужно?

Хенг пощёчиной взбудрил Дину.

— Хватит! — вжалась она в спинку дивана, демонстрируя, что ей не так уж плевать на свою дальнейшую судьбу. — Хватит, я всё расскажу. Не надо меня больше бить. Я очнулась в этом теле голая и вся в крови в какой-то придорожной яме и ничего не помнила. А потом почувствовала толчок. Он будто исходил изнутри тела. После этого появился страшный мужик в сияющих желтизной доспехах и с мечом в руке. И он хотел меня зарезать.

— Что было дальше?

— Я завизжала от ужаса и побежала. Я громко орала, звала на помощь и просила вызвать полицию. Впереди показались другие мужики с мечами. Они его спугнули. Потом... — она сглотнула. — Они пытались до меня домогаться, но я и от них сбежала. После этого я выяснила, что понимаю местный язык. Я шла-шла и пришла в какую-то захолустную деревню. Мне подарили мешок и помогли приспособить его под одежду. Я прибилась к добрым людям, которые ехали в город. Они привезли меня сюда на телеге. Я ужасно проголодалась и готова была уже украсть еды, но тут снова почувствовала толчок изнутри и увидела тебя. Я сразу поняла, что ты маньяк, как и тот мужик, поэтому убежала. А потом на меня напали мальчишки, побили, связали и принесли сюда.

— Языком ты чешешь складно, я даже сделаю вид, что поверил, будто ты не подсадная утка Игрока.

— Кого? — вполне натурально свела она вместе брови.

— Игроки — бессмертные, такие как ты и я, которых ты ощущаешь, если они появляются поблизости. Цель их игры как в озвученном тобой сериале про вечного ирландца: «В живых останется только один».

— Хочешь сказать, тот мужик хотел отрубить мне голову?! — глаза Лины стали как блюдца.

— Именно. Так двинутые на голову бессмертные увеличивают силу и скорость восстановления. Только не все из них знают или даже подозревают, что являются живой, мыслящей и ходячей фабрикой по сбору Силы для более древних бессмертных, которым проще убить одного такого охотника, чем гоняться за всеми бессмертными по планете.

— И ты меня... — перехватило у неё спазмом горло.

— Только если ты будешь представлять для меня опасность. Я не Игрок и их правил придерживаться не собираюсь. Как говорил наш тысячник: на войне правил не существует, кто победил — тот и прав.

— То есть тебе не нужна моя голова?

— Нет. Ты со мной ещё за ковер не расплатилась. Что с тебя мёртвой взять, кроме бесполезной кучки мяса, которое будут жрать лишь дикари-каннибалы?

Дина тут же принялась шарить глазами по комнате.

— Чего зыркаешь? — сжал рукоять меча Хенг.

— Ищу, куда ещё наблевать, чтобы задолжать побольше! Уж больно жить хочется, понимаешь ли.

— Не надо мне тут ничего портить. Одного ковра тебе хватит на тридцать лет работы служанкой.

— Фух! — с облегчением выдохнула она, при этом припустила в голос сарказма. — Прям гора с плеч. Спасибо, что успокоил. Раз мы выяснили, что я тебе должна и никто никого убивать не будет — может, всё же развяжешь мне руки?

— Встань, повернись спиной и не шевелись...

Когда разрезанные верёвки опали, Дина начала дышать. Она не заметила, что затаила дыхание.

— Спасибо, — довольно искренне сказала она, медленно обернувшись к парню. — А как тебя звать, босс?

— Чжао Хенг, ханец.

— Ханец? Типа китаец, что ли? Похож. Моё имя ты уже знаешь. Прости, но если мы теперь сотрудничаем, я могу сходить в туалет, умыться и что-нибудь поесть? У меня уже сутки не было во рту ни крошки и всё тело болит от побоев. Я бы не отказалась от медицинской помощи.

— Ванну я тебе покажу, столоваться пока будешь с рабынями, тогу тебе принесут. А медицинская помощь бессмертному — бесполезная трата финансов, так что терпи. Сама виновата. Тут жестокая жизнь, а не игра и не твоё виртуальное будущее, где всё хорошо и розовые пони апокалипсиса побеждают злодеев с помощью дружбы. Забудь всю эту ерунду про свободу, равенство, феминизм и прочую ересь. Тут действует право силы, плюс взаимовыручка между верными товарищами, родом, кланом. Одиночка нигде не выживет и не устроится с комфортом.

— У ВАС ЕСТЬ РАБСТВО?!

— У нас, милочка. У нас есть рабство. Ты такая же часть нашего общества, как и я, как и многие другие. И радуйся, что тебя первыми поймали мальчишки, а не работоторговцы. Иначе ты бы уже оказалась клеймёной и раздвигала ноги в борделе.

Сытая и чистая Дина уснула в предоставленной ей комнате. Наесться досыта, искупаться и уснуть в чистой постели — это то, чего ей так сильно не хватало. Ещё и одежду новую получила. Правда, назвать белую тряпку одеждой было сложно. В её понимании должно быть хотя бы платье. Она так и не поняла объяснений чернокожей девушки, как сделать из этого покрывала тогу.

Она настолько вымоталась, что лишь стоило принять горизонтальное положение, как сразу же уснула.

Среди ночи она проснулась и резко села от знакомого чувства. Её дернуло изнутри, о чём спросонья она не сразу сообразила.

Дина обмотала белое покрывало вокруг туловища на манер банного полотенца и тихонечко выбралась из комнаты. На дворе стояла ночь. Через мутные стёкла в коридор проникал свет Луны, но его едва хватало, чтобы не упасть.

Она прокралась до конца крыла прислуги и просочилась в приоткрытую ею дверь в хозяйскую часть дома. Так она добралась до конца коридора — дальше начиналась гостиная-столовая на греческий манер.

Подобное назначение комнат ей было непонятно, поскольку она привыкла, что в США гостиная и кухня-столовая расположены отдельно. Тут же гости проводили время, лёжа на кушетках за круглым столом. Но тут имелись и диванчики.

Выглядывать Дина побоялась, но до её ушей донёсся приятный женский голос:

— Гефи мне всё рассказал. Ты решил завести себе наложницу?

— Не говори глупостей, Афи. Она выглядит соплюшкой, а мне нравятся обычные девушки. К тому же, я до сих пор не уверен, что она не подсадная утка Игрока.

— Соседи разнесли по всему городу слухи, будто ты купил у мальчишек рабыню-нищенку, — продолжила девушка. — Будь осторожен. Не важно, охотится за ней бессмертный или использует в качестве наживки. В любом случае он по городским слухам легко на тебя выйдет.

— Афи, я не ожидал твоего визита столь поздно. Мы могли обсудить всё утром.

— Нет-нет, мой воин. Как я могу оставить тебя наедине с другой коварной девой? Этой ночью я буду охранять твою постель!

— Может, не надо, а?

— Надо, малыш. Надо.

— Если утром припрётся этот двинутый на голову Игрок, я стану короче на голову, потому что останусь без сил.

— В таком случае я встану на твою защиту... И вообще, не смей отказывать богине!

— Афи...

— Тс... Лучше расскажи, что ты узнал о девчонке?

— Ты же сказала, что всё узнала от Гефеста.

— Я хорошо знаю своего братца — он мог многое упустить, посчитав бесполезной информацией.

— Девчонка такая же двинутая на голову, как и я. По всей видимости, перед смертью над ней жестоко надругались, из-за чего она свихнулась. Она говорит, что из памяти ей досталось лишь знание парфянского языка. Свободно говорит на английском. Эсперанто не

проверял, но думаю, что и его она должна знать.

— И как она тебе?

— Слишком много тараканов в голове. Верит в превосходство женщин над мужчинам и всякую ерунду вроде того, что рабства не должно существовать. Ну и в добрых людей и честных стражей порядка тоже наивно верит. Не удивлюсь, если она попробует сбежать.

— Пусть бежит, — в голосе Афродиты слышалось веселье. — Думаю, после пары изнасилований и смертей она стрелой вернётся к тебе и будет умолять о покровительстве.

— Боюсь, что не вернётся, поскольку её окончательно упокоит Игрок.

— Кончай сотрясать воздух, — с нетерпением громко прошептала девушка. — Плевать на девчонку — она бесполезна! Разве что сделать из неё жрицу любви... Хенг, скорее идём в твою спальню. Я сгораю от нетерпения приступить к охране твоей постели.

Дина дождалась, пока парочка удалится на второй этаж. Сердце бешено колотилось. Она начала дышать полной грудью, поскольку до этого пыталась вдыхать воздух через раз. Прислонившись спиной к стене, она громко втянула воздух ноздрями.

— Боже мой, так это правда! — в ужасе прошептала она.

На ватных ногах она вернулась в постель и рухнула в койку. Мысли безостановочно кружили в голове, не давая ей уснуть. С одной стороны — маньяк, который охотится за ней. С другой стороны — баба, которая хочет отдать её в бордель. И третья сторона — очередной жестокий маньяк, но он хотя бы имел причины так обращаться с ней и предоставил ей крышу над головой, кормёжку и одежду.

Куда она пойдёт? Тут же вокруг одни дикари и жестокие нравы. Любой мужлан может сделать с ней всё, что пожелает. Бессмертие, если оно действительно существует, ей не поможет, а лишь усугубит положение. Значит, ей нужен защитник и покровитель.

Никогда Дина не могла подумать, что она, ярая феминистка, которая с пеной ли у рта отстаивала права женщин перед мужланами, сама придёт к мысли спрятаться за спиной сильного мужчины и жить на его обеспечении. Но сейчас ей этот вариант казался наилучшим и желанным. Она готова была согласиться даже на роль рабыни, лишь бы остаться жить в безопасности и комфорте. Голодать на улице и опасаться каждого встречного, включая детей, ей, мягко говоря, не понравилось.

Проинструктированные вдоль и поперек рабыни следили за каждым шагом новенькой девчонки. Они помогали ей, объясняли обязанности служанки, но из-за детской внешности старались сильно не нагружать.

Дина сгорала от любопытства в ожидании появления хозяина дома, но утром ни он, ни его гостя, не вышли из спальни. Оба выползли из комнаты лишь к обеду. Глядя на довольное лицо Афродиты, она крепко сжала кулаки. Та словно лисица, объевшаяся сметаны, распространяла вокруг себя ауру похоти.

— Почему так? — задрав голову к потолку, шепотом спросила Дина. — Почему одним всё: красивая внешность, сильный и богатый мужчина, а другим достаются детское недоразвитое тело, рабский труд и побои?

— Не зевай, — подтолкнула её в спину чернокожая Рабия — одна из рабынь. — Господа изволят обедать. Сбегай за хлебом.

— Угу. Я мигом, — вопреки своим словам, она поплелась на кухню черепашьими

шагами.

После обеда Хенг повесил на пояс меч и пошёл провожать Афродиту. Её дожидались десять солдат и шестеро негров с паланкином.

— Готовься, мой сладкий медок, — напоследок она поцеловала парня. Разорвав объятья, продолжила: — Этой ночью я снова буду тебя охранять.

— Звучит...

Что Хенг собирался озвучить — никто не узнал. У него внезапно взвыла интуиция, предупреждая об опасности. Он сдвинулся в сторону и выхватил меч. Мимо того места, где он только что стоял, промелькнула стрела.

— Лучник! — гаркнул он. — Прямо, крыша соседнего дома.

Лучник успел выстрелить ещё раз, но эту стрелу на лету Хенг сбил мечом и аналогично сдвинулся с её пути.

— Этот Игрок играет не по правилам, — Афродита стояла в окружении солдат, прикрывающих госпожу щитами. Четверо воинов рванули в сторону соседнего поместья.

Лучника уже не было видно на крыше. Он поспешил удрать.

— А ты почему не бежишь его ловить, Хенг? — из-за спин охраны спросила Афродита.

— Мне что, больше всех надо? — приподнял он брови. — У тебя есть солдаты — вот пусть они и ловят убийц. И вообще, я подумываю, что пора обзавестись собственным отрядом воинов. Заметь — лучник стрелял в меня.

— Не слепая — я рядом стояла.

— Интересно, — его взгляд был устремлён на крышу соседнего дома, — как он попал в тот дом? Там же живёт купец.

Афродита охотно пояснила:

— Купец в торговом походе. Жену он потерял пару лет назад. Дочерей выдал замуж. Сын путешествует вместе с ним. В доме оставалась пара пожилых рабов. Их могли как подкупить, так и убить.

— Сомневаюсь, что пожилые рабы пошли бы на подкуп. Куда им деваться, даже если на руках будет приличная сумма? Вот молодые могли бы.

Когда воины вернулись ни с чем, сразу стало понятно, что лучника они упустили. Их доклад лишь подтвердил выводы Хенга.

Охрана выпустила важную персону из кольца, но была настороженна и внимательна как никогда.

— Афи, как думаешь, почему лучник стрелял в меня? Если это был Игрок или кто-то им нанятый, то он должен был понимать, что это бессмысленно.

— Смысл есть, просто ты его не видишь. Например, он знает, что тут есть бессмертный, но не может понять, кто из нас двоих им является.

— И откуда он это знает? Хотя... — он кивнул своим мыслям. — Давай вспомним вчерашний день. Я почувствовал приближение бессмертного несколько раз. Первый раз, когда мальчишки принесли Дину. Второй раз навещал Гефеста. Затем снова почувствовал девчонку по возвращении домой. Затем пришла ты. А ты?

Афродита несколько секунд размышляла, после чего поведала:

— Сначала меня навещил Гефест, потом я навестила тебя. При приближении к твоей вилле я несколько раз чувствовала бессмертного, но подумала на тебя и девчонку. Вероятно, в этот момент Игрок шпионил за твоим домом и почувствовал меня, но не понял, кого именно. Он решил проверить и нанял убийцу или же сам был тем лучником. Если бы ты

ожил, то он точно узнал бы, что ты бессмертный.

— Глупый способ проверки. Я сходу могу выдать несколько лучших и более надёжных вариантов.

— Никто не говорил, что охотник умный, — прикусила губу Афродита. — Хитрый — да. Умный? Не исключаю. Возможно, это был какой-нибудь хитрый план или ещё что-то. К сожалению, мы не можем заглянуть в его мысли. Странно, что нападение произошло при солдатах. Логичней было дожидаться моего ухода.

— Странно, если только... — Хенг нахмурился и обернулся к дому.

— Если только что? — приподняла брови Афродита.

— Если это не было отвлекающим трюком! — Хенг рванул бегом в сторону дома.

— Помогите ему, — приказала Афродита.

Пятеро солдат побежали за ним. Половина осталась охранять госпожу.

Ворвавшись в дом с обнаженным мечом, Хенг сразу же обнаружил окровавленную рабыню. Она лежала с перерезанным горлом в гостиной-столовой у входа в крыло прислуги.

Услышав шорохи на заднем дворе, он побежал сначала в оружейную комнату, которая имела у него на каждом этаже и выглядела как неказистая дверь в кладовку. Быстро схватив арбалет чо-ко-ну и колчан с болтами к нему, он побежал в крыло прислуги, миновал ещё один труп рабыни и выскочил через чёрный вход на задний двор. В нём клокотала ярость. Кто-то посмел уничтожить его ценное имущество — молодых и преданных рабынь. Таких днём с огнём не сыщешь, тем более экзотических чернокожих нубиек. А сколько сил ему стоило научить их готовить ханьские блюда...

Воины Афродиты не успевали за ним. Но они особо и не спешили. Их задача — защищать госпожу. Сложить головы ради какого-то ханьца — любовника их хозяйки они не стремились. Вот и поспешали не спеша.

На заднем дворе среди деревьев сада Хенг обнаружил три фигуры вооруженных мужчин. Один из них нёс на плече связанную Дину с заткнутым кляпом ртом. Хенг почувствовал бессмертного, но это с одинаковым успехом мог быть кто-то из похитителей или же Дина.

Они обнаружили его и ускорились. Хенг закинул меч в ножны и со всех ног побежал вдогонку. На ходу он забивал магазин арбалета болтами и взвёл рычаг.

Похитители осознали, что не успеют перемахнуть забор вместе с добычей. Их товарищу мешала бежать живая ноша. Тогда они встали как вкопанные и развернулись к преследователю с обнаженными мечами. Давая товарищу уйти с добычей, они рванули навстречу Чжао.

Теперь он мог рассмотреть их лица. Это были смуглокожие индусы с густыми бородами, но одетые в легкие кожаные доспехи на манер варваров: жилет, штаны и накладки на предплечья, которые можно скрыть под просторными одеждами из мешковины. Вооружены они были гибкими саблями из отличной дамасской стали. Такие сабли при желании можно обмотать вокруг пояса. Типичный набор воинов-диверсантов, которые пробираются в город под видом путников. Если стража не будет придирчиво их разглядывать, а она в мирное время не будет, то такие диверсанты запросто пройдут в город, пронеся на себе доспехи и мечи.

Это был слаженный и подготовленный отряд, заточенный на похищение людей, убийства и диверсии. Небольшая группа, но эффективная. Четвёртый — лучник, отвлек внимание, а эта тройка в это время похитила бессмертную девчонку для своего хозяина

игрока-охотника.

Теперь Чжао был уверен, что среди них нет бессмертного главаря. Он наверняка ждёт их в безопасном месте, не рискуя своей шкурой. На это намекало несколько фактов. Во-первых, то, кого он выбирал в качестве своих жертв — дети. Во-вторых, использование им группы убийц. Хенг не сомневался, что охотник задействует эту группу в том числе и для убийства более опасных бессмертных, чем дети.

Вскинутый арбалет заставил убийц испуганно распахнуть глаза, и не зря. Хенг без стеснения на бегу выстрелил. Несмотря на вёрткость и попытку увернуться, один из похитителей словил болт в правое бедро и завопил от боли дурным голосом. Его товариш огромными прыжками с перекошенным от злости и страха лицом побежал навстречу Хенгу.

Тот успел взвести арбалет повторно и выстрелить ещё раз. На этот раз он промахнулся.

Расстояние излишне сократилось для стрельбы, поэтому пришлось отбросить колчан и чо-ко-ну и схватиться за меч.

Убийца в длинном выпаде попытался его достать, но Хенг увернулся и кромкой прямого меча увёл в сторону гибкий клинок. В следующий миг он резким выпадом ноги ударил противника по правому бедру и воткнул меч ему в брюхо.

Освободив клинок, он подхватил арбалет и побежал дальше. Сад хорошо скрывал последнего диверсанта. Тот уже достиг стены, но заметил преследователя и понял, что не успеет удрать с добычей. Заметив направленный на него арбалет, он скинул девчонку с плеча и прикрылся ею. Она пыталась брыкаться и громко мычала.

Хенг без раздумий выстрелил. Арбалетный болт попал в живот Дины, заставив её заверещать от боли.

Испуганный похититель отбросил девчонку в сторону и пока Хенг его не настиг и перезаряжал чо-ко-ну, он прыгнул вверх, ухватился руками за край забора и быстро подтянулся. Он очень ловко с поразительной быстротой перемахнул через забор и спрыгнул с другой стороны, избежав очередного болта, который просвистел над забором.

Дальше преследовать беглеца ханец не стал. На улице вполне могла иметься подмога. Да тот же лучник, к примеру. А если его подстерегут и лучник, и сам охотник, то есть немаленькая вероятность стать короче на голову.

Он подошёл к Дине и выдернул болт из живота, что сопровождалось обильным кровотечением, а также её выпученными глазами и громким стоном.

Когда он развязал её и вынул кляп, девушка разразилась тихой бранью на английском.

— Ты меня подстрелил! — закончила она свой спич.

— Ага. Зато ты живая.

— Мне нужна Скорая помощь. Я умираю.

— Мечтать не вредно. До ближайшей Скорой помощи пара тысячелетий, так что терпи. Умрешь, воскреснешь и будешь как новенькая.

— Псих!

— Раз есть силы ругаться, значит, не так уж тебе и плохо. Ты мне лучше вот что скажи, — стал он серьёзным и суровым, заставив девушку проглотить очередную порцию слов. — Как выглядел нападающий, от которого ты убегала в первый раз после пробуждения?

— Думаешь, я помню?! Бородатый, с мечом, больше я ничего не запомнила, поскольку удирала.

— Цвет бороды, цвет кожи?

— Смуглая... Да, у него была смуглая кожа, как у этих Козлов, которые меня похитили.

— Индус?

— Эм... Ну да, вроде индус.

— А говоришь, что не помнишь. Значит, кшатрий из соседних регионов, где отдают предпочтение варварской одежде. Или просто жил там.

— Твою мать! Как же больно! Сделай что-нибудь, не стой столбом! Эй! Я тебе говорю. У меня дыра в брюхе!

— Могу добить.

— Нет-нет, зачем так кардинально? — она стиснула зубы. — Так и быть — потерплю.

— Я серьёзно. Могу добить. Очнешься уже здоровая и без боли.

— Псих!

— Дина, ты повторяешься. Как хочешь — я предлагал. К сожалению, рабыни мертвы, а мне нужно поскорее найти детей собак, которые посмели напасть на мой дом. Так что ухаживать за тобой некому. Придётся потерпеть, пока я буду переносить тебя в дом.

— Как мертвы? — замерла она, вытаращив изумлённые глаза на босса. — Совсем?

— Совсем-совсем. Они же смертные... были.

— Даже Рабия?

— Она погибла первой. Ей перерезали горло от уха до уха, чтобы не успела закричать.

— Какой ужас! — глаза Дины наполнились влагой. Она хлюпнула носом и завывала то ли от боли в животе, то ли от горя.

— Привыкай. Если умудишься приспособиться выживать в этом жестоком мире, то вокруг тебя всегда будут умирать люди. Потому что они смертные, а ты в теории можешь жить очень долго.

Недовольство Хенга росло как на дрожжах. Его бесили стражники Афродиты. Он их мысленно называл неповоротливыми ленивыми свиньями. Если бы они нормально действовали, то можно было бы поймать хотя бы одного живого врага и пытками выведать у него информацию.

Ещё его злила сама Афродита. Она сильная воительница, при этом палец о палец не ударила, а сидела в окружении стражи, словно обычная аристократка.

Смерть рабынь его тоже злила, как и вопли раненой Дины. Женщины и не такую боль выносят во время родов, а она нервы треплет. В итоге он вместо дела занялся изготовлением обезболивающего отвара.

Напоив девчонку горячим отваром из обезболивающих трав, он попросил у Афродиты солдат для её охраны, после чего отправился к знакомой ватаге пацанов поручить им поиски Игрока и остатков его команды. Только на этот раз он выдал чёткие указания, чтобы мальчишки никуда не лезли, ни кого не пытались схватить и вообще не выказывали своего интереса.

Пока он отсутствовал, солдаты похоронили рабынь. Но чистоты в доме от этого не прибавилось. Полы гостиной и коридора крыла прислуги так и остались залитыми кровью. Пришлось снова отправляться в город и нанимать первых попавшихся простолюдинок на подработку уборщицами.

Этот день продолжал оставаться суетным. После ухода довольных девок, которые не только неплохо заработали, но и получили тему для пересудов на ближайшие пару недель, Хенг занялся важным делом. Он принялся за изготовление ядов и дымного пороха.

Ещё при изготовлении амуниции в кузне Гефеста он по старой памяти Хизеши решил обзавестись нормальным оружием. И пока он был предоставлен сам себе — изготовил двуствольное гладкоствольное ружьё, дробь и гильзы для патронов.

На самом деле сделать гладкоствольное ружьё проще простого, если руки растут из нужного места. По сути, это прочная труба и заглушка с одного конца — это в самом упрощённом варианте. При добавлении бойка, спускового крючка, приклада и взвода спускового крючка при переломе ружья получается полноценное ружьё. Вся сложность в изготовлении той самой трубы методом примитивных технологий. Но и это опытному кузнецу по силам. На поток такое оружие при нынешнем развитии технологий сложно поставить, но единичные экземпляры сделать реально. Тут главное концепция. Порох известен ханьцам, но используется в основном для создания фейерверков.

Самая большая сложность в создании огнестрельного оружия в условиях дикого мира — изготовление капсюля*.

Для создания надежного и дешёвого капсюля Чжао пришлось использовать те же смеси, что используются в капсюлях современных для Хироши ружьях — смеси с гремучей ртутью.

Гремучая ртуть получается после растворения ртути в азотной кислоте и кипячении полученного раствора с добавлением спирта. После смешивания с сурьмой и бертолетовой солью получается наполнитель для капсюля. Дальше этот состав необходимо правильно запрессовать в капсулу. Если ошибиться на этом этапе, то поджиг патрона может растянуться на секунды и даже десятки секунд, что в бою недопустимо и вне боя травмоопасно. Можно подумать, что произошла осечка, а в итоге выстрел произойдёт

внезапно и в этот момент некоторые особо одарённые личности могут по глупости посмотреть в дуло или направить его на кого-то.

Последние пару лет в свободное время Чжао занимался запрессовкой капсулей, подобрал идеальную консистенцию наполнителя и уже набил руку. Но все сделанные патроны он расстрелял в ближайшем лесочке, когда испытывал ружьё. Все химикаты приходилось изготавливать самостоятельно, в чём помогли школьные знания Хироши по химии. Естественно, предварительно многое покупалось на базаре, к примеру, ртуть.

На территории виллы было отстроено отдельное строение, разделённое на две части: мастерскую и алхимическую лабораторию. В последней гнался спирт и проводились химические манипуляции, а в первой с помощью пресса весом полтонны запечатывались капсулы.

К вечеру у Хенга имелось два десятка патронов. Не так много, если задуматься, но если представить, что это все патроны в мире, то их количество уже смотрится куда солиднее.

Рана от болта у Дины затянулась, но всё ещё болела. Увидев своего спасителя, она дёрнулась, что отдалось болью в животе.

— Сегодня спишь у меня в комнате, — заявил он.

— Эм... — растерянно захлопала она ресницами. — Но я же ранена. Мне будет некомфортно. Может, подождёшь, пока я выздоровею? Или ты решил надо мной поиздеваться? И вообще, раньше ты этим на мой счёт не интересовался. Неужели твоя любовница сегодня не согреет тебе постель?

— Ты о чём?

— О сексе, конечно.

— Женщины, — закатил он глаза. — У вас все мысли об одном... Тебя могут прийти убивать или похищать. Рядом со мной ты будешь в большей безопасности. К тому же, я собираюсь исключить возможность ложной реакции на приближение бессмертного, если тебе вдруг ночью приспичит прогуляться во двор.

Дине стало неловко и вместе с этим вдвойне обидно, что ею как женщиной не интересуются. С другой стороны, это же казалось ей правильным, поскольку на неё в нынешнем виде западёт только любитель маленьких девочек. Но от этого обида не исчезла, хотя пару баллов Хенг в её глазах заработал.

— Давай осмотрю твою рану.

Она медленно, чтобы не потревожить рану, задрала окровавленный кусок тоги.

— Только ткань зря портишь, — покачал головой Чжао. — Перемотала бы чем-то ненужным из тряпья рабынь. Тогы дорого стоят.

Несмотря на бурчание, он достал из кармана баночку с зеленоватой жирной субстанцией. Принюхавшись, девушка ощутила запах жира и зелени.

— Что это? Из чего оно?

— Живящая мазь из лечебных трав и гусиного жира. У тебя рана быстро заживает — уже завтра будешь в полном порядке. Даже завидно. У меня на первых порах после инициации такие раны заживали неделями.

— Можно подумать, у тебя этих ран было много! — поморщилась она, когда рука с мазью коснулась затянувшейся кожи.

— Много, — потёр он кисти. — Когда я попал в рабство, меня неплохо отходили палками. Чтобы сбежать, я кандалами чуть не отрезал себе руки. Потом мне чуть руку не отрубили. Со временем регенерация становится лучше, но до определённого предела. Чтобы

и дальше её улучшить, придётся убивать других бессмертных, чего я настоятельно не рекомендую. Нормальному человеку Игра не нужна.

— Да что за игра? Ты не первый раз её упоминаешь, но я не совсем понимаю.

— Ты же смотрела фильм...

— Ну, смотрела. Там бессмертные пытались отрубить друг другу головы. Не понимаю зачем? Ведь могли нормально жить.

— Такова человеческая природа. Не могут люди жить спокойно — всегда среди них находятся активные энтузиасты, маньяки, психи, убийцы, фанатики, грабители. Я тебе уже говорил, что Игра была придумана старыми бессмертными, которые выдают себя за богов. Со временем при определенных действиях источник силы бессмертного уменьшается. Они придумали плодить других бессмертных, чтобы те убивали друг друга и копили в себе этот самый источник силы. И когда эти люди-фабрики по фарму наберут достаточно Хэ-Пэ, придёт «старичок» и заберёт своё. И чтобы бессмертные с энтузиазмом собирали им Хэ-Пэ, они придумали Игру. Мол, кто убьёт всех других бессмертных — обретёт божественное могущество.

— Разве не обретёт? — моргнула она, попытавшись представить, что сделала бы, обладая могуществом бога.

— Такая большая, а веришь в сказки, — Хенг смерил Дину снисходительно-ироничным взглядом. — Нет, конечно! Таким образом можно только регенерацию ускорить. То есть восстановление организма будет происходить быстрее.

— А мы разве не бесплодные?

— Мы — бесплодные. А первое и второе поколение бессмертных очень даже плодотворные. Скажу больше — мы все их дети от смертных женщин или мужчин. Если «старая» бессмертная женщина рождает ребенка, то может его подкинуть смертным. Если же бессмертным был отец, как это было со мной, то семья может иметься в наличии.

— Что?! — широко распахнула глаза Дина. — То есть мы все их потомки? Это выходит, что мы с тобой брат с сестрой?

— Не исключено, но маловероятно. Скорее, мы двоюродные, троюродные или даже четвероюродные кузены. Старых бессмертных должно быть немного. Сколько точно, мне не удалось выяснить, но Афродита одна из них. Она из фракции противников Игры, как и мой учитель Гефест.

— Точно? — с недоверием протянула шокированная девушка.

— То, что она из второго поколения бессмертных и может иметь детей — точно. Насчёт Игры... — Чжао прикусил губу. — Скажем так, я предпочитаю верить, что это правда. Но на задворках сознания всё равно держу мысль, что я могу быть её личной фабрикой. Этаким поросёнок, которого откармливают на убой. И тебе рекомендую держать в голове ту же мысль. Надеюсь, тебе хватит ума не озвучивать её вслух кому-то другому.

Дина с серьёзным видом кивнула.

— Но почему тогда ты мне говоришь об этом?

— Дина, я солдат и не привык врать, оттого при дворе Светлоликого надолго не задержался, — не моргнув глазом, покривил он истиной. — Скажу честно: ты не выживешь без меня. Ты либо умрёшь в скором времени, либо будешь держаться подле меня. Если попросишься под крыло Афродиты или другого старого бессмертного — тебя используют и кончат, когда станешь бесполезной.

— А ты так не сделаешь? — прищурилась она.

— Я? Если ты мне надоешь — я тебя просто прогоню и перестану защищать.

— И ты даже не позаришься на мою силу бессмертной? — продолжила она.

— Зачем? Меня и так устраивает моя регенерация. Я больше опасаясь, как бы у тебя в башке чего не переклинило и ты не пошла отрезать мне голову.

— Как ты мог такое подумать?! — возмутилась она. — Я не убийца!

— Да кто тебя знает? — пожал он плечами. — Всё же наше знакомство началось грубовато, к тому же ты «из будущего» и феминистка.

— Не, ну... — поморщилась Дина, вспомнив не самые приятные моменты знакомства с сандалиями Хенга. — Я не обижаюсь. Разве что за стрелу.

— Болт.

— Что, прости?

— Я говорю, — продолжил Чжао, — болт — так называется арбалетная стрела. Я знал, что ты бессмертная, поэтому и стрелял без лишних раздумий. Жаль, что этот сын собаки прикрылся тобой как щитом. С другой стороны, ему пришлось тебя бросить. В противном случае ты уже могла расстаться с головой. Если так хочешь — в следующий раз я не буду тебя спасать.

— Эй! Я не это имела в виду. Не нужно меня не спасать... В смысле, меня нужно спасать. Просто можно же делать это как-то аккуратнее?

— Понял. В следующий раз сверну тебе шею, чтобы не мучилась от боли.

— Нет-нет! Что ты, не стоит! — испуганно выпучила глаза Дина. — Меня всё устраивает.

— Ладно, хватит шуток. Идём в мою спальню.

Неловко натянув на место тогу, Дина медленно поковыляла за парнем. Каждый шаг отдавался болью в ране, но это было куда терпимее, чем в первые часы. Она с изумлением обнаружила, что боли стало меньше. Обычно лекарства действуют дольше.

Не сразу она обратила внимание на пустые коридоры и гробовую тишину в доме. Лишь дыхание её спутника и её шарканье нарушали это безмолвие в полумраке, освещаемом лунным светом из окон.

— Хенг, а где воины?

— Их отозвала хозяйка.

— Та самая Афродита?

— Именно.

— Она сегодня не придёт? — Дина представила, что ей придётся находиться в одной комнате с парочкой, которая занимается сексом. Одна лишь мысль о том, что ей доведётся стать невольным куколдом, причиняла страдания. — Не хотелось бы, — тихо добавила она.

— Ага, — кивнул он.

— Что? — повернула к спутнику голову удивлённая Дина.

— Что «что»?

— Ты со мной согласился, ведь так?

— Да она меня затрахала уже! Все соки выжала... В смысле, её не будет. И солдат не будет. Ты знакома с рыбалкой на уд?

— Удочку?

— Одно и то же. Значит, знакома. Мы с тобой червячки на крючке. Только я натренированный червяк, способный набить рожу рыбе и принести её рыбаку. Афродита слишком сильно дорожит своей жизнью. Она использует нас в качестве приманки для

охотника, а сама в этот момент окружила себя охраной и будет ждать результатов «рыбалки». Днём же она дала солдат, поскольку была уверена в том, что охотники будут зализывать раны, плюс дала мне возможность подготовить горячую встречу. Короче, это подстава.

— И после этого ты с ними будешь продолжать сотрудничать?!

— Ага. Мне некуда деваться. Эти двое древних бессмертных слишком много знают и умеют. Пока я не выжму из них всё — я к ним привязан. Плюс одиночка не сможет распорядиться нормальными суммами денежных средств. Эти двое это понимают. Ещё такой момент: пока мы полезны друг другу — не стоит ждать подставы. Когда подойдём близко к черте, я не исключаю, что кто-то из этой парочки попытается отрубить мне голову. А может, и нет. Отпустят в свободное плавание и будут использовать как спящего агента, играя на чувстве благодарности за помощь на начальном этапе. Это наилучший вариант.

Стоило двери в спальню открыться, как Дина застыла соляным столбом. Её рот невольно распахнулся, а глаза попытались совершить побег из глазниц. Глядя на кровать, она протянула:

— Э-э-э...

— М-м? — обернулся к ней Хенг.

— Э-э-э... Это же на кровати ружьё?

— Ружьё.

— Ружьё?!

— Ружьё!

— В доисторической эпохе... Ружьё! Мать его, ружьё!!!

— Ну да, ружьё.

— Современная двустволка, мать его! — вырвалось из уст девчонки. — Мать твою, откуда в древности ружьё? Тут что, повсюду филиалы «Браунеллс»**?!

— Если бы... — печально вздохнул Хенг.

— В таком случае это шутка? Да? Розыгрыш?! Вы меня разыграли, построили целый древний город, наняли толпу актёров.

— Во-первых, кто ты такая, чтобы ради тебя устраивать столь масштабный розыгрыш? Во-вторых, в твоём виртуальном будущем люди умели пересаживать сознание в другое тело?

— Нет, не умели, — из Дины словно разом выпустили весь воздух. Она покачнулась и опёрлась спиной на дверной косяк. — Тогда это может быть виртуальной реальностью.

— Не может. Я в виртуальном будущем писал программы для виртуальной реальности. Она и близко не похожа на жестокую и полную боли реальность, в которой мы живём. Так что отбрось иллюзии и не сходи повторно с ума.

— Но... тогда откуда тут ружьё?

— Я сделал. Знания из «будущего» очень полезные, знаешь ли. Тебе тоже неплохо бы вспомнить школьную программу, если тебе её эмулировали.

— Я ходила в школу, но училась плохо и ничего такого полезного не помню.

— Вот так всегда. Девяносто процентов подростков считают, что есть куда более интересные дела, чем учить какую-то там бесполезную химию. А потом попадают в прошлое и не могут даже сделать порох и сварить мыло.

— Эм... Хенг, вообще-то никто из них не попадает в прошлое.

— Правда что ли? — насмешливо он посмотрел на Дину.

— Фак! — закатила она глаза. — Ну ладно, иногда такое случается. Но очень редко.

По старой солдатской привычке спать где угодно и когда угодно Чжао уснул почти мгновенно. Пришлось пойти на некоторые неудобства, к примеру, он не раздевался и даже не снимал сандалий, а рядом с ним лежали меч и ружьё. При этом на поясе был надет самодельный патронташ с патронами.

Дина долго не могла уснуть. Её положили спать на соломенный матрац, который кинули на пол. Солома непривычно колола бока и спину. Сначала её беспокоила рана. Она долго не могла найти удобную позу и с завистью поглядывала на хозяйский траходром два на два метра из прочной древесины. Когда же удобная поза была найдена, она не могла сомкнуть глаз из-за переживаний. Ей было страшно до дрожи поджилок. Её пугало и то, что придут бандиты и снова похитят её, чтобы убить. Страшно было и от того, что Хенг её спасёт в своей бескомпромиссной манере, к примеру, вместо разрезания веревок отрубит руки и беспечно заявит, что новые отрастут. Ещё страшнее становилось от мыслей, что её никто не станет спасать, а используют как наживку. Ещё она с печалью вспоминала комфорт своей маленькой квартиры-студии. Пускай двадцать квадратных метров, но там имелся санузел с душевой, вода, электричество, интернет и удобная кровать. А тут всего этого нет. Когда же она почти сомкнула глаза, организм настойчиво дал понять, что требуется опустошить мочевой пузырь.

Она тихонечко встала, чтобы не разбудить Хенга, и направилась к выходу, дабы посетить уборную, расположенную во дворе.

Девушка не заметила, что Хенг распахнул глаза. Тихий шум, наоборот, разбудил его. Он увидел, как Дина выходит из комнаты. Нащупав меч и ружьё, он стряхнул остатки сна и мягко встал на ноги...

*Капсюль — устройство для воспламенения порохового заряда в огнестрельном оружии. Представляет собой стакан из мягкого металла (латуни, меди и т. п.) с небольшим зарядом чувствительного к удару взрывчатого вещества. Когда курок или ударник накаливает капсюль, этот заряд взрывается и создает форс пламени, поджигающий пороховой заряд и повышающий давление для устойчивого горения пороха.

**Браунеллс — сеть популярных оружейных магазинов в США с самой большой посещаемостью в мире в среднем 153 тысячи человек в сутки.

Темнота двора пугала Дину, но мочевого пузыря имел на этот счёт своё мнение. Он гнал девушку в туалет по типу яма с будкой. Между прочим, весьма прогрессивный сортир для своего времени. Многие люди в других городах и странах справляют нужду в сточные канавы, а в деревнях почти все гадят под кустами. И всё же ей был милее белоснежный фаянсовый унитаз.

Чжао подобно знаменитым в будущем ниндзя тихо и незаметно крался за девчонкой, в чём ему помогали темнота и хорошее знание местности.

Когда она подходила к туалету, из-за сортира выскочил тот самый выживший похититель в компании с напарником. Судя по телосложению, это был лучник. Их ни с кем не спутать, поскольку лучник имеет особенную подготовку. Их мышцы развиваются специфическим образом и навык стрельбы из лука требует постоянной практики.

Сам Хенг из лука умел стрелять постольку поскольку. Если сильно приспичит, то живность на охоте подстрелит. Но полноценно воевать с луком он не возьмётся. Тут одно из двух: либо поддерживать хорошую форму мечника, либо быть хорошим лучником. Совместить оба пункта не получится.

Вопреки тому, как должен действовать вооруженный ружьём человек, Чжао спрятался за большим стволом дерева.

Огнестрельное оружие дарует человеку небывалую уверенность в собственных силах. Ни одно другое оружие не внушает подобную самоуверенность. Ружьё в руках кружит голову своей смертоносной мощью и пониманием, что всего одним нажатием на спусковой крючок можно отнять чью-то жизнь. Хенгу сложно было удержать себя в руках и не пристрелить обоих мерзавцев на месте. Но не они ему были нужны, а их босс. Эта парочка — расходный материал для бессмертного. Он может найти таких исполнителей сотни и тысячи. При этом основную угрозу представляют не они, а командир. Именно на него собирался он выйти.

Похитители действовали стремительно. Они не дали жертве издать ни единого звука. Первый был вооружен дубинкой, которой тут же сильно огрел Дину по голове. Судя по хрусту, он не только проломил ей череп, но и мог свернуть шею. Естественно, она тут же рухнула то ли без сознания, то ли временно мертвая, что для бессмертного почти одно и то же.

— Ты был прав, Джи, — ухмыльнулся лучник, говоря на санскрите. — Устроить засаду у отхожего места — отличная идея. Эта дурочка сюда в итоге пришла.

— Ну, так ясное дело — все ходят по нужде. Я только боялся, что придётся просидеть в засаде до рассвета.

Лучник держал в руках верёвку, которой быстро связал жертву.

Его напарник повесил дубину за петлю на пояс, подхватил жертву на закорки и пошагал на выход с виллы. Лучник держался позади, зыряка по сторонам, что немного снижало мобильность преследователя.

Хенг тенью двигался в темноте за ними, стараясь не допускать прямого взгляда. Опытным воинам известно, что прямой взгляд со злым намерением человек может почувствовать. А вот рассеянный взор направленный на местность он уже не ощутит.

Ночные улицы Александрии-Арианы не могли похвастать освещением, оттого не пользовались популярностью у пешеходов. Проще говоря, ночью тут безлюдно. Это

позволило киднеперам идти с жертвой без опаски. Но это же мешало Хенгу их незаметно преследовать, поскольку одинокую фигуру легко можно обнаружить даже на сумрачной улице. Тем не менее, ему удавалось следовать за ними, просто для этого приходилось рисковать и отпускать их подальше, дожидаться, когда они скроются за поворотом, после чего сокращать расстояние.

В таком методе преследования имеется очевидный минус — можно запросто упустить объект слежки. Приходилось идти на риск.

В какой-то момент Хенг почувствовал толчок изнутри и недовольно поморщился. Эта функция обнаружения себе подобных зачастую бывает полезной, предупреждая о возможном нападении. Но сейчас оказалась вредной, поскольку предупредила не только его, но и охотника.

Он давно методом научного тыка выяснил примерное расстояние, на котором чувствует приближение бессмертного. Оно немного колеблется в зависимости от силы бессмертного, вернее, от количества нанитов в его организме. Благодаря этому он на девяносто пять процентов был уверен, что похитители скрылись в третьем доме от переулка. Это был обычный глинобитный дом в два этажа с подвалом в квартале бедняков. В подвале хранятся продукты, первый этаж используется под содержание живности, а второй жилой. Стоит отметить, что так лишь у бедняков. Средний класс уже не допускает проживания с животными в одном доме. Исключением являются любимые собаки и кошки.

На второй этаж вела лестница снаружи дома. Спуск в подвал тоже осуществляется снаружи по другой лестнице. Хенг уже не сомневался, что его поджидает засада на втором этаже. Он бы на месте их командира затаился и дождался, когда преследователь начнёт подниматься по лестнице и окажется в середине пролёта, чтобы наверняка никуда не делся. Тогда послал бы лучника, который держит наложенную на тетиву стрелу. Лучник стреляет, после чего возвращается в помещение и его место занимает мечник. Находясь вверху, тот будет иметь стратегическое преимущество. Ну, а дальше секир башка и прощай самонадеянный бессмертный.

Зная всё это, Хенг всё равно перелез через забор и начал подниматься по лестнице. Его губы растянулись в хищную улыбку, а руки крепко сжимали ружьё, приклад которого был упёрт в правое плечо.

Как и ожидалось, дверь резко распахнулась и на верхнюю лестничную площадку выскочил лучник с натянутой тетивой.

БАБАХ!

Громкий выстрел огласил всю округу и эхом разлетелся на огромное расстояние. Лучника моментально снесло с лестничной площадки вниз к земле. При этом его грудь и лицо превратились в кровавое месиво. Выстрелить он не успел. Стрела сорвалась с тетивы и улетела в небо. Совершив небольшую дугу, она улетела во двор. Пороховое дымное облако заволочло округу.

Весь план киднеперов оказался поломан об колено безжалостным ханьцем. Мечник испугался выстрела и не спешил высовываться наружу. Он прекрасно видел, как его товарищ превратился в фарш и улетел. Побледнев, он забормотал:

— Бог грома! Мы потревожили самого Индру!

— Вперёд, сын ишака! — толкнул его босс.

Испуганный мечник выскочил на лестничную площадку.

БАБАХ!

Крупнокалиберной дробью, выпущенной почти впритык, ему разнесло голову. Его тело отправилось в полёт следом за трупом лучника.

Бессмертный не стал дожидаться прихода «Индры» и рванул на другую сторону дома.

Хенг не спешил вступать в схватку с неизвестным противником, поэтому сначала переломил ружьё. Эжектор выплюнул две пустые гильзы. Их место заняли снаряженные патроны. Лишь когда дула ружья заняли своё законное место на ложе, он ворвался в помещение и обнаружил в углу связанную и бессознательную Дину. Голова на месте, а прочее его не волновало.

Он услышал грохот ломаемой рамы и побежал в соседнюю комнату, которой оказалась спальня с несколькими деревянными лавками-кроватями. Помещение уже опустело, но со стороны улицы был слышен глухой звук, как если бы на землю упал мешок с песком.

Рванув к окну, Чжао обнаружил сумрачную фигуру, которая пыталась скрыться в ночи.

БАХ! БАБАХ!

Два выстрела в очередной раз переполошили округу. Соседи выскакивали из домов и пытались понять, что за гром без грозы.

Хенг спрыгнул следом за беглецом. Прыжок со второго этажа прошёл без последствий. На земле в луже крови лежал мелкий индус. Худой, но жилистый, ростом метр шестьдесят, с густой чёрной бородой и огромной чалмой на голове. Его доспех из стальных пластин был изрешечен дробью и окровавлен. Он с ужасом таращился на ханьца и пытался удержать гибкую саблю в ослабевшей руке.

— Это не по правилам! — прохрипел он. — Мы не используем божественных артефактов в сражениях...

Ружьё было перекинуто за спину. В руке Хенга в лунном свете блеснула сталь прямого клинка.

— Игрок в футбол не придерживается правил бейсбола!

Нога Хенга наступила на саблю индуса. Клинок смазался в полоску и со свистом рухнул вниз. В следующий миг голова индуса покатила по земле, а из обрубка шеи забил фонтан крови.

Он приготовился, по крайней мере, думал, что сделал это. Крепко оперся на меч, воткнутый в землю, и встал в наиболее устойчивую позу бойца секретного рукопашного боя. Но в следующий миг, когда из трупа индуса в него стали бить молнии, Хенг осознал, что подготовиться к этому невозможно. Вновь, как и в прошлый раз, его тело наполнила невероятная боль. И всё же он выстоял до самого конца, так и не рухнув на колени. Зато, когда молнии прекратили бить из шеи мертвеца, он испытал небывалое удовольствие. Кайф, рядом с которым алкоголь и рядом не стоял. К такому несложно привыкнуть и стать убийцей бессмертных только ради того, чтобы испытать этот краткий миг наслаждения.

Самым сложным оказалось покинуть дом после созданного шума. На улицу вывалили почти все мужчины, многие из них были вооружены. Не оставалось сомнений в том, что вскоре сюда подтянется городская стража. И лишь страх перед неизвестностью останавливал мужиков от штурма двора, из которого до этого доносился подозрительный грохот и били молнии.

Грустно вздохнув, Хенг поднялся на второй этаж за проблемной девчонкой. В этот момент его могли видеть многие, по крайней мере, его силуэт. Это и то, что народ собрался в толпу и почувствовал уверенность в своих силах, сподвигло мужиков на штурм дома.

Несколько мужчин перелезли через забор и открыли калитку, через которую вся толпа

повалила внутрь и, естественно, полезла на второй этаж. Немного их энтузиазм охладил три трупа. Мужики в первых рядах и рады бы остановиться и повернуть назад, но сзади напирала и подталкивали их. Но не успели они добраться до верха лестницы, как на площадку вышел хмурый Хенг. Одного его сурового взгляда военачальника хватило энтузиастам, чтобы остановить процессию.

— Чё тут забыли? — вибрирующий голос ханьца вызывал ужас в сердцах простоллюдинов. — Неужто вы сообщники колдунов-татей, которые похитили мою рабыню? Так я вас быстро укорочу на голову!

— Э-э... — растерялся бородатый шатен лет сорока, быстро опустив топор и попытавшись спрятать его за спину. Ему внезапно захотелось вовсе не иметь топора и не быть в первых рядах. — Не, мы не тати. Я это... Плотник местный. Мы шум услышали, и вот глянуть решили...

— Посмотрели?

— Да, господин.

— Раз не тати — проваливайте спать! Подумаешь, колдуны из Куша немного пошумели — эка невидаль. Мой меч и не с такой нечистью справлялся.

— А вы видели молнии, господин? — осмелился задать вопрос плотник.

— Видел ли я молнии? Ха! Да я лично столкнулся с ними несколькими мгновениями ранее. Это мерзкий кушанский колдун всё не хотел помирать и метал в меня молнии, но я отражал их своим божественным клинком... Вы ещё здесь? Я кому сказал проваливать?! Или хотите заполучить посмертное проклятье?

Слова про проклятье многих зацепили. Все делали вид, что вот ничуть не боятся и во всякие предрассудки не верят, но как-то быстро решили, что ничего интересного тут нет и вообще дома лучше — нужно прям срочно проверить, всё ли в порядке с детьми и жёнами. Толпа мужиков очень быстро рассосалась. Вот только... не все они боялись быть проклятыми. После их визита не осталось ни лука, ни стрел, ни сабель мертвецов. А с парочки подручных сняли сапоги.

— Прохиндеи, — покачал головой Чжао, после чего освободил Дину от веревок и взвалил на плечо.

Дина очнулась в знакомой комнате для прислуги. Ничего не болело и от ран не осталось ни следа. Она с изумлением ощупала голову и живот.

Надев чистую тогу, она выбралась в хозяйскую часть дома. Почти сразу после этого вниз спустился Хенг.

— Что случилось? Я здорова, а ведь... — она прикусила губу.

— Тебе раскроили череп, — добавив в голос сарказма, Чжао продолжил: — Очень умный поступок — уйти от меня без предупреждения в тот момент, когда за тобой охотится банда отморозков. Видимо, правду говорят, что женщины слишком тупые, чтобы давать им свободу воли.

— Эй, я не тупая! — щёки Дины заалели, поскольку в этот момент она сама считала себя конченой душой.

— Угу-угу-угу...

— Извини. А что случилось?

— Тебя немножко убили и похитили. Я нашёл похитителей и убил их. С тех пор прошли сутки.

— Убили?! — ужаснулись она.

— Немножко... Ты же бессмертная — ожила. Вот если бы голову отрубили или совсем размозжили — тогда всё, а так лишь быстрее восстановилась.

— Кстати, я думала, что рана от стрелы... Эм... От болта будет заживать дольше. А тут ещё голова...

— Это не точно, я пока только собираю статистику, но уже могу озвучить предварительные выводы. Внутренняя сила, назовём её так, — ухмыльнулся он, не собираясь упоминать наниты, — развивается скачкообразно. Первый толчок — инициация, происходит после первой смерти. Второй толчок после второй смерти. А дальше только поглощение силы других бессмертных.

— Хенг... — она не могла найти в себе силы, чтобы сказать это, поскольку ей было жутко стыдно за своё неосмотрительное поведение, будто она до сих пор живёт в благополучном США.

— М-м? — приподнял он брови.

— Спасибо! — выпалила Дина.

— Угу. Только теперь одним ковром ты не отделаешься. Придётся отрабатывать цену всего поместья.

— Э-э-э?! — шокировано округлила она глаза.

— А ты как думала? Из-за тебя мне пришлось засветиться перед толпой народа. По городу пошли слухи, что я колдун. Как бы во время очередного падежа скотины или неурожая меня не потащили на растерзание быками ради ублажения богов плодородия. Так что придётся бросить всё, что нажито непосильным трудом и уходить в другой город как можно дальше отсюда. Лучше всего в другую страну.

— Оу... Прости. А что случилось? Почему тебя считают колдуном?

— Пришлось немного пострелять, потом убить твоего убийцу. А смерть бессмертного сопровождается целым светопреобразованием с молниями. Ружьё, если ты не помнишь — очень громкая штука, особенно в густонаселённом городе. Добавь сюда, что тут никто не знает о порохе. Когда целая толпа прибежала на шум, мне пришлось соврать, что это проделки кушанских колдунов, но естественно мне не поверили и посчитали колдуном меня.

Внезапно Дина дёрнулась от чувства приближения бессмертного и с испугом на лице покосилась на спокойного как танк Хенга. Тот лишь шагнул к стене и вынул меч из ножен, висящих там. Девушке это не добавило спокойствия.

— Хе-е-е-нг, — вскоре раздался за дверью мелодичный знакомый голос. — Ты так и будешь держать нас на пороге?

Он вернул меч обратно в ножны и подтолкнул девчонку.

— Открой.

Дина поняла, что опасность миновала, но всё же шла деревянной походкой. Когда она открыла дверь, в дом вошли Афродита и незнакомый ей приземистый крепкий и бородатый мужчина.

— Гефест, Афродита, — кивнул им Хенг. — Рад вас видеть.

— Какая нерасторопная и невоспитанная у тебя прислуга, — смерила девчонку неодобрительным взглядом блондинка. — Я бы её отдала на правильное воспитание, чтобы палками вбили как необходимо себя вести с господами. Даже голову не преклонила — какая

дерзость!

Дине стало очень обидно. Она до сих пор не смирилась с ролью служанки и не приспособилась к местным обычаям. Тем более, она не привыкла никому кланяться, поскольку такого в Америке не было принято. Она так и не поверила словам Хенга о том, что не является попаданкой. Наоборот, она была в этом твердо уверена, просто теперь считала, что попала не в прошлое, а в параллельный мир известного сериала «Вечный ирландец» задолго до момента повествования. А ещё она «знала», что Хенг — такой же попаданец. Он даже не скрывал этого ни от неё, ни от Афродиты.

— Ладно тебе, Афи, — добродушно произнёс Гефест, — ты просто зазвездилась. Вспомни, как с нами общались дикари, которых мы изначально тут повстречали? Вот уж где не было никакого почтения. Пока десяток-другой человек не убьёшь — никто уважать не будет.

— Тут ты прав, братец. Итак, — обратила Афродита свой взор на Чжао, — ты не передумал уезжать?

— Нет. После такого шума мне тут лет пятьдесят появляться нежелательно. Не хочу в один момент проснуться привязанным к священным быкам. Мне моё тело милее целым, чем разделённое на четыре куска.

— Совсем смертные распоясались! — возмутилась Афродита. — Раньше они нам поклонялись, а сейчас считают за колдунов. Что дальше? Устроят охоту на бессмертных?!

— Не накаркай! — поморщился Гефест. — Что ж, Хенг, жаль, что мы так скоро расстаёмся. Раз ты всё равно решил переехать, у нас с Афродитой есть к тебе предложение.

— Прошу, — приглашающе указал Чжао на стол. — Дина, почему ты ещё стоишь? — обратил он на неё суровый взор. — А ну мигом принесла вина, сока, фруктов и сыра и для гостей!

Она будто очнулась от наваждения и поспешила в сторону кухни. Рабыни перед смертью успели ей показать, что и где находится. Конечно, ей сильно хотелось послушать, о чём будут говорить бессмертные, но если она хочет выжить в этой суровой реальности, лучше и правда убавить гонору и следовать местным правилам. Если бы она устроилась на работу, к примеру, в отель, то управляющая за нерасторопность уже выписала бы ей штраф.

Тем временем троица бессмертных разместилась на кушетках за круглым столом.

— Что за предложение, от которого я не смогу отказаться? — иронично начал Хенг.

— Отчего же не можешь? — ответил Гефест. — Можешь. Мы тебя ни к чему не принуждаем.

— Понял. И?

— Братец, давай я, — улыбнулась Афродита. — А то ты так и будешь весь день подбирать слова. Хенг, как ты знаешь, мы состоим в оппозиции к другим богам. Мы с Гефестом и ещё несколькими богами считаем неправильной Игру. Старики заигрались в детоубийства. Ведь фактически они плодят детишек, превращают их в гладиаторов и в последующем убивают, будто свиней.

— Неужели набравшего силу опытного бессмертного так просто убить?

Гефест покачал головой.

— Хенг, ты не представляешь разницы между обычным бессмертным и богом первого поколения. Их тела невероятно прочные, сильные и выносливые. Сколько бы голов бессмертный третьего поколения ни срубил, он никогда не достигнет силы первого поколения. Максимум может сравняться со вторым поколением.

— А детей в таком случае можно будет завести? — оживился Хенг.

— Хм... — помассировала подбородок Афродита. — Хороший вопрос. Гефест, твоё мнение?

Тут Дина принесла кувшины с вином и соком и выставила на стол бокалы. Пока она находилась в комнате, всё разговоры смолкли. Но стоило ей удалиться, как кузнец развёл руками и продолжил:

— Никто не проверял. Настолько сильных бессмертных обычно убивали раньше, чем они бы могли проверить детородные функции. Теоретически, вся загвоздка в том, что ДНК первого поколения изменена. Они могут иметь потомство благодаря нанитам, которые подгоняют совместимость генов. У второго поколения нанитов достаточно для репродукции, и то, точно у чистокровных, то есть рождённых от двух богов. А вот полукровкам от смертных и третьему поколению уже не хватает нанитов. Вернее сказать, наниты до накопления определенного их количества попросту не задействуют программу помощи при зачатии. Оттого все бессмертные после активации нанитов бесплодные.

— Весьма интересно, — подложил руку по подбородок Хенг. — А до активации?

— До активации они могут иметь детей.

— Интересная информация, — принял её к сведению Хенг, понимая, что ему по большей части вешают лапшу на уши, надеясь на его плохую образованность. Если всё дело в ДНК, то детей у потенциальных бессмертных не может быть в любом случае. Выходит, что это именно наниты блокируют детородную функцию. — Но мы отклонились от главной темы. Чем я могу вам помочь?

— К-хм... — Гефест смочил горло вином. — Так вот, пока боги имеют поддержку своих жрецов — у них есть сила и власть. Им гораздо легче пропагандировать необходимость Игры и контролировать бессмертных. Мы собираемся лишить их силы и влияния.

— Это вообще возможно?! — удивился Хенг.

— Возможно, — кивнула Афродита. — Это долгосрочный план, исполнением которого занимается другой наш ученик — твой предшественник. Твоя помощь ему пригодится.

— Какого рода помощь?

— Ничего сверхсложного, — перехватил словесную эстафету кузнец. — Я в одной пещере припрятал со старых времён пищевой синтезатор. Его ресурса хватит ненадолго, но на демонстрацию нескольких чудес будет вполне достаточно. Ну и по обстановке. Что скажешь?

— Согласен. Куда мне идти?

— Сначала нужно посетить Тибетские горы — там я в пещерах рядом с бывшим нашим поселением спрятал пищевой синтезатор.

— И как называлось ваше бывшее поселение?

— Шамбала. Так вот, Хенг, потом тебе следует направиться в Римскую империю в провинцию Иудею...

Девочка лет десяти, замаскированная под мальчика с короткой причёской, в зелёном халате до пят и с плоской коричневой шляпой, с лестницей в руках в темноте ночи тихо пробралась к осине, на которой в петле болтался опухший мертвец с густой чёрной и кучерявой бородой и роскошными пейсами. Растительность на лице у него была настолько густой, что из-под неё были видно лишь обычный нос и раскосые серые глаза. Одет он был в непримечательную серую одежду из конопляной ткани.

Девочка приставила лестницу и забралась наверх. Достав из кармана небольшой нож, она с натугой перепилила верёвку, отчего мертвец рухнул вниз. Она поспешила спуститься на землю и снять с его шеи петлю, после чего принялась ждать, с опаской оглядываясь по сторонам.

Прошёл час. Опухоль у мертвеца сошла на нет. Внезапно он резко дёрнулся, широко распахнул глаза и глубоко втянул воздух.

Вместо испуга девочка с облегчением вздохнула.

— Наконец! Я устала тебя ждать.

— Чтоб я ещё раз добровольно полез в петлю? — поднялся он на ноги и отряхнулся. — Надо срочно валить подальше от Иерусалима.

— А этого своего дружка проведать не хочешь? — иронично протянула девчонка. — Между прочим, его распяли, а потом замуровали в пещере.

— Сам выберется, — потёр шею мужчина. — Мне из-за него тоже пришлось сдохнуть.

— Мне тоже приходилось умирать, если ты забыл, — возмущённо засопела девица. — Помнишь, пять лет назад, когда я играла роль мёртвого сына вдовы, а твой дружок изобразил моё воскрешение?

— Дина, тебя всего лишь отравили ядом — это была безболезненная смерть. Не сравнивай с петлёй, — он запустил руку в бороду и с остервенением принялся чесаться. — Проклятая борода! Проклятые пейсы! Как же мне надоело всё это клеить и таскать! Поскорее бы добраться до воды и отскрести лишнюю волосню.

— А я сразу тебе говорила, Хенг, что борода тебе ни к чему.

— Ну да, конечно, — продолжил он яростно чесаться. — С моей ханьской рожей как ты представляешь, чтобы я выдал себя за иудея? А своя борода у меня не растёт. Не представляешь, как я ненавижу бороды!

— Если честно, я вообще не могла представить, что тебя могут принять за иудея. Нет, понятно, что остальные ученики твоего дружка были из другого региона и в Кариоте никогда не были, но чтобы настолько быть слепыми...

— Люди видят то, что хотят видеть... Пищевой синтезатор жалко. Такие инопланетные технологии использованы столь бездарно. Вместо того чтобы их изучить, выжали из аппарата весь ресурс... Дикари!

— Кстати, я всё хотела спросить, а куда делся тот прибор?

— Уничтожен.

— Не верю! Хенг, скажи правду.

— Я его утопил в болоте. Жалко, конечно. Техника, которая продолжала работать через шесть тысяч лет, достойна уважения и повышенного внимания.

Парочка добралась до ручья. Хенг принялся отдирать накладную бороду и пейсы, но те

поддавались с трудом, порой сдирая вместе с клеем тонкий слой кожи. Он шипел и ругался на родном ханьском.

— Хороший клей, чтоб его создатель был здоров! — бросив бороду в ручей, он принялся отмывать лицо от крови и остатков клея. Последний не поддавался, отчего приходилось оттирать его песком, что лишь добавляло ран и неприятных ощущений.

— Наконец, я избавился от этой жути!

Дина устала сдерживать смех и захохотала в голос.

— Ой, ты такой забавный.

Чжао посмотрел вниз по течению ручья и задумчиво произнёс:

— Кажется, я зря выкинул бороду, ведь мы могли замаскировать тебя под карлика-иудея...

— ПФ... — подавилась она воздухом и прекратила ржать. — Всё-всё-всё, молчу-молчу! Не надо делать из меня карлика, ещё и иудея. Кстати, давно хотела спросить, почему тебе выбрали такое имя?

— Это была «его» идея, — скосил он глаза в сторону предположительного нахождения погребальной пещеры. — Он утверждал, что это самое популярное имя в стране. Тут куда ни плюнь — попадешь в «тёзку». Поэтому римляне и назвали эту провинцию на свой лад, хотя раньше она называлась Хасмонеи царство.

— Не боишься, что тебя будут проклинать на протяжении столетий?

— Ну ты скажешь! — усмехнулся Хенг. — Кто вообще о таком вспомнит? Я опасался, что «его» ученики меня растерзают, поэтому и придумал трюк с петлёй. Уж мертвеца точно никто из этих фанатиков искать не будет. Я до сих пор сомневаюсь, что этот план с единой религией сработает.

— А я уверена, что сработает. Время нас рассудит. Куда пойдём?

— Хороший вопрос. Для начала подальше отсюда. Потом предлагаю посетить мою родину. Думаю, за восемьдесят с лишним лет обо мне все забыли.

— Надеюсь, не пешком? — с ужасом протянула Дина. — Я до Китая пешком не пойду!

— Нет, конечно. Раздобудем транспорт — у меня припрятаны тридцать шекелей, как раз по пути их заберём. Хватит и на коней, и на припасы. Доберёмся до порта, продадим лошадей и на вырученные деньги купим место на корабле.

— Одного до сих пор понять не могу — как вы по воде ходили?

— Эх... — грустно вздохнул Хенг. — Антиграв. Портативный.

— Его ты тоже припрятал? — оживилась Дина.

— Ага, как же! — саркастично растянул он губы. — Гефест нам его выделил под строгий учёт, после чего забрал. Он лишь прикидывается кузнецом, а на самом деле он знаешь кто?

— Кто?! — на полном серьёзе приготовилась слушать откровения Дина.

— Хомяк! Не удивлюсь, если он где-нибудь припрятал целый космический корабль.

Шёл второй час ночного путешествия. Кошелек с тридцатью серебряниками был забран из тайника в неприметном дупле дерева.

Обычно современные люди ночами стараются никуда не ходить. Отсутствие освещения и ужасные дороги сулят травмы. Отличные дороги Рим строит, но не везде, а лишь на самых важных военно-торговых направлениях. Но синяками и даже переломами бессмертных не напугать. А вот завываний животных и шорохов Дина боялась, оттого держалась поближе к боссу.

— Как думаешь, — решила она своим голосом разбавить лесные звуки, — в этом мире Америка существует?

— Обязательно: и Северная, и Южная. Знания по географии меня ещё ни разу не подвели.

— А я не уверена, — услышав подозрительный шорох, девочка вцепилась в его локоть. — Как бы я хотела снова оказаться в США. Этот непередаваемый аромат выхлопных газов, пять дней в неделю ходить на работу, кредиты, налоги, страховки... Кстати, ты так ни разу и не сказал, из какой страны ты попал сюда?

— Не говорил и не собираюсь.

— Ну-у... Хенг, так не честно! Я же тебе рассказала.

— А я не обещал, что буду делиться откровениями. Тебе ещё поместье осталось отработать, а вдруг после этого решишь сбежать к другому бессмертному и выдашь ему все мои тайны?

— Эй! — отпустив его локоть, она упёрла руки в бока и с возмущением засопела. — Я уже как минимум отработала половину поместья!

— Только персидский ковер.

— Не только! — продолжала она раздувать щеки. Это смотрелось настолько забавно, что Чжао не удержал улыбки.

— Ладно, ещё стул и половинку стола в кабинете.

— Сатрап! Эксплуататор! Трудового законодательства на тебя нет! Да одна только моя смерть стоит десяти поместий.

— Не стоит. Цена хорошо обученной рабыни двадцать динариев. Девчонка вроде тебя потянет максимум на десять. Это максимум пятая часть цены хорошей виллы вроде моей бывшей.

— Не путай виллу в центре Рима и в захолустье вроде Арии. Я, между прочим, не просто так под видом мальнишки болталась среди народа. Эх... — вырвался у неё тяжкий выдох. — Ладно, я уже и на ребёнка согласна, но как бы проще было быть хотя бы мальчиком, а не девочкой.

— Не проще.

— Проще!

— Не в Римской империи с любовью их солдат к симпатичным мальчикам, которая превышает таковую к маленьким девочкам. Раз ты такая подкованная, то должна знать основные правила римлян. Старший по положению может трахнуть любого нижестоящего. Солдат может отжарить любого простолюдина или раба. Офицер то же самое, плюс любого солдата. Старший офицер аналогично, но ещё и офицерам может присунуть. И лишь Цезарь может выебать любого. А старших не положено. Если солдат совершит акт сексуального насилия к офицеру — ему неотвратимо грозит смертная казнь. Если по обоюдному согласию — убьют обоих, поскольку не положено младшему быть альфой.

— Рабов нельзя! — возразила Дина. — Они же чьё-то имущество.

— И что с того? Максимум тот же солдат может заплатить штраф за порчу чужого имущества, и то, если бы ты была рабыней гражданина Рима равного или вышестоящего положения. А я не гражданин Рима, следовательно, никаких прав в этой стране не имею и даже компенсации не получу.

— А если солдат захочет трахнуть тебя? — прорезалось в её голосе веселье.

— Если он гражданам имеет право присунуть, то уж не гражданам и подавно. Вот

только тогда нам придётся очень быстро драпать от легионеров, поскольку я его сразу убью.

— Страшная страна, — дёрнула плечами Дина. — Куда ни глянь — кругом одни пидарасы!

— Что я слышу? Дина, куда же подевалась твоя толерантность?

— В жопу толерантность! Только оказавшись в прошлом, я осознала, что чёрные в штатах были неправы. Они требовали особых прав и громко вопили о дополнительных предпочтениях только на основании того, что их предки были в рабстве у белых. И лишь у римлян я поняла, что такое настоящая толерантность — они берут в рабство всех подряд, несмотря на цвет кожи, волос и прочие признаки. Если бы тут дети вольноотпущенников подобное себе позволили — им бы пришёл конец.

— Вижу, у тебя накопилось...

— Да задолбало всё! — девчонка пнула подвернувшийся под ногу камень, отчего тот моментально отлетел в придорожные кусты и спугнул какую-то пташку, которая навела шороха хлопаньем крыльев. Дина вздрогнула и шёпотом добавила: — Задолбало...

— Не так всё плохо. Ты могла бы перед смертью не окончательно свихнуться, а слегка, и на всю короткую жизнь осталась бы дурочкой. А так тебе мозги вправило.

— Думаешь, так могло быть?

— Уверен, что да. И вообще, что тебе не нравится? Посмотри вокруг, какая природа! Экологически чистый воздух, натуральные продукты, одежда и вещи настоящий хендмейд.

— В гробу я видела это всё! — с ненавистью обвела она взором тёмные деревья. — Раньше я была бодипозитивной, сейчас вечный ребенок... Ну почему так не везёт?

— Бодипозитивной? Кажется, это старый американский синоним слова жирдяй...

— БОДИПОЗИТИВНАЯ! — разозлилась Дина, но в следующий миг из её глаз хлынул слёзы. Растирая их, она тише продолжила: — Да, я была толстой! Доволен?

— И чего ты заводишься, женщина? — снисходительно посмотрел на неё сверху вниз Хенг. — Вокруг полно мужиков, которые худышке предпочтут полную девку. Да таких большинство.

— Это сейчас, а в будущем всё было не так, — продолжила она смахивать слёзы и шмыгнула носом. — Думаешь, я мужика не хотела? Хотела! А они на меня ноль внимания. Познакомилась с одним, пригласила его домой... Ну как домой. Мы с двумя подругами снимали квартиру. Я сама готовить тогда не умела — питалась в ресторанах быстрого питания. А накануне подруга сказала, что мужики любят домашнюю кухню. Я попросила её приготовить что-нибудь вкусное для мужика. Дура! Лучше бы пиццу заказала.

— Что-то пошло не так?

— Всё! Всё пошло не так. Нет, вначале всё было отлично. Он пришёл, я ему тут же предложила поесть. Он с удовольствием умял жареную картошку с грибами, нахваливал блюдо. А потом мы пошли в спальню, у нас уже всё было в самом разгаре, как он неожиданно замер, выпучил глаза и метеором соскочил с меня. Через мгновение он засел в толчке и оттуда начали раздаваться вулканические взрывы! Он два часа не вылезал из толчка, а я... Я валялась на полу от смеха и не могла закончить ржать. Мы с ним через дверь перекрикивались. Он спрашивал, кто готовил еду? Я честно призналась, что подруга. В общем, когда он выбрался из санузла, я выдохлась от смеха и уже ни у кого из нас не было желания продолжать.

— Один случай не показатель, — давил улыбку Чжао.

— Не один!!!

— Да ладно? — приподнял он брови. — Что, ещё раз такое было?

— Я пригласила другого парня. Первому я после того случая не могла смотреть в глаза, сгорая от стыда. На этот раз парень был худой и низкого роста, но он явно был из любителей бодипозитивных девушек.

— Толстушек.

— Да, толстушек! — слёзы перестали течь, но Дина недовольно засопела. — Не перебивай. На этот раз я решила, что никакой домашней еды. Вместо этого купила выпивки и заказала суши из ресторана. Мы хорошо посидели. Даже очень хорошо. И вот дошло до постели. Я снизу — он сверху, всё было хорошо, даже отлично, пока...

— Пока?

— Мы начали целоваться на кухне и завалились в ближайшую спальню. Это оказалась спальня соседки, но тогда мне было на это плевать. Но её кровать... Я здраво опасалась, что она меня не выдержит. Поэтому мы улеглись прямо на ковёр. Он останавливается и такой: «Укачивает!». Я говорю: «Не останавливайся, я уже почти кончила». Но тут раздаётся громкий женский крик: «Только не заблуй мне тут всё!». И тут я понимаю, что всё это время соседка была дома в своей спальне и она спала, накрытая одеялом, а мы свет не включали и её не заметили. Она проснулась и всё это время молча слушала и видела то, что мы творили. Но не это главное. В этот момент парень перевешивается через меня и заблёвывает пол, ковёр, кровать, постель, соседку, меня, тумбочку... Это было ужасно!

Хенг не сдержался и рассмеялся. Когда же немного успокоился, он спросил:

— У тебя хотя бы один нормальный секс был?

— Без комментариев!

— Вот так и становятся феминистками...

Путешествие из Иудеи до порта, откуда отправляются корабли в Индию, выдалось долгим и утомительным. Зачастую столь длительные переходы невероятно скучные и однообразные. Ночевать чаще всего приходится под открытым небом, готовить еду на костре.

Чтобы скрасить скуку, Хенг вспомнил занятия по йоге и начал выполнять упражнения и медитации и обучал этому свою спутницу. После десятилетий он многое подзабыл, но в процессе выполнения упражнений начинал вспоминать. Это как езда на велосипеде: если один раз научился — в любой момент сядешь и поедешь; вначале будешь чувствовать себя неуверенно, но вскоре вернёшь былые навыки.

Чжао размышлял над тем, почему он забросил йогу, ведь она показала себя очень полезной в плане развития сверхспособностей. Развитая интуиция его не раз выручала. В итоге он пришёл к выводу, что ему, во-первых, было лень, во-вторых, как-то не до этого. Сначала он посвятил себя изучению кузнечного дела. Потом то же самое, но вдобавок его тренировали до упада, а остатки сил высасывала древняя нимфоманка. Затем последовала многолетняя авантюра с созданием новой религии. И лишь сейчас он оказался свободен и предоставлен сам себе.

На протяжении всего пути он размышлял над тем, где поселится и что будет делать. Жизнь в городах ему надоела. Хотелось уединения. К тому же, бросить на произвол судьбы вечную девчонку ему не позволяла совесть. В мире много людей, способных причинить ей

страдания. Но и вечно таскать её за собой он не собирался, поэтому начал учить не только йоге, но и боевым искусствам: бою без оружия, владению ножом, мечом, копьём, луком и арбалетом. С её низким ростом и хилым телосложением приходилось непросто, поэтому основной упор делался на гибкость и ловкость. Хотя наниты всё же добавляли ей сил и помогали быстро прогрессировать. Благодаря этому она уже через полгода могла уверенно и продолжительное время держать длинный клинок, а это полтора килограмма стали. Не каждый взрослый сможет долго держать на вытянутой руке груз в полтора килограмма, ещё и постоянно размахивать им.

Как и было запланировано, пара путников добралась до порта в южной Аравии и села на корабль до Сатаваханы. Корабль имел высокий нос и корму, две двуногие мачты и два боковых руля. Он был оснащён семью прямыми парусами из прочной конопляной ткани.

Путешествие по морю длилось уже две недели. Капитан заверял, что течение отличное и если боги над ними смилостивятся, то через неделю они сойдут на землю Сатаваханы.

Но то, насколько он был напряжён в последнее время, Хенгу не понравилось. Он нашёл худого и высокого капитана с густой чёрной бородой. Как и положено представителю вайшьи, тот был облачён в пёстрый наряд из китайского шелка. Розовые шаровары и рубашку сверху прикрывал синий халат, расшитый золотыми нитками и подпоясанный голубым поясом. На голове был намотан голубой тюрбан, верхушку которого украшал золотой кулон с голубым сапфиром, а на макушке торчало павлинье перо. Он даже во время похода старался одеваться вычурно, тем самым демонстрировал свой высокий статус.

— Абхе, — по индийским обычаям вежливо поприветствовал капитана Хенг, приложив правую ладонь к груди, — я вижу, что ты в последнее время сам не свой. Что-то произошло?

В его взоре промелькнуло раздражение.

— Нет, и я молюсь богам, чтобы ничего не случилось.

— И всё же, что тебя беспокоит, уважаемый? — не успокоился ханец.

— Мы проплываем мимо берегов Пахлавы, — сощурившись, Абхе посмотрел вдаль по левому борту. — Тут с недавних пор завелись пираты. Эти дикари грабят наши суда и захватывают людей в рабство. Если так и будет продолжаться, наши корабли больше не будут ходить в сторону Римской империи. Есть более безопасные маршруты. Можно плавать в Суварнабхуми (страну золота) или к ханьцам.

Под страной золота со сложно произносимым названием капитан подразумевал не одну страну, а россыпь стран и островов, среди которых будущие Тайланд, Шри-Ланка, Мьянма, Маллака и Суматра.

Капитан поднёс ладонь козырьком ко лбу и всмотрелся вдаль.

— Тьфу! — сплюнул он и переменялся в лице, испытав страх в смеси с гневом. — Не нужно было их упоминать! Навлёт гнев богов...

Хенг и сам сумел разглядеть вдалеке россыпь шустрых малых галер, которые догоняли их корабль со стороны суши.

— Пираты?

— Пираты, чтоб их пожрало море! — сжал кулаки Абхе, после чего громко завопил: — Тревога! Пираты! Всем вооружиться!

Хенг не стал дожидаться нападения и рванул в отведенный им угол в тесной каюте, чтобы вооружиться и проинструктировать спутницу, дабы она не натворила глупостей. Поскольку на корабле особо под мальчика не покосишь — все увидят, как такой «мальчик» будет справлять нужду за борт не стоя, а сидя — необходимость в маскировке отпала. То

есть Дина выглядела сама собой — десятилетней девчонкой.

— Что случилось? — вскочила она с соломенного топчана. — Что за шум?

— Нападение пиратов. Заряжай ружьё, доставай патронташ и держи их наготове. Трюм не покидай. Если полезут враги — упрись спиной в стену, чтобы тебя отдачей не отбросило, и стреляй без раздумий.

— А ты? — тут же она рванула к свёртку с ружьём.

— А я... — он повесил на пояс ножны с мечом, закрепил на ноге под штаниной нож, достал щит и чо-ко-ну, который принялся снаряжать болтами, кончики которых смазывал ядом. — Я попробую перебить всех пахлавасцев...

Пахлава — молодое государство, которое появилось несколько лет назад. А всё из-за того, что парфянский правитель ослабил контроль и стал больше уделять времени своему гарему и развлечениям, чем управлению страной. К этому добавилась напряженность на границе с Римской империей, куда пришлось стягивать большую часть войск.

Один из управляющих юго-восточной провинции решил, что быть единоличным правителем ему нравится больше. Он накопил большое количество войск, устроил бунт и отделился от метрополии.

После любого переворота встаёт вопрос преданности солдат и офицеров. Сегодня они пошли против одного правителя, а завтра могут повернуться против другого. Чтобы этого не допустить во все времена лучшим выходом являлась война. Вот и новый король сначала разбил войска метрополии, которые прибыли на усмирение бунта, а потом направил свои военные силы на завоевание соседних стран. В результате Гондофар Первый сам удивился результату. Пахлава раскинулась на территории будущих Пакистана, Афганистана и Северной Индии.

Но последствия недавней войны привели к тому, что купцов в стране стало намного меньше, а морская торговля и вовсе пришла в упадок. Место купцов заняли банды пиратов, которые сколотили бывшие военные завоеванных территорий. Они для морского грабежа использовали захваченные суда купцов.

Вообще, построить корабль весьма непросто и очень дорого. Нужно найти хорошего корабела, уговорить его построить корабль для тебя, а не для кого-то другого. А у хорошего корабела всегда есть очередь из желающих заполучить судно. К нему нужно приставить пару крепких парней, которые будут следить, чтобы ценный специалист по пьяни не свернул себе шею, не утонул в колодце и его не прирезали любители лёгкой наживы. Плюс следует найти лучшую древесину, доставить её издалека и не повредить, правильно обработать. На создание парусов и канатов задействуется труд сотен людей. Несколько кузнецов должны ковать детали для судна. Опытные плотники должны трудиться над созданием корпуса, а они обычно пользуются хорошим и дорогим инструментом, оттого их услуги не могут стоить дёшево. Рабов к такому не привлечёшь, как и первого попавшегося крестьянина. Постройка корабля сравнима с созданием индивидуального самолёта. Редкие люди могут себе подобное позволить и ещё меньше людей умеют их создавать. Уж точно не банды пиратов.

Хенг был уверен, что это начало конца морского судоходства для пахлавасцев. Захваченные у купцов суда придут в негодность, новые корабли будет некому построить, поскольку корабелы сбегут, если ещё не сбежали в соседние страны, где их труд ценится. А построить корабельную промышленность с нуля занимает десятилетия и стоит невероятно дорого. Нужны заинтересованные лица — купцы, а их или перебили, или они сбежали с накопленным золотом.

Но всё это прошло фоном в сознании Чжао. Он в напряжении разглядывал приближающиеся шестнадцативесельные галеры. Всего их было три, что много для одного сатаваханского парусника. Сейчас, без попутного ветра, он шёл медленно. Галеры его быстро нагоняли.

Хенг прикинул, что в среднем на одной галере шестнадцать гребцов и столько же воинов-матросов. Если гребцы не рабы, а члены команды, тогда там должно быть тридцать

два сменных гребца-матроса плюс рулевой и два-три человека командования. Итого минимум тридцать пять человек на одной посудине, а в общем абордажников будет от пятидесяти до сотни. На купеческом судне всего дюжина матросов, капитан и купец в одном лице, шкипер и он в качестве пассажира. Девчонка в каюте не в счёт. Расклад совершенно не в их пользу. У противника минимум трёхкратное, максимум шестикратное численное превосходство.

— Такой маршрут был! — причитал капитан, сжимая саблю до побелевших костяшек и не сводя взора с медленно приближающихся галер. — Такой маршрут! Римляне — золотая жила. А нынче... Проклятые пираты! О, Будда, пусть наш конец будет лёгким.

— Рано прощаешься с жизнью, купец, — Хенга раздражали его причитания, сбивали с боевого настроения. — Ты же не баба, чтобы лить сопли понапрасну. Дерись как мужик или придумай что-нибудь. У тебя есть смола, крепкий алкоголь или хоть что-нибудь горючее, чтобы сжечь их галеры?

— Смола почти закончилась и её мы не успеем подготовить. Сура на корабле? Чтобы матросы перепились и за борт попадали? Нет, конечно! Я не воин, а торговец, но сдаваться не собираюсь. В лучшем случае нас продадут в рабство. Нет уж, я рабом становиться не желаю!

Матросы вооружились саблями. Трое из них натянули тетиву на луки, но, оценив их кряжистые и приземистые фигуры, Хенг скептически качнул головой. Не лучники они. В лучшем случае научились пускать стрелу куда-то примерно в сторону мишени. Держать на корабле луки — бесполезная затея, поскольку, во-первых, лучник — специалист редкий и требующий долгого обучения и постоянных тренировок, во-вторых, хороший лук стоит очень дорого. К тому же, стрелять из лука в море — целое искусство. Тут тебе и качка от волн, и ветер, и искажение перспективы из-за воды. Эти матросы могут лишь стрелы переводить, к тому же луки у них примитивные по типу палка с верёвкой. Лучше бы на борту имелись арбалеты на каждого матроса.

По тем же причинам среди атакующих тоже не имелось лучников. В лучшем случае такие же обладатели гнутых палок, основная задача которых создать эффект деморализации и если повезёт, ранить хоть кого-то из матросов.

Многие капитаны в такой ситуации предпочли бы сдачу в плен. Так хотя бы пираты просто продадут пленников в рабство. Абхе хоть и боялся, но сдаваться не был намерен.

Вскоре на палубе ближайшей галеры стали видны полуобнажённые, загорелые до черноты и обветренные тела индусов в тюрбанах. Пленники разных рас были прикованы к вёслам галер по одному на весло, что вызвало у Чжао вздох облегчения.

— О, Будда! — глядя на скалящиеся рожи пиратов, капитан взбледнул. — Как их много!

— Наоборот, мало, — слегка воодушевился Хенг, прикидывая количество патронов для ружья. — У них на вёслах рабы.

— Ну да, рабы, — не понял его Абхе.

— Значит, врагов в два-три раза меньше, чем могло быть, плюс часть из них останется на своих судах, чтобы контролировать рабов. И вообще, мне нужно в каюту...

— Если боги смилостивятся и мы выживем, — проводил его скрывающуюся в трюме спину, капитан, — клянусь, я больше никогда не пойду этим маршрутом!

Вскоре на палубе показался ханец со стальным предметом в руках. Непонятная штука приковала взгляды всех членов корабельной команды. Они не понимали, что это, но судя по тому, с каким суровым и уверенным видом держал его в руках мужчина и деревянному

прикладу, как у арбалета, догадывались, что это какое-то оружие.

Сразу он не стал брать ружьё, поскольку рассчитывал на утлые судёнышки с небольшим количеством пиратов. Бывают такие пираты-рекетеры, которые нагоняют купеческое судно, оценивают количество, вооружение и настрой матросов и могут потребовать выкуп. А если пойдут на abordаж, то от них реально отбиться без засветки секретного оружия. Когда же он увидел три средних галеры, то понял, что ружьё тут не поможет. Тут уже нужны пулемёт и пушки. Но полсотни пиратов — это уже неплохо. Тут тот самый случай, когда появляются шансы выжить, но только с использованием козырей. Так что больше не имело смысла скрывать оружие будущего.

Пока он ходил, пираты начали обстреливать стрелами парусник. Но, как и ожидалось, стрелы летели абы как и пока никому не навредили.

Одна галера заходила с правого борта. Другая чуть поодаль заходила с левого борта. Третья нагоняла парусник с кормы и пока не представляла угрозы.

Хенг занял место у правого борта. Там галере оставалось немного до заброса abordажных крюков.

Слишком близко даже для криворуких лучников. Один из матросов завопил. Стрела попала ему прямо в пах. Он резко дёрнулся и перевалился за борт. Море поглотило бедолагу.

Вскинув ружьё, Хенг приложил приклад к плечу и прицелился в командира этого сброда, которого отличали большой тюрбан со стальными пластинами и наличие верхней одежды — зелёного кафтана, который прикрывал ноги до середины бёдер, а на талии красовался широкий кожаный пояс с медной бляхой, на которой была изображена голова слона.

БАБАХ! БАБАХ!

Выстрелы сопровождались облаками густых пороховых газов с резким запахом сгоревшего пороха. Первый выстрел наделал в теле капитана кучу кровавых дырок крупнокалиберной дробью и отбросил его назад. Вторым выстрелом разнёс башку шкипера, разом лишив пиратский сброд командования. Кого-то из рабов на вёслах ранило шальной дробинкой. Он громко вопил от боли на всю округу.

Грохот напугал не только пиратов, но и всех членов экипажа парусника.

Не мешкая, сотник переломил ружьё. Эжектор выплюнул на палубу пустые гильзы. Их место заняли патроны с поясного патронташа.

Дальше выстрелы последовали один за другим. Пираты перепугались и начали командовать рабам, чтобы те отгребали от парусника подальше, но... оказались перебиты все до последнего. Трое рабов были ранены и один убит, но это дробь, а она коварна. Нельзя стрелять из гладкоствольного дробовика по толпе и быть уверенным, что никого не заденет.

Весь правый борт заволокло пороховыми газами. Пираты задней галеры резко сбавили ход и начали совершать отступающий маневр. Пираты галеры по левому борту не понимали, что происходит и были напуганы. Они тоже начали отступать.

Разбойники, грабители и пираты — люди одной масти. Они занимаются своим делом ради лёгкой наживы. При этом они ценят свои жизни и если видят, что добыча чересчур зубастая, в большинстве случаев предпочтут отступить, чтобы потрепать кого попроще. Сюда следует добавить, что неизвестность пугает. И когда нечто грохочет, исходит дымом, а после этого обнаруживаешь галеру своих товарищей с опустевшей палубой, волей-неволей испугаешься.

Хенг решительно пересёк судно. Матросы суеверно шептали молитвы и расступались с

его пути. Когда он достиг левого борта — вторая галера разорвала дистанцию. Шкипер яростно орал на рабов и нещадно лупил их палкой. Те гребли что есть сил.

— Драпают, — поднял он дымящееся ружьё дулом к небу.

Он израсходовал половину бесценных боеприпасов, восстановить запас которых будет непросто и дорого. Поэтому стрелять вдогонку драпающим пиратам не спешил.

— Удирают! — радостно согласился капитан, с почтением и большим интересом разглядывая неизвестное оружие. — Простите, уважаемый Хенг, а что это у вас за оружие?

— Оно сделано в кузнице Гефеста. Это греческий бог, если что...

— О-о-о... — почтительно протянул капитан. — Слава всем богам и Гефесту в отдельности, что у вас оказалась такая вещь. Простите моё любопытство, но...

— Я полубог и был учеником Гефеста, — ханец пристально посмотрел в глаза Абхе, отчего тот почувствовал себя неуютно. — Забудьте о том, что видели и слышали. Такие божественные предметы не для простых смертных. Лучше подумайте о деньгах. Предлагаю нагнать галеру и пообещать рабам часть прибыли с продажи судна, чтобы они добровольно гребли до самой Сатаваханы. Моя треть добычи — это не обсуждается. Я перебил всех пиратов. Надеюсь, никто в этом не сомневается?

— Нет-нет, господин Хенг. Нет-нет! Вы нас спасли. Вы меня спасли. Клянусь, вы достойны трети добычи! Но не лучше ли нам было бы продать самих рабов?

— Галера дороже, — мотнул головой Чжао. — К тому же, у нас на корабле нет места для рабов и стольких матросов, чтобы удержать их в покорности, а своими силами мы галеру не доставим до порта. Проще пообещать им свободу и немного денег, выделить пару матросов и они сами пригонят нам галеру в нужное место.

— Да-да, вы правы, господин Хенг, — в глазах купца сиял жадный блеск.

Абхе прикинул, что так выходило проще и выгодней. Даже если треть суммы уйдёт на уплату доли матросам и рабам, а треть ханьцу, всё равно выходила очень солидная сумма. Даже треть галеры в хорошем состоянии стоит в два раза дороже двух дюжин необразованных рабов, только и пригодных быть прикованными к вёслам. На эти деньги можно купить виллу в пригороде столицы.

Чжао с постной рожей собрал с палубы пустые гильзы и удалился в каюту. Ему было жаль потраченных боеприпасов, но жизнь и свобода дороже патронов. Сражение, которого по сути не было, вышло у него уйму моральных сил. После подобной демонстрации Сатавахана для проживания сразу отпадала, иначе к нему потянутся толпы паломников, а то и придёт отряд солдат, чтобы потребовать отдать им божественное оружие и выпытать секреты богов. Конечно, на такое не сразу решатся. Пока до кого-то из правящей верхушки дойдут слухи, пока тот поверит в них... Так что у него есть время как минимум до продажи галеры.

Купец оказался из той редкой породы людей, которые остаются благодарными за своё спасение. Он честно расплатился с Хенгом и даже почти не обманул рабов — подарил им свободу и выплатил денег, пусть и меньше, чем было запланировано. Даже так с его стороны это было невероятной щедростью, ведь ничто не мешало ему подкупить стражу и вероломно пленить рабов в самом конце путешествия, после чего продать их. Зато своих матросов он не обделил.

Чжао долго думал куда дальше плыть, в итоге всё решилось само собой. Абхе собирался плыть с товарами в золотой край и предложил ханьцу отправиться вместе с ним. И не только плату за это не попросил, а даже предложил выделить немного места под товары и посоветовал, чего можно купить, чтобы получить выгоду.

Его судно столь небольшое по меркам кораблей будущего, что каждый квадратный сантиметр на вес золота. Сделать такое предложение со стороны купца — как снять последнюю рубашку, ведь он мог бы занять всё свободное пространство своими товарами. От столь заманчивого предложения Чжао не мог отказаться.

Места было выделено немного, поэтому и товар должен быть специфическим, то есть дорогим и малогабаритным. Это либо драгоценности, либо оружие. Хенг хотел вложиться в последнее, поскольку был уверен, что оружие всегда и везде в цене. А в Сатавахане знали толк в хорошей стали — их сабли ценились во всём мире. Но в итоге выбрал третий вариант. Он подумал: зачем переплачивать за то, что сам может сделать? Вместо готовых мечей он купил слитки металла и кузнечные инструменты. Денег и выделенного места едва хватило, он даже немного вышел за границы дозволенного, но возражений от купца не услышал.

Поверил на самом деле Абхе в то, что Хенг полубог? Сложно сказать. Но в одном можно быть уверенным — купец был уверен в том, что в его компании он точно доберётся до места назначения вне зависимости от возможного нападения пиратов.

В итоге путешествие выдалось настолько удачным, что впору поверить в то, что Хенг имеет божественные корни. Ни пиратов, ни штормов, ещё и до порта Шривиджай удалось удачно добраться и расторгнуться с большой выгодой.

На этом их пути разошлись. Хенг в компании Дины осели на острове Суматра в стране Шривиджая. Ему удалось за бесценок стать обладателем большого куска суши, где он развернул строительство дома и кузницы. Через несколько месяцев из трубы кузницы повалил дым и закипела работа. Дорогие изделия из металла разлетались как горячие пирожки у вокзала.

Сатаваханская сталь быстро подошла к концу. Пришлось переходить на местное сырьё. Но железо тут стоило очень дорого, зато олово продавалось за бесценок. Дороже последнего стоила медь, но и её имелось в избытке. В итоге Хенг перешёл на самодельную бронзу и изделия из неё.

Благодаря дорогому оружию из булатной стали он заполучил солидный стартовый капитал, на который приобрёл большой кусок земли и привлёк на неё крестьян-арендаторов. Они приносили пусть и меньший доход, чем кузница, зато стабильный.

Чтобы самому не торчать у наковальни, Чжао набрал троих учеников и принялся их обучать кузнечному делу. Через пару лет они успешно справлялись с созданием бронзы и изготовлением популярных у местного населения инструментов и предметов бытового назначения вроде котелков для приготовления пищи.

Бизнес шёл в гору, поскольку остров не изобиловал опытными кузнецами. Товары раскупались почти сразу после выхода из-под пресса. Да, не из-под молота, а пресса.

Хенг автоматизировал процесс штамповки популярных изделий и стандартизировал заготовки под пресс-формы настолько, насколько это только было возможно в местных условиях. Опыт создания пресса для производства капсулей сыграл в этом не последнюю роль. В результате с помощью пресса можно сделать минимум в десять раз больше изделий, чем ковкой. Налаженная цепочка поставщиков металлов и угля, а также грамотно выстроенный рабочий процесс привели к серьёзному удешевлению себестоимости. Это

позволило получать сверхприбыль и платить кузнецам хорошую по местным меркам зарплату.

Когда местный рынок был насыщен, за счёт демпинга получилось сбывать товар купцам, среди которых был старый знакомый. Абхе быстро просёк выгоду и каждый раз к следующей ходке делал у Хенга большой индивидуальный заказ. В ответ на приличную скидку он привозил сатаваханскую сталь, которая стоила дешевле местной железной руды, была более качественной и не требовала постройки металлоперерабатывающей инфраструктуры.

Благодаря прессам Чжао пополнил запас боеприпасов. А в свободное время сделал себе нарезной револьвер на шесть патронов, которые пришлось под него изготавливать отдельно.

Свободные средства он вкладывал в покупку земель. В его планах было расшириться настолько, чтобы с арендной платы позволить себе содержать прислугу и дюжину подготовленных им вояк для охраны себя и своей собственности. И он был близок к этому. Уже через пару месяцев после продажи крупной партии бронзовых изделий он хотел начать отбирать мальчишек для подготовки из них элитного отряда стражи.

Очередное утро вырвало его из постели знакомым чувством приближения бессмертного. Поскольку Дина старалась никуда не уходить, не предупредив его, это встревожило мужчину. Он быстро натянул штаны и схватил меч, который всегда оставался поблизости.

— Надо было сразу начать подготовку отряда! — с досадой прошептал он.

Ещё больше Хенг жалел о том, что оставил револьвер в своём кабинете, как и ружьё. Стоило хотя бы одно огнестрельное оружие хранить рядом с собой. Кабинет расположен на первом этаже, а спальня на втором.

— ХЕНГ! — влетела в спальню Дина. Она застыла с приставленным к горлу клинком. — Э-э... — побледнела она. — Ты тоже почувствовал?

— Да, — убрал он острую сталь от её горла. — Изображай служанку и проскользни в кабинет. Возьми пистолет, спрячь его и прикрой меня в случае, если незваный гость окажется буйным. Думается мне, что наш гость припрётся напрямиком через парадный вход.

— Почему ты так считаешь?

— Интуиция. Подержи, — протянул он ей меч.

Пока она держала оружие, он надел рубашку и обулся, подпоясался и лишь после этого повесил на пояс ножны и вложил в них клинок.

— Пусть нам помогут духи! — решительно направился он на выход.

Внизу обнаружилась служанка-домработница — немолодая вдова лет шестидесяти, которая рада была работать за еду и крышу над головой, но вдобавок к этому получала небольшое денежное содержание, отчего держалась за своё место всеми конечностями.

Вдовам в эти времена приходится нелегко. Одной женщине без поддержки мужчины выжить сложно. При потере кормильца вдовам приходится влачить жалкое существование и терпеть презрение окружающих. Поэтому некоторые женщины предпочитают отправиться в мир иной вслед за супругом.

Вараса не нашла в себе сил отправиться в последний путь вместе с погибшим мужем. Она уже думала, что на этом жизнь закончена, как внезапно молодой господин предложил ей работу. Женщина имела типичную индонезийскую внешность с раскосыми глазами, овальным лицом, смуглой кожей, стройной фигурой и ростом в полтора метра.

— Господин, к вам пришла гостья.

— Позови её, — Хенг встал спиной к деревянному столбу, который подпирает потолочную балку.

Гостья не заставила себя ждать. Её появление имело эффект разорвавшейся бомбы — Чжао не мог отвести от неё взгляда, настолько яркой была её внешность.

Рыжие прямые волосы ниспадали до самых бёдер. Они имели настолько насыщенно-яркий свет, что в лучах утреннего солнца казалось, будто это не волосы, а языки пламени. Колдовские зелёные глаза притягивали взгляд... Раза этак с третьего, когда Хенг нашёл в себе силы оторваться от других «глаз» размера шестого. Как она с такими бидонами держала спину прямой — загадка века. Лицо красивое, округлое и типично европейское с заострённым подбородком.

Одежда девушки выделялась так же, как и её яркая внешность. Бело-серую мужскую рубашу из льна дополняли кожаные штаны, которые предпочитают носить некоторые варвары из европейских племён. В ножнах на поясе покоился длинный прямой меч.

— Боадицея из племени Иценов.

— Чжао Хенг, ханец. И я не собираюсь играть в вашу глупую Игру.

— А тебя никто не спрашивает, — её взгляд был полон превосходства, а голос был настолько же властным, как у высших сановников при дворе императора.

— Как ты меня нашла? Тебя кто-то послал?

— Угадал, — хищно оскалилась она. — Меня послала Гера.

— Гера? Ты пляшешь под её дудку?

— Твой язык столь грязен, что я засуну его туда, где ему место — в твою задницу! — высокомерно смерила она его презрительным взглядом с нотками ненависти. — Гера стала моей наставницей и подарила смысл жизни после того, как римляне убили моего мужа — короля кельтов. А потом они убили меня, когда я подняла против них восстание и пыталась отомстить за смерть Прасутага. Она многому меня научила.

— Оставь меня без подробностей вашей большой женской любви, — фыркнул Хенг. — Лучше скажи, с чего вообще Гера решила послать за мной свою цепную собачку?

— За собаку ты одним языком не отделаешься, узкоглазый мужлан, — гневно сузила она глаза. — Я буду тебя убивать медленно и мучительно. Так, что ты проклянёшь своё бессмертие и будешь меня молить о смерти.

— Звучит многообещающе, но ты не ответила на вопрос. Ты иудейка? Ицены — это откуда-то из-под Иерусалима?

— Ты заплатишься за свои слова! — разозлилась она. — Но так и быть, я тебе всё расскажу. Гера считает, что ты сын Зевса.

— И почему она так считает?

— До Греции из Сатаваханы дошли слухи о полубоге, который умеет создавать гром и выпускать дым и пламя подобно вулкану. Стоило этим слухам дойти до ушей Геры, как она потребовала выяснить больше информации. Вскоре ей стало известно, что этот полубог является учеником Гефеста. Божественный кузнец не мог отдать оружие богов в чужие руки без согласия громовержца. Зевс не позволил бы отдать такое оружие в чужие руки, следовательно, ты его сын, а Гефеста он попросил за тобой присмотреть. А найти тебя было просто — оказалось достаточно добраться до родины слухов и расспросить купцов.

— Спасибо за пояснения по работе конченной женской логики... Как тебя там? Боа чего-то там... Нет, это слишком сложно. Я буду тебя звать бурёнка — вон какое вымя себе отрастила!

— Полагаю, это согласие на поединок...

С лёгким шорохом рыжеволосая бестия извлекла из ножен меч, клинок которого был украшен кельтскими рунами.

— То есть ты преодолела половину мира, чтобы прирезать меня в моём доме?

От внимания Хенга не ускользнуло, что служанка, которая до этого тихонько стояла в уголочке, скользнула к чёрному выходу. Наверняка побежала за помощью. Ближайшие, кто могут помочь — кузнецы. Скорее всего, она позовет их.

— А ты тугодум, — ухмыльнулась она, но не спешила сокращать расстояние.

— Угу-угу-угу... При этом ты знаешь о том, что у меня имеется божественное оружие, но обнажаешь меч. Тебе не кажется, что в твоих действиях отсутствует логика? Если у меня есть могучее оружие, то я им воспользуюсь для твоего убийства.

— Это против правил Игры!

— Я тебе сразу сказал, что по вашим правилам играть не собираюсь. И так, чего ты ждёшь?

— Какая милая девчушка, — посмотрела ему за спину Боадицея. — Твоя любовница? Не бойся, малышка, я быстро расправлюсь с этим ублюдком, а потом займусь тобой и всеми в этом доме.

— Господин, — Дина держала руки за спиной и её потряхивало от нервного напряжения, — кто эта женщина?

— Сумасшедшая кельтская самка собаки, у которой потекла крыша после смерти мужа, — спокойно пояснил он, так и не достав меча. — И ей пора умереть!

Дина восприняла его слова как приказ к действию. Тут же она вскинула из-за спины револьвер.

Боадицея рванула в сторону, но ствол револьвера вильнул вслед за ней. Не зря же Чжао потратил сотню патронов и тонну нервов, чтобы научить вечную девчонку стрелять хотя бы в сторону мишени. А на таком небольшом расстоянии промахнуться сложно даже новичку.

Громкий выстрел эхом разнесся по помещению. Пуля обезобразила лицо огненной красавицы, попав прямо в нос. Через мгновение её тело безжизненно рухнуло на пол.

— Отличный выстрел, Дина.

— Эм... — смугилась она. — Вообще-то я целилась в живот...

— Тоже неплохо, — запах горелого пороха щекотал ноздри. Из-за него Хенг громко чихнул. — Нужно её раздеть и связать.

— Раздеть? — поджала губы Дина. — Хочешь посмотреть на её дойки?

— Не без этого. Но ты думаешь не о том, дитя влажных фантазий, — подойдя к ней, он щёлкнул её по носу. — Кто знает, где она спрятала оружие? Я бы её ещё налысо побрил и проверил рот и интимные места — убийцы могут там такого спрятать, что в жизни не поверишь в возможность подобное туда запихнуть.

— Так бы сразу и сказал, что хочешь её трахнуть!

— Хочу, без сомнений, но... — он забрал у девчонки пистолет. — Заниматься фистингом будешь ты! Поторопись, пока она не ожила.

— Твою мать! — одарила ненавистным взглядом она рыжеволосую. — Там у трупов я ещё не ковырялась...

— Она жива, и ты это прекрасно знаешь, — Хенг выдвинул барабан и пересчитал патроны и достал пустую гильзу. Как и положено, их осталось пять. — Где патроны?

— В кабинете, — Дина поспешила к телу женщины. — Я не стала их брать, потому что негде было спрятать.

Интуиция завывала белугой. Хенг резко с щелчком вставил на место барабан. Большого он сделать не успел. В гостиной резко прибавилось людей: двое мужчин в кожаной броне зашли с парадного входа, а парочка появилась со стороны чёрного хода.

— В кабинет! — шикнул он Дине.

Она тут же бросила возню с кельтской девицей и рванула вглубь дома.

Чжао не спешил открывать огонь, поскольку патронов было мало. Пять пуль на четверых воинов — это ни о чём.

О том, что мужчины опытные воины — говорило многое. Они двигались подобно хищникам, были вооружены прямыми мечами, выглядели грозными и крепкими. А главное — их взгляды матёрых убийц.

Один из них — брюнет с короткой стрижкой имел шрам на лице, который пересекал правый глаз от середины лба до середины щеки. Он щурился этим глазом, отчего создавалось впечатление, будто находишься у него на прицеле.

Квартет воинов чувствовал себя уверено. Они не демонстрировали страха, зато превосходства во взглядах им хватило бы на десяток императоров.

Шрамированный окинул взглядом помещение и задержался на теле бывшей кельтской царицы.

— Ты был прав, Смерть, — поднял он взор на товарища. — Божественное оружие действительно у этого мальчишки.

Тот был похож на шрамированного, словно выходец из того же клана: такой же высокий и жилистый брюнет, только с чистым лицом и спокойным взглядом карих глаз.

— Я знал, что эта девка приведёт нас к нему, — спокойно констатировал он.

— Господа, я вас не звал, — вмешался в их диалог Хенг. — Кто вы и что вам нужно?

— Мы? — ухмыльнулся человек со шрамом, эффект от ухмылки усиливал прищуренный глаз. — Рад, что ты спросил. Я Чума. Это Смерть, — показал он на озвученного товарища. Затем он посмотрел на мужчину с пышными каштановыми усами и с выбритой полоской-ирокезом. — А это Голод. Ну и, наконец, — устремил он взгляд на крупного, чрезмерно мускулистого рыжего мужчину с короткой бородой и круглым лицом, — Война. А вместе мы Всадники Апокалипсиса!

— Дайте угадаю, вы тоже служите Гере, а кельтскую шпюху использовали в качестве наживки и прикрытия, чтобы незаметно подойти к дому?

— Браво, — приподнял меч Чума. — Какая догадливость! Мы давно выполняем просьбы Геры. Я уже сбился со счета сколько столетий. Сейчас же она попросила убить тебя и вернуть ей вещь мужа.

— Во-первых, у меня нет ничего из вещей её мужа. Всё оружие я сделал сам. Во-вторых, я не сын Зевса.

— Нам плевать, — усмехнулся Чума.

— А вы не боитесь, что пойдя стричь овец, сами останетесь стриженными?

— Нас четверо, а ты один, — чуть сильнее прищурил глаз со шрамом Чума. — Никакое оружие тебе не поможет. Так что давай поступим проще: ты не будешь сопротивляться, а я обещаю убить тебя быстро и безболезненно.

Вместо ответа Чжао выстрелил от бедра по Чуме и попал ему в живот. Второй выстрел ушёл в молоко, но он целился в Смерть. Тот каким-то животным чутьём почуял угрозу и ещё до выстрела прыгнул в дверной проём и перекатом ушёл в сторону.

Парочка крепышей справа рванула к нему с обнаженными мечами. С одной стороны, расстояние небольшое, но с другой стороны, револьверу не требуется много времени на выстрел — хватило бы патронов. Небольшое расстояние в данном случае играло ему на руку — сложнее промахнуться.

Два оглушающе громких выстрела — два трупа с дырками напротив сердца. Кожаная броня совершенно не помогла атакующим.

Хенг рванул из ножен меч, но пока переложил его в левую руку. В правой он крепко сжимал револьвер. Он поспешил нагнать беглеца.

Стоило ему пересечь дверной проём, как интуиция завывала. Слева на него сверху вниз летел метровый булатный клинок с двухсторонней заточкой. Чжао отмахнулся мечом, отводя острую сталь от своего тела. Раздался металлический звон и скрежет, клинки обзавелись сколами, зато ханьцу удалось обойтись без ранений. В следующий миг он выстрелил, но противник резко разорвал дистанцию, отскакивая в сторону и назад. Пуля вновь ушла в молоко, будто Смерть был заговорен от огнестрельных ранений.

Револьвер стал бесполезным, поскольку закончились патроны. Но противнику об этом неизвестно, оттого он осторожничал. С другой стороны, фехтовать левой рукой у Хенга выходит много хуже, чем правой. Он мучился перед выбором, но в итоге решил, что рано или поздно враг поймёт, что пистолет стал бесполезным пугачом, после чего воспользуется преимуществом. Так что лучше сразу нормально фехтовать, чем давать в руки врагу преимущество.

Пистолет полетел в голову Смерти. Тот отскочил в сторону. Хенг этим воспользовался, чтобы перекинуть меч в правую руку и скользящим шагом сократить дистанцию.

Смерть оказался невероятным фехтовальщиком. Меч словно был продолжением его руки и превратился в смазанную серебристую полосу. Хенг вынужден был констатировать, что если бы не беспощадные тренировки с Гефестом и Афродитой, он бы лишился головы в первые секунды сражения. Сталь звенела и сверкала в лучах утреннего солнца.

Поняв, что его противник столь же ловкий фехтовальщик, Смерть пустил в дело грязные трюки. Он вздымал носками сапог пыль, старался увести противника так, чтобы ему в глаза светило солнце. Но и Хенг пользовался теми же уловками, поскольку для опытного воина не существовало никаких правил сражения. Они постепенно переместились в сад, где он

использовал любые предметы: пинал в противника камни подобно футбольному мячу, старался прикрыться стволами деревьев.

Когда же темп боя снизился, сражение и вовсе переросло в осторожное хождение на расстоянии нескольких шагов, так, что до противника никто не мог дотянуться мечом. Смерть не спешил, приглядывался к Хенгу. Он занимался тем же.

— А ты неплох, — протянул Смерть. — Чувствуется хорошая подготовка. Это Гефест тебя натаскал?

— Он самый.

— Иного от столь древнего бессмертного не ожидалось. И всё же ты ещё сопляк.

— Что-то ты стал слишком разговорчивым для убийцы, — Хенг метнулся вперёд, но противник отступил.

— Не так резво, жеребец! Зачем нам сражаться? Мы можем договориться.

— Это вы пришли меня убивать.

— Вышло недоразумение, парень. Эй! Ты же даже нам не представился.

— Чжао Хенг, ханец. До этого вы были менее разговорчивыми. Что изменилось?

— Мы тебя проверяли. Нам в команду не помешает хороший воин. Ты же действительно сам сделал ту убойную штуку?

— Ну...

— Значит, Гефест тебя научил многому. Хенг, мы ошиблись в том, что ты сын Зевса. Теперь-то ясно, что ты сын Гефеста, иначе зачем ему обучать тебя божественным кузнечным тайнствам? Мы так и передадим Гере. Уверяю, после этого охота на тебя прекратится.

Хенг почти поверил в его слова, но шестое чувство свербело внутри, словно душу драли когтями кошки, оно не давало поверить до конца. Он перехватил краткий взгляд Смерти, который тот направил на дом позади него. И тут до него дошло.

— Ждёшь, когда твои дружки очнутся? Поэтому тянешь время? Хитро... — Чжао занервничал. С одним мечом против четверых подобных бойцов он не совладеет. Если к ним ещё присоединится рыжая девка, то и вовсе расклады не в его пользу.

— И в кого ты такой догадливый? — протянул Смерть, натянув на лицо широкую ухмылку.

— В маму и папу! — огрызнулся он.

Неожиданно для обоих бессмертных со стороны дома начали бить молнии.

— Этого в планах не было, — напрягся Смерть и попытался по дуге обогнуть Чжао, чтобы прорваться к дому.

На этот раз ханец не позволил пройти врагу, бросаясь ему наперерез. Пара столкновений мечей вызвали столпы искр. Смерть вновь разорвал дистанцию.

— Неужели эта дура очнулась первой? — задумчиво пробормотал он. — Сомнительно... Наверное, этот придурок Чума решил снять сливки, грохнув девицу.

Хенг в этом сомневался. У него сложилось впечатление, будто эти пятеро друг друга знают и являются двумя поисковыми группами, одна из которых использует другую для облегчения выполнения задания руководства в лице Геры. Сомнительно, что они стали бы друг друга резать как минимум до успешного выполнения миссии. Зато дома оставалась Дина. Ему хотелось думать, что это она решилась поотрубить вражеские головы, а не её убили очухавшиеся Всадники Апокалипсиса. И всё же червячок сомнения подтачивал его уверенность, поскольку вечная девчонка никогда никого до этого не убивала. Ему было знакомо чувство первого убийства — на него было очень непросто решиться.

Вновь начались кружения на месте. Смерть явно выжидал, когда к нему присоединятся товарищи. Когда же в доме снова засияли молнии, на этот раз в три раза ярче, у него задергалось правое веко.

— ДА ЧТО ТАМ ПРОИСХОДИТ?!

— Ваша погибель! — хищно оскалился Чжао. — Добегались, всаднички... Мы с тобой ещё немного побеседуем, а там пока мои слуги поотрубают головы твоим подельникам.

— Ты совсем сбрендил? — выпучил глаза Смерть. — Это же сильнейшие бессмертные в мире после богов! Плевать на правила Игры, но неужели ты готов потерять такое количество Силы?! Они же за четыре с половиной тысячелетия убили столько бессмертных, до скольких ты считать не умеешь!

— Боюсь, в мире нет столько людей, до скольких я умею считать: ни живых, ни мертвых за всю историю человечества. Так что сдаётся мне, что ты сильно преувеличиваешь.

— Пусть так, но на счету каждого из них тысячи бессмертных. ТЫСЯЧИ! ОНИ СИЛЬНЕЙШИЕ В МИРЕ! Прекрати это немедленно. Прикажи своим слугам...

Смерть сбился и уставился на дом, из выбитых окон которого вновь засверкало целое молниевое торнадо.

— Чума... — прошептал он. — Он был сильнейшим.

— Не переживай, всадничек, и твоя очередь вскоре придёт. Толпой мамонтов валят.

Того, что последовало дальше, Хенг не ожидал. Вместо того чтобы броситься на помощь товарищам, Смерть со всех ног рванул вглубь сада. Он бежал настолько шустро, что у ханьца появились сомнения в том, что его получится догнать. На самом деле и догонять ему того не сильно хотелось. Вернее сказать, совсем не имелось такого желания. Вместо этого он чуть менее шустро побежал обратно в дом, чтобы занять более существенное оружие. С ружьём в случае возвращения Смерти у него есть шансы на победу, а с мечом они не столь велики.

Возле дома он услышал хриплые стоны, исходящие из гостиной.

В доме Хенг обнаружил жуткую картину. Весь пол гостиной был залит кровью, там же валялись три мужских тела и их головы по отдельности. Рядом с ними в луже крови и выделений своего желудка лежала обессиленная Дина и хрипло стонала. Её тело выгибалось и корёжило, в глазах поселилась отрешённая блажь, а с левого уголка губ стекала слюна. Рядом с ней лежала секира.

Первым делом он пересёк комнату, наплевав на то, что пачкает сандалии в крови. Достигнув рыжей девицы, он и резко вогнал свой клинок ей в сердце.

— Полежи ещё — не до тебя.

Страхнув кровь с зазубренной стали, он дошёл до ружья, которое стояло прислоненным к стенке неподалеку от входа в гостиную со стороны кабинета. Меч было невероятно жалко. Хенг несколько месяцев потратил на его ковку, а после такого яростного сражения его только отправлять на перековку. Никакая заточка не исправит таких зарубок. С другой стороны, клинок похуже мог бы сломаться, тогда его владельцу пришёл бы конец. Так что ремонт меча не самое худшее.

С ружьём в руках он почувствовал себя куда уверенней. Не хватало лишь патронов, но это он собирался исправить, сняв с Дины патронташ, который она пристроила к поясу. Возиться в нечистотах было неприятно, поэтому он перенёс вечную девчонку на чистый пятак. Это мало помогло, поскольку она уже вся измазалась в крови, отчего выглядела жутко. Она лишь глупо улыбалась и постанывала.

— Какая ирония, — закатил он глаза. — Самая слабая и бесполезная из бессмертных заполучила Силу трёх сильнейших из них. И как только ты под коктейлем кайфа и боли смогла поотрубить башки остальной парочки?

Её взор на мгновение прояснился и она прохрипела:

— Жить захочешь — не так раскорячишься...

— М-да... Не поспоришь.

— Знаешь, — посмотрела она ему в глаза, — а мне понравилось. Это круче секса!

— Мазохистка! — качнул головой Хенг. — Мне ещё под боком девочки-маньячки не хватало, которая ловит кайф от убийства бессмертных кузенов.

Боадицея после того, как пришла в сознание, почувствовала серьёзный дискомфорт. Она была голой и лишилась своих роскошных волос, которые отращивала долгие годы. Но не это доставляло неудобства, а то, что она оказалась прикованной кандалами к стене в помещении, которое очень напоминало кузницу. Да что там напоминало? Оно им точно было, о чём говорили наковальня и кузнечный горн.

В кузницу зашёл тот, на кого она охотилась.

— Очнулась.

Она дождалась, когда он подойдёт ближе, набрала в рот слюны и плюнула ему в лицо. Он увернулся, после чего ей в живот прилетел мощный удар ногой. Затем кулак мужчины отбил ей печень. Она бы скорчилась от боли, но кандалы мешали. Сдержав болезненные стоны, Боадицея до хруста стиснула зубы и не издала ни единого звука.

— Какая дерзость, — спокойно начал Хенг. — Ты пришла меня убивать, теперь плюёшься. Одно слово — дикарка.

— Ты сдохнешь! — яростно прошипела она.

— Все мы рано или поздно отправимся на встречу с духами предков.

— За меня отомстят! Гера тебя не оставит в покое. Тебя убьют. Я с радостью посмотрела бы на то, как твою тупую башку отрежут ржавым и тупым кинжалом!

— Надеешься на Всадников Апокалипсиса?

— Ты слышал о них? — скривила она губы в болезненной ухмылке, которая по её задумке должна была продемонстрировать её презрение.

— Они пришли следом за тобой. Сейчас их безголовые трупы у меня в подвале ожидают вскрытия для изучения отличий организмов бессмертных от смертных. Не такие они и крутые оказались.

— Бреешь!

— Я? Да ни в жизни! Спроси любого — тебе ответят, что Чжао Хенг самый честный человек в мире.

— Зачем ты меня пленил? Хочешь надругаться?

— А ты мнительная, Бурёнка. Видимо, это вымя на себя оттягивает кровь от мозга... Мне нужна информация. Ты можешь рассказать всё добровольно, а можешь под пытками.

— Я тебе ничего не скажу! — она снова плюнула.

В ответ закономерно получила пару ударов по печени. Спокойно глядя на ловящую ртом воздух девицу, он продолжил:

— Один учёный ставил опыты над собакой. Он кормил её после звонка. Через некоторое время у собаки после звонка начинала выделяться слюна. Интересно, как скоро до тебя дойдёт, что плевать в меня не стоит?

— Никогда! — прохрипела она, злобно сверкая глазами.

— Какая самоуверенность! Но никто не говорил, что царица обязательно должна быть умной. Нет хуже участи, чем пытаться объяснить что-то тупой девке, но я попробую.

В ответ он лишь удостоился очередного гневного взора и яростного оскала.

— Ты в плену и полностью в моей власти. При этом я очень зол, потому что твои дружки-всадники убили моих кузнецов, ранили служанку, когда пытались её оглушить, и заляпали своей кровью всю гостиную.

— Так они действительно тут были? — широко распахнула глаза Боадицея.

Ей по лицу прилетела смачная пощёчина, от которой она резко дёрнула головой и у неё перед глазами разлетелись искры.

— Не смей перебивать, когда я говорю! Итак, ты пленница, а я ханец. Чтобы ты понимала — в нашей просвещенной стране изобрели самые жуткие пытки в мире. Они способны сломить дух любого человека, даже бессмертного.

Девушка гневно раздувала ноздри.

— Для тебя самой страшной будет пытка водой. Человека усаживают в очень холодной комнате, привязывают так, чтобы он не мог пошевелиться или пошевелить головой, и в полной темноте ему на темя медленно капают холодной водой. Через некоторое время человек сходит с ума. Ты станешь навеки безумной бессмертной, и даже если обретёшь свободу, долго без разума не протянешь.

— Ты не посмеешь! — в её глазах промелькнули нотки страха.

— Ещё человека сажают на молодой бамбук и привязывают к нему, — монотонно

продолжил Чжао. — Молодой бамбук растёт очень быстро, и тем самым постепенно разрывает тело человека на части. Кстати, в округе бамбука с избытком.

Боадицея нервно поерзала. У неё по спине пробежал табун мурашек.

— Ещё пленника можно долго кормить недоваренным рисом. После этого набухает живот и разрывается желудок и кишечник, что вызывает внутреннее кровоизлияние и невероятно мучительную смерть. А поскольку ты бессмертная, то умирать в муках будешь не только долго, но и часто.

Девушка взбледнула, но продолжила молчать.

— Тебе не повезло родиться женщиной, — Хенг продолжил прощупывать пределы прочности психики жертвы. — Знаешь, как ханьцы наказывают неверных жен? Женщину связывают так, чтобы она не могла пошевелиться, и раздвигают ей ноги...

Она широко распахнула глаза, опустила их вниз и часто задышала от накатившего страха.

— Между ног прямо туда наливают молоко, после чего выпускают змею. Так как змеи очень хорошо чувствуют запах молока, они заползают в самое глубокое место женщины, отчего та умирает в тяжёлых муках. Опять же, тебе не повезло дважды, поскольку ты не только женщина, но и бессмертная, то есть умирать будешь много раз и страдать куда дольше смертных.

— Ты монстр! — прошептала она, а на её глазах выступили слёзы.

— Нет-нет, что ты. Это довольно просвещённые наказания моей родины. Их применяют к преступникам. А кто ты, раз пыталась меня убить и была соучастницей убийства трёх хороших людей? Ты хоть представляешь, сколько сил и времени уходит на обучение одного кузнеца?! Конечно же, ты отъявленная преступница. А я в этом месте олицетворяю закон... — выдержав паузу, он резко продолжил: — Так вот, это не всё! Ещё можно взять крысу, клетку и горящие угли. Крысу сажают на живот человеку, накрывают клеткой и кладут сверху угли. Она в попытке выбраться из горячей ловушки начинает прогрызаться через мягкую плоть...

Лицо Боадицеи стало бледнее мела.

— А как тебе пытка под поэтичным названием «Обезьяна, сбрасывающая одежду»? Или «Чистка баклажана»?

— Хватит! Я всё расскажу! Не нужно этого вашего варварства!

— Глупая женщина. Это вы варвары, а ханьцы — просвещённые и цивилизованные люди! Что ж, жаль труд мальчишек, которых я попросил поймать крысу, но так и быть, я готов тебя выслушать. Поведай мне о Гере.

— Что именно?

— Всё. Всё, что знаешь.

— Гера... Она такая... Добрая.

— Нет, ты не буренка... — окинул пленницу ледяным взглядом Чжао. — Ты курица! Тупая курица! Что за чушь ты несёшь? Стерва возрастом далеко за пять тысяч лет добрая? Та, кто скинула своего сына младенцем с горы? Бешеная ослиха, которая открывает сезон охоты на всех любовниц и внебрачных детей своего мужа — добрая? Конченная тварь, которая имеет свои отряды наёмных убийц из бессмертных, которые за время своей жизни убили тысячи бессмертных и бесчисленное количество смертных — добрая?! Слышь, курица, не зли меня, а то я возвращаюсь к мысли о том, что крысу и змею мальчишки ловят не зря.

— Да чего ты хочешь?! — сорвалась она на крик.

— Где живёт эта тварь? Кто ещё у неё в подчинении? Привычки, любимые блюда, как одевается, говорит и двигается. Кто её окружает? С кем дружит и враждует? Какие случаи покушений на неё известны?

— Ты меня ни с кем не путаешь? — сощурилась Боадицея. — Например, с лучшей подругой богини?! Я обычная жрица Геры. Я её видела всего раза три за всё время.

— Продолжай квохтать.

Она гневно раздула ноздри и явно хотела выругаться, но посмотрела на горячие угли в горне, вспомнила о пытках и проглотила ругательные слова. Когда она очнулась после своей знаменательной гибели, подарившей ей бессмертие, то первые, кого она увидела, были крысы. Они успели отгрызть ей уши и нос. То, что она узрела в отражении ручья, было настолько ужасно, что с тех пор она панически боялась крыс и готова была трепать языком хоть сутки напролёт, лишь бы не видеть, как крыса будет впиваться в её плоть. Она моментально забыла о своей царской спеси.

— Я слышала, что Гера живёт в роскошной вилле неподалеку от города Навплия, но где точно — не знаю. Когда нужно поговорить с кем-то из подчинённых ей бессмертных, она рассылает гонцов в храмы в другие города. После этого мы являемся в храм Посейдона в Навплии.

— Ты чего-то недоговариваешь. Раз запела, цыпочка, так пой до конца! Что за храмы? Как они работают?

— Жрецы... — с трудом выдавила она. — Это секрет греческого жречества, но... Во главе основных храмов стоят бессмертные, приближённые к богам. Сами же боги маскируются под простых смертных из высшего сословия. И лишь высшие жрецы знают их в лицо.

— И как жрецам удаётся оставаться у руля так долго, не вызывая подозрений у паствы и подчинённых жрецов?

— Мы постоянно меняемся, переезжаем в другие города. Я за тридцать лет сменила один храм, а некоторые жрецы уже пожилы во всех храмах. В некоторых храмах проживает один бессмертный, а в некоторых их бывает по несколько десятков. Сейчас храм Посейдона в Навплии считается одним из самых элитных, потому что возле него проживают боги.

— То есть в Навплии живёт не одна Гера?

— Нет, — мотнула головой Боадицея. — Боги тоже долго в одном месте не живут. Они переезжают из одного города в другой, меняя имена и биографию. И там, куда они приезжают, местный храм становится главным среди прочих. Не всегда боги живут в одном и том же городе, часто они проживают в разных городах. Где и кто точно — не знает никто. Мне известно лишь о Гере, поскольку я служу ей.

— За счёт чего они живут? На какие средства?

— Конечно же, за счёт казны храмов! — она посмотрела на Хенга с таким вызовом, что в её глазах можно было прочесть без всякой телепатии: «Это я тупая? Да это ты глупый, раз не понимаешь таких простых вещей».

— У них есть своя армия?

— Конечно, — кивнула девушка. — У жрецов есть вооружённые отряды, которые занимаются охраной храмов и высшего жречества. А ещё у них большое влияние на правителей Греции. Так что в случае чего боги могут направить войска страны на выполнение их поручений вплоть до развязывания войны с другой страной.

— Вот мы и выяснили, что ты знаешь гораздо больше, чем пыталась показать. А то «Гера добрая»... Ага, добрая... теневая правительница могучего государства, у которой есть личная армия и толпа бессмертных в подчинении. И раз ты тридцать лет была её жрицей, я ни за что не поверю, что ты не слышала от других бессмертных множества историй про богов. Итак, меня интересуют известные случаи покушения на них, и не важно: удачные или нет.

— Я слышала лишь легенды. Например, однажды боги пытались свергнуть Зевса. Посейдон, Афина и Аполлон при поддержке Геры приковали сонного Зевса цепью к ложу и уже хотели было заключить его в Тартар.

— Почему хотели его заключить? Что за Тартар?

— Тартар — бездна в подземном царстве Аида. Естественно, они хотели его заключить туда, поскольку они не могли его убить. Но его возлюбленная Фетида призвала на помощь бессмертного Бриарея и они освободили Зевса. Тот в наказание послал Посейдона и Аполлона строить стены Трои. К ним позже присоединился царь Эгины Эаком, поскольку его солдаты не уберегли Зевса от покушения.

— И почему же Гера поддержала бунтовщиков? — Хенг был увлечён допросом. Чем больше он узнавал о древних бессмертных, называющих себя богами, тем сильнее поражался.

— Гера ревновала Зевса к Фетиде, поэтому хотела ему отомстить и заодно захватить власть над богами.

— Мифы — это прекрасно. А расскажи-ка мне миф об убийстве бога.

— Убийство? — Боадия нахмурила брови и прикусила губу в попытках что-нибудь припомнить. — Так... Менетий был поражён молнией и сброшен в Тартар. Панларей, расхитивший храм Зевса, был им обращен в камень. Кампа он тоже не убил, а поразил молнией и сбросил в Тартар. Нет, я не припомню смерти богов. Полубогов Зевс обычно поражал молнией и убивал, как обычных людей. Своих противников среди богов он в основном поражал молнией и сбрасывал в Тартар.

Даже такая информация дала Хенгу пищу для размышлений. Получалось, что тела «богов» настолько прочные, что они даже не пытаются убить друг друга. Зато они нашли способ избавляться от конкурентов: скинуть в глубокую подземную пропасть, из которой невозможно выбраться, и забыть о них. А ведь те, кого скинули в Тартар, могут быть до сих пор живы и очень злы на Зевса.

Одно можно сказать наверняка — тактика у Зевса давно выработана. Выстрел из тазера, а затем уже разобраться с противником. Если его можно убить — убивает. Если убить сложно — пинком в пропасть.

Отсюда следует, что Тартар находится где-то в Греции и до него можно довольно быстро добраться из одного из городов, в котором может жить Зевс, соответственно, вместе с ним Гера.

Но незнание девушкой мифов о случаях убийства богов не значит, что подобных случаев не было. Афродита и Гефест проговорились о том, что боги тоже умирают, только погибнуть им весьма непросто. У него имелось предложение, что если скинуть такого бессмертного в жерло действующего вулкана, то он там погибнет. Возможно, не сразу, но рано или поздно ресурс нанитов подойдёт к концу. Плюс существуют некий дезинтегратор, которые хотел сделать Гефест для убийства своей нерадивой мамы.

— Что ты со мной сделаешь? — прервала его размышления взволнованным голосом

Боадицея.

— Ты только сейчас решила поинтересоваться своей судьбой?

— Да!

— Даже не знаю, — задумчиво потёр он подбородок.

— Убьёшь меня? Ну конечно! Как может быть иначе? Всем нужна Сила!

— Судишь по себе? — хитро прищурился Хенг. — Не все, знаешь ли, обладают куриными мозгами и в голову только едят. Некоторые ею думают. Если все бессмертные будут при каждой встрече убивать друг друга — нам житья не будет. Как-то же вы в своих храмах жили и друг друга не резали.

— Это другое! — возразила она. — Мы же все... Э-э-э...

— Вы все принадлежите к одной группе, — решил ей помочь Хенг. — Семья, род, клан — как ни назови, суть одна. В группе не принято убивать своих, зато чужих сколько угодно. Так было всегда и будет в будущем. Разве что люди как всегда придумают своей жестокости какое-нибудь красивое оправдание вроде борьбы за правое дело или того, что лишь их раса правильная и выше других. Ты знаешь, что все бессмертные родственники?

— Что? — опешила кельтка. — Ты врёшь! Мы не можем быть родственниками. Ты видел свою рожу? Если нет, то найди реку или отполированный щит и посмотри. Ты желтокожий, чернявый и узкоглазый, а я обладаю благородной белой кожей и красными волосами!

— Тем не менее, это правда. Все мы потомки тех, кого ты называешь богами. Все мы братья и сёстры, кузены и кузины, то есть одна семья. Ты наверняка не знала, что это боги нас специально плодят со смертными женщинами и это они придумали Игру, чтобы удобней было собирать Силу?

— ТЫ ВРЁШЬ!

— Мне об этом поведали Афродита и Гефест. Зачем бы им врать в таких вещах? Проще было ничего не рассказывать. Бурёнка, ты не задумывалась, откуда берутся бессмертные? Почему мы такие, какие есть? Где берёт корни Сила? Почему передача Силы осуществляется в сопровождении молний?

— Так задумали боги.

— Ничего подобного. Они сами в этом слабо понимают, иначе давно взяли бы Силу под контроль.

— Хочешь сказать, что ты знаешь? — скепсис сквозил в каждом её слове.

— Немного понимаю в этом. Когда-то давно в этот мир прилетел, скажем так, бог. Он был отцом первого поколения нынешних богов. И он, в отличие от своих отпрысков, во всей «божественной» инженерии разбирался неплохо.

— Хронос!

— Нет, Буренка, не Хронос. Его звали Брэд. А Хронос, это вроде бы один из бессмертных или богов. В общем, подумай над этим на досуге. О том, что мы воюем с нашими братьями и сёстрами и, по сути, являемся скотиной, которую твои обожаемые боги разводят ради пополнения Силы, которую они со временем понемногу теряют. Негоже так поступать со своими детьми, братьями и сестрами. Вот ты убила бы своих детей? Заставила бы их сражаться на смерть ради того, чтобы в будущем убить сильнейшего из них?

— НЕТ! Но у меня и детей нет. А приёмные дети от мужа... — на её лицо словно накатила тень. — Римляне убили их! Ненавижу римлян! Ты похож на этих собак. Но ты так и не сказал, что со мной сделаешь?

— Если ты поклянешься не мстить мне и не нападать первой — я тебя отпущу на все четыре стороны.

— Вот так просто отпустишь? — до крайности удивилась Боаниця. — И ты согласишься моим словам?

— У нас, бессмертных, нет ничего ценнее слов. Если бессмертный не держит своего слова, то он не достоин жизни. Империи рушатся и создаются новые, люди гибнут и рождаются, а мы продолжаем жить. И лишь репутация то, что будет с нами на протяжении всей жизни.

— То есть ты действительно меня отпустишь?

— Конечно. После клятвы.

— Я дам тебе клятву, но знай — только дай повод, и я прирежу тебя при первой же встрече!

Дина полностью пришла в себя, отмылась от крови и переделалась в чистенький шафрановый пеплос*. В отличие от хитона и тоги, этот наряд достигал земли, но также надевался прямо на тело и оставлял один бок открытым. Руки также оставались открытыми.

Хенг отсутствовал так долго, что она успела отмыть от крови пол в гостиной. Естественно, до конца это сделать было трудно, поскольку ввевшаяся кровь плохо отмывается. Её прежняя одежда и сандалии пошли на выброс.

Посмотришь со стороны — суший ангелок. Милая девочка полулежала на кушетке за хозяйским столом для пиров, на её губах застыла мечтательная улыбка. Именно в таком виде застал её Хенг и своим голосом вывел из мира фантазий:

— Совсем прислуга от рук отбилась — уже хозяйские кушетки занимает.

— Зато я троих убийц замочила! Тебя спасла, между прочим. Эх... Не думала, что получу от столь мерзкого занятия столько удовольствия. И вообще, я думала, что мы друзья и напарники. Типа ты мой учитель и наставник, а я вся такая прекрасная ученица. Знала бы, из петли тебя не вытаскивала.

Хенг прилёг на кушетку напротив, прислонил рядом ружьё и подтянул к себе кувшин с вином.

— Ты даже стол накрыла. Жаль гостиную — теперь эти кровавые пятна всё портят.

— Ерунда. Пригласи плотника, он стешет верхний слой дерева и полы станут как новые.

— Вот ты этим завтра и займешься. Мне теперь вздохнуть некогда будет. У нас другая проблема — кузнецов эти шакалы убили, а купеческие заказы никто не отменял. Мне самому придётся встать за пресс и заниматься литьём заготовок.

— Кстати, — потянулась налить себе вина Дина, — что там с твоей лысой коровой? Что-то я не заметила молний. Неужели ты решил сделать из неё секс-рабыню?

— Скажешь тоже, — фыркнул Хенг. — Я давно не мальчик, чтобы тыкать членом куда угодно. Отпустил её.

— Ты свихнулся?! — чуть не выронила кубок девчонка и большими округлившимися глазами уставилась на собеседника. — Она же вернётся и поубивает нас!

— Она хоть и туповата, но не совсем дура. Одной демонстрации огнестрельного оружия ей должно было хватить, чтобы не возвращаться... В одиночку.

— Погоди, — нахмурилась Дина. — Один из этих всадников сбежал. Ты думаешь, что они вернутся оба?

— Рассчитываю на это. Нужно закончить начатое. Смерть, насколько я понял, не привык прощать врагов, но и в одиночку он не рискнёт возвращаться. Нам останется подготовить на них ловушку. Если же вместо атаки в ближайшие дни они решат вернуться к своей хозяйке, я не сильно расстроюсь. В таком случае нам придётся свернуть бизнес и переехать в другое место.

— Звучит страшно.

— Для тебя риск минимальный. Никто не подозревает, что ты бессмертная. В детях вообще редко кто видит угрозу. Поэтому постарайся не выбиваться из образа.

— Постараюсь, — кивнула она. — И всё же я считаю, что ты зря отпустил корову.

— Бурёнка полезна. Она либо приведёт к нам последнего всадника, либо донесёт до Геры описание пистолета. В лучшем случае это должно развеять её подозрения о том, что я

сын Зевса.

— А мне кажется, что ей плевать, являешься ли ты его сыном или нет. Этой психованной стерве достаточно лишь намёка и подозрения. В своей жизни я насмотрелась на таких ревнивых стерв. Мне больше кажется странным другое: почему всадники убили кузнецов, но при этом оглушили служанку?

— Ничего странного. Обычное поведение воинов с древних времён: мужиков убить, девок оглушить и потом использовать по назначению.

Дина прикрыла глаза, потёрла переносицу и глубоко вздохнула.

— Всё время забываю, что это дикое время и о запрете харасмента никто не слышал.

Хенг громко рассмеялся.

— Была бы у тебя жопа, я бы по ней хлопнул! — он поднялся с кушетки и поставил на место пустой кубок. — Ладно, болтать — не молотом ворочать. Мне пора клинок перековать, а то после боя ему место лишь в куче с металлолом.

Надувшись, вечная девочка проводила мужчину насупленным взором.

— Будь у меня сиськи и взрослая внешность, сняла бы парня! — тихо пробурчала она. — Теперь я знаю способ оттянуться не хуже... — её губы растянулись в мечтательной улыбке. — Убивать бессмертных!

Хенг резко проснулся от чувства приближения бессмертного. Он тут же нащупал на кровати рядом с собой ружьё и меч. Спал он сразу в одежде, хотя это и было неудобно. Оставалось лишь обуться.

С матраса на полу подскочила взбудораженная девчонка. Она также была одета.

— Пришли всё же, — она подобрала с пола кобуру с револьвером, которая была оснащена сбруей с множеством ремешков. Без стеснения обнаженного тела она стянула с себя мятый пеплос и закрепила на теле кобуру, после чего прикрыла и пистолет, и ремешки. Пеплос обнажал правую сторону и позволял правой рукой добраться до кобуры.

Хенг плавно и медленно шагал впереди, держа перед собой ружьё. Дина шла позади. От страха и предвкушения схватки её потряхивало.

Пол в гостиной выглядел новеньким и пах льняным маслом. Плотник постарался на славу, в рекордные сроки убрав окровавленный слой древесины.

На стенах как обычно были развешены убойные железяки: мечи, топоры, секиры. Часть оружия принадлежала недавно убитым Всадникам Апокалипсиса.

В доме царили полумрак и пустота. Снаружи двери раздался громкий стук.

— Дина, — кивнул ей Хенг, а сам выставил ружьё в сторону входа.

Вечная девчонка первым делом кремнем и кресалом зажгла настенные масляные светильники. В свете их пламени предметы интерьера обрели пляшущие тени. Лишь после этого она пошла открывать дверь. Отодвинув засов, она отскочила в сторону и крикнула:

— Открыто!

Дверь распахнулась. На фоне дождя, льющего с неба как из ведра, возникла фигура лысой девушки в варварской одежде и с мечом, то есть в том виде, в котором её отпустил на свободу Чжао. Её рубашка насквозь промокла, а кожаные штаны воняли мокрой псиной. С неё на пол ручейками стекала вода.

— Ай! — махнула она рукой. На указательном пальце выступила кровь. — Что у вас за

колючие ручки? — она засунула палец в рот и пососала ранку, слизывая кровь.

— Мне казалось, что мы договорились, — сурово сдвинул брови Хенг.

— Я не воевать пришла. Прости за поздний визит, но мне на острове не к кому пойти. В порту сказали, что корабли купцов будут через несколько месяцев.

— Причём тут я? Это твои проблемы.

— Но мне негде ночевать, а погода у вас паршивая! Денег мне хватит впритык, чтобы доплыть до Сатаваханы. Если буду тратиться на еду и постоянный дом, то не смогу отсюда уплыть. Мне бы пожить у тебя до кораблей.

— Хорошо.

— Я... — сбилась бывшая царица Кельтов, желая продолжить уговоры. — А? Что ты сказал? — опешила она.

— Хорошо, говорю. Можешь остаться на моей земле.

— Господин, вы верите этой женщине? — подала голос Дина, закрывая дверь на засов. Одна из занавесок ей не понравилась, и она поправила её.

— Конечно... — он намеренно не закончил фразу, поскольку подразумевал, что конечно, не верит, но звучало всё так, будто верит. В этот момент он уловил, как на мгновение уголки губ Боадицеи приподнялись, но тут же она их намеренно опустила, придав себе невинный вид.

— А эта штука у тебя в руках тоже очередное божественное оружие? — довольно громко поинтересовалась она.

Столь дешёвый трюк, что Хенгу хотелось приложить ладонь к лицу. А вот Дина себя сдерживать не стала, она нервно покосилась в сторону улицы.

Обоим стало ясно, что Боадицея и Смерть использовали тот же трюк, что и они, то есть шли рядом, чтобы ощущаться как один бессмертный. Следовательно, Смерть сейчас находится неподалеку, а Боадицея таким образом предупредила напарника о наличии у Хенга другого оружия.

— Это ты божественное оружие, а это арбалет новой конструкции, — спокойно пояснил он. — Он более точный, чем аналоги с классической дугой. Могла бы и догадаться по прикладу.

— Ах, арбалет... — не снижая голоса, протянула она. — Понятно. И как он работает?

— Что ещё тебе рассказать? — иронично протянул Чжао. — Может, тебе сразу отдать ключи от дома, где деньги лежат?

— Секрет кузнеца? Понимаю. Так что ты предложишь девушке? Может, свою постель?

— Бурёнка, не наглей. Я тебя поселил бы в хлеву, но у меня его нет.

— У меня имя есть! — возмутилась она. — Боадицея! Запомни его.

— Бурёнка, не шуми.

— Имя. Оно есть у меня! Я не Бурёнка! И вообще, ты даже не предложишь девушке сухую одежду переодеться?

— Сразу видно аристократическую наглость, — покачал он головой.

— Ты так и будешь держать эту штуку направленной на меня? — Боадицея указательным пальчиком показала на ружьё.

— Привычка, — пожал он плечами, поднимая оружие дулом к потолку. — Проходи, располагайся. Девчонка, подай гостье вина и фруктов, а потом принеси ей чистый хитон!

— Сию минуту, господин, — отыгрывая покорную служанку, Дина склонила голову, взяла со стола переносной масляный светильник, подпалила его фитиль от настенного

светильника и направилась в сторону кухни.

— Ты мог бы стать жрецом, — пространно выдала Боадицея.

— Почему мог бы? Не похоже на предложение стать одним из вас. Больше напоминает констатацию в прошлом времени.

— Это не предложение, — продолжила она. — Я просто говорю, что ты мог бы быть одним из нас.

— Жрецом меня назвать сложно, но учитывая, что мой наставник Гефест, я вроде как являюсь одним из вас.

Девушка покачнулась.

— Голова кружится... — её рука легла на рукоять меча. — Ты меня отравил?

С шорохом меч покинул ножны.

— Ты решила нарушить наши договоренности? — отступил на пару шагов Чжао.

— Это ты их нарушил! — гневно воскликнула она.

— Я и пальцем тебя не тронул. Ты по местным джунглям шлялась. Кто тебя знает, что ты там ела, пила и кого трогала? Тут тебе не там! Повсюду растут ядовитые растения, ползают, прыгают, бегают, летают и плавают ядовитые гады и твари. Может, тебя ядовитая муха укусила?

— Муха? Ядовитая? А такие бывают?!

— Конечно!

— Ты всё ВРЁШЬ!

Боадицея замахнулась клинком, но направленное на неё ружьё слегка охладило её пыл. Ледяной голос Хенга припечатал:

— Эта штука выстрелит быстрее, чем ты успеешь до меня добраться с мечом, так что засунула свою железку в ножны и села!

Некоторое время она колебалась, потом опустила меч. В коридоре появилась Дина с подносом, на котором несла кувшин с вином, кубки и блюдо с фруктами.

Боадицея покачнулась. У неё в голове зашумело. В следующий миг она рванула в сторону Хенга, направляя меч для укола.

Раздался оглушительный выстрел. Дробь разворотила лысой женщине всё брюхо и отбросила её тело назад. Она громко воскликнула от боли.

Хенг кивнул Дине. Та положила на пол поднос и на её лицо выползла предвкушающая улыбка маньячки.

Она подобрала меч бывшей кельской царицы. У той глаза округлились от ужаса. Захлебываясь кровью, она с крайней степенью изумления прохрипела:

— ТЫ-Ы-Ы?! Не-е-е-т!

Хенг переломил ружьё. Оба патрона, включая вполне себе пригодный для стрельбы, эжектор выплюнул из ствола. Их место заняли два заряженных патрона.

Со свистом рассекаемого воздуха клинок в руках девочки опустился на шею лысой женщины. После поглощения нанитов троих Всадников Апокалипсиса сил у Дины изрядно прибавилось. Шею она перерубила, словно хворостину. Голова с застывшей маской ужаса с широко распахнутыми глазами и открытым в предсмертном вопле ртом покатилась по недавно покрытому льняным маслом полу. Кровь фонтаном брызнула из шеи, заливая этот самый пол второй раз на неделе.

Чжао отступил ещё на шаг. Ружьё снова было заряжено и готово к стрельбе.

Тело Боадицеи окутали голубые искровые разряды, которые вихрем закружились вокруг

него. Молнии начали бить в тело Дины. Она сдержала рвущийся из груди стон, превратив его в тихий хрип. Чего нельзя сказать о мече, который выпал из ослабевших рук. Совершив пару неуверенных шагов, чтобы не рухнуть в лужу крови, она рухнула на колени, а потом и вовсе распласталась на полу. Её лицо исказила гримаса боли в смеси с наслаждением, словно во время грубого безудержного секса. Судорожные подёргивания напоминали множественные оргазмы.

Стоило молниям прекратить бить, как Хенг поспешил утащить размякшее тело Дины за диван. Сам же вернулся и лёг на её место. Меч Боадицеи лежал рядом с левой рукой, ружьё было зажато в правой. На лице он изобразил дебильную улыбку и постарался максимально расслабиться и не двигаться. И вовремя.

Большой камень выбил витражное окно. В следующее мгновение в окно влетел Смерть. В руке он держал меч. С его одежды ручьями стекала вода, заливая полы.

Стоило ему восстановить равновесие и бегло оглядеть комнату, как его взор переполнился превосходством. Вальяжной походкой он неспешно направился к Хенгу.

— Я знал, что ты клюнешь на эту дурочку и не удержишься от её убийства! Мне оставалось лишь дождаться момента твоего бессилия и забрать твою голову. Что, не помогло тебе твоё оружие?

Внезапно для Смерти Хенг стал двигаться с небывалой прытью для только что получившего дозу Силы. Дуло ружья оказалось направлено на противника. Тот козликом отскочил направо.

БАБАХ!

Первый выстрел ранил его в правую руку. Он лишь чудом удержал меч. С его языка сорвалась брань на шумерском.

БАБАХ!

Второй выстрел разворотил ему грудину и откинул на стену. Рука разжалась и клинок со звоном упал на пол.

Он с ужасом квадратными глазами смотрел на приближение Хенга, который держал в руке меч Боадицеи.

— Стой! — прохрипел он. — Давай договори...

Сталь свистнула и снесла его голову раньше, чем он успел договорить.

Хенг сразу опустился на колени, воткнул кончик меча в пол и оперся на рукоять. Через секунду из обрубка шеи Смерти в него ударил целый поток молниевых разрядов. Казалось, они будут вылетать из него до бесконечности. Их было минимум в тридцать раз больше, чем у жрицы Геры. Молниями повыбивало все витражные окна и опалило стены. Ближайшие шторы загорелись. Хенга колотило, но он всё ещё стоял на коленях и не издал ни единого звука.

— Ниче себе приход! — на ватных ногах поднялась из-за дивана Дина. Она поковыляла к занавескам, сорвала их с карнизов и начала затаптывать пламя. Ей это удалось. — Ну и вонь! Ненавижу запах горелых занавесок. Босс, как думаешь, сегодня нам стоит ещё ждать бессмертных?

Сил на ответ у него не было. Максимум он сумел выжать из себя выразительный взгляд с приподнятыми бровями.

— Поняла, зачем сразу кричать? — усмехнулась девчонка. — Эх, а жаль... Я бы ещё кого-нибудь из бессмертных убила. — В ответ на очередной выразительный взгляд она ответила: — Нет-нет, конечно, не тебя!

Дом снова пришлось приводить в порядок. Этим процессом руководила Дина.

Хенг в это время днями пропадал в кузнице, а ночами дрых без задних ног. Даже у очень сильного и выносливого бессмертного есть предел. Он чувствовал себя так, словно вернулся назад в прошлое во времена начала обучения у Гефеста, когда валился с ног от сверхнагрузок.

Заказ товаров из бронзы был рассчитан на неспешный труд троих кузнецов. Один же человек для выполнения такого же объёма должен не отходить от горна и прессы. Помимо этого Чжао готовил запас патронов, делал ещё один револьвер и снайперское ружьё с нарезным стволом по типу винтовки Мосина с магазином на пять патронов. В настоящее время такое оружие станет очень опасным и позволит убивать бессмертных на расстоянии, с которого они не почувствуют другого бессмертного.

Он думал, что неплохо бы сделать оружие против ложных богов, поскольку тем вряд ли навредит пистолет или ружьё. Учитывая количество подчинённых Геры и её известные на весь мир мерзкий характер и мстительность, у Хенга не оставалось сомнений в том, что охота за ним продолжится. Ему не хотелось становиться вечной жертвой. Чтобы этого не допустить, существовал один действенный выход — уничтожить угрозу. Проблема в том, что по всем вводным обычными способами убить псевдо богов невозможно. Нужно какое-то особо мощное оружие, которое в условиях древнего мира сделать весьма непросто, вернее, невозможно. Вот если бы он в бытность Хизеши стал химиком, а не программистом — другое дело. Можно было бы синтезировать тринитротолуол или нитроглицерин и попробовать взорвать Геру и всю её братию.

Оставался ещё один вариант — попробовать найти зачатки богов со времён их прилёта на планету. Он успел убедиться в реальности существования работоспособных приборов во время операции по внедрению единой планетарной религии. Наверняка ему показали крохи, а где-то до сих пор может быть запрятано кое-что посерьёзней. От того же тазера, как у Зевса, он бы не отказался.

Пока же о взрывчатке, тазерах и прочих чудесах оставалось лишь мечтать.

Через несколько месяцев купеческий заказ был полностью готов. Вместе с ним были изготовлены ружьё и револьвер, а к ним по несколько сотен патронов.

Деньги на покупку запасов угля, олова и меди Чжао придержал.

Когда купеческие корабли начали прибывать, он распродал все товары, арендовал место на одном из кораблей, прихватил самое ценное имущество и кузнечное оборудование и вместе с Диной отправился дальше на восток. После распродажи заказов у него образовался солидный капитал, которого хватило бы на покупку своего корабля. Но зачем корабль тому, кто не собирается заниматься торговлей? На одну поездку гораздо дешевле оплатить проезд и аренду части трюма. К тому же, купцы продают корабли в крайнем случае, например, если разорились и нужно погасить долги, чтобы не попасть в долговое рабство.

*Пеплос — Женская верхняя одежда из лёгкой ткани в складках, без рукавов, надевавшаяся поверх туники или на голое тело.

До самого горизонта открывался невероятной красоты горный пейзаж. Прекрасное нагорье, изрезанные реками и ручьями равнины и густые леса. Снежные вершушки гор резко контрастировали с цветущими лугами и густой зеленью. Повернув голову, можно разглядеть склоны гор, деревья у водоёма и струю водопада между камней. А за ними виднеются вершушки дальних гор и небо, покрытое облаками. На берегу того самого водоёма, в который вливался водопад, на валуне в позе лотоса сидел Чжао Хенг. Рядом с ним на другом валуне медитировала Дина.

— Достало! — распахнула она глаза и упёрла руки в колени, отчего её спина изогнулась дугой. — Хенг.

Он молча продолжал медитировать.

— Хенг!

Он по-прежнему продолжал размеренно дышать с закрытыми глазами.

— ДА, ХЕНГ, МАТЬ ТВОЮ!

— Чего шумишь? — резко раскрыл он глаза и устремил взор на собеседницу.

— Какой долбанной матери мы торчим в этих горах? У нас же куча денег! Мы могли бы с комфортом устроиться в любом городе.

— Для начала, деньги есть у меня, а не у нас. Ну и охоту за нами со стороны Геры никто отменял. В городах нас будут искать в первую очередь.

— Тогда мы могли бы жить хотя бы в деревне, — распрямив ноги, она села привычным образом и опёрлась на ладони, отставленные немного назад. — Я хочу хотя бы деревенский сортир и душевую, а не гадить под валуны и мыться в ледяных горных ручьях!

— Женщины! — экспрессивно протянул он. — Сколько с вами сложностей. Иди и живи где хочешь.

— А ты?

— А я уйду подальше из этой местности.

— Но тогда меня возьмут в рабство! — возмутилась она.

— Твои проблемы.

— Так, Дина, успокойся... — прикрыв глаза, она начала потирать виски. — Ладно, — вновь уставилась она на мужчину. — Ты разве не хотел отомстить Гере?

— Хотел.

— И?!

— Дина, у нас с ней разные весовые категории. Мне для победы над ней необходимо либо иметь собственную армию, способную сокрушить всю мощь греческой военной машины, либо иметь превосходящую личную силу и козырей полные рукава, а также избавиться от обузы. С армией всё сложно. Стоит начать завоёвывать какую-нибудь страну, как об этом прознают бессмертные. Мне банально не дадут времени на подготовку.

— Это я обуза? — нахмурилась вечная девчонка.

— Именно.

— Обидно, знаешь ли. Кто тебе всё время помогал?

— Дина, речь не о помощи. Раньше ты была слаба, сейчас же стала равна по силам взрослому крепкому мужчине. Но одной силы недостаточно для выживания. Когда ты научишься боевым искусствам и владению разными видами оружия, сможешь без проблем

жить с подножного корма, разбираться в травах и ядах, тогда ты перестанешь быть обузой. Я стану уверен, что ты можешь сама о себе позаботиться и защититься, не став жертвой первого попавшегося крестьянина, не говоря о бессмертных.

— Боевые искусства — это понятно, а медитации нам зачем?

— Медитации и диеты раскрывают скрытые способности человека. Мой учитель йоги умел читать мысли. Я раскрыл в себе обостренную интуицию. В перспективе же можно научиться левитировать, делать кожу прочной, словно металл и совершать кучу других чудес. Любая дополнительная способность сделает тебя сильнее и повысит шансы на выживание.

— Но... — она состроила щенячьи глазки. — Разве нельзя этим всем заниматься в комфортных условиях?

— Можно.

— И почему мы так не делаем?

— Чтобы закалить дух и не дать расслабляться телу. Так мы ускорим тренировки раза в три от одной лишь скуки, чтобы занять время хоть чем-то.

— Хенг, но мы могли бы делать то же самое в какой-нибудь глухой деревне, при этом экономить кучу времени, которые тратим на поиски пропитания.

— Твой рот издает глупые звуки, — приподнял он уголки губ. — Мы ежедневно тратим на поиски еды час-два, в худшем случае три-четыре часа. Любые деньги имеют свойство заканчиваться. Мы и глазом не успеем моргнуть, как все наши сбережения покажут дно. Следовательно, нам придётся искать способы добычи пропитания уже в деревне, а там всё что можно — давно сожрали крестьяне, свою же продукцию они продают за деньги. То есть нам придётся работать. Любая работа отнимает больше времени, чем поиски пищи в стиле охотника-собирателя.

— А лечебные травы тогда мы зачем целыми стогами запасаем? — мысленно согласилась с ним Дина. — Мы же бессмертные!

— Зато наша одежда не вечная. Да и риса часто хочется. Будем изредка навещать ближайшие деревни и обменивать лечебные травы на дары крестьянского хозяйства. И вообще, почему я тебе должен всё объяснять, словно настоящему ребёнку? Или тренируйся, или вали в свою деревню!

— Не злись, Хенг. Я просто устала.

— Через полгода привыкнешь. Человек ко всему привыкает.

— Эх... — протяжно вздохнула она. — Быть служанкой, оказывается, мне нравилось куда больше.

— Хочешь всю долгую жизнь быть служанкой?

— Нет! — соскочила с валуна взволнованная Дина. — Конечно, нет, — спокойней продолжила она. — Я прекрасно понимаю необходимость научиться самообороне.

— Искусству убивать. Как говорил один военачальник: лучшая защита — нападение. Самообороне учили рафинированных жителей мирной цивилизации в твоей виртуальности.

— И в твоей!

— И в моей, — согласно кивнул он.

— А как же твоё оружие? Оно же испортится.

— Ничего не испортится. Огнестрел я покрыл консервационной смазкой, сделать которую было непросто, и завернул в промасленную бумагу. Патроны упаковал в герметичный оловянный короб. Всё это лежит в сухой пещере и без проблем пролежит хоть сто лет. А если смазку периодически обновлять, то и дольше.

— А разве порох со временем не портится?

— Подумаешь, немного преувеличил, — Хенг продолжал сидеть в позе лотоса. — На самом деле в порохе со временем происходят необратимые химические реакции, из-за чего он действительно портится. При обычном хранении он может испортиться за пару или за десять лет. В герметичной упаковке может храниться пятьдесят лет. Но кто мне мешает лет через сорок сделать мастерскую, раздобыть реагенты и перепрессовать патроны?

— Эх... Надоели эти корешки! Так хочется мяса. Сочного, с кровью, чтобы впиться в него зубами.

— Зайца видишь? — приподнял брови Чжао.

— Нет.

— А он есть!

— Ты-ы-ы... — её глаза от изумления широко распахнулись. — Ты что, предлагаешь мне охотиться на зайца?!

— Ага.

— Но ты же мужчина.

— А ты феминистка.

— Да, но...

— Феминистки борются за равные права с мужчинами. У тебя они равные. Поздравляю.

— Ну-у...

— Не я хочу мяса. Как делать самострел, я тебе показывал. Палок вокруг полно, инструментов у нас масса, веревки есть. Даже готовые болты для самострела в наличии.

— Э-э... — у Дины порвало все шаблоны. — Но раньше ты охотился.

— Раньше ты была моей служанкой, а теперь... Как ты там говорила? Друг, ученица и всё в таком роде. Так что, друг, топай за зайцем!

— Мужлан! — резко зашагала она в сторону их лагеря и продолжила раздражённо бормотать: — Я что, дура, сама делать самострел? Возьму твой арбалет!

— Я всё слышу, — ухмыльнулся ей в спину Чжао. — Как друг могу сказать: бери — не жалко. Как учитель: не стоит. Вскоре ты поймёшь почему.

— Почему? — замедлила она шаг.

— Чо-ко-ну очень капризное оружие с низкой точностью и небольшой дальностью полёта болта. Для обращения с ним нужен опыт. С ним тебе придётся подкрасться к добыче почти вплотную.

— И всё же я попробую.

Зайца Дина в тот день так и не подстрелила. Вообще никого не смогла убить. При этом выглядела жутко усталой, была вся грязная и изодрала одежду. В волосах у неё застряли веточки, а в глазах плескалась смесь ненависти, гнева, разочарования, решимости и голода.

— Ты оказался прав — бесполезное оружие! Есть что пожрать?

— Оставил тебе плошку грибной каши и травяной отвар. Надеюсь, ты все болты собрала и вернула?

Перехватив выразительный взгляд мужчины, направленный на пустой колчан, она медленно мотнула головой.

— Что ж, покушай перед тем, как собрать их.

— Ы-ы-ы! — схватилась она за волосы. — Всё! Всё, я поняла! Хенг, прошу, научи меня всему.

— Я этим и занимаюсь.

Тридцать восемь лет Хенг прожил в горах в компании Дины. Он тренировал её, как когда-то учили его. Фехтование, обращение с ножом, копьём, арбалетом и луком, рукопашный бой. Помимо этого он учил её читать следы, охотиться, рыбачить, искать и различать съедобные растения и грибы, готовить различные яды. Ну и о йоге не забывал. Ей посвящалось много времени. Хенг почти всё свободное время проводил в медитациях и выполнял упражнения безоружного боя и фехтования, доводя каждый приём до идеала.

Все эти годы они собирали горные целебные травы, сушили их и носили в деревни. Крестьяне с радостью меняли на травы рис, муку, ткани, верёвки и посуду.

Но просто так отдать покупателю травы не получится, поскольку не все знают, что с ними делать. Хенг объяснял, как заваривать те или иные растения, в каких дозах и от каких болезней принимать. Если в деревне находились больные, а они всегда имелись, он их лечил за отдельную плату. У сотника имелся обширный опыт лечения многих хворей и ранений, а на аборигенах он его оттачивал и расширял.

Очередное утро украсило алым восходом горизонт. Только солнце, лучи которого проникали в пещерный проём, не радовало Хенга. Он проснулся с тяжёлой головой и не обнаружил рядом спутницы.

Можно было бы списать всё на то, что она отошла в кусты, если бы не несколько факторов. Во-первых, напротив его глаз на стене пещеры имелась надпись:

Хенг, меня всё достало! Я ушла в цивилизацию. Не ищи меня и не догоняй. Я теперь сумею за себя постоять.

Во-вторых, голова у бессмертных просто так не болит. Ощущение напоминали действия одного безвкусного яда. Если добавить к этому то, что вчерашним вечером ужин готовила вечная девчонка, то всё становится на свои места.

В-третьих... Он был распят на полу пещеры в виде морской звезды. Руки и ноги были привязаны к стальным кольшкам, вбитым в каменный пол. На это должно было уйти много времени.

— Женщины! — уставился он на потолок. — Всё бы вам сделать через одно место. Вот зачем было меня привязывать? Я и так счастлив, что ты свалила. Попутный ветер в корму. Век бы тебя не видеть!

У него ушло двое суток, чтобы расшатать и вырвать один из кольшков. Ругань стояла на всю округу. Ощущения такие, что не каждый мазохист захочет их испытать. Дальше освободиться было проще.

Но когда он зашёл вглубь пещеры к тайнику с оружием и деньгами — своды огласило громкое эхо отборной ханьско-японской ругани.

Возвращался он из хранилища шаркающей походкой и с опущенными плечами.

— Всё выгребла! Всё! Деньги, огнестрел, патроны... И как только такая мелочь на себе уволокла такую гору вещей?

Последнее в самом деле удивляло Хенга. Ладно, ружьё и винтовка — их можно повесить за спину. Пистолеты можно в кобурах транспортировать. Почти килограмм золотых монет довольно компактные. А вот патроны были запечатаны в нелёгкие и объёмные короба из олова.

Помимо этого Дина прихватила чо-ко-ну и болты к нему, меч Боадицеи, кинжал и нож.

Ещё набрала запас еды примерно на неделю.

Хенг представил себе её. Получалась девочка с большим и тяжёлым мешком за спиной, который с неё размером, если не больше. Этакая черепашка. Сил после поглощения нанитов тройки древних бессмертных ей не занимать, как и выносливости. Плюс жёсткие тренировки Хенга сделали её ещё сильнее. Но всё равно, если кто-то её такую увидит — обалдеет.

Чжао прикинул, что за двое суток она могла уйти на приличное расстояние. Учитывая горную каменистую местность и обилие ручьев, а также то, что он её учил запутывать следы — найти её будет так же сложно, как иголку в стоге сена.

После того, как гнев схлынул и он вернул себе способность трезво мыслить, Хенг плюнул на потери. У него осталось много кузнечного инструмента и ещё больше свободного времени. Можно сделать всё заново, а деньги снова заработать, хотя в горах они особо не нужны. Только вначале стоит сменить местность.

Прошло достаточно много времени, чтобы тысячника имперской гвардии успели сто раз забыть. Но бюрократия Поднебесной и её военные силы никуда не исчезли.

Хенг стоял в окружении патрульного приграничного десятка в ламинарной броне. Парням на вид было от двадцати до двадцати пяти, а судя по тому, как неуверенно держал копье один из них, а другой солдат левую руку положил на рукоять меча, который висел в ножнах на левом боку — они явно новички из крестьян-призывников. Профи держится за рукоять меча правой рукой, а левша вешает меч на правую сторону. Наличие в пограничниках плохо обученных срочников объяснялось просто — основной наплыв врагов происходит с северной и северо-восточной сторон, а он спустился с западных гор, откуда кроме диких баранов никто никого не ожидает.

— Итак, оборванец, признавайся, кто такой? — важно раздувал щёки пухлый десятник.

— Это вы маху дали, господин десятник, — на голову возвышался он над ним спокойный, словно статуя. — Чжао Хенг я, травник. Живу в горах, собираю целебные травы, вымениваю их у крестьян на полезные в быту вещи. Подумаешь, поистрепалась немного одежка. Так ведь я целый год к людям не выходил.

Ничего общего с элитой империи у него не осталось, если не считать уверенности в стальном взоре серо-голубых глаз. Волосы отросли до пояса и давно не видели расчёски. Одежда Чжао действительно поистрепалась за время перехода по горам и непролазным лесам. Его наряд изначально не блистал шелками и пёстрой расцветкой, поскольку был им же сшит из серой конопляной ткани. На ногах тупоносые самодельные туфли из той же невзрачной ткани с деревянной подошвой. К тому же, он пару раз сорвался с горных склонов, умер и воскрес, что не прибавило одежде красоты, а вот дырки, наоборот, там появились. Столь сочный образ нищего бродяги дополнял огромный мешок с лямками, который в настоящий момент стоял на земле.

— Так-так, посмотрим, что ты там несёшь! — десятник с радостным предвкушением на лице раскрыл горловину мешка. Увидев содержимое, он нахмурился. Затем нагнулся и понюхал. От резкого запаха он чихнул. — Травы?

— Травы. А что вы там ожидали увидеть, господин десятник? Неужели золото и нефрит?

— Кто тебя знает? — ноздри десятника затрепетали, он начал быстро дышать, после чего оглушающе громко чихнул, спугнув с дальнего дерева ворону. — Так ты действительно травник?

— Травник, — кивнул он.

— И лечить умеешь?

— Умею.

— А... — десятник покосился на солдат, которые с интересом грели уши. Тот самый неуклюжий увалень опёрся на копьё, как на обычную палку и вытянул вперёд шею. — А ну пошли отсюда! Продолжайте патрулировать!

Солдаты, неразборчиво бурча проклятья в адрес командира, поплелись дальше по тропе. Проводив их настороженным взглядом, десятник вернул своё внимание к Хенгу и тихо продолжил:

— А если с женщиной в постели... ну... того. Не получается если, что делать?

— Есть у меня набор трав от этого недуга. Туда входит морской конёк, корень женьшеня, осот, почечный чай и листья шелковочашечника, — запустив руку в мешок, Чжао извлек оттуда прессованные травяные шарики, которых щедро отсыпал десятнику в подставленные ладони. — Будешь заваривать по одному шарикку вечером за час до того, как потащишь жену в постель. Настой проверенный временем — все, кто пробовал, нахваляются и сметают сразу, стоит мне в селении появиться. Пользуйся, и будет у тебя такой стояк, что орехи хером колоть сможешь.

— Не, орехи не надо, — воровато оглянувшись, десятник распихал шарики по карманам. Из поясной сумки он достал бумагу, писчую палочку и чернильницу, которую взял в руку Хенг и стал удерживать на весу, поскольку пузырек некуда было пристроить. На той же сумке мужчина начал писать подорожную, медленно и высунув язык набок. — Как там тебя зовут?

— Чжао. Чжао Хенг.

— Чжа-а-а-о Хенг... — протянул десятник, выводя иероглифы. Тут он замер и поднял на него глаза. — Чжао Хенг?!

— Он самый.

— Прямо как колдуна.

— Что за колдуна?

— А ты не знаешь? — сощурился десятник.

— Я в горах живу. Там кроме баранов поговорить не с кем, и те плохие собеседники — у них на всё один ответ: бе-е-е...

— Точно! Ты же отшельник, — обрадовался такому объяснению вояка. — Ходит легенда, что давным-давно император Сюань-ди приказал поймать колдуна с таким же именем, чтобы выпытать у него секрет бессмертия. Когда Светлоликому передали рецепт эликсира жизни и доложили об убийстве колдуна, тот послал слугу убедиться в смерти Чжао. Когда же слуга пришёл к месту, в котором должно было лежать тело колдуна, то он обнаружил, как Чжао ожил! Слуга испугался, спрятался за деревом и забыл как дышать. Лишь когда колдун ушёл, он побежал что есть сил к императору и доложил об увиденном. В тот же миг Сюань-ди издал указ о поисках мерзавца.

— И как — нашли?

— О том мне неизвестно, — развёл руками десятник. — Ты же не тот самый колдун? — усмехнулся он.

— Конечно, тот самый! — шутливо ответил он и широко улыбнулся. — Это сколько мне должно быть лет: двести или больше?

— Лет сто пятьдесят точно, — протянул ему бумагу похрюкивающий от смеха десятник. — Если пойдёшь прямо по тропе, через три часа придёшь в большую деревню. Там твои травы с радостью раскупят.

— Спасибо, уважаемый десятник. Удачной службы.

— Фыр-фыр-фыр! — растягивал тот губы в улыбке. — Тот самый колдун... Ха-ха-ха! Ну, ты и поднял мне настроение, парень!

Ничего нового на родине Хенг не увидел. Всё те же леса, поля и реки. Бедные крестьяне и рабы, богатые чиновники и торговцы. Впрочем, как и везде.

Конечно, некоторые изменения были заметны. Бедное население стало жить ещё беднее. Это было вызвано повышением налогов, которые, к удивлению Чжао, выросли в два раза со времени его молодости. Это настоящий грабёж собственного населения, который не прибавляет стране процветания.

Умом он мог понять причину такого роста поборов. Всё ещё продолжалось строительство Великой стены от кочевников. Шла война с этими варварами. Так ещё прибавилась война в Западном направлении. Там другие кочевники грабили шелковый путь. В итоге с ними сражались объединенные войска ханьцев и парфянцев, поскольку и те, и другие из-за подобных грабежей терпели колоссальные убытки. Военные операции и гигантская стройка требовали больших расходов, отсюда рост поборов. Но сердцем он такого подхода не принимал.

В обществе людей Хенгу не понравилось. За годы отшельничества он привык к тишине и спокойствию. А с ростом количества людей на квадратный метр росло количество неприятностей. В итоге ему надоело решать проблемы и бить наглые рожи, и он снова ушёл в горы. А по пути похитил себе жену из крестьянской семьи.

Похищенная красавица даже не думала сопротивляться. Хотя красавицей по местным меркам она не являлась. Эталон ханьской красоты — это когда брови тонкие и полумесяцем, глаза продолговатые, с приподнятыми внешними уголками, маленькие губы и смолянистые волосы. У неё всё было наоборот: брови прямые и густые, тёмно-каштановая шевелюра и голубые почти европейские глаза, ко всему этому в комплекте шла почти плоская грудь.

— Мы так и будем молча идти? — наконец, решилась она заговорить.

— Было бы неплохо.

— Я Ли Шун. Если ты меня похитил ради выкупа, то знай — мой отец не даст за меня ни одного уджу и даже половинку рисинки пожалеет.

— Какой глупец будет похищать крестьянку ради выкупа? — весело фыркнул Хенг.

— Но зачем-то ты это сделал... — Шун сгорала от любопытства. Ей не терпелось выяснить свою судьбу. Не зная, чего ожидать, она нервничала.

— Мне нужна была жена.

— О-о-о... — протянула девушка, фонтанируя разными эмоциями, в которых были и радость с облегчением, и удивление. — Обычно похищают самых красивых девушек, а ты выбрал меня.

— Ты самая красивая.

— А-а... — она шокировано распахнула глаза и уставилась на спутника. — Что ты сказал?

— Ты самая красивая... Ты права. Я мог похитить себе любую жену, но выбрал самый лучший персик на дереве.

Шун громко рассмеялась. Хенг молча продолжал путь. Когда у девушки кончились силы смеяться, она сказала:

— У тебя ужасный вкус, мой муж! Всем известно, что я самая страшная девушка в округе, поэтому в свои девятнадцать лет до сих не замужем... БЫЛА! — она светилась

счастья.

— У меня лучший вкус в мире, даже не спорь.

— Как скажешь, дорогой муж. Может покорная жена узнать имя своего супруга?

— Чжао Хенг.

— Колдун Чжао, создавший эликсир молодости? — шутливым тоном продолжила она.

— Он самый. Только никакого эликсира молодости не существует. Вместо него используется особая Сила, которую активирует секретный ритуал.

— К-ха! — подавилась воздухом Шун и выпучила глаза. Отдышавшись и вернув глазам прежний размер, она засмеялась. — Мне нравится, как ты шутишь, мой дорогой Хенг. Раньше в моём окружении никто не умел так шутить.

— Твоё бывшее окружение — толпа крестьян, все мысли которых заняты выращиванием риса, рисовым вином и кому бы присунуть брючного червячка.

— А ты чем занимаешься? — продолжала она сгорать от любопытства.

— Травник.

— Травник? — полезли у неё на лоб брови. — Такой высокий, сильный, красивый и травник?

— Да.

— Я думала, что этим занимаются желчные старики.

— Так и есть.

— Хенг, а почему ты меня просто не выкупил? Неужели у тебя нет денег? Травники обычно богатые. За меня попросили бы немного, чисто символический выкуп.

— Зачем тратить деньги, если этого можно не делать?

— Эм... — задумавшись, девушка мысленно согласилась с этим утверждением.

— Почему ты считаешь, что за тебя попросили бы малый выкуп? — решил поддержать диалог Чжао.

— Так я не родная. Мать переспала с заезжим иноземцем, чего отец ей до сих пор не может простить. Он надеялся, что хотя бы сможет за меня получить хороший выкуп, но я выросла страшной варваркой и без сисек. Никому такая девка была не нужна. Он постоянно злился на меня и не давал жизни. Братья такие же. Лишь с сёстрами у нас были хорошие отношения, но они все уже вышли замуж, у них свои семьи.

Вернувшись в горы, Хенг продолжил прежнюю жизнь отшельника за той разницей, что теперь у него появилась жена, которая заняла роль Дины.

Шун хорошо готовила, шила, занималась огородом и домом, который построил Хенг. В свою очередь он собирал травы и обучал травничеству её. Заставлял её делать боевую гимнастику и учил боевым искусствам.

Через год, когда Чжао посчитал, что организм девушки находится на самом пике красоты, он провёл над ней «ритуал». Он придумал его сам, чтобы не шокировать её. Устроил ночные пляски вокруг костра, напоил её сильнейшим ядом с галлюциногенами. В итоге девушка умерла, даже не поняв этого. А утром она резко «проснулась» в своей постели. До этого неподвижная грудь вновь заколыхалась. Девушка сделала судорожный вдох и начала дышать.

Она не успела осознать вчерашний ритуал, как неожиданно её что-то дернуло изнутри.

Вскоре после этого в дом зашёл Чжао.

— Хенг, милый, я почувствовала твоё приближение.

— Знаю.

— Это последствия ритуала?

— Да. Теперь ты бессмертная и должна многое узнать.

— Бессмертная?! — широко распахнула она глаза. — Ты не шутишь? Ты напоил меня эликсиром жизни?!

— Нет. Ты родилась такой, но Сила спала в тебе. По миру путешествуют древние и жестокие боги. Они спят со смертными женщинами и от этой связи рождаются потенциальные бессмертные. Если до конца жизни такой полубог не умрёт, то так и помрёт от старости. Но стоит ему погибнуть мучительной смертью, как Сила пробуждается и он возвращается к жизни в виде бессмертного.

— То есть, — нахмурила она брови, — я умерла?

— Да. Ты умерла и воскресла.

— Нет, — мотнула она головой. — Этого не может быть. Я бы почувствовала.

— Дорогая Шун, я сделал всё, чтобы ты ничего плохого не почувствовала. Ты должна знать главное. Боги придумали плодить бессмертных не просто так. Со временем боги теряют Силу. Сами восстанавливать они её не умеют, зато научились получать от потомков. Для этого нужно убить бессмертного.

— Но как убить бессмертного, если он бессмертный?! — удивлённо захлопала ресницами Шун.

— Просто — ему нужно отрубить голову или нужно его сжечь целиком и полностью. Так вот, в одном бессмертном мало Силы. Чтобы не охотиться за каждым из них, боги придумали Игру под названием «Останется только один». Они соврали бессмертным, будто победитель Игры сам станет богом. В результате некоторые бессмертные охотятся на других бессмертных. Когда один из нас убивает другого, он забирает его Силу. В этот момент он наиболее слаб. Когда такой убийца набирает очень много Силы, его находит и убивает один из богов, забирая себе его Силу.

— То есть, победитель не станет богом?

— Нет, конечно. Он может стать сильнее, крепче, выносливей, быстрее будет заживлять раны и оживать. Шун, рано или поздно за твоей головой может прийти другой бессмертный. Ты почувствуешь его приближение так же, как и моё. Меня может рядом не оказаться, поэтому ты должна уметь себя защищать. С этого дня начинаем усиленные тренировки.

— Хенг, милый, а когда я забеременею, как быть с тренировками?

Чжао стал смурнее тучи. На его лицо будто набежала тень.

— Боги прокляли бессмертных, — тихо произнес он. — Мы не можем иметь детей.

— Что?! — от шока кожа Шун побледнела.

— Все бессмертные бесплодные. Был один в Греции по имени Геракл, у которого были дети. Но на самом деле у него просто была неверная смертная жена. Кстати, тебе помимо прочего придётся заниматься грамотой и учить языки других стран. Вставай уже, я приготовил завтрак.

Три недели Шун ходила сомнамбулой, пытаясь переварить новости, которые свалились

на неё подобно горному обвалу. Потом выкинула из головы лишние мысли и решила наслаждаться жизнью со своим любимым мужем. Тем более что для лишних мыслей не осталось времени, поскольку весь день был расписан учёбой и тренировками.

Муж учил её очень многому: языкам других стран, математике, геометрии, биологии, химии, черчению, каллиграфии и рисованию. Помимо этого она начала изучать кузнечное дело в построенной им небольшой кузнице. Дров в горах было мало, их приходилось носить издалека, а металлических изделий им требовалось немного, поэтому горн топился редко. Хенг выковал ей прекрасный прямой клинок и учил фехтованию. Помимо этого она училась стрелять из лука, самострела и арбалета. Училась сражаться топором, копьём, ножом и без оружия. Тренировалась в йоге. А по ночам, если у них оставались силы, они любили друг друга.

Хенг тренировался безудержно и с полной самоотдачей. Он пытался укреплять своё тело и пробудить сиддхи, но словно упёрся в стену. Топтание на одном месте продолжалось сто лет. Прорыв произошёл неожиданно. В один момент он будто поймал озарение, почувствовал внутреннюю энергию (ци) и направил её в удар ладонью по камню. Огромный валун от удара с громким треском раскололся на две половины.

Этот удар будто снёс плотину, мешающую развитию. С того дня Хенг научился укреплять своё тело настолько, что удары меча и копья не оставляли на коже ран. Затем он научился делать своё тело легче перышка, а после ещё и прыгать на высоту десяти метров. Конечно, не всё пришло сразу, он прогрессировал постепенно, но на этом не остановился. Он пробовал левитировать. Вскоре это у него начало получаться, но лишь во время глубокой медитации. Затем он начал учиться ходить по горным склонам, пытаясь прикрепиться к ним стопами, как это делали герои одного просмотренного Хизеши аниме. Через тридцать лет тренировок это начало у него получаться, но лишь при использовании не только ног, но и рук. То есть метод рисованных ниндзя работал лишь в вариации Человека-паука.

Вообще, аниме стало кладезем информации по различным техникам. Вот только в мультфильмах на освоение техники у героев уходили мгновения, а в реальности тратились годы и десятилетия на первую активацию и ещё больше на оттачивание использования открывшегося сиддхи.

На сто семидесятом году совместной жизни у Ли Шун произошёл прорыв. Она, как и Хенг за семьдесят лет до этого, разнесла в щебень ударом кулака большой камень. Обрадовавшись, она стала семимильными шагами постигать всё то, чему за эти годы научился Хенг: прыжки на большую высоту, бег по стенам и безопасное скалолазание с приклеиванием к поверхности, хождение по воде, левитация, укрепление тела и усиление ударов.

Утро начинается не с кофе, которого Чжао не пробовал со времён виртуальной жизни Хизеши. Оно началось с криков жены:

— Я сказала, алые шторы! Алые!

— Почему не белые?

— Белые у нас висели сто лет. Меня тошнит от белого!

— Ты сказала купить ткань, — Хенг был готов сорваться на крик. Такие скандалы стали частыми у них на протяжении последних тридцати лет. Чем дальше, тем чаще. — Я купил

ткань. О красителях не было ни слова. Делай какие хочешь шторы!

— Это, по-твоему, музыкальный инструмент? — указала она пальцем на флейту. — Я просила струнный инструмент, а не пицалку! Я музыки хотела, а не слушать противные свисты! Чем ты слушал?

— Я старался, тащил тебе это всё из деревни, — раздражение прорвалось у него в виде рычащих ноток.

— Ты слышишь меня? Ты вообще не слушаешь, что я тебе говорю!

— Я слышу каждое слово! — не выдержав, заорал он.

— Но почему ничего не меняется?!

— Зачем что-то менять, если и так всё нормально? — не мог понять Хенг. — Триста лет жили, ничего не меняя, а тут ты хочешь каких-то перемен.

— Да ты даже с уборкой не хочешь мне помочь!

— Какой уборкой? Это женское дело!

Замолкнув, Шун прищурилась и приподняла подбородок. Она встала рядом с подоконником.

До Хенга дошло, что дальше будет.

— О, нет, Шун. Только не чжэцзянский кувшин!

Победоносно ухмыльнувшись, она резким движением смахнула кувшин из фарфора с голубой глазурью с подоконника. Чжао с грустью проводил взглядом кувшин — тот со звоном разлетелся в дребезги.

— Чжэцзянский фарфор!

Шун подошла к мужу вплотную и протянула стервозным тоном:

— Чего ещё ждать от испорченного ребенка?

— Это я испорченный? — поражённый, распахнул глаза он. — Ты разбила ценность, которая в будущем могла бы стоить целое состояние! Ханьский протофарфор второго века... Психованная псина!

— Псина?! — на голове взбешённой Шун зашевелились волосы, будто их наэлектризовало. — Вот как ты думаешь обо мне? Думаешь, я не помню, что ты меня похитил из родного дома? Думаешь, я забыла, что ты меня убил?!

— Если бы я этого не сделал, ты померла бы двести пятьдесят лет назад нищей крестьянской старухой. Я подарил тебе вечную молодость, научил всему, что знаю, подарил всего себя. С тобой невозможно жить! Ты командуешь, никогда меня не слушаешь и имеешь на всё своё мнение. Когда ты так изменилась? — задумался он. — Хм... Точно, это случилось после прорыва, когда ты открыла первые сиддхи. С тех пор ты изменилась.

— Я всегда была такой, бесчувственный чурбан! — громко воскликнула Шун. — Всегда! Только раньше я держала всё в себе. Всё!

Она застыла статуей. В её взгляде появилась стальная решимость.

— Шун...

— Пожалуйста, выслушай, — стал ледяным её голос.

— Слушаю, — у Хенга появилось плохо предчувствие.

— Дело не в шторах, Хенг, и не в музыке.

— Тогда в чём? Скажи, что тебе нужно, и ты это получишь.

— Я ухожу от тебя. И не смей удерживать меня силой. Ты знаешь, что теперь я уже не та маленькая слабая крестьянка Ли Шун.

— ЧТО?! — Чжао будто окатило ледяной водой.

Шун молча развернулась и стремительно зашла в дом. Вскоре она покинула его с большой котомкой за спиной и с мечом на поясе. Огромными прыжками по десять-двенадцать метров, смягчая приземления левитацией, она поскакала вниз по пологому горному склону в сторону поселений.

Шокированный Хенг, застыв соляной статуей, провожал спину быстро удаляющейся супруги, с которой прожил вместе триста лет. Ему не верилось, что это происходит на самом деле. Казалось, будто это страшный кошмар. Но когда он ущипнул себя, то почувствовал боль и не проснулся. Солёные слезы побежали у него по щекам.

— Больше никаких бессмертных жён! — твёрдо решил он, до хруста сжав кулаки. — Заводить бессмертную жену — непоправимая ошибка.

У мужчин зачастую есть алгоритм, по которому они действуют, когда их бросает жена. И неважно, сколько лет они пробыли в браке: год, десять или триста. Это всегда болезненный удар по мировоззрению и самолюбию. Единственное, что отличало Чжао от других мужчин — возраст, но это мало что значило.

Как и прочие брошенные мужчины, он решил напиться. Но дома он алкоголя не держал, поэтому пришлось спускаться с горы к людям.

В ближайшей деревне быстро закончились все запасы алкоголя, что вначале обрадовало местных жителей, ведь они на его продаже неплохо заработали, потом их же это опечалило, ведь самим пить ничего не осталось. А так хотелось отпраздновать удачный визит травника с гор, слухи о котором передавались в местных деревнях из поколения в поколение.

Не просыхая и имея небольшой запас «топлива», Хенг в поисках дополнительной дозы бухла выдвинулся в город. Так он в своём алкогольном турне добрался до недавно появившегося города Чэнду. И что поразительно — за время путешествия он почти ни разу не протрезвел, умудряясь напиваться по несколько раз в день.

Такой режим употребления алкоголя привёл к быстрому опустению карманов. Но даже закончившиеся деньги его не остановили. Он подобно опытному забулдыге начал в трактирах травить байки, которых знал множество. Это и легенды прошлого, и вольный пересказ рассказов и фильмов будущего. За интересные истории ему наливали от души.

Люди любят зрелища и готовы за них щедро платить. Конечно, когда желудок требует хлеба, то не до зрелищ. Но когда он набит, то появляется желание найти развлечение, а с этим в древние времена было туго. Самым большим событием во всех местах являлась казнь. Посмотреть на неё собирались толпы народа, словно на концерт в честь дня города. А тут такое чудо: сказитель, который рассказывает невероятные истории про людей будущего, летающих по небу и покоряющих космос, про вечно молодых остроухих эльфов из другой вселенной, про воинов-колдунов, живущих в скрытых деревнях, про похожего на человека голема, который прибыл в прошлое, чтобы спасти хозяина-избранного и вместе с ним весь мир от разумного колдовского артефакта, созданного злыми колдунами.

В том трактире, в котором появлялся Чжао, собиралось целое столпотворение. Сидеть там было негде, но люди выпивали даже стоя, при этом никто не жаловался. Трактирщики это дело подметили и сами наперебой зазывали Хенга к себе и подливали ему крепкого рисового вина.

И вот в очередном трактире Чэнду начала собираться толпа мужиков, чтобы послушать интересные истории. Хенг опрокинул в себя далеко не первую за день чашку рисовой водки, как неожиданно его организм привычным образом содрогнулся. Мужчина поднял мутные глаза и встретился взглядом с серьёзными серыми глазами двухметрового бугая с могучей

мускулатурой и взором убийцы. Так-то с виду типичный китаец: брюнет, раскосые глаза. Просто невероятно крупный, даже выше и мускулистей Чжао, который до этого себя считал высоким парнем и на недостаток мускулатуры не жаловался. Парень был в ламинарной броне сотника и держал правую ладонь на рукояти меча.

— Я Ши Юншэн, — пробасил он, грозно сузив глаза.

— Я не буду с тобой сражаться.

— Тогда я прирежу тебя! Ты знаешь правила? Представься и иди со мной!

— Я не играю в вашу Игру, так что залезь в ослиную задницу, пёс!

Меч Юншена в оглушающей тишине шокированных посетителей таверны с шорохом покинул ножны.

— Ты сам выбрал свою судьбу!

Шатаясь, словно ива на ветру, Хенг поднялся на ноги. На фоне амбала он смотрелся подростком рядом с взрослым мужчиной. Обычно на его фоне так выглядели простые люди.

— Погоди. Постой. Ты же этот, игрок? Правила соблюдаешь, все дела?

— Ну!

— Так давай я всё же представлюсь, и мы выйдем на улицу.

— Давай, — согласился бугай и первым покинул трактир.

Следом за ним на улице оказался бывший сотник, за ним потом повалила толпа гуляк.

— Чжао Хенг, ханец, — дыхнул он концентрированным перегаром, от которого Юншэн поморщился и отступил на шаг назад.

— Империи Хань больше нет. Сейчас ты находишься в прекрасной стране Чжао.

— Плевать — я ханец! И нечего хвалиться тем, что вы просрали такую империю.

— Где твой меч, ханец? — поморщился на правдивые слова Ши. От прежней империи остались жалкие ошметки на юге и юго-востоке, а северные территории были захвачены шестнадцатью объединёнными племенами кочевников, защититься от которых не помогла Великая стена, которую предки строили столетиями.

— Я его пропил! — он смачно рыгнул и почесал задницу, чем разозлил своего противника.

— Тогда я тебя зарублю как бродячего пса! — басовито пророкотал бугай.

Небольшая площадь перед трактиром, черепичная крыша которого нагрелась от яркого солнца, наполнилась людьми. Стоило здоровяку взмахнуть мечом, как все зеваки рассыпались по сторонам и прижались к стенам. Никто не желал стать случайной жертвой.

У зрителей не имелось ни единого сомнения в том, кто победит в этом поединке. Они лишь строили предположения, как именно погибнет пьянчуга. Победитель настолько же очевиден, как и то, что облака плывут по небу, а река течёт по земле. Сотник крупнее, в стальном ламеллярном нагруднике, в конусном шлеме, с наручами, поножами и с мечом, а главное — трезвый. А сказитель, одетый в потрёпанную и подранную крестьянскую мешковину, во-первых, безоружен, во-вторых, пьян в зюзю. Он едва держался на ногах и качался так, словно вот-вот упадёт и больше не встанет, и никакой меч для этого не понадобится. Зрители мысленно болели за рассказчика, поскольку он был им понятен и близок: пил, как они, ведал удивительные истории. При этом они понимали, что сотник в своём праве, поскольку он представитель власти. Конечно, по закону вроде как нельзя даже солдату зарубить первого встречного, но фактически, кто за убийство пьянчуги накажет целого сотника?

Сверкнула сталь. Зрители все до единого затаили дыхание и прекратили разговоры. Даже собаки перестали лаять. Но в последний момент ханец покачнулся и почти упал на землю. Он выставил правую руку, на неё опёрся при падении и неловко обернулся вокруг оси. В этот момент меч гиганта пролетел высоко вверх на уровне шеи стоящего человека.

Вращение позволило Хенгу сократить расстояние с противником и он нанёс удар левой ногой в пах врага с сидящего положения с опорой на правую руку.

Юншэн заметил удар, но не успевал перенаправить меч вниз. Сила удара, которым он намеревался перерубить шею Чжао, была настолько большой, что пришлось бороться с инерцией. Единственное, что он успел сделать — отпрыгнуть назад, что он и провернул,

разорвав дистанцию. Для вооружённого мечом человека дистанция боя увеличивается на длину клинка, поэтому он почти всегда выйдет победителем в бою с безоружным.

Никто не ожидал подобного финта, оттого в толпе прозвучал громкий вздох облегчения. Некоторые мужчины заголосили, вслух подбадривая сказителя.

— Тебе повезло, пёс смердящий! — с презрением выдал Юншэн, абсолютно уверенный в своём превосходстве. Он даже позволил «ходячей Силе» подняться на ноги.

— Это не везение, дурень, а стиль пьяного телепузика! КИА-А! — Чжао неловко взмахнул руками и попытался изобразить боевую стойку из карате. Когда это у него не вышло, что вызвало усмешку у Юншэня, он смачно рыгнул в сторону противника, словно пытался поразить того убойным перегаром.

Он жуткой вони смеси лука и паршивой рисовой водки, хоть топор вешай, у здоровяка заслезились глаза.

Выждав мгновение, когда ханец покачнётся, разозлённый гигант грозно зарычал и нанёс рубящий удар мечом сверху вниз. Он не сомневался в своей победе. Ни один солдат не смог бы увернуться от острой стали в таком положении. В удар он вложил всю свою силу, намереваясь разрубить противника напополам от макушки до таза. Ему хотелось кровавого зрелища и вместе с этим он желал проверить, можно ли так убить бессмертного, ведь это хуже потери головы.

Зрители дружно ахнули, понимая, что сказителю настал неминуемый конец. Даже далёкому от ратного дела распоследнему крестьянину было ясно, что от такого удара в попытке удержать равновесие от падения никак не уйти.

Внезапно мировоззрение всех присутствующих затрепало по швам. Чжао даже не думал о финтах и уворотах. Он махнул правой рукой, словно отмахивался от надоедливой насекомого. Открытая ладонь столкнулась с плоской стороной клинка в считанных сантиметрах от его головы. Зрители были готовы поклясться, что услышали звон, будто клинок встретился не с человеческой плотью, а с камнем. Они ожидали увидеть кишки и мясо, а вместо этого меч увело в сторону, а вслед за ним инерция заставила Юншэня совершить шаг вперёд и наклониться. Многие зеваки впились взглядами в ладонь Хенга, ожидая хотя бы там увидеть жуткую рану и кровь. Их глаза поползли на лоб, когда вместо этого они обнаружили белую мозолистую кожу. Крестьяне отметили, что мозоли вовсе не от сохи. Те же, кто знаком с воинскими искусствами, тоже обратили внимание на то, что мозоли больно напоминают таковые у солдат, которые постоянно практикуются с оружием.

То, что случилось дальше, в клочья порвало все шаблоны наблюдателей. Хенг левой рукой достал из-за пояса палочки для еды, пьяно качнулся вперёд и выставил перед собой палочки снизу вверх. Гигант, которого вела вперёд инерция меча, нанизался ноздрями на бамбуковые палочки. Хенг основанием ладони резко подтолкнул их, заталкивая в мозг по самые кончики, после чего отступил в сторону. Через мгновение бронированный бугай рухнул на землю.

Хенг склонился над поверженным противником, поднял его голову и посмотрел в глаза, которые покидала жизнь.

— У тебя повреждение мозга... Ты обречен хорошо чувствовать себя до конца жизни!

Глаза здоровяка от обалдения напоследок округлились, после чего окончательно поблекли.

Отпустив голову противника, Чжао подобрал его меч и гигантским прыжком вскочил на крышу двухэтажного трактира. Челюсти зрителей дружно попытались достигнуть земли.

Если бы у них это вышло, то могло получиться небольшое землетрясение. Квадратными глазами в гробовой тишине они наблюдали за тем, как пьяный сказитель скачет с одной крыши на другую. Его совершенно не смущало то, что расстояние между некоторыми домами доходит до десяти метров.

— Э-э-э... — протянул один из зевак. — Мне кажется, или черепица даже не пострадала?

— Тебя только это удивило, Лу?! — повернул к другу голову на одеревеневшей шее товарищ.

— Так я же её делаю... — смутился гончар. — Мне ли не знать, что черепица хрупкая и по ней лучше не прыгать.

— А мне интересно, — подал голос один из зрителей, бывший солдат, а ныне крестьянин, — где можно научиться стилю пьяного телепузика? Я бы своего сынишку отдал в эту секту! Да что там сына? Я бы не пожалел денег и всех сыновей туда отдал!

Пробуждение Хенга было резким. Его разбудило чувство опасности. Он лежал под кустом у дороги.

Угрозу представляли пятеро кряжистых узкоглазых мужиков разбойного вида. Они были из особого типа мужицких мужиков, которые считают, что могут не стричь лохмы годами, не мыться месяцами и быть чуть симпатичней гориллы. О том, что они бандиты и об их недобрых намерениях говорило многое. Во-первых, они были слишком богато одеты явно с чужого плеча. Ограбили какого-то купца, не иначе, поскольку сложно представить человека в шелках, который принципиально не моется. Во-вторых, у них были длинные ножи и дубины, а один, напяливший на себя больше всего аляписто-цветных вещей, имел арбалет и саблю.

Нащупав возле себя меч и пока не понимая, откуда тот взялся, Чжао не стал дожидаться, пока его оглушат дубиной. Он плавно хищным движением оказался на ногах и срубил голову бандита с мечом. Голова слетела на слой прелой листвы. Из обрубка шеи с ударами сердца начали вырываться фонтанчики крови. Тело некоторое время простояло, после чего рухнуло под ноги товарищей, которые в ужасе впали в ступор и не сводили взглядов с трупа. Но вот они начали переводить взоры на Хенга, а он лишь этого ждал.

— Кто у вас главный?

— Ты убил его, — произнёс один из них.

В следующий миг меч Чжао рассек брюхо говоруна, выпустив проветриваться его кишки. Тот завопил на всю округу и упал на четвереньки. Кишки вывалились наружу. Он руками пытался запихнуть их назад, при этом продолжал кричать от боли.

Хенг считал себя прирожденным мастером переговоров. Он получил свой опыт переговорщика ещё во времена службы десятником. Очень добро, как он считал, посмотрев на побледневших разбойников, он продолжил:

— КТО У ВАС ГЛАВНЫЙ?!

Для бандитов взгляд сотника не был добрым. Им под ним хотелось обмочиться, покаяться перед всеми богам, вернуться к крестьянскому труду и заниматься им до конца жизни. Но тут до одного из них доперло и он тихо охрипшим голосом выдал:

— Ты.

— Что я? — качнул окровавленным клинком Чжао.

Сглотнув сухой ком, разбойник продолжил:

— Ты главный. Приказывай, босс, всё сделаем!

— Да-да, — закивал болванчиком его товарищ, почувствовавший путь к спасению. Его до грязных штанишек пугал демон, которого они сначала приняли за бродягу и лёгкую добычу. — Ты наш босс!

— Точно-точно, — пролепетал третий.

— То-то же! — стряхнул с клинка кровь Хенг. — Трупы обобрать, и ведите в наш лагерь.

Бандиты ещё не знали, какой кошмар их ожидает. Они привыкли к тому, что правит сильный, но не к железной дисциплине. Вскоре их побрили наголо, заставили искупаться в ледяном ручье и постирать одежду. Сама одежда была приведена к общему стандарту и начались адские будни с убийственными тренировками и жёсткой дисциплиной.

Через несколько месяцев банда Хенга подмяла под себя все остальные банды в округе. Все бандиты были проведены через жёсткую программу. Все, кто пытался взбрыкнуть, отправлялись к праотцам. В итоге в округе бандитов стало на две трети меньше, поскольку часть из них погибла ещё во время разборок. Те же, что остались, больше не походили на банду. Они напоминали сплочённый элитный отряд обученных солдат со строгой иерархией с сержантами и старшими офицерами. Полсотни вооруженных рыл.

С такой силой Хенг провёл серию наглых грабежей, после чего принялся отступать на юг. Благодаря его навыкам сотника от погони удалось скрыться без потерь.

Хенг был поражен, с какой лёгкостью ему даются грабежи. Раньше во времена расцвета Ханьской империи о разбойниках на дорогах можно было не беспокоиться. Они появлялись редко и действовали очень осторожно. При этом долго они преступной деятельностью не занимались, поскольку их быстро находили и жестоко наказывали. Сейчас же размах преступности в стране достиг небывалых высот, а солдаты не особо рвались ловить разбойников. Решительные контрмеры применялись лишь при нападении на сборщика налогов или чиновника высокого ранга.

В стране Чжао царил разгул жестокости, произвола, массовых убийств, нестабильности, казней и бесконечных переворотов. То же самое было в соседних государствах Лян, Цинь, Вэй, Ля, Ся, Чэн и других. Всё это из-за того, что к власти пришли варвары с севера захватившие некогда великую страну и разбившие её на множество царств.

Его отряд продвигался на Юг и постепенно разрастался за счёт поглощения местных банд и вливания недовольных варварским беспределом местных жителей. У кого-то варвары убили всю семью, у кого-то подчистую выгребли все запасы риса, отчего нечего стало есть и сажать. И таких историй масса.

В итоге, отряд Хенга разросся до целой армии в десять тысяч солдат. Он штурмом взял несколько городов и ограбил их. Несколько раз вступал в сражения с армией царства Чэн, на территории которого и проходило формирование его войска.

Армия во все времена требовала ресурсов. Она не может существовать без финансирования, снабжения продовольствием, оружием и прочим. Хенг решил сам себе стать снабженцем, и пока у него это получалось. За армией после разграбленных городов следовали вереницы телег с оружием, едой, одеждой и ценностями.

Но армия с постоянным снабжением всегда будет более эффективной, чем та, которая добывает всё силой. Поэтому он уводил своё войско дальше на юг.

Прорвавшись к портовому городу, его войско взяло тот штурмом и захватило порт со всеми кораблями. На этих кораблях солдаты вместе с захваченным имуществом переправились на остров Борнео, где ханец продолжил действовать в дерзкой манере. Его войско обрушилось на головы местных жителей как дождь среди ясного неба. Никто не ожидал, а они припёрлись. За считанные месяцы Чжао завоевал приличную территорию острова и объявил себя царем. Своё же государство он назвал царство розовых пони. Вскоре слово «розовых» отпало, осталось лишь Пони.

После воцарения он начал устраивать нормальную систему бюрократии, судов и налогообложения, принимал законы. Поскольку его военных сил было недостаточно для захвата всего острова, а солдаты набраны из разбойников, пришлось искать, чем занять этих буйных личностей. Обычный вариант с войной не подходил, поскольку царство он отхватил себе небольшое и его ресурсов для войн недостаточно. К тому же, простаивало множество дорожных кораблей. И тогда он придумал.

Часть солдат так и остались армией на случай войны с соседями. Часть стали стражниками. А часть из них переквалифицировались во флотских военных, которые были направлены на защиту торговых караванов, отправленных в богатую Шривиджаю, в которой Чжао некоторое время имел кузнечный бизнес. Торговля оказалась настолько удачной, что стала осуществляться на постоянной основе и приносила солидный доход в казну царства Пони.

Хенг щедро вкладывал средства в строительство инфраструктуры, тем самым давал людям работу и пускал деньги в круговорот. В царстве Пони началось бурное строительство качественных дорог и оросительных каналов. В городах строилась канализация. Помимо этого стали появляться общественные больницы и школы с обязательным всеобщим образованием. Каждый ребенок в возрасте от семи лет должен был пять лет ходить в школу и учиться читать, писать и считать. Также в школе преподавали историю, биологию, инженерное дело и рассказывали о величии и важности правителя Чжао Хенга, отца нации, без которого весь мир скатится в дикарское прошлое.

Школы и больницы требовали большого финансирования, но они давали куда больше, чем на них было потрачено. Из грамотного населения оказалось проще набирать штат чиновников и офицеров в армию и стражу. Появлялось больше торговцев, инженеров и ремесленников, что приносило больше прибыли в казну.

С медициной сложнее всего было в начале. Первых целителей обучал лично Хенг, который за триста лет травником набрался в этой теме большого опыта. Больницы и всеобщая пропаганда гигиены, которую проводили через школы, уменьшили детскую смертность в три раза и увеличили среднюю продолжительность жизни на десять лет. Всё это, а также введение прогрессивного земледелия, отработанного Чжао ещё во времена жизни в Сатавахане, привело к бурному росту населения и его благосостояния.

Если бы царство Пони не находилось в заднице мира, то его давно бы завоевали более крупные государства. Чтобы этого не случилось, Хенг совершил финт ушами — он сам предложил своему основному торговому партнеру стать его вассалом. Обалдевший от такого предложения правитель Шривиджаи, естественно, согласился. В итоге царство Пони стал платить Шривиджаи дань, а взамен получило прикрытие со стороны этого довольно сильного в регионе государства с могучим флотом. При этом сохранилась полная автономия страны и власть Хенга, а соседние страны, расположенные на том же острове, после такого даже и не думали смотреть на богатого соседа. Одно дело объединиться и скопом напасть на

соседнее небольшое государство. Совсем иное — сделать то же самое, зная, что в ответ приплывет могучее войско Шривиджайи и перемелет все их войска, после чего ещё подарит территории их стран своему вассалу.

Потратив несколько десятилетий на выстраивание бюрократической машины, требующей минимального контроля, Хенг снова посвятил себя тренировкам йоги и боевых искусств. Только теперь он это делал в комфортных условиях в личном роскошном дворце и имел целый гарем смертных красавиц.

Почти двести лет он продолжал полировать дантянь, в смысле, развивал свои раскрытые сверхспособности. И вот в очередной приятный солнечный день он в медитации левитировал над поверхностью голубого пруда.

— Господин.

Лениво приоткрыв глаза, он посмотрел на застывшего с восторженным выражением лица слугу. Те всегда на него так смотрели, когда заставляли во время тренировок. Они считали его воплощением бога на земле.

Обычно его не тревожили во время медитаций. Должно было произойти нечто серьёзное, чтобы кто-то из слуг решился на такое. Поэтому он медленно распрямил ноги и коснулся стопами воды. От его ног разошлись круги. Он направился пешком по поверхности пруда, словно шёл не по воде, а по земной тверди.

— Господин, — склонился слуга, стоило Хенгу ступить на землю, — прошу простить, но к вам прибыло посольство из дальней западной страны. Никто из толмачей не может понять, о чём они говорят. Лишь один из них кое-как знает язык сатаваханского царства.

Сунув ноги в сандалии и оправив белое одеяние, Хенг величественно кивнул слуге.

— Я переодеваться. Гостей проводите к главному залу.

Вскоре он переоделся в дорогой наряд из шёлка, который не очень любил, но носил, чтобы послам было ясно, что вот он царь богатого государства, а не какой-то безродный бродяга.

Он уместил свою задницу в удобное кожаное кресло, набитое шерстью. Оно мягко обволакивало спину.

Хенг не мог понять, что хорошего находят другие правители в тронах? Некоторые извращенцы делают трон из камня. Кто-то из драгоценных пород дерева. А находятся и большие ублюдки, которые отливают трон из золота! Любой, кто пробовал сидеть на камне или металле представляет, насколько это неудобно. Ты же царь — зачем портить себе настроение и морозить простату, если можешь заказать себе любой предмет мебели?

Внезапно он испытал давно забытое чувство. Его организм несколько раз дёрнуло изнутри. Всё напускное радушие моментально смыло с его лица.

Повернувшись к слуге, который выполнял роль адъютанта, он тихо сказал:

— Принеси мне меч и передай приказ министру обороны подтянуть к дворцу все доступные военные силы и стянуть к приёмному залу всех свободных гвардейцев.

В помещение зашла делегация послов. Слуги и немногочисленные телохранители, которые находились в приёмном зале, ощутимо напряглись.

Послов была дюжина. Одеты мужчины были на византийский манер в рубахи разных цветов длиной чуть ниже коленей, края одежды были окантованы цветастыми лентами с красивыми узорами, на ногах сандалии с ремнями по середине щиколотки.

Главный посол был облачён в тёмно-зеленую рубаху с окантовкой красной лентой с вышитыми золотыми нитями колосьями пшеницы. На плечи накинут голубой плащ, который удерживала золотая фибула. Короткую стрижку прикрывала голубая шапочка. Увидев Хенга, он сразу заулыбался.

От изумления Чжао чуть не потерял челюсть, ведь лицо посла ему было прекрасно знакомо.

— Шу?!

— Значит, слухи не врали — это действительно ты, — распахнул объятья старый знакомый.

К удивлению слуг и охраны Хенг слез с царского кресла, раскинул в стороны руки и пошёл навстречу послу. Они крепко обнялись, словно старые друзья.

— Старый пройдоха! Сколько мы не виделись — лет пятьсот?

— Немного больше, — разорвал объятья посол.

— А второй кто? — обвёл выразительным взглядом его группу поддержки Хенг.

— Мой ученик. По правилам хорошего тона мы специально шли на отдалении друг от друга. Муха, подойди, познакомься с моим старым другом Чжао Хенгом.

С самого конца группы вышел среднего роста юноша в белой рубахе. Светлая кожа, тёмные глаза, густые и блестящие чёрные волосы ниспадали на плечи. Лицо обрамляла борода.

— Опять какую-то аферу задумали? — прищурился Хенг, разглядывая юношу, который смутился от его слов.

— Вроде того, — уклончиво протянул старый друг. — Ты надолго пропал. Гефест давно хотел тебя найти. Его интересует судьба прибора.

— Синтезатор сломался, ты и сам это знаешь. Я его утопил в болоте.

— Болото в иудее?! — выразительно приподнял брови посол.

— Места знать надо. На севере иудеи их знаешь сколько?

— Ах, да, там ещё вечно полно комаров и люди часто болеют тропической лихорадкой, — покивал он. — Жаль. Очень жаль. Если бы мы смогли починить синтезатор, то вскоре он бы нам пригодился. Что ж, придётся обходиться без него.

— Так, — хлопнул в ладоши Чжао, — нечего давать слугам пищу для сплетен. Иеш...

— Тс! — перебил его посол, поднеся палец к губам. — Моё старое имя в последнее время стало слишком известным. Мы с учеником пользуемся сокращёнными именами, поэтому я просто Шу, а он Муха.

Хенг распорядился накрыть им в малой гостиной без лишних ушей и шепотом добавил слуге приказ, чтобы солдаты во дворец не входили, и вообще отменил боевую тревогу.

Вскоре трое бессмертных сидели в уютных плетёных креслах и наслаждались чёрным чаем с медовыми сладостями.

— Что за чудной отвар? — сделал глоток Шу. — Не припомню такой травы.

— Это чай, только поджаренный на больших противнях. Так он хранится дольше и вкус совершенно иной. От зелёного чая меня уже тошнит, хотя иногда в охотку пью.

— Оригинальный вкус, мне нравится.

— Где он тебя нашёл, Муха? — обратился к парню Чжао.

— Впервые с учителем мы повстречались, когда я был ребёнком, — тихо ответил он с жутким акцентом на греческом. — Он тогда был монахом и представился другим именем. Потом он пришёл за мной после того, как я погиб в сражении. С тех пор я путешествую по миру вместе с ним и постигаю его мудрость.

— Что бы вы там ни задумали, я пас!

— Хенг, у тебя есть опыт, — начал Шу.

— Нет-нет-нет! Больше никаких афер мирового значения. У меня до сих пор лицо чешется, стоит вспомнить накладную бороду. Я с тех пор бороды люто ненавижу.

— Кстати, — продолжил посол, — а где твоя ученица?

— Без понятия. Она давно сбежала от меня, попутно убив и ограбив. Если встречу — мало ей не покажется. Я двое суток пытался вырвать из камня колья, на которых она меня распяла.

— Ах да, об этом, — оскалился Шу. — Хенг, мы же договаривались, что ты меня освободишь! Я двое суток проторчал в той пещере, пытаюсь сдвинуть камень.

— У меня имелись дела поважнее. Я висел в петле, знаешь ли.

— Ну-ну, — скрестил он перед собой руки. — Зато ты теперь знаешь, каково было мне.

— Давай не будем вспоминать плохое, — поморщился ханец. — Лучше скажи, какими судьбами тебя сюда занесло? Ты реально посол?

— Я на самом деле посол Византии. До меня дошли слухи о бессмертном царе маленькой страны, который правит уже двести лет. Когда же я узнал имя царя, то понял, о ком идёт речь. Вот и решил лично удостовериться, ты ли это или не ты.

— Ты всегда умел красиво говорить, но я раньше не верил сладким речам и сейчас не верю. Просто так путешествий в задницу мира не совершают. Я специально выбрал страну в такой глуши, чтобы никому до неё не было дела и от одной мысли сюда приплыть хотелось бы послать всё к псам. В то, что ты хотел повидать друга, тоже не верю. Шу, зачем припёрся?

— Ты уже сам понял. Прошлый план наших покровителей оказался удачным. Прошло меньше шестисот лет, а старые боги уже лишились большей части своего влияния. Новая религия быстро распространяется и получает много власти. Она причисляет всех старых богов к демонам вне зависимости от того, вымышленные они или настоящие. Но этого мало. Нужно расширить влияние и ещё больше низвергнуть веру в старых богов...

— Вам нужно, — перебил его Чжао, — вы и делайте. Я в этом не участвую! У меня своё царство, гарем из симпатичных и на все согласных молодых девиц, все блага цивилизации. Нет-нет-нет!

— Гарем... — расплылась улыбка на губах ученика Шу, а его глаза замаслились. — В будущем я обязательно заведу себе огромный гарем из лучших красавиц.

— К-хм... — Шу выразительно посмотрел на ученика, отчего тот замолк. — Хенг, не хотел тебя расстраивать, но не только мы о тебе узнали. Наверняка слухи дошли и до Геры. Я слышал, она на тебя точит зуб и ищет по всему миру. Так что вскоре за твоей головой начнётся охота. А там, где мы будем, тебя искать никто не догадается.

— За предупреждение спасибо, но нет. Не интересуется. Давайте сами без меня проворачивайте свои дела.

Старый знакомый долго пытался уломать Хенга, но тот твёрдо стоял на своём. В итоге Шу с учеником и группой сопровождения отбыли восвояси, но это случилось лишь после того, как ими были распроданы все товары и закуплена местная продукция ремесленников. Всё же расстояние между Византией и Борнео настолько огромное, что порожний рейс туда никто гонять не будет. Посольство предполагает не столько налаживание политических отношений, сколько ставит целью продемонстрировать товары, которые может предложить. Естественно, рассматривается и покупается местная продукция. После возвращения делаются выводы о целесообразности торговли с дальним царством, следовательно, и о политических взаимоотношениях.

Визит старого приятеля не прибавил Хенгу радости. Конечно, он был рад его видеть, но лучше бы не видел. Новости, которые привёз Шу, оказались неутешительными и означали конец его спокойной и комфортной жизни.

Прошло семь месяцев после визита Шу с его учеником. Всё это время Хенг усиленно работал в кузнице, взяв себе в помощники лучших кузнецов страны. Благодаря этому он сделал себе целый арсенал оружия: двуствольное ружьё, аналог винтовки Мосина и револьвер со сменными барабанами. Конечно же, к ним были изготовлены приличные запасы патронов, которые были упакованы в герметичные оловянные короба.

Армия и флот находились в полной боевой готовности. Любой иноземный корабль подвергался тщательному осмотру таможенниками. Особое внимание уделялось пассажирам судна. Любые подозрительные личности фиксировались и о них тут же докладывали царю. А подозрительными были все обладатели меча или сабли.

И вот к царю в кузницу прибыл запыхавшийся посыльный.

— Ваше Величество, в порт прибыл иноземный корабль с подозрительными иноземцами. У них на борту слишком много пассажиров с мечами.

— Откуда они?

— Ваше Величество, корабль похож на тот, который прибывал полгода назад из Византии.

— Что говорят?

— Капитан утверждает, что это посольство из Византии. Среди воинов с мечами есть толмачи, хорошо знающие язык Магадхи.

— Плохо. Передай мой приказ командиру гвардейцев: всех задержать. Кто будет оказывать сопротивление — убить. Всех тщательно обыскать, включая мертвецов, лишиться всего имущества и одежды вплоть до заколок и лент в волосах, заковать в кандалы и запереть в камерах. Мертвецов тоже оголить, в кандалы и в камеры без исключений!

Среди «византийских торговцев» обнаружилась целая дюжина бессмертных. Такой толпы полубогов в одном месте Хенг никогда не видел.

Без накладок при их задержании не обошлось. Солдаты столпились на пирсе возле

византийского корабля, а военные галеры перекрыли морские пути. Командир штурмовой команды огласил ультиматум. И ведь хорошо придумал. Сказал, что их корабль сильно похож на пиратское судно. Мол, сдавайтесь, вас допросят, будет проведено расследование, и если вы не пираты, то вас с извинениями отпустят. Если же окажете сопротивление, то вы точно пираты и тогда с вами никто церемониться не будут.

Сначала всё шло как по маслу. Византийцы начали сдаваться в плен. Но неожиданно бессмертные решили прорываться с боем. Они оказались воинами невероятной выучки и силы, но против подготовленных сотен солдат с луками и арбалетами никакая выучка и сила не поможет. Их утыкали стрелами на манер дикобразов. К сожалению, до этого они успели убить несколько десятков солдат. Но у военных такая опасная работа, тут ничего не поделаешь.

Возможно, бессмертные надеялись провести всех, притворившись мертвецами. Вроде того, что их похоронят, после чего они выберутся из могил и окажутся на свободе. Но их ждал большой сюрприз.

После скорой расправы моряки с византийского судна обтекали ледяным потом. Сначала их поразило то, что их главные пассажиры вступили в бесполезный и бессмысленный бой с превосходящими силами, тем самым жутко подставили всех, фактически признавшись в том, что это пиратское судно. С точки зрения моряков можно было просто сдаться и доказать, что они не пираты и тогда имелась бы надежда на жизнь и свободу. Потом их ещё больше шокировало то, что трупы этих безумцев разоблачили, повыдергивали из них стрелы, заковали в кандалы и утащили в казематы вместе с живыми пленниками.

Затем доля обалдевания досталась тюремщикам, на глазах у которых начали оживать трупы.

Единственным довольным человеком среди жителей столицы царства Пони оказался царь Чжао. Он не сразу пошёл разговаривать с бессмертными, а сначала промариновал их прикованными к стенам в холодных и сырых одиночных камерах без еды и воды.

Чтобы сделать из вполне себе приемлемых камер сырые и пустые помещения, пришлось объявить амнистию для преступников, которые там содержались, а слуги безостановочно носили воду и поливали полы камеры через щель между дверью и полом.

Эти меры не принесли успеха. Все бессмертные оказались фанатиками и отказывались говорить.

Пришлось применить более суровые меры, вспоминая прогрессивные пытки Поднебесной. Палачи работали на износ, но с огоньком. Когда они поняли, что их клиенты не подохнут от пыток, а если умрут, то воскреснут, они перестали сдерживаться. Вскоре большая часть бессмертных пленников запела соловьями, выдавая всю известную им информацию.

Со смертными византийцами всё было куда проще. Те старались сотрудничать со следствием и выдавали всё без пыток и понуканий. Они оказались обычными матросами, которые ничего не знали о реальной миссии и о том, кого они везут. Моряки считали, что у них на борту важные аристократы и послы.

Лишь трое бессмертных не поддались пыткам.

За две недели полубоги совершили восемнадцать безуспешных попыток побега. Во время одного из таких побегов, несмотря на беспрецедентные повышенные меры безопасности, погиб один из палачей.

Начальник службы наказания, низкорослый и полный немолодой мужчина с приплюснутым лицом и желтоватым оттенком волос жутко потел на приёме у царя. Джур Капур сидел за круглым столом в плетёном кресле напротив Хенга. Впервые его принимали как очень важную персону в резной беседке посреди царского сада. Отсюда открывался потрясающий вид на пруд для медитаций, окружённый зелёными деревьями.

— Ваше Величество, трое бессмертных так и не заговорили.

— Плевать. Что поведали остальные?

— Я передал вашему секретарю отчёты палачей...

— С ними я ознакомлюсь позже, а пока поведай своими словами.

— Эм... — Капур оттянул воротник голубой шёлковой рубашки, который внезапно начал давить на шею. — Они говорят, что их послала богиня Гера для вашего убийства. Все они её жрецы.

— Ничего нового, — прикрыл глаза Хенг, стимулируя подчинённого к продолжению.

— Так вот, Ваше Величество, эти жрецы утверждают, что они являются бессмертными потомками богов — полубогами. Самому старшему из них три тысячи лет, а младшему пятьсот. По крайней мере, они в это верят. Они говорят, что их богиня зла на вас за то, что вы убили пятерых полубогов, которых она к вам послала.

— Джур, не волнуйся, выпей чая, — Хенг подождал, когда потеющий Капур ополовинит чашку с чаем и поставит её на стол, и продолжил: — Они рассказали, где живёт Гера и другие боги? Сколько ещё у неё жрецов? Где они живут, чем занимаются и какая у них охрана?

— Да, Ваше Величество. Всё это палачи выяснили, как вы и приказывали. Один из жрецов рассказал о том, где живёт их богиня. Недавно она вызывала его к себе, чтобы отдать указания на счёт вашего убийства. Остальным лишь примерно об этом известно, вернее, лишь город и район. Всё сходится с показаниями того жреца.

— Палачи славно потрудились. Выпиши им премию в размере трёх месячных окладов, и себе тоже. Я предупрежу казначея.

— Служу Пони! — вскочил и вытянулся по стойке смирно Капур.

— Ну-ну, Джур, присядь. Не стоит так резко двигаться в присутствии повелителя. Ты же не хочешь, чтобы охрана приняла это за попытку нападения и случайно тебя пристрелила?

— Никак нет! — испуганно стал крутить головой Капур и начал потеть ещё сильнее. Пот стал заливать ему глаза, но чтобы смахнуть его, он очень медленно приподнял ладонь, опасаясь невидимой охраны, которая может принять резкие движения за опасность.

— Не переигрывай, — не сдержал улыбки Чжао. — За вытертый пот тебя точно никто не убьёт, — дождавшись, когда подчинённый с облегчением протрёт лоб, он продолжил: — Удалось выяснить расположение тайников бессмертных?

— Да, Ваше Величество. Лишь у троих из тех, которые заговорили, имеются тайники с сокровищами.

— Странные люди, — покачал головой правитель. — Живут столетиями, а кубышку с золотом на будущее не прикопали... Хоть трое немного умнее.

Позже после ухода Капура Хенг ознакомился с отчётами палачей. Добытой ими информации было много. Его интересовало, каким образом в одной стране жили бок о бок жрецы старых богов, сами боги и Шу, который является тем, из-за кого рухнула их власть.

Из разговоров с Шу Хенгу было известно, что тот постоянно находился в разъездах по другим странам и в самой Византии появлялся редко. А когда посещал её, то жил в основном

в столице. Ещё лет десять назад он был странствующим жрецом той религии, которую сам и создал. Он большую часть времени путешествовал по другим странам и проповедовал свою веру. Потом он сменил личность и сумел пробраться в аристократию Константинополя, после чего стал послом. Большую часть времени он прикрывался посольской должностью для подготовки к очередной афере Гефеста и Афродиты по созданию ещё одной большой религии, призванной ещё больше лишить власти и влияния старых богов.

Старые боги и их жрецы продолжали жить на территории Греции, которая в настоящее время принадлежит Византии. Там у них всё ещё сохранялась хоть какая-то власть и имелось влияние на наместника. Со жречеством они пролетели, поскольку старую религию вытеснила агрессивная вера в единого бога, которую насаждал Константинополь. Из-за этого боги потеряли большую часть влияния и уже не могли распоряжаться военными силами Греции.

Но во всех отчётах имелось то, что испортило настроение Чжао. За многие столетия боги успели собрать вокруг себя огромное количество бессмертных жрецов. И хотя их оттеснили от храмов и загнали в подполье, те всё ещё оставались опасными воинами на службе богов. Приплывшая дюжина бессмертных лишь первая ласточка. Пленники были уверены в том, что если они не вернутся, то Гера наверняка обратится за помощью к другим богам и навешает им на уши лапши об опасном маньяке ханьце, который охотится за её жрецами. После этого за его головой отправят уже более серьёзный отряд, который будет действовать осторожней.

Проще говоря, его рано или поздно убьют. Скорее рано, чем поздно, поскольку Гере известно где он и кто. Если остаться царём Пони, то никакое войско его не спасет от спецотряда бессмертных, натренированных в стиле ниндзя.

В расстроенных чувствах он спустился в казематы и начал смертоносное шествие от одной камеры с бессмертным пленником к другой. Каждый раз он пускал в дело меч. Всегда это заканчивалось одинаково — тело без головы продолжало висеть на цепях, а молнии впивались в тело правителя. Это повторилось двенадцать раз.

Трое бессмертных, которых пытки так и не смогли заставить говорить, оказались самыми старыми. По силе (количеству нанитов) они почти не уступали всадникам Апокалипсиса. Это говорило о том, что они успели отнять жизни многих бессмертных.

После этого Хенг передал власть смышлённому и амбициозному помощнику, собрал самых преданных солдат, прихватил сокровищницу с неприлично большим состоянием и на лучшем корабле отбыл от Борнео в сторону Византии.

Большая бревенчатая изба скудно освещалась солнечным светом из маленьких окон, затянутых бычьими мочевыми пузырями. Света добавляли чадящие восковые свечи. За столом сидели Хенг в кольчуге и сурового вида бородатый русский мужик в кожаном нагруднике, с густой шевелюрой, которую удерживала широкая красная лента. Его переносицу слева направо пересекал косой шрам. Остальные люди, коих тут хватало, были массовой: служанки с длинными косами, которые прикрывали цветастыми косынками. Лишь два сурового вида воина со столь же густыми каштановыми бородами сидели по бокам от вождя.

— Итак, я готов тебя выслушать, иноземец, — начал он.

— Ты знаешь, зачем я к тебе пришёл, Храбр, — с ощутимым акцентом на местном словенском наречии выдал Хенг.

— И почему же я должен отдать тебе свою дочь? — сурово свёл брови Храбр.

— Ни для кого не секрет, что твоё племя самое сильное из всех в округе. Я мог бы с тем же успехом обратиться к главе Аварского каганата. Вряд ли бы он отказал, но там знать может не поддержать мои условия. А вам они очень выгодны.

— Уже дошли до торга? — губы Храбра растянулись в улыбке. — Любо-любо. И что же у тебя за условия?

— Война.

— Война? — выгнул брови Храбр.

— Война!

— С кем?

— С Византией.

— К-ха! — поперхнулся воздухом вождь.

Пара его помощников принялась рассматривать гостя с куда более пристальным интересом.

— Прямо со всей Византией?! — стал ниже голос Храбра.

— Нет, конечно. Мы атакуем Солоники.

— А ничего, что у нас меньше воинов, чем у ромейцев? — продолжил вождь.

— Зато у вас лучше выучка. Византию сейчас разрывают войны и внутренние распри. С одной стороны их поджигают вестготы, с другой лангобарды, ну и персы продолжают натиск. Финансирование их войск снизилось до ужасного минимума, а численность армии за последние годы сократилась в четыре раза. В греческом регионе у Византии сейчас всего лишь пятнадцатитысячный легион. И то эти силы размазаны по всей территории. Никто не ожидает атаки на Солоники, а это второй по богатству греческий город.

— Я тебя выслушал, иноземец, — сложил руки в замок Храбр. — Но ты так и не сказал, почему я должен отдать за тебя свою дочь?

— Это же очевидно, — тепло улыбнулся Хенг. — Потому что мы должны породниться, а это самый простой способ. Родня друг друга не обидит.

— Не в наших традициях родниться с иноземцами! — сурово посмотрел прямо в глаза гостю Храбр.

— Война требует трёх вещей: денег, денег и ещё раз денег, — ничуть не смутился Хенг, вольготно откинувшись на спинку кресла. — Я дам вам столько денег, что хватит вооружить

до зубов и снабдить лошадьми и припасами трёхтысячное войско!

От такого заявления Храбр стал подобно рыбе молча распахивать рот. Оба его советника крикнули и начали глядеть на гостя с теплотой, которой в их взорах до этого не было.

— К-хм... — нашёл в себе силы продолжить Храбр. — Если деньги у тебя с собой, что нам мешает вас убить и забрать их?

— Во-первых, ты меня за идиота не держи, Храбр, — появился весёлый блеск в глазах ханьца. — Естественно, я с собой такие сокровища не таскаю. Во-вторых, у меня в сопровождении не голодные псы, а лучшие воины моего царства.

— Всего пятьдесят, — положил ладони на столешницу Храбр. — Их у тебя всего пятьдесят. А у меня, стоит свистнуть, как двадцать дюжин воинов сбегутся.

— И ты готов потерять половину из них ради чего? — приподнял брови Чжао. — Ради того, что и так получишь без боя? Если мы породнимся, ты получишь пятьдесят отборных и вооруженных воинов, а также целое состояние, сравнимое с десятью годами дохода всего вашего племени. Плюс меня, одного из лучших полководцев востока. Плюс знания о том, как проще всего с минимумом жертв взять Солоники. У меня есть план. После взятия города мы станем самым могущественным и богатым племенем в округе. Ты сможешь организовать своё царство.

— Допустим, я получу богатую добычу и царство, а ты? — прищурился Храбр. — Что получишь ты?

— Как минимум я рассчитываю вдвое увеличить свои вложения за счёт доли в добыче. Ты же не думаешь, что я стану просто так дарить сокровищницу своего царства?

— Лукавишь ты, иноземец. Ох, Лукавишь! Просто так царствование не бросают и с далёкого востока не приезжают...

— Ты прав, Храбр, — кивнул Чжао, растеряв весёлый настрой. — Просто так это не происходит. В Солониках засели мои лютые враги. Такие враги, которые за долгие годы попили много моей кровушки. Я оставил своё царство ради одной цели — уничтожить врагов. Я собираюсь вырезать их под корень, разорить их, срубить им головы и забрать их Силу! Но моё царство находится слишком далеко, чтобы вести с ними войну. Поэтому я выбрал иной вариант. Можешь не беспокоиться за свою власть, Храбр. В моём лице ты получишь преданного полководца.

— Мечь — это добрэ, — неожиданно заговорил Ждан, один из советников вождя, серьёзный дядечка со щрамом над правой бровью. — Храбр, мы и сами хотели идти на ромеев. А тут сами боги нам послали богатыря.

— Ждан прав, — поддержал его хриплым голосом второй советник по имени Миролуб. — Лучшего родича тебе не найти. Сам помысли, Храбр, кто из наших воев пойдёт супротив тебя за иноземцем, будь он хоть полководцем, хоть ставленным тобой князем? Я так мыслю, что лучше не найти.

Храбр задумчиво сложил руки в замок и нахмурил брови.

— Что ж, я вас выслушал, старые друзья, — по очереди он кивнул советникам, после чего уставился на гостя. — Для моего рода будет честью породниться с иноземным царем. Так и быть, забирай Любаву. Девка она справная и к замужеству готовая...

Хенг и представить не мог, что его когда-нибудь занесёт на земли славян. А всё началось с основ любой серьёзной операции — с разведки.

Вначале под видом купцов они проникли на территорию Византии и потратили год на сбор сведений о состоянии страны, её военных силах, внутренних политических раскладах и многом другом.

Как полководец, Хенг знал одну прописную истину — один в поле не воин, даже если он невероятно могучий и пятьсот лет посвятил тренировкам, которые его вывели за предел обычного человека.

Чтобы победить, ему нужны союзники. И он начал их искать среди врагов Византии.

Персы сразу отпали, поскольку там своя знать и высокие военные чины. Для них его сокровища уровень местечкового управляющего. Там его к персидскому царю даже на порог не пустили бы, а сразу без разговоров ограбили бы.

Вестготы отпадали, поскольку на Грецию нацелены не были.

Оставались Аварский каганат и славянские племена, которые в последнее столетие проникли на Балканы.

Конечно, аварцы были бы более предпочтительны из-за их силы. Но по той же причине с ними сложнее было бы прийти к соглашению и те с большей вероятностью его бы кинули.

В итоге Чжао остановился на славянах и стал изучать их язык, обычаи и узнавать об их племенах. Целый год у него ушёл на разведку и изучение этого загадочного народа, после чего он поступил в типичной местной манере: нагло завалился к вождю одного из самых сильных племён в сопровождении вооружённого до зубов отряда и заявил о желании свататься. И ведь сработало, хотя план был на грани фола. Впрочем, на войне побеждают не только выучкой и хитростью, но и наглостью в смеси с храбростью. Славяне любят храбрых и смелых, а ещё они, как и все, любят деньги.

Но на словах никто не готов был верить в его полководческие таланты. Пришлось ему в деревнях набрать молодых ребят, приставить к ним офицерами своих солдат и прогнать новобранцев по сжатой учебной программе ханских гвардейцев, после чего устроить учебные военные набеги на враждебные племена. И лишь после того, как большая часть его отряда вернулась с добычей и рабами, Хенга приняли за своего и решили, что он достоин звания полководца. В результате он встал во главе тысячного войска. В целом же армия славян насчитывала три тысячи человек. То есть, вооружили столько солдат, на вооружение скольких солдат хватило денег. Если не покупать всем кольчуги, мечи и коней, тогда можно было бы собрать войско побольше, но славяне предпочитали побеждать не количеством, а качеством.

Один воин обходится в целое состояние. Ему требуется меч, нож, кольчуга, поддоспешник, конь, сбруя к нему, усиленный паёк и солдату, и его транспортному средству. Плюс солдат не работает, то есть не производит товар, а вместо этого тренируется в воинских искусствах. Обучить и вооружить одного воина стоит годового налога с сотни крестьян. Это если без выжимания из землепашцев и скотоводов всех соков. Если же их жёстко эксплуатировать, то и полсотни крестьян достаточно для содержания одного воина.

Всё это не могут сделать несколько деревенских кузнецов. Даже если бы Чжао занялся обучением кузнецов, то на изготовление такого количества оружия ушло бы много времени. Поэтому всё покупалось у соседей. Естественно, таким образом невозможно добиться унификации. Кому-то досталась новенькая кольчуга, а кому-то чиненный трофейный ромейский нагрудник. Кто-то обзавёлся прямым обоюдоострым сарматским клинком, а кто-

то коротким греческим. И всё же большая часть вооружения была представлена топорами, копьями, щитами и палицами — то, к чему славяне привычны. Ну и луки — куда же без них. Лишь скакуны были примерно одной масти, поскольку табун был закуплен у аварских заводчиков.

Чтобы собрать трёхтысячное войско, племени потребовалось бы увеличить население в несколько раз и потратить лет двадцать на накопление достаточных средств и оружия. Они о таком могли лишь мечтать. Предложение Хенга для них было подобно подарку богов.

Всё шло по плану. Ради его осуществления Хенгу пришлось жениться на дочери вождя и расстаться со всеми богатствами, но это его нисколько не печалило. Девка ему попалась симпатичная и послушная, привыкшая жить в патриархальном обществе и подчиняться мужчинам. Им быстро построили дом, помогли наладить хозяйство.

Всё бы ничего, но традиция этого племени требовала перед походом оставить наследника. Храбр был непреклонен — он желал увидеть внуков или как минимум непраздную дочь. Без этого грозился Хенга не взять с собой в поход. Пришлось эту проблему решать.

Промозглым осенним днём Чжао пригласил на чашечку чая бывшего командира отряда из Пони, а ныне своего заместителя.

Крепкий воин ростом на голову его ниже, со смуглой кожей и чернявой шевелюрой почти сразу обзавёлся тут женой, впрочем, как и все солдаты. Девушек у славян было больше мужчин, так что жён всем хватило с избытком. Каждый из воинов Хенга заимел свой дом и оброс хозяйством. Смуглые представители монголоидной расы своей экзотической внешностью привлекали страстные взоры местных красавиц, напрочь разрушая миф о том, что аборигены с иноземцами не рождаются.

— Чжу, — начал Хенг, — для тебя есть важное секретное задание.

— Я выполню любой ваш приказ, царь! — преисполнился энтузиазмом парень.

— Я больше не царь, Чжу, — взор Хенга блуждал, пока не зацепился за фарфоровую чашку. — Скоро чай закончится...

— Мне достать вам чая, Ваше Величество?

— Чжу, серьёзно, кончай, — поднял на него грустные глаза ханец. — Мы с тобой три года бок о бок путешествуем по миру, сражаемся, прикрываем друг другу спины.

— Прости, командир, привычка, — потянулся он к своей чашке с чаем. — А где твоя жена?

— В гостях у подружки, — Хенг смущённо принялся разглядывать узоры на чашке.

В полутемном помещении повисла тишина, нарушаемая скрипами веток и завыванием ветра на улице. Когда показалось, что молчание затянулось, Чжу произнёс:

— Командир, задание...

— К-хм... Да, задание. Жутко секретное. О нём не должен узнать никто, кроме нас двоих, — посмотрел в глаза подчинённому Хенг. И была в его взоре такая грусть, что она не укрылась от молодого парня, которому едва исполнилось двадцать четыре года.

— Я даже под пытками никому и ничего не скажу, командир! Клянусь!

— Задание очень деликатное...

— Командир, я ради вас отправлюсь хоть в пасть демонам!

— К демонам не надо... По крайней мере, сейчас. Чжу, ты наверняка знаешь, что я правил двести лет?

— Да, командир, — кивнул он.

— В таком случае ты наверняка догадываешься, что я бессмертный?

— Об этом нам в школе говорили — вы бессмертный царь, бог, снизошедший к нам с небес, чтобы принести мудрость и процветание.

— На самом деле не бог, а полубог. Боги — те, с кем нам предстоит сразиться. Они злые и больше похожи на демонов. Раньше они действительно снизошли к людям и начали им нести просвещение, но после они стали предаваться разврату и устраивать войны. Но главное не это. Тебе нужно знать о богах вот что. От двух богов рождается бог. То же самое, если бога от смертного выносила богиня. Но от мужчины-бога и смертной женщины рождается полубог. Он может за всю жизнь не раскрыть своих сил, но если раскроет, то эти силы становятся его проклятием. С одной стороны, полубоги бессмертны. С другой стороны, они не могут иметь детей.

— Это ужасно! — во взоре Чжу появились сочувствие.

— Знаю. Главное предназначение человека — оставить потомство. Полубоги неполноценны из-за того, что лишены этой возможности.

— Командир, я вам... — замялся Чжу. — Сочувствую. Но что насчёт задания?

— Оно будет простым, парень. Дело на пять минут: вошёл и кончил...

— Командир... — покосился в сторону спальни Чжу. — Неужели ты хочешь, чтобы я...

— Мне нужен наследник. Ты сам уже знаешь, как местные трепетно к этому относятся. Если моя жена не понесёт...

— К-ха! — округлил глаза заместитель командующего тысячей. — Но... Но ты же сказал, что об этом будем знать только мы с тобой! А как же твоя жена?

— Она не узнает, Чжу. Никто не узнает и не должен узнать! Я дам ей снотворный отвар. Пока она будет спать...

— Только ради вас, Ваше Величество, — неуверенно пробормотал Чжу.

— Все вы так говорите, а сами не против присунуть чужой жене, — грустно вздохнул Хенг. — У меня нет выбора. Но не дай духи предков ты вздумаешь после этого повторить подобное! — налились его глаза ледяной сталью.

— Ни за что! — испугался бравый парень. Этот взгляд словно грозил вынуть душу и выпотрошить её, но сначала сделать то же самое с телом. — Только ради вас, Ваше Величество... Один раз, и всё!

План сработал. Пузо жены Хенга начало округляться, что порадовало Храбра. Поход на ромеев решено было начать зимой. Время года выбрано не от балды.

Славяне живут с земли. Выращивание злаков и овощей, разведение скотины. Конечно, при удобном случае они и от дичи не откажутся, и от рыбы, и от даров леса, но земледелие и скотоводство — основные их виды деятельности. Весна, лето и осень — суетная и полная работы пора даже у воинов, которые тоже прикованы к земле. Поэтому в военные походы славяне предпочитают ходить зимой. Не они одни такие. Остальные их соседи такие же.

Племенн Храбра удалось ещё весной прошлого года договориться с племенем, которое соседствовало с греками. Те за плату обязались переправить их через реку на лодках. Желая заработать, соседи прямо тогда начали массово изготавливать лодки, ведь обещанная плата в одну драхму за человека обещала покрыть любые расходы.

И вот войско собралось. Три тысячи человек и коней. С одной стороны, огромная сила.

С другой, не такая уж и большая толпа. На рок-концерте народа бывает побольше.

Самым сложным этапом стала переправа через реку. С людьми и поклажей проблем не было, а вот кони доставили неудобств. Но всё же удалось справиться с минимумом потерь.

Славянская армия как кинжал начала быстрое продвижение в сердце Греции к одному из основных её и городов, и некому было её задержать.

Обычно подобные набеги заканчивались относительной неудачей, поскольку армия вторжения предпочитала по пути грабить все поселения. К стенам города она уже подходила с приличным грузом добычи и толпой пленников из девушек и детей. По традиции мужчин вырезали под корень. Когда у тебя уже есть и добыча, и рабы, а враг осыпает тебя с каменных стен стрелами, как-то быстро теряется энтузиазм и боевой настрой. Поэтому обычно захватчики предпочитали отступить.

Зная это, Хенг настоял на том, что они сразу направятся к городу. В итоге споров с другими тысячниками и самим Храбром он получил титул военного вождя, а по факту стал временным главнокомандующим. При этом вождём всё ещё являлся Храбр. Но ни он, ни его командиры, глупыми не были. Они по достоинству оценили выучку воинов ханьца, которая превосходила выучку их воинов. И в учебных походах он показал себя более эффективным командиром.

Когда же они пришли к Салоникам, никакой осады не было. Войско сходу начало безудержный штурм каменных стен. Перед этим они приготовили высокие лестницы и большие щиты, поэтому ни град стрел, ни камни со стен, не спасли город от штурма.

Никто из защитников Салоников не был готов к такому. Они привыкли, что варвары если нападают, то долго не решаются на штурм. К тому же, обычно об их приближении становится известно заранее из-за грабежей деревень, которые замедляют их продвижение. А тут войско появилось неожиданно. К его появлению никто не был готов. И хотя ворота успели закрыть, но ни призвали на стены ополченцев, ни нагрели масла, чтобы лить его на головы безумных варваров. А те и рады этим воспользоваться.

В итоге яростного сражения впервые за многие десятилетия враги ворвались на территорию города.

Пока войска под командованием Ждана и Миролюба яростным напором уничтожали защитников города, тысяча Хенга совершила стремительный прорыв к порту. По пути они разделились на два отряда. Один продолжил путь к порту, а второй направился в квартал проживания элиты. Сам Хенг возглавил второй отряд, а первым командовал его заместитель.

К вилле Геры удалось добраться без потерь, но там остались лишь слуги и ни одного бессмертного. Оставив небольшой отряд для разграбления виллы, остальное войско поспешило в порт, куда, по словам слуг, отправились господа.

В порту они застали яростное сражение.

Не одна Гера решила спастись бегством по морю. Большая часть богачей, прихватив самое ценное, поспешила удрать. Охрану местных олигархов славянам удалось подавить без труда, а вот воины Геры встали комом в горле.

Отряд Хенга обрушился в тыл богачей яростным наскоком. Никакая тысячелетняя боевая выучка не поможет, если на каждого воина приходится по двадцать противников. Воины Хенга убили всех, кроме двоих девушек, которых не брали ни мечи, ни стрелы. Но и с ними справились, сбив на землю палицами и связав корабельными канатами на манер кокона бабочки.

Среди невероятно живучих пленников по описанию со слов пленных бессмертных жрецов Хенг опознал саму Геру. Посмотрев на неё, и не скажешь, что это старая злобная мегера. Высокая юная блондинка с золотистыми кудряшками, небесно-голубыми глазами и очаровательным личиком. Фигурка на зависть всем и грудью её природа не обделила, но и лишнего не дала. В целом эталон красоты.

Вторую пленницу было сложнее идентифицировать. Низкая, плотного телосложения брюнетка с прямыми волосами и злобными тёмными глазами.

Подойдя к ней, Хенг прищурился и спросил:

— Эрида?

Она сквозь кляп замычала явно что-то ругательно-угрожающее.

— Про тебя тоже ходят слухи похуже, чем о Гере, — при упоминании своего имени блондинка прожгла яростным взором Хенга, на что тот лишь ухмыльнулся. — Лучше было бы пленить самого Ареса. Говорят, вы с ним неразлучная парочка.

Вновь брюнетка неразборчиво прорычала нечто угрожающее. Но Чжао больше было не до богинь. Он подозвал сотника одного из отрядов.

— Этих девок охранять как зеницу ока! Будьте внимательны — эти твари невероятно сильны и изворотливы. Немедленно отрубите головы всем мертвецам!

Хенг почувствовал, как его спину прожигают два огненных от подгораемых пуканов взора. Он почти физически ощущал мысли богинь, хотя телепатом так и не стал. Обернувшись к ним, он с издёвкой протянул:

— Да, я не играю по вашим правилам! Будет вам уроком, что не стоит трогать мирного ханьца, который наслаждается жизнью в райском уголке. Вам — это всем богам, Гера.

В её ответном мычании он разобрал:

— Тебя убьют как бешеного пса!

— Это мы ещё посмотрим кто кого...

Дальше ему не дали договорить молнии, которые начали впиваться в него из одного

только что обезглавленного бессмертного. От боли он не устоял на ногах и рухнул на колени.

Иные солдаты испугались бы, но его воины были заранее проинструктированы, как действовать и чего ожидать. И хотя слышать о том, что в их командира могут ударить молнии и увидеть их своими глазами — не одно и то же, всё же они не растерялись. Как и было изначально сказано в инструкциях до боя, мертвецов подносили поближе к тысячнику и рубили им головы.

Вскоре всё повторилось вновь: из шеи очередного обезглавленного трупа начали бить молнии. Потом из второго и третьего, и все они вливались в Хенга, заставляя его тело сотрясаться. Он не выдержал и застонал. Ему с трудом удавалось устоять на четвереньках. На пятом бессмертном он распластался лёжа. Всего же процедура повторилась тридцать семь раз. Порою молнии создавали целую бурю, когда умирал наиболее сильный полубог. Под конец Чжао и вовсе не мог пошевелиться. Он лежал в прострации с глупой улыбкой на лице, словно чрезмерно перебрал с алкоголем или даже чем покрепче.

Воины подхватили командира и добычу, среди которой были две богини, и начали отступление. По пути они грабили богатые дома, вырезали мужчин и захватывали в плен молодых девушек и детей. Пленных собралось раз в десять больше численности войска. Всех, кто пытался бежать или оказать сопротивление, безжалостно убивали, что у остальных снижало желание к бегству до нуля.

Пленных девок и детей заставляли тащить тюки с награбленным имуществом, которого было настолько много, что часть добычи приходилось бросать ради более ценной.

Вскоре отряд Хенга воссоединился с отрядами Ждана и Миролюба. Те уже награбили приличную добычу и набрали в плен не меньшее количество девушек и детей. Храбр приказал отступить.

После выхода за пределы городских стен часть добычи с плеч пленников переместилась на крупы лошадей. О верховой езде никто не помышлял, поскольку с тридцатитысячной толпой рабов скакать верхом бессмысленно.

Хенг пришёл в себя ближе к вечеру. Славянское войско уже отступило от стен греческого полиса и встало лагерем на ночёвку. Воины выглядели усталыми, но довольными. Среди них обнаружилось много раненых. Отовсюду в лагере доносились звуки совокупления — таким образом солдаты после боя сбрасывали стресс с пленницами. Хенгу это было знакомо, ведь когда-то он и сам поступал аналогичным образом, как и многие воины до него и после.

Покинув шатёр, он не обнаружил охранения. Все дежурные воины были заняты более важной задачей — охраной пленников и лагеря.

Побродив по лагерю, постоянно обходя мужские голые жопы, делающие новых детей, он нашёл своего зама возле костра с котелком.

Наложив себе каши, он сел рядом с парнем на скамью, сооружённую на скорую руку из самодельной доски.

— Что с моими пленницами, Чжу?

— Они под охраной, командир, — оторвался он от деревянной миски с кашей.

— Связаны?

— Так точно.

— Не кормите их и не поите, и не развязывайте.

— Совсем? — выгнул правую бровь Чжу.

— Совсем.

— Но они же подохнут, командир!

— Эти не сдохнут. Вот если дать им намёк на возможность побега — они сбегут. А бегать они умеют так, что на лошади не догонишь. Силушку ты их видел.

— Командир, — замерла деревянная ложка Чжу на половине пути к миске, — кто они?

— Те, из которых молнии били — полубоги.

— А девки?

— Богини.

— Богини?! — стали квадратными глаза Чжу.

— Богини. Самые мерзкие из них — мстительные стервы, весь смысл жизни которых сводится к мести. Кому и за что мстить они найдут — бабы же. Поэтому за ними нужен глаз да глаз.

— Но что ты будешь делать с богинями, командир? Их же невозможно убить. Мечи и стрелы их не берут, дубины лишь валят с ног.

— Попробую убить, а если не выйдет, то залью бетоном по римскому рецепту, отвезу к морю и утоплю.

— Но это же богини... — заплескался ужас в глазах Чжу.

— Не забывай, что я полубог, — подмигнул ему ханец. — Где эти стервы?

— Возле шатра командира дежурных, которые охраняют пленников, — успокоился Чжу, вспомнив жуткое колдовство и молнии, с которыми сила полубогов переходила его царю.

— Отлично, — встал Хенг с полной миской, — проверю их.

— Командир, ты бы поел сначала.

— Поем, Чжу... — прищурился он, не скрывая ледяной ярости. — Обязательно поедем... на глазах у этой стервы! Каждый день так буду есть, пока она будет голодать.

Издаваться над Герой ему не надоедало. Как только появлялась возможность, он отвечивал смачные фразочки или ел и пил у неё на глазах, чем жутко бесил и заставлял исходить злобой. Вторая богиня стала случайной жертвой, но Хенгу было плевать. Он не рафинированный обычный японский школьник из аниме, который заступает за злодеек, если они вдруг оказались симпатичными девушками и своим видом вызывают сочувствие. Он честно пытался жить мирно в глуши и никого не трогать, всегда показательно демонстрировал своё негативное отношение к Игре, но ему в этом активно мешала одна мстительная стерва.

Воспоминания Хизеши подкидывали образ третьесортного злодея, ведь именно они в аниме подобным образом издеваются над врагами, но так думается лишь до тех пор, пока не начинаешь обращать внимание на окружающую действительность. Если он третьесортный злодей, то все окружающие воины первосортные, поскольку они не скрывали своей жестокой натуры. После того, как утром войско с пленниками двинулось дальше, на месте лагеря обнаружили сотни трупов строптивых девок и детей. И все мужики воспринимали это нормой. пытки, изнасилования, побои — в ход шло всё, чтобы быстро сломить волю пленников. По жестокости до римлян славянам было далеко — те за свою долгую историю выработали крайне эффективную тактику запугивания будущих рабов. Но и выходцы с Восточной Европы проявляли фантазию.

Переправа стала самым сложным этапом. Византийское войско село на хвост захватчикам, отчего все старались поскорее форсировать реку. Лодок не хватало, поскольку такого количества добычи и пленных никто не ожидал.

Племя, которое занималось переправой, было на седьмом небе от счастья. При плате по драхме за человека они озолотились.

В первую очередь через реку переправлялись кони и материальные ценности, лишь затем рабы. Вскоре на горизонте показалось византийское войско. Тогда Храбр отдал приказ уничтожить лишнее имущество, которое не успевают переправить. Поскольку вещевые трофеи давно были переправлены, а оставались лишь пленники, то смысл приказа был понятен каждому.

Хенгу это не нравилось, но кто он такой, чтобы идти со своим уставом в чужой монастырь? Он хмурым взором наблюдал за тем, как славянские воины складывают вязанки из сушин и привязывают к ним лишних пленников. Те вопили от ужаса, но ничего не могли поделать. Их вместе с дровами полили маслом и подожгли. Крики многократно усилились.

К прибытию византийцев все воины успешно переправились на тот берег. Поскольку у преследователей не имелось возможности переплыть реку, а их стрелы долетят в лучшем случае до середины водной преграды, никто не спешил пускаться в бега. Славяне спокойно разбили лагерь и на глазах озлобленных греческих защитников принялись привычным образом сбрасывать стресс с гречанками.

Утром начались торги с разбогатевшими на лодках соседях. Те с радостью тратили заработанные драхмы на рабынь и вещи из трофеев. Лишь к обеду армия стронулась с места и неспешно начала углубляться в сторону своей территории.

На протяжении всего пути Хенг не спускал глаз с богинь. Он помнил жрецов Геры, которые почти умудрились сбежать даже закованные в кандалы, да и сам он нечто подобное демонстрировал. Поэтому этих пленниц контролировали как никого другого.

По прибытию в городок племени Храбра начался пир, на котором все упились трофейным вином в хламину. На следующий день начались подсчёт и делёжка трофеев. Как и полагается, десятина достаётся вождю. Тысячникам перепадает по три процента, но конкретно Хенгу светила та же десятина, как спонсору мероприятия. С этим никто не спорил, поскольку все от вождя до простого воина понимали, что без Чжао никакого похода не состоялось бы, плюс к этому он был военным вождём, благодаря которому победа досталась легко, что тоже достойно награды. Сотникам по половине процента. Остальное в разных долях делится между всеми воинами. Десятникам достаётся чуть больше, но до добычи сотников им далеко. Личные побрякушки, которые солдаты присвоили во время грабежей, не учитываются. Это приятный бонус вроде сувениров для туриста, посетившего другую страну. Дележу подвергается крупная добыча.

Подсчёты награбленного обещали затянуться надолго. Хенг в этом мероприятии участвовать не собирался, поскольку у него имелась задача важнее — уничтожить богинь. Когда его жёнушка узнала о том, что добычу будут делить без него, в тот же миг сорвалась на делёжку на правах супруги отстаивать интересы мужа, и даже объёмное пузо не стало ей помехой. Воспитание в семье вождя наложило на неё характерный отпечаток — девица не собиралась упускать своего.

По приказу Чжао после предварительной подготовки воины принесли ему Геру в кузницу. Она до последнего смотрела на всех со смесью гнева, презрения и обещания жестоких кар. Сказать она ничего не могла из-за кляпа. Так продолжалось до тех пор, пока она не увидела монструозную конструкцию.

Хотя большая часть доспехов покупалась у аварцев, Хенг не мог обойтись без строительства кузницы для изготовления оружия и доспехов для личной гвардии. Эту

мастерскую сделали под его чутким руководством. Тут имелось то, чем он оснащал все свои кузницы — пресс для металла. На этот раз он превзошёл сам себя, поскольку пресс имел противовес весом под тонну. Только сейчас вместо пресс-формы там была закреплена массивная металлическая полоса, в результате чего получилась этакая мощная гильотина, способная перерубать толстый металл.

Стоило воинам по молчаливому кивку Чжао начать подносить богиню к деревянным колодкам, чтобы закрепить её шею под гильотиной, как она громко заверещала сквозь кляп и начала припадочно дёргаться. Корабельные канаты подозрительно затрещали. Солдаты не могли дотащить взбесившуюся блондинку до места казни, хотя оставались считанные метры.

Даже самые отъявленные скептики, если бы таковые тут нашлись, не верили в то, что это беззащитная барышня. Её глаза налились ледяным потусторонним сиянием, словно в них встроили светодиоды. Все её мышцы напряглись, из-за чего лицо перекосило в жуткую потустороннюю демоническую морду. Гера исторгла грозный горловой рык, и канаты снова затрещали и заходили ходуном. Она хоть и напоминала гусеницу и лежала на животе, но каким-то образом умудрилась так подпрыгнуть, что сначала ногами отправила в полёт сразу двоих крепких воинов, затем снова подскочила и правым плечом толкнула одного солдата, потом такой же трюк провернула с четвертым. Следующим прыжком она умудрилась вскочить на ноги. Её лицо напряглось сильнее, глаза засветились ярче.

— ГРА-А-А! — перекусила она кляп и выплюнула остатки. — ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ ЖАЛКИЕ СМЕРТНЫЕ!

Солдаты задрожали от её крика. Даже Чжао пробрало. Он сразу подумал об использовании инфразвука, но человеческая глотка на подобное неспособна.

Вот только зря Гера напугала ханьского сотника. Люди делятся на две категории. Первые от страха впадают в ступор и бледнеют. Вторые от страха краснеют и начинают бурно действовать. Хенг был из вторых. Страх подстегнул его. Подчинённых для удержания богини было мало, все они пытались прийти в себя после падений и накатившей волны ужаса. Больше людей он не стал привлекать, поскольку после пира сложно было найти дееспособных воинов.

Чжао схватил кувалду и со всей своей сверхчеловеческой силы вдарил ею по голове Геры, которая хоть и обладала невероятной реакцией, но из-за верёвок не смогла увернуться. Раздался гулкий металлический звон, словно удар пришёлся не по человеческому черепу, а по наковальне. Руки сотника-кузнеца дёрнуло отдачей так, будто череп дамочки и в самом деле металлический. На это же намекала его целостность и блестящий блеск серебристого металла, который появился на месте удара из-за порванной кожи.

Законы инерции никто не отменял. Голову Геры резко дёрнуло назад, а вслед за ней в полёт отправилось и туловище. При этом к ужасу зрителей у неё не сломало шею, но она даже сознания не потеряла, лишь громко завопила от боли и шока.

Вот только Хенгу всё ещё было страшно, поскольку он не до конца представлял себе возможности богов и всё ещё находился под впечатлением от инфразвуковой атаки. Он бросился следом и принялся наносить удары кувалдой по голове. Каждый удар сопровождался молодецким хеканьем и громким звоном от соприкосновения кувалды со стальным черепом, а также глухим ударом головы богини при соприкосновении с деревянным полом. Массивные дубовые плахи, которые пошли на настил пола, начали трескаться, а Гера всё ещё оставалась в сознании и очень громко вопила на всю округу, добавляя в голос инфразвук, отчего мышцы воинов Хенга стали ватными и парни не могли

найти в себе сил встать на ноги. Им хотелось сбежать отсюда.

— На! — вновь ударил Чжао. — Получай, божественная самка блохастой собаки! — и снова последовал могучий удар, словно он не долбил по сверхпрочному черепу, а ковал неподатливую заготовку. — Сдохни, тварь! Сдохни!

Помирать Гера не собиралась, но судя по бессмысленному взгляду и прекратившимся попыткам сопротивляться, мозги ей встряхнуло знатно. Она пялилась в потолок. Вся её голова была в окровавленных лохмотьях кожи, сквозь которые проглядывала серебристая сталь. Но самые первые раны уже затянулись.

— ВСТАТЬ, ШЕЛУДИВЫЕ ПСЫ! — рыкнул на подчинённых Чжао.

Солдаты подчинились приказу и повставали на ноги. Они не сводили квадратных от ужаса глаз с тела богини.

— В колодки её. Быстро! — рывкнул сотник. — Пока у неё мозги не восстановились.

На этот раз дотащить богиню до колодок удалось быстрее, поскольку воины старались поскорее закончить с этим. И вот механизм был приведён в действие. Со свистом и грохотом гильотина прилетела вниз. Кузница содрогнулась. Шея Геры оказалась перерублена наполовину.

Хенг принялся быстро крутить ворот механизма, который начал поднимать противовес пресса и вместе с ним клинок гильотины. Несмотря на солидную толщину и прочность стали, та оказалась в зазубринах, чего не случалось при тестовом прорубании металлической чушки. Повторный удар полностью отсёк голову, но та даже после этого продолжала двигать глазами.

— Горн! — окрикнул Хенг застывших в ужасе подчинённых.

Один солдат сообразил, о чём речь, и открыл жерло раскопчегаренного горна, куда сотник тут же закинул голову богини. Та не могла орать из-за отсутствия лёгких, но её гримаса исказилась, словно в ужасающем крике.

Двое воинов насели на меха, нагнетая жар. Органика поддавалась, стгорая в огне и издавая смрадную чадящую вонь палёной кожи. При этом металл, из которого состоял скелет, не плавился.

Стоило органике прогореть, как из обезглавленного тела начал бить поток молний. Они были толщиной с руку взрослого мужчины и впивались в тело Хенга, причиняя ему боль, которая в разы превосходила таковую при убийстве одного из всадников апокалипсиса. В кузнице поднялось целое светопреставление — молнии заполнили всё помещение. Как минимум по одной угодило в тела воинов, что мгновенно лишило их сознания. Под конец и разум Чжао погрузился в темноту, не выдержав чудовищной боли.

Сознание к Хенгу вернулось довольно быстро, но к этому времени в кузницу набилось много народа, привлечённого потусторонним шумом и молниевым штормом.

Помещение было разгромлено. Все инструменты разлетелись от эпицентра светопреставления. Стамески повтыкались в бревенчатые стены. Если бы тут были окна, их бы выбило, а бычьи пузыри на оконных проёмах просто порвало шальными предметами.

Среди толпы любопытных, с интересом разглядывающих труп богини, были Храбр с женой ханьца.

Чжао ощущал небывалое удовольствие. При этом вялость мышц сочеталась с огромной силой. Он чувствовал, что может свернуть горы, а вот языком едва заворочал:

— Ну и чего вы тут собрались? Мёртвой богини не видели? Хотите посмертное проклятье бога словить?

— К-хм... — появился испуг в глазах Храбра, впрочем, как и у всех. — Раз ты в порядке, то мы пойдём.

Кузница в момент опустела. Четверо помощников Чжао пришли в сознание. Они двигались вяло и не скрывали счастливых улыбок, словно они бессмертные и только что завалили по полубогу. В тех местах на теле, куда в них попали молнии, остались следы в виде шрамов. У десятника Вана шрам появился с левой стороны на лбу в виде звёздочки.

— Эй, Ван, — окликнул Хенг кареглазого шатена.

— Да, командир? — выпрямился он и уставился на босса с высоты своего роста, который лишь на ладонь был ниже, чем у ханьца.

— Отойди на сто шагов и подойди.

— Есть! — козырнул он, поднеся открытую ладонь к виску.

Когда Ван возвращался назад, метров за пятьдесят вся троица дёрнулась. Хенг в этот момент почувствовал приближение бессмертного.

— Любопытно... — с интересом покосился он на труп Геры. — Что стоим? Кого ждём? — рявкнул он на парней. — Взяли труп и закрепляем на гильотине. Будем рубить по сочленениям костей и по частям сжигать в горне. Мне сюрпризы не нужны.

Когда подчинённые собрались все вместе и принялись выполнять приказ, он продолжил:

— Кстати, поздравляю, теперь вы стали полубогами и бессмертными. Вам нужно будет уяснить несколько правил по поводу Игры и богов и научиться лучше сражаться, если хотите подольше прожить.

После объяснений что к чему парни обалдели. Им не верилось и при этом хотелось верить в правдивость заявления босса.

Останки богини сгорели. От неё остались лишь металлические кости, которые Чжао собрал в аккуратную кучку и собирался сделать из них трофейный скелет как напоминание о своей победе.

— Ведите вторую, — вздохнул он. — И позовите мою жену.

Он уже раздумывал над тем, как сделает бессмертными свою супругу и будущего ребёнка, пусть не своего, но он уже смирился с мыслью, что тот будет ему как родной сын или дочь. Но когда посланные за второй богиней воины вернулись с тёмными лицами, он громко выругался на смеси японского и ханьского.

— Сбежала?

— Да, господин, — понуро опустил голову Ван.

— Этого следовало ожидать. Раз одна дурная девка чуть не порвала канаты, когда поняла всю серьёзность наших намерений, почему бы второй этого не повторить? Много людей пострадало?

— Убит десяток охранения, — ответил Ван. — Пленница выбрала удачный момент для бегства. Все люди, стора от любопытства, собрались возле кузницы. Её бегства никто не заметил, а тела воинов охранения она затащила в избу, где её содержали. Мы можем выслать за ней погоню. Наверняка она направилась назад к ромеям.

— Бесполезно. В страхе она может бежать в два раза быстрее самого резвого галопа.

Хенг ориентировался на свои возможности с использованием внутренней энергии. Но в уме держал вероятность того, что боги могут быть куда шустрее. Но даже если предположить, что беглянка будет развивать скорость резвого галопа, всё равно догнать её представляется проблематичным. Богиня по своей сути киборг, на что намекает металлический скелет Геры. Кони не могут долго поддерживать быстрый темп бега, а боги, теоретически, на подобное способны.

— И что делать? — виновато разглядывал ноги шефа Ван.

— По-хорошему, валить нам надо отсюда.

— А как же добыча?!

— Проблема... — задумался Чжао. Ему больше было жаль того, что не успел сделать бессмертной жену. Прихода очередной партии бессмертных он не боялся, но точно был уверен в том, что на этот раз к нему пошлют серьёзных воинов, выжить в сражении с которыми мало шансов. С другой стороны, к супруге он особо привязаться не успел. Изначально не было никакой любви — исключительно политический брак. Конечно, со временем какие-то тёплые чувства появились, но не настолько, чтобы расстаться со своей жизнью ради того, чтобы находиться рядом с девчонкой, беременной от его зама. — Думаю, месяц у нас точно в запасе есть. Вряд ли Зевс вышлет отряд убийц сразу. Но лучше поспешить.

Двое всадников размерено двигались по широкой лесной тропе, которую с натяжкой можно назвать дорогой. Позади плелись заводные кони с поклажей. Одним из путников был Чжао Хенг, а вторым смуглый и с раскосыми глазами Ван Пони, чья фамилия произошла от названия страны.

— И всё же, командир, — продолжил Ван диалог, который шёл уже долгое время, — может, стоило уговорить парней? Вы бы приказали им, тогда бы они точно за вами пошли.

— Жадность, Ван, способна затмить глаза кому угодно. Я не собираюсь тащить за собой бессмертных против их воли. Ты слышал, я дал вам четверым выбор: пойти со мной или остаться, но сдохнуть. Они не поверили и решили остаться. Их не сложно понять — у каждого парня среди славян появилась жена, скоро родятся дети, а тут ещё богатство привалило и по три рабыни.

— У меня тоже были жена и рабыни, — печально вздохнул Ван. — Я понимаю парней. Там же вокруг столько сильных воинов. Даже не подумаешь, что кто-то решится на них напасть.

— Я оставил двести рабов и бесчисленные богатства и нисколько об этом не жалею. Знаешь, почему?

— Почему, командир?

— Потому что жизнь дороже, Ван. По той же причине я оставил царство Пони. Если дураки считают, что они достаточно сильные, чтобы противостоять богам, кто я такой, чтобы их вразумлять? Если же они мне не верят, то и вовсе не вижу смысла видеть подле себя таких людей. Они сами выбрали свою судьбу, а ты... Ты сделал верный выбор, Ван. Со мной у тебя появляются шансы пожить подольше. Если будешь старательным, то вместо лет будешь считать столетия.

— Господин, я правильно понимаю: чтобы стать бессмертным нужно убить бога?

— Видимо, да. Я и сам об этом не догадывался.

— А та богиня... — Ван прикусил губу и замолк.

— Гера?

— Да, господин. Что она вам сделала?

— Пыталась убить. Настойчиво и раз за разом, спустя столетия. В первый раз, когда я прикончил убийц, была надежда, что намёк поймут и от меня отстанут. Но когда во второй раз убийц прибыло в два раза больше, стало окончательно ясно — эта стерва от меня не отстанет. И ведь, что обидно — я лично ей ничего не сделал. Она с чего-то решила, что я сын её мужа. А у этой бабы имелось милое хобби — убивать любовниц своего мужа и детей от них.

— То есть, вы сын главного ромейского бога?! — с восхищением протянул Ван.

— Может быть. А может, и нет. Точной информации о моем отце нет. Но все бессмертные — дети ромейских богов, — Хенг улыбнулся, посмотрев на удивлённо поднявшего брови Вана. — По крайней мере, раньше так считалось. Теперь я могу с уверенностью заявить, что в мире пока существуют как минимум четверо бессмертных, которые не являются детьми богов и в прошлом были простыми людьми.

— Уф! — с облегчением выдохнул Ван. — Я уж думал, что чего-то не знаю о своих родителях, — в следующий миг на его лицо налетела тень и улыбку смыло. — То есть, парни могут умереть?

— Скорее всего, — Чжао понял, что речь идёт о троице бессмертных, оставшихся позади. — Это полностью их выбор. Не могу сказать, что он хороший или плохой. Моя совесть чиста. Я им честно всё поведал о богах и Игре, об их слабости перед опытными бессмертными. Но что взять с простых воинов? То ли дело ты, Ван. Не зря ты стал десятником. Значит, голова варит. Будь славянское войско побольше, ты имел бы все шансы стать сотником.

Похвала была приятна Вану, тем более от того, кого он со школьной скамьи считал богом. И хотя ему горько было терять всё нажитое богатство, рабынь и боевых товарищей, но он был согласен с тем, что это их выбор. Его самого ещё три дня назад разрывало от противоречий, и лишь вера в его бога-царя и командира толкнула его всё бросить и отправиться с ним в путь... снова. В первый раз он отплывал от благословенных берегов царства Пони в составе элитных воинов. Сейчас же ему становилось непонятно, почему товарищи, которые учились в тех же школах и прошли со своим богом длинный путь, решили остаться среди славян.

Во время очередного привала Ван занялся обустройством лагеря, лошадьми, костром и готовкой ужина. В это время Хенг занимался боевой гимнастикой, которую создал путем

объединения упражнений рукопашного боя ханских гвардейцев, греческой борьбы, йоги и своего опыта. Эта гимнастика приводила в движение внутреннюю энергию и задействовала её, гоняла ци по духовным каналам и укрепляла тело. А ещё она позволяла почувствовать пределы своих физических способностей.

Границы силы, выносливости, скорости и ловкости раздвинулись после убийства богини. Хенг чувствовал, что резко стал в несколько раз сильнее. Ему приходилось привыкать к новой силе и контролировать каждое движение. Во время еды он держал ложку так, словно это величайшее сокровище из тончайшего фарфора, поскольку это была третья и последняя ложка — две предыдущих он сломал, надавив чуть сильнее.

По той же причине он пока не проводил спаррингов с новым учеником. Если вовремя не остановиться, то на одного бессмертного может стать меньше. Но когда Ван закончил с готовкой, он позвал его и продолжил учить йоге. Всем нюансам он не собирался его обучать, поскольку на это уйдет больше ста лет. Как и его индусский учитель, он собирался показать основы, а дальше парень должен продвигаться сам, ища свои сиддхи.

На самом деле, не вся добыча осталась славянам. Рабов и вещевые трофеи Хенг действительно оставил супруге. Уж её отец-вождь разберётся, как ими правильно распорядиться. С собой он прихватил деньги и скелет Геры. Денег было меньше, чем он забрал из казны своего бывшего царства, но даже так это целое состояние, с которым везде можно устроиться с комфортом. Ван тоже взял с собой все свои деньги, но их у десятника было намного меньше.

Через неделю пути Ван, морщась, посмотрел на солнце.

— Командир, мы идём на запад.

— Угу.

— Но мы шли на восток...

— Угу.

— Командир? — выразительно изогнул брови Ван.

— Ты бы куда бежал, если бы за тобой гнались демоны?

— Как можно дальше от места их обитания, — задумался Ван. — Хм... На восток? Да точно — на восток!

— Все бы поступили так, Ван. Поэтому мы сделали вид, что идём на восток, а на самом деле двигаемся на запад. Для победы в войне нужно действовать непредсказуемо и зачастую нагло.

— И куда мы идём?

— К кельтам.

— К кельтам?!

— Именно. Там нас точно никто искать не будет. Отстроим замок в глуши, соберём вокруг себя отряд бравых парней, нагоним с округи крестьян и заживём лордами.

— Построить замок дорого.

— Очень дорого, Ван. Но мне как раз на него хватит средств. Не зря же ромеев грабили.

— А где мы воинов найдём?

— Мало ли горячих парней, жаждущих быстрого обогащения? На месте и найдём — не впервой.

Ещё в первый год жизни в Англии Хенг осознал, что спокойной жизни тут не видать. Это не тихий остров Борнео, а кипящий котёл с постоянными сражениями пиктов, кельтов, англо-саксов, бриттов и скоттов.

Из самого густонаселенного района, который занимали семь постоянно враждующих королевств, Чжао и его ученик перебрались на север в королевство Дал Риада. Вначале чужаков там приняли жёстко, но вскоре Хенг показал свою запредельную силушку, раздал всем причастным лещей и собрал вокруг себя банду, после чего попросился на службу к местному королю. Через три года победоносных сражений король наградил его земельным наделом, куда Хенг без зазрения совести согнал крестьян. Местность ему досталась скудная. Единственное, что нормально там можно было делать — разводить овец. Он хоть и пытался помочь населению, но в результате вышло так, что его люди жили лишь немногим лучше, чем соседские овцеводы.

В итоге всё устаканилось. В свободное время он передавал свои боевые навыки Вану и учил его йоге. Тот неплохо прогрессировал. Раз-два в год король призывал вассалов на небольшие военные набеги или защиту королевства. Хенг с новой силой чувствовал себя в бою как рыба в воде, а вот ученик пару раз умер. Оба раза удалось для окружающих свести всё к ранению, которое лишь чудом не задело жизненно важных органов и оказалось пустяковым, хотя на первый взгляд выглядело страшным. В результате Ван получил кличку Счастличик.

Главным событием стало рождение детей... у Хенга!

Одной официальной женой он не ограничился. По меркантильным мотивам ею стала дочка вождя местного крупного клана скоттов, который насчитывает пять тысяч человек. В целом, это обычная практика укрепления соседских отношений. Одна лишь Лилас (так звали его жену) родила ему троих детей, из которых один мальчик и две девочки. Но одной супругой он не ограничивался. В ближайшей деревне в половине семей живут его дети от связи с крестьянками.

Хенг настолько был рад обрётённой возможности иметь потомство, что не мог себя ограничивать отношениями лишь с одной супругой. Он хотел иметь как можно больше детей. Но есть один нюанс — все они рождались потенциальными бессмертными носителями неактивных нанитов, как дети богов.

Все факты: невероятная сила, живучесть и выносливость, возможность иметь детей и их потенциальное бессмертие говорили об одном — он сам встал на один уровень с самозванными богами. То есть, бессмертному, чтобы стать богом, всего-то нужно убить бога.

Одно его не устраивало — полунищее положение, и это при том, что он аристократ. Весь бюджет пожирали частые войны. Необходимо было готовить и вооружать солдат, платить им жалование. А ведь если хочешь, чтобы тебя не пощипали соседи, нельзя отправлять королю всех воинов, нужно держать при себе хорошо вооруженный и обученный отряд бойцов.

Для исправления этой ситуации Хенг собрал большой самогонный аппарат, приобрёл много бывших в употреблении трофейных дубовых бочек из-под вина и обучил специально отобранных крестьян самогонованию. Поскольку с сырьём у скоттов было негусто, пришлось гнать самогонку из ячменя. Затем напиток выдерживался в дубовых бочках. Вскоре он начал торговлю крепким алкоголем, который разлетался мгновенно. Пришлось увеличить объёмы варки.

Через несколько лет рецепт самогонки ушёл в массы и люди сами начали её гнать, но от

этого продажи Хенга не падали, поскольку спрос превышал предложение. Крепкий алкоголь сделал его богатым, что привлекло на его земли крестьян, делая ещё богаче за счёт налогов. Он поставлял бухло даже в королевский дворец. Другие аристократы скупали его самогонку бочками. За алкоголем даже начали прибывать торговые караваны из соседних стран.

Ван рвался на родину проведать родню. Хенг всегда учил на совесть и на этот раз не собирался отступать от своих принципов, поэтому держал его при себе до тех пор, пока не передал всю базу, которая позволит при должном старании достичь его уровня. На это ушло семнадцать лет. Как только он объявил, что обучил Вана всему, тот на следующей день сорвался в путь.

Стоит отметить, что самые серьёзные сражения при набегах армии противника требовали его личного присутствия. На такие битвы аристократы собирали почти все войска, оставляя на охране поместий нескольких солдат, чтобы они шугали разбойников.

Хенг не забросил своих тренировок. Только теперь он занимался ими втайне от слуг в закрытом для посторонних саду. И всё же несколько раз слуги его застали в левитирующей медитации, что породило в народе волну слухов о его происхождении из-под холмов. Аборигены верили, что под холмами живут сиды — волшебные бессмертные существа, внешне похожие на людей, но при этом невероятно прекрасные и способные творить чудеса. При этом сиды ни разу не добрые, а жестокие и коварные, но жутко благородные.

Хенг часто лечил слуг, но постоянно этим заниматься ему было не с руки. К тому же, он не мог разорваться, и ещё лечить крестьян и их скотину — тогда ему пришлось бы перестать быть лордом и переквалифицироваться в целители. Поскольку у него ещё свежа была в памяти построенная им с нуля медицина Пони, он начал искать местных врачей. В качестве них выступали друиды.

Одного такого ему привели. Оценив его знания, Хенг выделил друиду финансирование и землю под строительство школы знахарей. Тот начал учить знахарей в количестве, которого хватит для обеспечения медицинским обслуживанием всего населения территории Чжао.

Несмотря на сверхдоходы от продажи алкоголя, бюджет не позволял постройку школ, дорог и прочего, поскольку местность всё ещё оставалась скудной. Даже введение прогрессивного земледелия лишь немного исправило ситуацию.

Для пополнения бюджета Хенг начал стимулировать ремесленников. Он вкладывал все свободные средства в строительство кузниц, гончарных и кожевенных мастерских, ткацких мануфактур. Первых кузнецов он обучил сам и оснастил их кузницы прессами. Ткачам подкинул идею примитивного ручного ткацкого станка и прялки, что серьёзно увеличило выход продукции. Гончарам и кожевникам ему советовать было нечего, но они и сами неплохо справлялись. Это начало приносить плоды, хотя и не сразу. На его территорию снова потянулись купцы, которые скупали продукцию ремесленников. Хенг получал, во-первых, налоги, во-вторых, прибыль от бизнеса, поскольку у него имелась небольшая доля в каждом ремесленном предприятии.

Поскольку появились дополнительные средства, удалось выделить часть из них на строительство дорог, что принесло дополнительную пользу в виде дополнительных рабочих мест, а деньги всё также продолжали циркулировать внутри территории.

Помимо этого строились защитные укрепления и увеличился военный бюджет, поскольку соседи-аристократы начали покусывать богатого коллегу, как это всегда бывает. Конечно, особо наглые попытки рейдерского захвата пресекались королем, поскольку тот

совсем не дурак, хотя уже второй на памяти Чжао. Короли понимали, что прибыльность области зависит от управляющего. Стоит нищему аристократу захватить богатый регион, как он его разорит. Тогда резко уменьшатся поступления в казну, меньше солдат будут оттуда присылать, они будут хуже вооружены. В итоге страна пострадает, чего нельзя допускать. Вот когда нищий аристократ воюет с таким же бедным соседом — плевать, поскольку от того, кто там будет главным, ничего не изменится. Богатство во все времена давало некую политическую броню. Если не нагнать, то есть не идти против действующей власти, то правитель будет на стороне богатого сторонника.

Дети, в том числе многочисленные бастарды Чжао, выросли. Он отслеживал судьбу каждого потомка. Если вдруг они становились бессмертными, он брал их на личную службу и обучал всему, что должны знать бессмертные по его мнению. С теми же, кто умирать не спешил, он поступал иначе. Ждал, когда у них появится потомство, потом подстраивал им несчастный случай или нападение грабителей со смертельным исходом, а затем по прежней схеме призывал на службу. Вскоре обучение бессмертных было поставлено на поток. Их гоняли бессмертные десятники из числа первых учеников лорда.

Вечно держать детей рядом с собой невозможно. Хенг ставил единственное жесткое условие — полное освоение базового курса, в который входили боевые искусства, общеобразовательные знания и основы йоги. Обучение занимало от пятнадцати до двадцати лет в зависимости от таланта и старания ученика. После этого бессмертные разбегались кто куда. Кто-то возвращался к своей семье, если она у него была. Но долго с семьёй никто не задерживался, поскольку жена к тому моменту становилась старухой, дети взрослыми, и с подозрением косились на нестареющего предка. В итоге они всё равно рассасывались по стране и миру.

Подсознательно Чжао ожидал, что это добром не закончится. Уже сто десять лет он находился на одном месте. Вокруг не меньше тридцати бессмертных, отчего чувство приближения постоянно дёргает организм. Именно это его и подвело.

День был пасмурный. Сотник вывез солдат на тренировку. В замке осталась минимальная дежурная охрана. Хенг прогуливался по двору замка, и внутри дёрнуло чувство приближения себе подобного.

Дёрнуло и дёрнуло — уже привычно, такое по тридцать раз на день случается. Вон, дежурный гвардеец, чья спина в кольчуге видна лорду, обходит территорию. Видимо, он из бессмертных.

В следующий миг интуиция взвыла. Чжао резко отскочил в сторону. Воин в униформе его гвардии обернулся. Его европейское лицо с густой чёрной бородой было абсолютно незнакомым.

Через неуловимое мгновение в руке Чжао оказался клинок, который он всегда носил на поясе. А в руке незнакомца небольшой продолговатый хромированный цилиндр. Интуиция завывала белугой, предупреждая об опасности этого предмета. Хенг большими скачками рванул в сторону замка под прикрытие стен, но... из прибора вылетела молния, которой было плевать на его маневры. Она, будто самонаводящаяся, нагнала Чжао до того, как он успел найти укрытие. Тут же его сознание погрузилось в темноту.

— Ху-ху-ху! Ху-ху-ху-ху-ху!

Ещё не открыв глаз, Хенг услышал рядом с собой зловеще-безумный смех. Открыв глаза, он не сумел ничего разглядеть. Но так продолжалось недолго. Вскоре зрение немного прояснилось, вернее сказать, приспособилось к полной темноте. Оно было чёрно-серым, позволяя лишь разглядеть контуры и множество оттенков серого. Такое ни одному простому человеку недоступно. Хенг был уверен, что это действие нанитов. Зрения хватало метров на десять, а дальше начиналась крошечная темнота. По ощущениям, тут было холодно, но при этом он не испытывал от этого дискомфорта. Но это объяснимо, поскольку после становления богом он перестал испытывать дискомфорт от холода или жары.

— Теперь я знаю, какие настоящие пятьдесят оттенков серого...

— У-ху-ху-ху-ху! — из темноты появилась безумно смеющаяся брюнетка с прямыми длинными спутанными волосами, которые давно не видели воды, как и их хозяйка, от которой разлило ядреным запахом давно немытого тела.

Высокая, почти одного роста с Хенгом, а в нём всё также сто восемьдесят пять сантиметров. При этом она очень худая, с небольшой грудью и тёмными кругами вокруг глаз. Она была облачена в обтягивающий чёрный комбинезон, настолько потрёпанный, что сразу становилось ясно — он повидал многое. В районе плеч, под подмышками, на рукавах и штанинах он и вовсе порвался, но девушка ловко задекорировала дыры, словно так и было задумано. При взгляде на её глаза складывалось ощущение, словно они слегка светятся. Хенг был уверен, что так и есть — этакая подсветка от нанитов, ведь без какого-либо освещения невозможно ничего увидеть. Наверняка и его глаза имеют аналогичную подсветку.

Только сейчас Чжао обратил внимание на свою одежду. Из неё на нём имелись лишь штаны, но они пришли в полную негодность. Все изодранные в клочья и окровавленные. На их фоне комбинезон девушки казался эталоном прочности, ведь ему явно не один десяток лет и он пережил падение с огромной высоты и активную эксплуатацию.

У парня под штанами имелось мокрое пятно, от которого в нос шибало кровью и содержимым кишечника. Вообще, под всей поверхностью его тела имелось большое кровавое пятно. Складывалось такое ощущение, словно его скинули с высоты на каменную поверхность, но наниты его подлатали и он стал как новенький. Остались лишь жажда и чувство голода.

— Очнулся! — на эсперанто протянула девушка. — Ху-ху-ху! Очнулся!

— Добрый день, леди, — поднявшись на ноги, он снял штаны и обтёрся относительно чистой их частью от зловонных веществ. Носить грязные и настолько порванные тряпки было неприятно. Хенг держался с видом невозмутимого аристократа. Голый и грязный? Вокруг тьма? Рядом безумно смеющаяся девушка? Он держал морду кирпичом, словно плевать хотел на эти условности. — Чжао Хенг к вашим услугам. С кем имею честь беседовать?

— К-ХУ-ХУ-ХУ-ХУ-ХУ!!! — зашлась в громком, безумном и кашляющем смех дамочка. Смех смолк неожиданно. — Я Хела. Вижу, ты парень сообразительный, с хорошими инстинктами выживания. Как насчёт стать моим подчинённым?

— Леди, — склонил голову Чжао. — Прежде чем дать окончательный ответ, я должен подробнее узнать о вас и об обстановке. Где мы?

— Тартар.

— Тартар? — приподнял он брови.

— Тартар, — ухмыльнулась она. — Ну, знаешь, огромная пропасть в земле, в которую обожает сбрасывать своих врагов Ишкур.

— Зевс?

— Вроде бы теперь он так зовётся, — протянула Хела. — У него много имён: арамейцы звали его Хадад и Баал, палестинцы — Адду, египтяне — Сет.

— Хелла, я правильно полагаю, выбраться отсюда проблематично?

Вместо ожидаемого смеха она нормально ответила:

— А ты забавный. Мы находимся в гигантском каменном мешке. Забраться наверх невозможно, если ты не умеешь ходить по стенам, поскольку они без выступов и имеют отрицательный угол наклона. До верха около километра.

— А если умею?

— Что умеешь? Доставить девушке удовольствие? — иронично спросила она, опустив взгляд на то, что у него висело между ног.

— И это тоже, но я про стены. Если я умею ходить по стенам?

— Рановато у тебя крыша потекла. Ху-ху-ху! Хенг, не припомню тебя среди богов. Ты из молодых и ранних?

— Лет сто как бог, — пожал он плечами.

— Совсем зелёный. И кто твои родители?

— Мать — смертная крестьянка, отца не знаю.

— Всё интересней и интересней, — хищно оскалилась Хела. — Значит, ты из тех, кто отведал запретный плод? Признавайся — кого из богов убил?!

— Геру.

Хела сначала закашлялась от неожиданности, а потом разразилась своим фирменным безумным смехом.

— Доигралась, златовласка! Дай угадаю — она узнала, что ты сын Ишкура и пыталась тебя убить?

— Почти так и было. На самом деле точно моё отцовство неизвестно, ей хватило лишь намёка.

— Узнаю златовласку, — расплылись губы брюнетки в широкой улыбке. — А ведь именно благодаря ей я тут оказалась. Я так надеялась самолично её убить, а ты отнял у меня этот шанс. Гадкий мальчик, — покачала она стройным и длинным указательным пальцем, словно у пианистки. — Но я не в обиде. Кто первым успел... Но запомни — Ишкур мой! Я лично убью его, ты понял?

— Понял. А сможешь?

— Хенг, Хенг, Хенг... — покачивая бедрами, она подошла к нему и нежно провела ладошкой по правой щеке. — Ты не слышал обо мне? Я Хела, старшая дочь Ишкура, командующая божественными легионами, законная наследница божественного трона и богиня смерти!

— То есть, Гера твоя мать?

— Нет-нет, Хенг, — приложила палец к его губам Хела. — До свадьбы со златовлаской Ишкур переспал с моей матерью. Чтобы убрать конкурентку, Гера убила её. Я долго ждала шанса уничтожить эту стерву...

— Не дождалась.

— Ты слишком спокоен для того, кто узрел главную страшилку богов, — она провела пальцем по той же щеке. — Мы с Ишкурором уничтожали цивилизацию за цивилизацией, заливали людские царства в слезах и в крови. И тут, ему взбрело в голову стать великодушным. Забота о мире, благе народа, потомстве.

— И что случилось дальше?

— Дальше... — оскалилась она и безумно сверкнула зрачками. — Я решила свергнуть Ишкура и убить златовласку. Не вышло, как видишь.

— Мне вот что интересно. Если вы знаете, как убивать себе подобных, то почему Зевс скидывает своих противников сюда, а не убивает?

— Ишкур всё ещё жесток, как в былые времена, — заулыбалась Хела. — Ему недостаточно смерти врагов. Он желает знать о том, что они будут страдать и сходить с ума запертые в подземной бездне в полной темноте без еды и воды. Муки, растянутые на столетия. К тому же, убить бога не так уж просто. Для этого требуется использовать космические артефакты, ресурс которых ограничен, либо извращаться с местными средствами. Проще скинуть противника в Тартар и усладить себя мыслями о его страданиях.

— Спасибо за пояснения. Полагаю, у тебя со столь богатой историей тоже имеется множество имён?

— У меня одно имя — Хела. Но смертные звали меня по-разному. Шумеры называли Эрешкигаль, что означает «великая подземная госпожа». На востоке меня называли Кали, Мара и Морана. Лишь на севере люди меня звали по настоящему имени, но всё равно коверкали его на свой лад.

— Хель?

— Именно, — она медленно начала обходить Хенга и внимательно осматривать его тело. — А ты красавчик.

— Хм... — секс последнее, о чём мог думать Чжао в его положении. — Хела, тут же должно быть много богов?

— Должно быть... — пространно протянула она, чем заставила парня понервничать.

— Ты их съела? — прошептал он.

— Боишься? — блеснули её глаза безуминкой. — Правильно, бойся. Я самая опасная богиня из тех, о ком ты мог слышать.

— Ты и меня съешь? — сохранил он каменное лицо.

— Что ты, что ты! Нет, конечно... — она замолчала, после чего рассмеялась. — Шучу. Конечно, я тебя съем, но только тогда, когда ты окончательно свихнешься или попытаешься меня убить. Ты мне показался умным, а я редко ошибаюсь в людях. Ты верно расслышал — тут нечего есть и пить. Даже божественный организм нуждается в поддержке. Это ещё одна грань жестокой пытки Ишкура. Зачем убивать врагов, если знаешь, что они сами друг друга убьют?

— И сколько ты продержишься?

Пожав плечами, она легкомысленно ответила:

— Лет триста. Тут сложно считать годы. Но ты не бойся — до этого времени я тебя не трону. Все, кого я убивала, или сами нападали на меня, или окончательно сходили с ума — я лишь облегчала им конец пути. Осуждаешь?

— Я многое повидал, — подбирая слова, начал Хенг. — В том числе бывал в местах, которые застал жуткий голод. Ради выживания людям приходилось есть всё от не совсем

съедобных корней и насекомых, до... своих соседей. Не могу сказать, что одобряю подобное, но и осуждать не имею морального права, поскольку уверен, что для выживания поступил бы так же.

— Ты не сдашься без боя, — сухо констатировала Хела. — Ты чем-то похож на меня в молодости, когда я была идеалисткой и верила в человеческую честность и доброту.

— Честность и доброта на самом деле существуют. Без них людское общество невозможно. Если бы все люди были злыми друг к другу, то они давно бы вымерли как вид. Если приглядеться, то становится очевидным, что большая часть человечества добрые и отзывчивые люди, которые могут помочь путнику и нищему, поддержать соседей, накормить голодных, если могут себе это позволить. Если же досасываешь последний хер без соли, то о какой помощи другим может идти речь?

— Какой милашка, — мило заулыбалась Хела, словно при виде симпатичного щеночка. — Такой наивный. Так и быть, я постараюсь продержаться подольше и не съест тебя раньше времени.

— Звучит обнадеживающе. Но у меня есть идея получше.

— Заинтриговал, милашка. Говори, не томи свою госпожу.

— Вообще-то я ещё не дал согласия на подчинение.

— Это формальности, — беспечно махнула она правой ладошкой. — Нас двое, я сильнее, естественно, что я главная. У людей всегда должен быть главный!

— Не соглашусь с тобой. Мои наблюдения за разными социумами доказывают обратное. Когда группа до тридцати человек, то там может царить управляемая анархия. Там может быть явный вождь, формальный вождь или власть может быть распределена между несколькими старейшинами. Но зачастую там нет главных. Вместо этого существуют временные ситуативные лидеры. Если мужчина умелый охотник, то во время охоты другие охотники будут его слушаться. Если женщина умеет готовить лучше всех, то другие женщины будут слушать её советы о правильной готовке. В остальное время вожаков нет, поскольку такая группа как семья без явных лидеров. Лишь с увеличением населения усложняется иерархия...

— Хватит-хватит, я же говорила тебе, что сразу поняла, что ты умный. Можешь не доказывать. Или ты действительно думаешь, что можешь парой бесед сломить устоявшееся мнение девушки, которая тебя в десятки раз старше?

— Человек должен учиться всю жизнь, иначе он не имеет права претендовать на звание разумного.

— Так что у тебя было за предложение, Хенг?

— Ах да, предложение... Оно простое: свалить отсюда.

— Ху-ху-ху-ху! — запрокинула она голову. — Ху-ху-ху! Свалить отсюда! Вот так просто взять и свалить?

— Вроде того. Насколько я понимаю, выход должен быть примерно над нашими головами.

— Я посмотрю на твои старания, — скрестила она руки перед грудью. — Думаешь, никто не пытался? Помнится, Сизиф столетиями ломал руками камни и пытался соорудить пирамиду. У него даже что-то получилось. Если пройти вперёд, упруешься в неё. Вот только вершина пирамиды поднялась всего на сто пятьдесят метров, что на восемьсот пятьдесят метров ниже необходимого.

— Ступени в стенах? — вздёрнул брови Чжао.

— Пробовали. Тысячу лет целая группа богов долбила. Поднялись на полкилометра, а дальше горизонтальный потолок. Туда начали стальные кольца забивать.

— Кости богов?

— Догадливый, — протянула она правую ладонь и потрепала парня по щеке. — Но они кончились раньше, чем потолок. Все кости извели. Я потом тоже принимала участие в этом развлечении, но только после того, как все пленники Тартара закончились.

— А наклонный тоннель выкопать пробовали? Тут всего-то, — прикинул он в уме тоннель под наклоном в тридцать градусов, — пара километров.

— Пробовали. Ху-ху! Ты же не думаешь, что боги, прожившие сотни и тысячи лет, глупые? Конечно, пробовали. Тот же Сизиф очень выборочно выбивал камни, сооружая тоннель. Только между пластами каменной тверди попадают слои подвижного грунта. После обвалов несколько богов так и остались погребенными в тоннелях. Откопать их оказалось невозможно, поскольку спасателей норовило засыпать. Таких тоннелей тут в разных местах нарыто семнадцать штук. Самый длинный уходит наверх на семьсот шагов. Я с голодухи пробовала откапывать эти древние консервы — бесполезно. Чуть сама не разделила их участь.

— Так где вы там кольца вбивали? — поднял голову к потолку Хенг.

Там не было ничего видно, но он ориентировался не на зрение, а на слух и сверхчувства. Чтобы глаза не мешали, он их закрыл. Топнув, он стал слушать эхо и высчитывать. Снова топтать, хлопать в ладоши и считать.

— Ты свихнулся? Уже?! — подойдя близко, Хелла стала вглядываться в его лицо.

— Не мешай, — снова топнул он и зашевелил губами, считая в уме уравнения.

Некоторое время Хела молча наблюдала за ним. Она начала говорить лишь тогда, когда Хенг распахнул глаза:

— Ты уже был безумцем, когда попал сюда?

— Психиатры считают, что здоровых людей не существует — есть недообследованные. Девятьсот метров до верха, два километра триста метров в длину и около трехсот метров в ширину. Судя по всему, раньше это было подземное озеро.

— Это ты узнал по хлопкам? — натурально удивилась брюнетка.

— Да. Зная значения скорости звука и имея хорошие внутренние часы с развитым умом по эху можно вычислить примерное расстояние. Пирамида, полагаю, — повернулся он налево, — там?

— Там, — кивнула слегка заторможенная Хела. Мотнув головой, она вернула себе прежнюю самоуверенность: — Я разных уникамов повидала, но такого впервые. Ты где-то учился этому?

— Годы медитаций в горах и пещерах, — он уверенной походкой направился в предположительную сторону размещения пирамиды.

Хела пошла следом за ним и поравнялась, после чего нагло вцепилась в его левый локоть.

— Ты куда-то спешишь? — проворковала она. — У нас впереди несколько веков: только ты и я... если нам не скинут ещё одну консерву.

Пирамида появилась перед глазами неожиданно. Вот впереди лишь густая тьма, и в следующий миг предстает каменный ряд, выше ещё один и ещё. Дальше ряды терялись во тьме, но Чжао был уверен, что они так и идут друг за другом, постепенно увеличивая высоту.

— Масштабно. Неужели Сизиф построил эту махину в одиночку и голыми руками?

— Ага. Псих, правда? — посмотрела на него невинными глазами богиня-каннибал. — Он научился ударами ладоней раскалывать камни, причём так, чтобы делать из них ровные блоки. И таскал их в одного.

— Почему ему не помогали другие боги?

— Они считали его затею бессмысленной, поскольку думали, что из камня невозможно построить пирамиду выше четверти километра. А там такие спецы, которые застали шумерские зиккураты и египетские пирамиды, которые строили в их честь.

— Хела, меня разрывает от любопытства. Как ты смогла победить такого человека, который руками камни колот?

— Бога! Он был богом, как и мы с тобой. Хотя... — прищурилась она. — Я богиня смерти, а ты себе какую стезю выбрал?

— Никакую, потому что я не бог, а обычный киборг, — Хенг прикинул, сумел бы он сам разбивать ладонями камни. Выходило, что с использованием внутренней энергии да. — Так как ты его победила?

— Это было просто, — беспечно продолжила Хела, проигнорировав его заявление о знании природы «божественности». — Сизиф свихнулся. Без разума он был не опасней младенца. Ты полезешь вверх?

— Да.

— Я так и знала, — кивнула она своим мыслям. — Все новички так делают. Потом ты упадешь с потолка и снова разобьёшься в лепешку, а мне опять придётся наблюдать, как твоё тело собирается по кусочкам и глотать слюну. Затем ты наверняка полезешь исследовать пещеры. Только не лезь в опасные места с подвижным грунтом, а то я лишусь такой милой консервы!

— Нет.

— Что нет?

— Пещеры меня не интересуют. Я верю тебе и не собираюсь зря тратить времени. Так что полезу наверх. Ты со мной?

Хела размышляла недолго и запрыгнула на первую ступень пирамиды.

— С тобой! Хотя бы не буду страдать при виде бессмысленной траты крови, которой ты зальёшь Тартар.

Подъём на вершину пирамиды был несложным — идёшь себе по ступенькам, разве что видами насладиться не можешь. Никто не спешил. Хенг даже беседу продолжил:

— Хела, ты давно тут?

— Целую вечность. Тут год идёт за десять и сложно считать смену дня и ночи. Не знаю, сколько я провела тут лет. Может, тысячу или пять, или больше.

— Ужасно. А ты знала Будду?

— Будда? — от удивления она на мгновение застыла, прекратив подъём. — Ах, Будда! Слышала о нём. Он не из наших. Тем более, я жила на другом континенте, когда он был жив. А что тебя в нём заинтересовало?

— От него остались интересные умения, которые передают друг другу жрецы-йоги. Естественно, за многие годы знания исказились, но мне интересно — вы тоже можете использовать внутреннюю энергию?

— Энергии внутри нас хватает, — таинственно улыбнулась она.

— Я не про наниты. Я про сиддхи, которые позволяют лечить, левитировать и усиливать тело.

— Ты... — лицо Хелы нахмурилось, словно она что-то вспоминала. — Оу! Дедуля Брэд умел лечить наложением рук. Он мог с помощью этой силы сделать человека вечно молодым и регулировать возраст старения. Я была маленькой, когда мы перелетели на эту планету. Вот уж кто был настоящим богом!

— Кстати, а вы всегда теряли наниты?

— Нет. Как только мы с небес ступили на эту планету, были благодатные годы. Сначала меня воспитывала мать. Потом я присоединилась к отцу, и мы вместе начали учить дикарей правильной жизни. А потом...

— Потом?

— После того, как Атлантида затонула, две двинутые бабки грохнули деда.

— Разве они не твои бабушки?

— Нет! — довольно резко ответила она. — Вернее, одна из них по Ишкуру да, но моя мать не была родственницей дедули Брэда. Этих безумных старух я ненавижу! Это из-за них все боги были прокляты.

— Очень интересно. Можно подробнее?

— Всё началось после убийства дедушки Брэда. Правда, тогда этого никто не заметил. На потерю сил обратили внимание лишь спустя около двухсот лет. Лишь после длительных поисков причины пришли к мнению, что это проклятье выживших жён дедули.

— У него ещё жены были?

— Ага. Всего шесть. Трое из смертных женщин, включая двух безумных старух, которых он сделал богинями. И троих он создал сам.

— Это как?

— Ты думаешь, я знаю инструкции по созданию богов? — усмехнулась она. — Нет, конечно. Короче, все решили, что это жёны Брэда нас прокляли.

— Запустили вирус в наниты или подвесили спутник с искином, который блокирует размножение нанитов?

— Ты слишком умный для новорожденного бога, — на мгновение Хела

прищурилась. — Но мне это нравится, — продолжила она подъём.

— Так что вы решили? — пошёл следом Чжао.

— Ничего, — пожала она плечами. — Среди нас не было специалистов по нанитам и инопланетному оборудованию. Одно было ясно — со временем наши силы уменьшатся и мы станем обычными бессмертными, как потомки от смертных. Но мы нашли способ обойти ограничения.

— Игра?

— Она самая. Вначале Ишкур лично убивал смертных мужчин и брал в плен девок. Он наплодил множество потомков и с помощью приспешников и уцелевшего оборудования, с которым кое-как удалось разобраться, провёл с ними множество экспериментов, в результате которых удалось открыть нынешнюю схему активации нанитов. Но всю малину ему сломала златовласка. Она сорвалась и вырезала весь его гарем и детей, а ему поставила ультиматум — никаких баб. Она и раньше была жутко ревнивой, но после этого ей вообще башню снесло.

Добравшись до вершины пирамиды, которая упиралась в стену, Хенг принялся рассматривать уходящую ввысь каменную громаду. Он мог лишь представить себе масштаб работ, проведённых пленниками Тартара. Стена в обозримой видимости была испещрена удобными отверстиями для рук и ног, будто на дорогом скалодроме.

— Хела, я всё хотел спросить, ты знаешь, где расположен Тартар?

— Знаю ли я? Ху-ху-ху-ху-ху! Я была той, кто доставлял сюда врагов Ишкура! Конечно, я знаю! Север Греции.

— Далековато от Англии, — задумчиво потёр подбородок Хенг.

— Чего ты там бормочешь?

— Да вот, думаю над тем, как Зевс меня сюда доставил? Вырубил он меня тазером — это ясно. Хотя тут опять возникает вопрос: как он настолько близко ко мне подобрался, что интуиция до последнего молчала?

— Ты сопляк по сравнению с Ишкуром, — Хела вновь включила спокойную и всезнающую барышню. — И не обижайся — это правда. Отец убивал богов ещё на заре цивилизации. Он в этом деле профессионал, как и я. А насчёт доставки в Тартар тут и думать нечего — всё давно отработано. Ишкур вырубает врага молнией, после чего накачивает амброзией и транспортирует до врат в Тартар.

— Амброзия?

— Ты и этого не знаешь? — Хела протянула руку, сжала пальчиками щёки парня и помякала их. — Милаха! И как такой младенец дожил до твоих лет?

Хенг стойчески стерпел прикосновения к своему лицу.

— Как-то дожил. Так что за амброзия?

— Наркотик, — закатила глаза брюнетка и причмокнула губами. — Самый сильный наркотик в мире. Единственное вещество, способное воздействовать на сознание бога. Группа богов в попытках кайфануть перепробовала весь алкоголь и всю дурь, но ничто их не брало. И тогда они совместными усилиями синтезировали амброзию. Долгое время на ней сидело большинство богов. Потом многие соскочили, но есть и те, кто не сумел отказаться от этой дури. Ху-ху-ху! Я их прекрасно понимаю. Сейчас сама с радостью выпила бы кубок вина с капелькой амброзии.

— С этим разобрались, — Хенг не спешил лезть вверх, словно специально оттягивал этот момент разговором. — Что за врата в Тартар?

— Силовое поле.

— И? — ему хотелось пнуть девушку, чтобы простимулировать говорить нормально, но от подобного пришлось воздержаться. Техника безопасности намекала на то, что лучше не обижать сильнейшую богиню-каннибала.

Один мудрец сказал: мы то, что едим. К Хеле это подходило лучше всего. Если учесть, что при убийстве бога его наниты достаются убийце, добавить к этому состав их тела, то получается, что тело богини смерти должно состоять из одних нанитов и невероятно прочных стальных костей. Хенг сильно сомневался в том, что сможет с ней совладать.

— Что "и"? Я же говорю, что наверху силовое поле. Один рукастый паренёк сделал трон, чтобы убить златовласку. Но вскоре зассал и сам выпустил её. Ишкур заставил его смонтировать силовое поле от подарочного трона вместо люка на входе в Тартар.

— Вот же Гефест, сын собаки!

— Да-да, кажется, его сейчас смертные так зовут. Точнее не скажу — давно не получала новостей сверху. Вы знакомы?

— Он меня учил, потом задействовал в одной афере... Поле действует постоянно?

— Нет, конечно, милашка. Иначе генератор давно бы сдох. Там напихана куча датчиков, которые активируют поле при приближении титана. Так зовёмся мы — пленники Тартара, личной тюрьмы Ишкура.

— И что, имелись прецеденты?

— Несколько раз случалось, что смельчаки добирались до самого проёма.

— До этого ты говорила обратное.

— Нет-нет-нет! — покачала она своим музыкальным пальчиком. — Я не так сказала. Я говорила, что костей на потолочные колья не хватило. Но некоторые консервы смогли добраться до верха, голыми руками и ногами пробивая потолок и стены, и тем самым вцепляясь в них подобно паукам. Жаль, я этого не могла видеть, особенно их лиц в тот момент, когда они добрались до верха и упёрлись в непроходимую преграду.

— А за преградой что? Есть дополнительные рубежи охраны?

— А то! Знаешь, какой Ишкур жуткий параноик? Другой бы лидером богов так долго не пробыл. Пещера до силового поля усеяна всевозможными датчиками. Стоит там кому-то появиться, как туда мгновенно выдвинется расположенный в ближайшем посёлке отряд под предводительством Аида. Его Ишкур назначил стражником Тартара, а тот и рад. Честно говоря, он ещё тот чудила на букву «м»! Пользуясь своим положением, он похищает себе девочек и берёт их силой.

— Да вроде так многие женами обзаводятся, — не понял её претензий Хенг, хотя на задворках шевельнулся отпечаток личности Хизеши, который считал, что так поступать нельзя ни в коем случае.

— Но он так поступает с богинями! Со своими племянницами!!! Старый извращенец, — прищурилась Хела и задрала голову к потолку. — Он у меня второй в списке тех, кого я убью. Раньше был третьим после златовласки и Ишкура.

— Неужели он и с тобой пытался проверить то же самое?

Лицо Хелы стало темнее тучи. Она опёрлась рукой о стену и вонзила пальцы в камень, который податливо раскрошился.

— Не просто пытался, а... — стал шипящим её голос. — Дядюшка Аид всегда любил маленьких девочек, особенно своих племянниц. Я тогда была маленькой...

— К-хм... — Чжао стало искренне стыдно за то, что всколыхнул подобные

воспоминания. — Почему тогда он не на первом месте?

— Потому что за маму я хочу отомстить больше, — криво ухмыльнулась она. — Ай-яй-яй! Какой ты плохой мальчик, — погрозила она ему пальцем, одним из которых только что крошила каменную породу. — Заставил тётушку Хелу страдать. Раз уж расковырял старые раны, валяй, продолжай. Что ещё тебе рассказать?

— Почему первый в списке Зевс? Он же твой отец.

— Когда я была молодой и наивной, то думала, что заслужу любовь Ишкура своей преданной службой. Я была его карающим мечом. Но потом... Потом стали всплывать неприятные подробности и я стала взрослеть. На это ушло несколько тысяч лет. Я поняла, что Ишкур меня не любит. Для него я была всего лишь смертоносным инструментом. Он знал о том, что златовласка убила мою мать, но ничего ей не сделал. Он спокойно наблюдал, как она убивает его детей и любовниц, которые виноваты лишь в том, что раздвинули перед ним ноги, причём не всегда добровольно. Он знал о развлечениях своего брата Аида, при этом ни слова ему не сказал. Когда я прозрела, то начала готовиться к мести. Я собиралась совершить переворот, уничтожить всех врагов и стать законной царицей богов, как того заслуживаю по праву первой дочери. Но у нас не вышло.

— Когда мы окажемся снаружи, чего от тебя ожидать? — внимательно разглядывал её Хенг.

— Ху-ху-ху! Когда?! А ты самоуверенный! Что ж, если это случится, то можешь не переживать — я дарю тебе место подле божественного трона, осыплю всеми благами и пальцем не трону. Ну и, конечно, уничтожу всех врагов!

— Замечательно, — кивнул Чжао. — В таком случае предлагаю продолжить подъём.

Благодаря удобным упорам добраться до потолка пещеры обоим удалось без проблем. Не помешали ни отрицательный наклон стены, ни полная темнота.

Хела держалась в пределах видимости. Хенг сделал вывод, что её глаза видят на тот же десяток метров, что и его.

Дальше начался потолок, в который были вбиты металлические колья. Если присмотреться, то колья оказывались костями. Всё сделано с умом и расстановкой, чтобы можно было удобно хвататься руками и перемещаться по потолку. Вот только в некоторых местах колья отсутствовали — выпали со временем. Когда они наткнулись на первую такую проплешину, Хела внимательно посмотрела на спутника.

— И что дальше? — спокойно висела она на одной руке, словно ничего не весила. На самом деле она обладала чудовищной силой, как и любой самозванный бог. Но даже из них она выделялась. — Пойдёшь назад?

— Нет. Ты со мной?

— Ху-ху-ху! Конечно! — она искренне веселилась, словно не ползала под потолком подземной пещеры, а пришла в цирк на лучшее представление.

— Не думал, что предложу такое женщине, но садись мне на шею.

— Ты в Тартаре совсем недолго, но твои конкурсы мне по нраву.

Хелу не пришлось долго уговаривать. Естественно, на шею она не залезла, но одним махом перепрыгнула на спину парню и оплела его пояс ногами, а руки положила на грудь.

— Удиви меня, слуга!

— Я не давал согласия на службу, — невозмутимо продолжил висеть под сводом Чжао, вцепившись одной рукой в чью-то стальную берцовую кость. Та подозрительно скрипнула под двойной массой и инерционной нагрузкой от прыжка богини смерти.

В следующий миг все мысли вылетели из головы Хелы. Она сначала узрела, как её ездовой бог разжимает руку, но... вместо ожидаемого падения они быстро устремились вперёд и преодолели трёхметровую проплешину без кольев. Вот только этого не могло быть, поскольку Хенгу не от чего было оттолкнуться, если только он не отталкивался ногами от воздуха.

Дальнейшее путешествие привело древнюю брюнетку в невообразимый восторг. Они неслись под потолком со скоростью в два раза быстрее галопирующей лошади, а это около ста двадцати километров в час. Хенг с нею на спине вытянулся горизонтально дну пропасти. Хела спиной почти задевала потолок и колья, но ни разу не задела. Она видела, как её «жеребец» отталкивается стопами сначала от вбитых в потолок костей богов, а потом они кончились, как и её попытки найти объяснение тому, почему они до сих пор не упали. Дальше её мозг вообще завис в попытке понять, как... как возможно и дальше летать?

Поскольку колья больше не было, Хенг в состоянии глубокой левитирующей медитации принялся бежать по воздуху. Так он вместе с ношей добежал до конца потолка. А там по отвесному склону начал взбираться вверх подобно человеку-пауку, приклеиваясь к стене руками и ногами. Если бы он в этот момент обернулся назад, то увидел бы глаза спутницы, ставшие размером с кофейные блюдца. Та настолько обалдела, что не могла выдать ни единого звука и забыла как дышать.

Таким образом, они добрались до самого верха. Как Хела и рассказывала, при их приближении сработали датчики, и лаз из Тартара перегородило силовое поле. Хенг и не думал пытаться его взломать. Он неплохо изучил характер своего учителя. Гефест всё делает основательно и на совесть, так что пытаться биться в силовое поле равносильно попытке мухи выйти сквозь трёхкамерный стеклопакет.

Он вбил кулаки в скалистую породу в пяти метрах под «воротами» Тартара. Удары с использованием внутренней энергии раскрошили камень в щебень. Такие же отверстия он проделал под ноги. Держась за них, он рядом выбил ещё четыре дырки.

Хела намёк поняла и перебралась на стену по левую сторону от парня, вцепившись в подготовленные для неё зацепы. Она с интересом вглядывалась в лицо спутника.

— Обожаю такие конкурсы! Ху-ху-ху! Что дальше? Ты действуешь так уверенно, что я впервые за много лет почувствовала жар в животе, и это не вечно преследующие меня чувства голода и жажды.

Вместо ответа Чжао погрузился в боевой транс, сконцентрировал в правой руке внутреннюю энергию и нанёс удар по стене. Этим ударом он расколол каменную породу. Следующим выбил приличную часть щебня. И так он продолжил монотонно долбить, изредка отвлекаясь на создание новых упоров для конечностей, пока не сделал отверстие примерно метрового диаметра и глубиной с руку.

Вскоре он приспособился и начал ударами точно раскалывать каменную породу и извлекать её. Расширив отверстие до овального высотой в два метра, он начал углубляться в породу.

Всё это время Хела с восторгом наблюдала за действиями парня. Лишь когда он скрылся внутри рукотворной пещеры, она отмерла и вспомнила как дышать.

— Да ты прямо реинкарнация Сизифа — не бог, а горнопроходческая машина! — она облизнула сухие губы и, не скрывая жадного блеска глаз, прошептала: — Теперь я верю, что мы выберемся.

Из отверстия в стене продолжали вылетать булыжники, которые летели на дно

пропасти. Хенг теперь долбил всеми конечностями. Руками он наносил точечные удары, которые чётко раскалывали каменную породу. Ногами размалывал огромные булыжники в более мелкие камни. Затем, где пинками ног, где руками выкидывал хлам наружу. Чем глубже он погружался, тем сложнее становилось избавляться от хлама. Тоннель получался наклонным под тридцать градусов, поэтому приходилось тратить дополнительные усилия на то, чтобы удержаться на его поверхности и не отправиться следом за отработанной породой. Когда внутри без проблем могли поместиться двое, к нему присоединилась Хела. С завидным энтузиазмом и с надеждой в сияющих глазах она принялась выгребать каменный мусор, тем самым облегчая задачу парню. Благодаря этому производительность труда увеличилась, как и скорость пробивания тоннеля на волю.

Несмотря на огромную скорость пробития тоннеля, парочке необходимо было преодолеть десять метров каменной толщи. Выше долбить Хенг не решился. Если ломать камень под самой макушкой, то под вопросом поведение силового поля, свойств которого не знал ни он, ни Хела. Вдруг оно растянется?

Если долбить тоннель выше нынешнего уровня, то есть вероятность обрушения карниза с соответствующими последствиями. То есть, камнями может придавить и сбросить вниз, а силовое поле как в предыдущем варианте может растянуться. И тогда придётся долбить ещё ниже, следовательно, увеличится длина тоннеля и объём работы.

Делать небольшую норку неактуально. Чтобы нормально наносить удары и выгребать строительный мусор необходимо свободное место, дабы можно было разворачиваться и ходить. Поэтому Чжао и выбрал оптимальный размер метр на два. Естественно, он не создавал шедевр с ровными стенками, а делал как придётся. Ширина тоннеля гуляла, как и высота. Местами он сужался до полуметра и снижался до ста семидесяти сантиметров, отчего и бывший сотник, и высокая Хела бились головами об потолок и задевали плечами стенки.

Где-то на середине прокладки тоннеля оба «бога» почувствовали приближение бессмертных. Несколько раз их дёрнуло. Это могло означать, что бессмертных как трое, так и сотня, если они шли достаточно близко друг от друга. В этот момент Хенг замер, а Хела безумно оскалилась.

— Ху-ху-ху! А вот и дядюшка Аид решил навестить племянницу.

— Не успели, — вздохнул Хенг. — Чем они вооружены? Что-то опасное для нас есть?

— Ты в этом сомневаешься? Ху-ху-ху! Это же отряд по задержанию титанов. Они хоть и расслабились за столетия без побегов, но наверняка при полном параде.

— Хела! — нахмурил брови Чжао. Больше он не спешил, поскольку не имело смысла. По шуму их быстро локализуют и устроят горячий приём.

— Не бойсь, милаха, тазеров у них нет. Ишкур тазеры никому не доверяет, даже родному брату. Даже когда Гефест их обслуживает, он стоит над душой у парнишки.

— А что есть?

— Ловчие сети из шёлковых верёвок, крюки, мощные арбалеты, боевые молоты. В общем, всё то, что поможет ограничить подвижность бога, свалить его на землю, дезориентировать и скинуть обратно в Тартар или добить.

— А как же огнестрельное оружие, гранаты, всякие там бластеры и тому подобное?

— Ху-ху-ху-ху-ху! Какие у тебя интересные познания для молодого бога... Ничего такого у них нет. Разве что греческий огонь может быть, но вряд ли они его будут применять в пещере. Я же говорила, Ишкур параноик. Он захватил все остатки космического оружия и никому его не даёт.

— Амброзия?

— Само собой, — кивнула богиня смерти. — Но её ещё нужно умудриться ввести в организм, а для этого сначала бога нужно обездвижить. Всякие обмазанные амброзией дротики не пробьют кожу, поэтому её приходится закапывать в рот.

— И на том спасибо, — выдохнул Чжао и продолжил долбить камень.

Хеле пришлось заткнуться и в ускоренном темпе таскать породу. Чем глубже они

продвигались, тем дальше приходилось носить камни. Вскоре она перестала успевать переносить всё к обрыву, поэтому начала откидывать камни назад, с ехидной ухмылкой отрезая путь обратно в Тартар.

Когда до поверхности оставалось немного, Хела осязательно напряглась и стала нервно откидывать камни подальше.

— Боишься? — облизнула она сухие губы. — Боишься же, да?

— Нет, — прекратил долбить по камням Чжао. Удивительно, но его руки оставались целыми, а сам он выглядел спокойным, несмотря на то, что был полностью обнажён.

— Нет? — взметнулись брови брюнетки, весь комбинезон, кожа и волосы которой были покрыты слоем каменной пыли, впрочем, как и у Хенга, на котором не осталось чистого участка кожи. Они этой пылью надыхались, но при этом не испытывали дискомфорта, хотя обычный человек на их месте уже выплёвывал бы свои лёгкие.

— Мы либо прорвёмся, либо сдохнем. Любой вариант лучше, чем столетиями гнить в каменной яме.

— Я бы с тобой поспорила, — оскалилась богиня смерти и блеснула безумными глазами. — Из Тартара есть шанс выбраться, а с того света даже боги не возвращались!

— С ложными богами всегда так, — не давая спутнице излить на него возмущение, Хенг продолжил методично колотить по скале.

Гневно раздувая ноздри, Хела вместо отповеди снова начала отбрасывать назад камни.

Внезапно Хенг остановился и развернулся назад. Узрев кучу камней, которая перегородила лаз почти до потолка, он хмыкнул и уставился на девушку.

— Ты чего? Устал?

— Немного. Разве ты не должна была выкидывать всё это на улицу?

— Долго. Всё равно мы нападём на...

— Нет.

— Нет? — застыла Хела. От изумления её лицо вытянулось. — Нам осталось пробить буквально полметра.

— Идём назад.

— Если ты боишься, то я сама, — попыталась прорваться вперёд она, но Хенг крепко сжал её предплечья.

— Назад, я сказал. Интуиция говорит, что там нас ждёт серьёзная ловушка. Она меня никогда не подводила... Почти никогда. Ты хочешь сдохнуть или навеки остаться в Тартаре?

— И что делать? — покосилась она на гору камней.

— Разгрести хлам и выбраться назад. Нужно взглянуть на силовое поле поближе.

— Ты просто боишься! — с вызовом посмотрела на него богиня смерти.

— Слушай сюда, — взор Хенга стал ледяным и суровым. От него у древней маньячки стало горячо внизу живота и губы расплылись в лёгкой улыбке. — Нападать нужно неожиданно — это аксиома военного дела. Мы пролюбили фактор неожиданности и дали врагу время на подготовку. Им точно известно наше место выхода. Сюда привлечено всё их внимание. Поэтому мы тут не станем выходить. Или...

— Или?

— Или выйдем позже. Помотаем противникам нервы, заставим их совершать ошибки, дождёмся, когда они разделятся на смены и часть из них уснут, и лишь тогда разнесём остатки каменной толщи. В таком случае наши шансы на успех увеличатся. А сейчас мы возвращаемся назад и смотрим на силовое поле!

— Звучит разумно, — Хеле пришлось приложить титанические усилия, чтобы успокоиться. От свободы её отделял буквально один шаг. Никогда воля не была настолько близко. Она медленно обернулась, прикинула объём работ и взвыла: — Аид, ты за это ответишь!

Камней она навалила почти до самого потолка. Там оставалась небольшая щель, но и только. Разгрести эту кучу оказалось сложнее, чем пробивать новый тоннель.

Некоторое время ханец отдыхал и наблюдал за мучительными попытками Хелы разнести кучу. В итоге он примерился, задвинул девушку себе за спину, выполнил дыхательную гимнастику и с резким выдохом вскинул перед собой руки. От них быстро полетела волна энергии, которую даже девушка ощутила. Она своей мощью снесла третью часть каменного крошева и, судя по поднявшемуся жуткому грохоту, вся эта каменная масса полетела вниз по тоннелю и скатилась в пропасть.

— Эй! — уперла руки в бока возмущенная богиня смерти. — А раньше так нельзя было?

— Это не на каждый раз, — спокойно прижался к стене Чжао и жестом показал, мол, дамы вперёд. — К тому же, я раньше так не умел. Мне вообще такие удары были не нужны. Я им научился, ломая камни. Голыми руками на чистой физике это даже «богу» делать сложно.

Семидесятисантиметрового лаза хватило, чтобы проползти через каменные завалы и оказаться там, откуда всё началось — в пещере. Подобно человеку-пауку Хенг добрался до самого верха Тартара и головой упёрся в силовое поле. На спине у него сидела всё та же пассажирка.

На месте он постарался сориентироваться как можно быстрее. Интуиция вела его подобно радару. Повернув голову налево, он узрел золотистый металлический кожух, закреплённый на стене пещеры немногим выше силового поля. Тем же чувством он ощущал живого человека в двух метрах от края обрыва. Всё же дежурного наблюдателя сюда поставили, но факелом ему запретили пользоваться, чтобы себя не выдать. Если прислушаться, то можно различить его прерывистое дыхание, словно он боится находиться один в темноте.

Хела хотела что-то сказать, но Хенг освободил правую руку и приложил к её губам указательный палец. Затем тем же пальцем показал в сторону стражника. Она промолчала.

Поскольку сделать новые отверстия для удобства крепления рук и ног на вертикальной поверхности было нельзя, чтобы не привлекать к себе внимание звуками, Хенгу предстояло напрячь все силы и проявить многозадачность. Во-первых, следовало оставаться приклеенным к стене. Во-вторых, нужно было нанести бесконтактный удар по генератору силового поля. Раньше до пробития тоннеля он такими ударами не владел, поэтому прорываться подобным образом было бесполезно. Сейчас имелся шанс, но сложность в том, что использовать сразу несколько техник с применением внутренней энергии невероятно сложно. Есть высокие шансы сорваться в пропасть — тогда побег окажется провальным.

Для сведения шансов на провал к минимуму Чжао принялся погружаться в глубокую медитацию и программировать собственный организм на определенный порядок действий. Когда же он почувствовал, что готов, его разум будто со стороны наблюдал за тем, что творило тело.

Будучи всё ещё приклеенным к скале с нервничающей девушкой позади, он направил правую ладонь на золотистый ящик. С его ладони сорвалась незримая волна, как это было в пещере при расчистке завала, только на этот раз эта энергия ощущалась более сильной и

разрушительной. Она преодолела на мгновение загудевшую поверхность силового поля, словно того и не было. Точно так же она преодолела корпус генератора. В следующий миг пещеру огласил мощный взрыв, превративший генератор в облако плазмы.

Хела завизжала, словно маленькая девочка, поскольку её «жеребец» сорвался в пропасть. Она думала, что это конец, но ровно через три метра он оттолкнулся от воздуха и запрыгнул в продолженный им тоннель. Это произошло очень вовремя, поскольку мимо них пронеслись взрывная волна и вал невероятно горячего и гудящего пламени. Наверху раздался оглушающий болезненный вопль горящего заживо человека, которым был дежурный наблюдатель.

Стоило пламени пролететь мимо них, как Хенг быстро покинул пещеру и одним прыжком запрыгнул на разрушенный взрывом карниз, который до этого был недоступен титанам. Хела с восторгом ощутила столь близкую и манящую свободу. В следующий момент она спрыгнула со спины парня на твёрдую и горячую поверхность пола, которая обжигала даже её божественные стопы, что говорило об очень высокой температуре, и на всей доступной скорости понеслась вглубь тоннеля на выход из этого жуткого места. По пути она ловко подхватила мощный топор обгоревшего бессмертного, который стонал от жуткой боли на полу и не был в силах что-либо сделать.

Свистнула сталь, и голова парня оказалась срублена. Хела побежала дальше, как ни в чём не бывало. Молнии были ей в спину, но она словно не ощущала от них дискомфорта. Но Хенг заметил, что девушка немного сбавила темп и задышала глубже. От неё полыхнуло волной наслаждения.

Засада располагалась недалеко от выхода из Тартара. Люди, которые ждали беглых титанов, вряд ли обладали таким же ночным зрением. Это было понятно по тому, что они освещали пещеру факелами. Вот только сейчас факелы разбросало по полу пещеры. Бессмертных снесло взрывной волной от уничтоженного генератора. Многие из них получили серьёзные травмы, как минимум трое временно умерли. На ногах оставались всего пятеро воинов, из них лишь один не имел ранений, хотя его доспехи изрядно потрепало. Всего же удалось насчитать пятьдесят человек.

Место боя Хенг осмотрел очень быстро и проанализировал подсознательно. Хела бежала вперёд с озлобленно перекошенным лицом и своим фирменным безумным смехом. Он в этот момент подпрыгнул и приклеился к потолку, который достигал пятиметровой высоты. Сталактитов тут не имелось, поэтому ничто не мешало ему шустро бежать поверху, приклеиваясь к поверхности всеми четырьмя конечностями. Всё внимание уцелевшего отряда по задержанию титанов досталось богине смерти, поэтому его манёвр оказался незамеченным.

Сверху Хенг разглядел то, что предположительно заставило ещё в рукотворном тоннеле его интуицию взвизгнуть — два стационарных боевых механизма. Первый — полибол — станковый арбалет с подачей болтов как в чо-ко-ну. Мощные тупые стальные болты запросто свалят с ног хоть слона, хоть самозваного бога. Перезарядка полибола занимает считанные секунды. Второе оружие более эффективное в условиях ограниченного пространства пещеры — баллиста, которая вместе с более мелким полиболом перегораживала почти всю пещеру. Она была заряжена гроздью камней, которые должны были подобно картечи сбить с ног всех титанов, которые появились бы из подземного лаза. К счастью, операторам боевых механизмов тоже досталось взрывной волной, поэтому Хела смогла добраться до боеспособных воинов.

Чжао вознёс хвалу духам за свою предусмотрительность. Против полусотни бессмертных, в большинстве вооруженных булавами, молотами, мощными топорами, сетками и крючьями на длинных древках, при поддержке артиллерии, у них не было ни единого шанса. Сначала их снесло бы выстрелом из баллисты, затем закутали бы в сетки и запинали по головам молотами и палицами. А там уже дезориентированных титанов можно брать голыми руками. Он и сам нечто подобное проворачивал, оттого прекрасно представлял процесс поимки кибернетического сверхчеловека.

Самым опасным противником казался тот самый воин, который меньше всего пострадал от взрыва. Здоровенный бугай выше Хенга и Хелы, двухметровая рама с бугристыми мышцами. Помимо этого он был обладателем роскошной кучерявой бороды и таких же смолисто-чёрных волнистых волос до плеч. Его глаза светились так же, как у парочки титанов, создавая потусторонний ореол и добавляя ему пугающей ауры. Толстый римский нагрудник защищал его торс, на конечностях наручи и поножи. В качестве оружия он использовал цельнометаллические двузубые вилы. Такими удобно прижимать противника к полу, пока его будут дубасить подчинённые.

С бешеным рыком Хела набросилась на самого грозного противника. Тот с лёгкостью отбил своими вилами её топор. Его подчинённые пропустили девушку без боя, явно ожидая, пока её повалит на землю босс. Они внимательно вглядывались в глубину тоннеля. Двое из них отделились и поспешили к боевым машинам, а трое крепко сжимали в руках рукояти боевых молотов, готовые в любой момент начать добивать богиню смерти. Пламя факелов играло с ними злую шутку — оно слепило и давало пляшущие тени, создавая подобие движения на стенах и потолке, поэтому никто не заметил диверсанта, который бесшумной тенью по потолку проскользнул за спины парней, которые встали рядом с боевыми машинами, готовые привести их в действие.

В этот момент очень для них неожиданно на голову тому, который стоял возле баллисты, обрушился Чжао. Он настолько удачно попал по нему ногами, что раздался хруст сломанных шейных позвонков и воин начал заваливаться на пол пещеры. Приземлившись на пол, Хенг послал бесконтактный удар в сторону второго солдата — у того мгновенно разорвало сердце и часть внутренних органов. Ханец вполне мог голыми руками срубить головы точно так же, как научился рубить камни, но он сомневался в своей устойчивости перед молниями от нанитов. Это Хела каким-то чудом смогла сохранить боеспособность, а он предпочитал не рисковать.

Моргать не время. В бою каждая секунда на счету. Троица бессмертных помогала боссу, отвлекая Хелу от атаки ударами кувалд, от которых ей приходилось уклоняться. Они действовали слаженно, не оставляя сомнений в своем профессионализме. Этим воспользовался Аид, пытаясь поймать девушку вилами. Хенгу на выбор предоставили сразу два боевых механизма. Он окинул беглым взором поле боя, прикинул, что Хелу прикрывает тело Аида, после чего сделал выбор и опустил спусковой рычаг баллисты. Со свистом каменная шрапнель полетела в сторону горячего сражения. Троицу бессмертных с кувалдами снесло и ранило, но бог в последний момент что-то почувствовал и попытался уклониться. Ханец ехидно в уме пожелал ему удачи. Уклониться от шрапнели в ограниченном пространстве — это на самом деле нужно быть богом и уметь вертеть законы физики на детородном органе.

Как и ожидалось, несколько каменных снарядов попали в бугая и опрокинули его на каменный пол. Одна лишь Хела не пострадала, чем и воспользовалась. Она со всей силы

обрушила топор на голову противника. Девушка так быстро махала своим оружием, что оно смазлось. В какой-то момент орудие не выдержало — хрустнула рукоять и топорище отвалилось. Но богиня смерти не растерялась и схватилась за кувалду. Аиду столь знатно встряхнуло мозги, что он не мог встать на ноги и оказать даже видимость сопротивления.

Заметив подозрительные шевеления в среде раненых, Хенг занял место за полиболом. Свистнула мощная тетива из конского волоса и стальной болт пробил дырищу в не вовремя очухавшемся бессмертном. Тут же ханец принялся крутить ворот для взвода оружия. И снова выстрел. Так он планомерно начал выбивать всех противников, которых считал хоть капельку опасными.

В это время Хела схватила вилы Аида, наставила один зубец напротив правого глаза и ударила кувалдой по рукояти. С противным хлопаньем зубец вошёл в мозг здоровяка. С качественно повреждённым мозгом он вовсе прекратил оказывать сопротивление. И тогда началась натуральная расчленёнка.

— Ху-ху-ху-ху-ху! — голой рукой, со свистом рассекая воздух, она пробила ему грудь и вырвала печень. — А я тебе говорила, дядюшка, что когда-нибудь тебя убью!

Хенг даже оторвался от увлекательного отстрела бессмертных. Он никак не мог сообразить, каким образом богиня смерти умудрилась голыми руками вскрыть сверхпрочную грудную клетку Аида. Видимо, сказался многолетний опыт убийства и пожирания титанов в месте, в котором с оружием было туго. В принципе, и он сейчас мог повторить подобный трюк, но только с помощью внутренней энергии, которой оставалось совсем немного. Он держался на ногах из последних сил, поэтому их отчаянно экономил и использовал оружие противника, с которым справится даже обычный человек. Отбросив лишние мысли, он продолжил заряжать полибол.

Стрелок настолько увлёкся большим братом чо-ко-ну, что перестал обращать внимание на успехи напарницы. А они были несомненными, поскольку в пещере раздался молниевый взрыв. Из тела Аида, лишившегося головы, в сторону Хелы начали лететь огромные шаровые молнии размером с баскетбольный мяч. Она громко стонала, словно разом словила несколько сильных оргазмов, её тело дергалось при каждом попадании молнии. При этом она умудрялась держаться на ногах.

Поняв, что можно и ему начинать, ханец взялся за топор ближайшего воина. Но перед тем как срубить первую голову, он погрузился в боевую медитацию и дал установку остаткам внутренней энергии не давать ему терять сознание. После этого он начал свою страшную и монотонную деятельность. Подойти к одному бессмертному, с плеча рубануть, будто колет дрова, а не срубает голову. Не обращая внимания на бьющие в него молнии, сделать шаг к следующему врагу и вновь занести топор. Так он двигался от одного бессмертного к другому, создавая за собой целый вихрь молний, который не прекращал впиваться в его тело.

Когда у Хелы закончилось светопредставление, она замерла и залюбовалась тем, как её «слуга» уничтожает слуг её врага.

— Ху-ху-ху! Ху-ху-ху! ХУ-ХУ-ХУ-ХУ-ХУ!!! — запрокинула она голову. — Богиня смерти со своим подручным идёт занимать своё законное место на троне богов. Скоро ты познаешь боль и отчаяние, которые заставил испытать меня, Ишкур! Скоро...

Программа самогипноза прекратила действовать после выполнения поставленной задачи, то есть когда кончились все живые противники. Хенг убил их всех — пятьдесят сильных долгожителей, своих кузенов, а возможно, и родных братьев. Но ему было на это плевать, как человеку, который выполнил сложную, но необходимую работу. Лишь когда последняя голова врага слетела с плеч, он рухнул на колени, потом и вовсе распластался на полу. Уши будто заложило ватой, все мышцы ощущались пушинками. Он не мог заставить себя встать и даже шевельнуть мизинцем. Сквозь гул в ушах он слышал голос спутницы.

— Ху-ху-ху-ху-ху! Силён! Я думала, что одна на такое способна.

Хела ногой перевернула его с живота на спину. Её комбинезон поверх каменной пыли теперь оказался измазан брызгами крови. Но страшнее всего выглядели её окровавленные губы. Хенгу сразу вспомнилась вырванная у Аида печень. Он даже думать не хотел, что с нею сделала девушка, тем не менее, фантазия ему подкинула картину, от которой ему стало дурно.

— Ты долго собираешься отдыхать?

— Угу, — Чжао едва нашёл силы издать хоть такой звук согласия.

— Ты заслужил, — девушка с наслаждением облизнулась.

Почувствовав солоноватый привкус на губах, она принялась целенаправленно слизывать кровь, стирать её пальцами с лица и облизывать их. Закончив с этим, она пробежалась заинтересованным взглядом по обнаженной фигуре парня.

— Тебе понадобится одежда. Я подберу тебе самый чистый комплект по размеру. Никто не посмеет упрекнуть богиню смерти в том, что она не заботится о своих слугах.

И действительно, пока Хенг приходил в себя после безумного марафона, который, казалось, длился целую вечность, Хела разоблачила нескольких противников и собрала наименее заляпанный кровью комплект римского легионера. Он состоял из красной туники и плаща, балтеуса — пояса в форме двух перекрещенных ремней, связанных на бедрах и украшенных металлическими накладками, птеруг — защитных кожаных полос на рукавах и талии с металлическими накладками, ну и конечно, калиг — подбитых гвоздями военных сандалий.

— Получше содомитских шмоток ничего не было? — прорезался пока ещё тихий голос у Хенга.

— Можешь ходить голым, — прощбетала брюнетка, пытаясь стряхнуть грязь с комбинезона. — Мне нравится твоя обнаженная фигура. Даже лучше, если ты будешь ходить голым. И вообще, чем тебе не нравится эта одежда?

— Это наряд римского легионера, — силы начали возвращаться к Чжао. Его голос окреп. — Я с этими заднеприводными не хочу иметь ничего общего.

— Всё остальное в крови, — пожалала плечами брюнетка. Её внимание сосредоточилось на кровавом пятне на своём костюме. — Будь ты проклят, Аид! — зло сощурилась она. — Я столько тысяч лет берегла этот комбинезон, а из-за тебя испачкала его. Где я теперь найду космический комбез, который прослужит столько лет?

Поднявшись на ватные ноги, Чжао оценил окружающую обстановку. Он словно попал на скотобойню — всё вокруг было залито кровью. Мощные стальные болты поспособствовали тому, чтобы внутренний мир покойников украсил стены и полы.

Отрубленные головы добавили кровавых луж и узоров на стенах. Сложно было найти хоть сколько-нибудь чистую одежду. Печально вздохнув, он принялся надевать тогу, после нее сандалии.

— Ты же говорил, что не будешь надевать вещи содомита, — голос Хелы сквозил ехидством.

— Лучше пусть меня примут за легионера, чем за кровавого маньяка. Хотя для многих это одно и то же...

Когда они вдвоём проходили мимо множества трупов, на лице Хелы появилась лёгкая улыбка и дыхание участилось. Вцепившись в локоть парня, она громко зашептала:

— Ты больной ублюдок! Мой покоритель Тартара... — её дыхание стало прерывистым. — Возьми меня!

— Что?

— Ты слышал. Возьми меня! И зови меня королевой богов или госпожой!

— Я не соглашался на службу. И вообще, у меня твёрдый принцип не заводить отношений с бессмертными.

Её острые и невероятно сильные пальчики сильно и болезненно впились в кожу на его руке. Она задышала ещё более громко и прерывисто и её ноги стали слегка подкашиваться. Она начала тереть свои бёдра друг об друга.

— Ты безгранично поехавший, — с придыханием произнесла она. — Мне ещё никто не смел отказать. Это меня заводит, так что просто возьми меня...

— Нет.

— Ты ужасно неуправляемый, — застыла она, напрягла бедра и прикусила нижнюю губу. — Ты бесишь меня! Я хочу порвать тебя на кусочки. Ты... Ты сводишь меня с ума, я словно торчу под амброзией. Ох, давно у меня так не сносило крышу от мужика... **ВОЗЬМИ МЕНЯ!**

— Отвали! Я с бессмертными ни на шишечку. Даже не уговаривай, — он напилал руку внутренней энергией, спокойно скинул с локтя кисть девушки и с видом крутого парня продолжил идти вперёд.

Хела от такого застонала, и у неё подогнулись колени. Она не выдержала сильнейшего возбуждения и запустила руку в ширинку.

— Ты действительно крутой, — прошептала она. — Я заставлю тебя воспылать! Думаешь, я дам тебе уйти? Не-а...

Ханец всё слышал, но не подал вида. Внутренне он содрогнулся. Ещё не хватало заполучить в качестве вечной спутницы свихнувшуюся маньячку-каннибала, от которой не знаешь, чего ожидать. Как минимум, от неё можно в любой момент ожидать вырванной печени, которую она съест у тебя на глазах перед тем, как убить. Только настоящий псих станет встречаться с настолько поехавшей дамочкой.

— Чего ты там бормочешь? — заложил он большие пальцы за пояс. — Кончай теребонькать, я уже хочу увидеть небо.

Хела его не послушала. Она ловко работала пальчиками и постанывала. Хенгу от этого стало жутко: вокруг трупы, кровища, кишки, а она в таком месте вытворяет такое. Он поспешил выбраться из этого места, запахи которого вызывали у него желудочные спазмы. И вообще, от Тартара ему хотелось держаться подальше.

У самого выхода из пещеры он обнаружил мешки с поклажей. Хенг только сейчас осознал, насколько же он голоден и хочет пить. Первым делом он почти опустошил бурдюк с

водой. Затем, с жадностью закопавшись в мешки, он нашёл копчёное мясо, сыр, пресный хлеб, оливки и изюм. За поеданием всего этого его застала Хела, успевшая сбросить напряжение.

— Так-так-так, слуга ест без своей госпожи!

— Да заткнись уже, — оторвался он от запихивания в рот горсти изюма. — Я не твой слуга. Тут запасов на всех хватит — присоединяйся. Ещё бы помыться...

— Тут неподалеку имелась речушка, — посмотрела в сторону выхода из пещеры богиня смерти. — Если её русло за время моего заточения не изменилось, то мы вскоре помоемся. А потом пойдём за новым комбинезоном.

— За чем? — пару раз моргнул Чжао, с недоумением уставившись на спутницу, которая вцепилась в кусок мяса и с наслаждением начала его пережёвывать.

— Фа комфесом.

— Прожуй сначала и повтори, я ничего не понял.

— За комбезом, мой дикий варвар, — схватила она в одну руку бурдюк с водой, а в другую сыр. — Одежда такая, как на мне.

— Я знаю, что такое комбинезон. Мне интересно другое — где ты его найдёшь?

— Знаю я одно место, где могла сохраниться парочка комбезов...

— Хела, а разве ты не собиралась мстить Зевсу?

— Обязательно! Обязательно отомщу ему, но не может же будущая королева ходить в рваном и грязном комбезе? Нет-нет-нет!

— Можно купить одежду.

— У смертных? — презрительно скривила она губы. — Не смеши меня. В комбезе я тысячи лет проходила, а одежда смертных будет рваться при каждом рывке и резком движении.

— Как скажешь. Это место далеко?

— Далеко.

— И как так вышло, что где-то осталась никому не известная записка?

— Это давняя история. Я тогда только начинала выполнять поручения Ишкура. Он отправил богов разыскивать корабль, на котором прилетели убийцы Брэда. Одна из них была матерью Ишкура и моей бабушкой, можно так сказать. В общем, я из шкуры вон лезла, чтобы привлечь внимание этого мерзавца, в итоге первой нашла шаттл. После того, как Ишкур со своими братьями и сестрой разграбили шаттл, он поручил мне его спрятать. Я согнала толпу крестьян и с их помощью создала над ним курган.

— И ты думаешь, что там могли сохраниться комбинезоны?

— Не веришь, Хенг? Вижу, что не веришь. А зря. Ишкура и остальных больше интересовало оружие. Одежды у них тогда хватало. Память может меня подводить, всё же это было очень давно, но вроде бы там оставались аварийные скафандры. Они имели слишком яркий кислотно-оранжевый цвет, поэтому их никто не взял. Думается мне, что они могут быть до сих пор целыми.

— И ты будешь носить оранжевый скафандр?

— Конечно, — кивнула девушка. — Лучше бы они были чёрными, но главное — прочность и удобство. И вообще, королевы являются законодателями моды. Вот увидишь — вскоре все боги в подражание госпоже будут носить оранжевые одежды.

— А что случилось с теми крестьянами, которые насыпали курган?

— Естественно, я их там же и похоронила, — словно это нечто незначительное, сказала

Хела и взвесила в руке сыр. — Не мешай есть, я тысячу лет сыра не пробовала...

Это было худшее путешествие Хенга. Никаких происшествий, ограблений или чего-то подобного. Трофейных денег у них имелось с запасом, поскольку они после пещеры навестили посёлок Аида и устроили там маленький геноцид. Вернее, его устроила Хела. В посёлке проживали слуги, жёны и любовницы бессмертных, а также ещё одна богиня — Персефона — единственная, кого Хела пощадила. Бледная блондинка даже не думала оказывать сопротивление, она молча ожидала конца кровавой бани и грабежа, после чего с облегчением проводила взглядом безумную сестру.

В посёлке помимо денег и припасов они позаимствовали четвёрку коней, отчего скорость перемещения существенно увеличилась.

Самым худшим в этом турне стала компания сумасшедшей богини смерти. За месяц пути дня не проходило, чтобы она не пыталась домогаться до спутника. Её рот не затыкался. Ханец был уверен, что таким образом женщина компенсирует отсутствие общения на протяжении очень длительного времени. Она рассказывала всё и обо всем: о своих походах, об убийствах, делилась рецептами своих любимых блюд, рассказывала подробности из жизни самозванных богов. Лишь последнее больше всего интересовало Чжао.

И всё же они пришли к кургану. Он был огромен и подобен холму, поросшему травой и деревьями. Неподалёку протекала широкая полноводная река. С вершины кургана на неё открывался потрясающий вид.

Хела в своём стиле перед этим зашла в ближайшую к кургану деревню, перебила всех буйных мужиков, а остальных с лопатами погнала к зелёному холму и заставила копать от рассвета и до упаду.

С одной стороны, Хенгу не нравился подобный подход. Он после долгого срока правления привык беречь людской ресурс. Он не был против эксплуатации крестьян, но это можно было повернуть гораздо изящнее и с обоюдной выгодой. У них имелись деньги. За хорошую плату собралось бы всё село, и народ толпой дружно откопал бы шаттл раза в три быстрее, чем половина запуганных мужиков под принуждением. Рабский труд во все времена был менее эффективным. С другой стороны, он не возражал против её действий, поскольку за время пути неплохо изучил характер Хелы. Она бы его всё равно не послушала, поскольку считала, что существует всего два мнения: её и неправильное. Но другого напарника у него не было, а на очередной образчик инопланетных технологии очень хотелось взглянуть, поэтому он терпел общество свихнувшейся древней бессмертной и её закидоны.

Частенько Чжао задумывался о методах устранения навязчивой напарницы. То, что она ему не даст покоя, к гадалке не ходи. Вместе с этим он считал её полезной в деле устранения некоторых богов. Он даже список составил, кого из них нужно отправить на встречу к духам предков, чтобы ему больше не мстили и оставили в покое. Естественно, на первом месте стоял Зевс. Вместе с ним ближайший круг, на который он опирался: Посейдон и Арес с его парой бешеных спутниц, одна из которых сбежала из плена Хенга и наверняка затаила злобу. Остальные боги либо принадлежат к партии Гефеста с Афродитой и против Игры, плюс сами имеют зуб на богов из убойного списка, либо инертны, то есть им в силу возраста и прожитых лет плевать на всё. Без Хелы он сомневался в успехе операции по избавлению от

столь могучих противников.

За неделю мужики откопали проход в Кургане, который вёл к боковой входной двери шаттла. Стоило им укрепить стены брёвнами от осыпания грунта, как Хела их перебила. Хенг слишком поздно прибежал на крики из лагеря, расположенного в подножии кургана.

— Ну и зачем? — грустно вздохнул он, обнаружив лишь мертвецов.

— Лишние свидетели.

— А потом закапывать шаттл ты сама будешь?

— Новых крестьян пригоним, — беспечно отозвалась Хела. — Разве тебе не терпится взглянуть на корабль предков, на котором боги спустились с небес в этот мир?

— Боги спустились в этот мир... — передразнил её Чжао. — Вы обычные инопланетяне, которым другой пришелец внедрил немного своих технологий.

— Я богиня смерти! — сверкнула она глазами.

— Больная маньячка.

— Что-что?! — прищурилась она.

— Я говорю, что ты двинутая на всю голову маньячка-каннибал. Или скажешь, что это неправда?

— Ху-ху-ху! А ты смелый, — сжала она бёдра и поёрзала ими. — Ты тоже больной ублюдок, поэтому ты мне нравишься. Ты такой же, как и я, только давно-давно в молодости, когда у меня ещё оставалось подобие чувства жалости. Беспольный атавизм. Как видишь, без него выжить в Тартаре реально, а с ним... никто не выжил.

— Жуткий комплимент из твоих уст, — с трудом сохранил спокойное лицо Чжао. — Я чувствую себя конченной сволочью, позволяя тебе убивать людей направо и налево. И ладно бы для дела, но ты убиваешь иррационально. Без смертей можно было бы обойтись. Жители деревеньки в этой глуши за всю жизнь не видели ни одного путника, кроме сборщика налогов. С ними можно было договориться.

— Договариваться со смертными? Ху-ху-ху-ху-ху! Я богиня смерти! Эти смерды должны радоваться, что я обратила на них свой взор.

— Не должны. Они в штаны гадят при виде безумной маньячки с нереальными для человека способностями. У тебя язык для чего? Чтобы с его помощью нести безумный бред? Мы же люди, а не звери, нам дана речь чтобы договариваться друг с другом.

— Меньше слов, комбез сам себя не найдёт, — недовольно поморщилась девушка, давно позабывшая о том, что с кем-то приходится договариваться и учитывать чьи-то интересы. Слова парня ей не нравились, поэтому она поспешила к входу в шаттл.

— М-да... — взлохматил прическу Чжао, разглядывая некогда белый кусочек корпуса космического корабля, который со временем пожелтел. — Не выходит?

Раздражённая Хела пнула ногой дверь. Та не поддавалась её манипуляциям. Она и водила по контуру руками, и прикладывала ладонь к окошку сканера, и пыталась её подцепить, но всё тщетно.

— Тварь! — ещё раз она пнула по двери, но та не поддавалась и даже не прогнулась, хотя удар был очень сильным. — В прошлый раз открылась.

— Дай угадаю, — иронично протянул Чжао, — это было шесть тысяч лет назад?

— Шесть с половиной плюс-минус пара столетий, — гневно раздувала ноздри богиня смерти. — Бесит!

— За это время могло всё сдохнуть от реактора до механизма открытия, а то и диффузия металла произошла и теперь дверь вполне может быть монолитной со стеной. Нужно

вскрывать.

— Чем?! Это техника древних богов — у неё запредельная прочность!

— Ломать — не строить. Если бы ты не убила мужиков, можно было бы соорудить боевой таран и попытаться выломать дверь. А теперь только ручками.

— Таран? — скептически скривила лицо Хела. — Бесполезно. Мы в прошлый раз пытались отковырять кусочки металла, но ничего не вышло.

— Плохо пытались. Нужно было привести ребёнка. Дети умеют сломать даже то, что кажется невозможным сломать.

— Хватит твоих шуточек. Хенг, сделай что-нибудь.

— Я жду, когда ты отойдешь.

Брюнетка поспешила освободить место для спутника. Тот принялся выполнять дыхательные упражнения и погрузился в боевую медитацию, наполнил руку внутренней энергией, после чего нанёс мощный удар ладонью.

— Зарубка! — обрадовано взвизгнула Хела.

— Да уж, — нахмурился Чжао, разглядывая маленькую зарубку, скорее даже царапину. — Это будет долго...

Как и в пещере, он погрузился в глубокую медитацию и принялся методично наносить удары по контуру двери. Постепенно он увеличивал силу ударов, сжимал энергию плотнее и делал энергетическое лезвие тоньше. Чтобы это получалось лучше, он стал наносить удары не ладонью, а сначала её ребром, а потом сложенными вместе пальцами, но сами пальцы лишь слегка касались металла — основной урон наносила внутренняя энергия. Благодаря копившемуся опыту, зарубки с каждым разом становились глубже. Так он прорубался сквозь толщу металла целый день, но в итоге полностью выдолбил дверь и вытащил её наружу.

Внутри шаттла лежал толстенный слой пыли. Изначальный цвет стеновых панелей, пола и потолка угадать не представлялось возможным. Сейчас они выглядели тёмно-серыми. Каждый шаг поднимал в воздух облако пыли и отдавался гулким звуком.

— Эй, — одёрнула напарника Хела, — где твой восторг?

— Какой восторг?

— Это же космический корабль! Понимаешь? Корабль. Космический. Я когда в первый раз увидела звездолёт — кипятком писалась, а у тебя такая рожа, словно ты их каждый день сотнями видишь.

— Ну, корабль, — продолжил он медленно шагать дальше, — ну, космический. Чего шуметь? Сейчас это всего лишь груда металлолома. Где тут твои скафандры?

— Какой ты скучный. Ху-ху-ху! — Хела зажмурилась и замерла, словно её озарило. — А может, ты не из наших родственников? Точно! Молодой бог, который не удивляется космическому кораблю... Ты такой же, как дедушка Брэд? Тоже пришелец из космоса?

— Ты окончательно свихнулась? — сбился с шага Чжао. — Ну и фантазия у тебя... Так куда идти?

— Как я сразу не догадалась?! — Хела сама себя убедила в своей гениальности и теперь была твёрдо уверена в том, что её спутник пришелец. — У тебя где-то припрятан рабочий звездолёт, да? Ну, конечно! Поэтому ты и не удивлён.

— Духи предков, — потёр переносицу Хенг, — дайте мне сил, чтобы вытерпеть эту женщину.

— Темно тут. Тц... Нужно было перед убийством заставить смердов сделать факелы.

Света из тоннеля едва хватало для освещения шлюзовой камеры. Но тут хотя бы дверь имела ручной аварийный привод и относительно легко открылась.

— Не вижу необходимости в факелах, — прошёл дальше Чжао и застыл перед плоским безжизненным терминалом, встроенным в стену на уровне глаз человека среднего роста. — Что-то знакомое...

— Тут же ничего не видно, — уткнулась ему в спину Хела. — Эй, чего встал?

— В Тартаре было темней, но нам это не мешало видеть. Прекрати ко мне прижиматься.

— Тебе жалко? — сильнее вдавила в его спину свои небольшие груди девушка.

— Отвали, мешаешь думать.

Когда недовольная Хела от него отлипла, мозги Хенга слегка прочистились. Когда девушка так к нему клеилась, он начинал нервничать и хуже соображать, поскольку никогда не отпускал мысли о том, кем она является. Он видел в ней не представительницу слабого пола, а сумасшедшую убийцу.

Он вспомнил, где видел нечто подобное — это было давно в навеянной жизни японского программиста. Ближе к пенсии ему выпал дорогостоящий контракт по разработке игры про космос для виртуальной реальности. Там он занимался проработкой движка для анимации космических аппаратов. Для этого приходилось плотно сотрудничать с командой по разработке космических судов. Среди этих кораблей имелся шаттл, дизайн которого был точь-в-точь, как у аппарата, внутри которого они находятся. Он настолько погрузился в процесс, а иначе с увлечёнными коллегами, которые спешили поделиться всеми

наработками, было невозможно, что изучил все внутренности шаттла и как тут что работает.

— Совпадение? Не думаю.

— Хенг, чего бормочешь?

Чжао не ответил. Он сел на корточки и ножом подковырнул крышку лючка для технического обслуживания. Там он нашёл полную копию электронных модулей, как в игре, если не обращать внимания на толстый слой пыли.

Смахнув пыль, он начал вытаскивать предохранители и менять их на запасные, которые располагались тут же в герметичном боксе, отчего даже через многие столетия сохранились в идеальном состоянии. По лору игры это было нормально, поскольку корабли там делались с изрядным запасом прочности и служили по несколько тысячелетий.

Закончив с первым щитком, он продолжил шествие по шаттлу и добрался до реакторной, где провёл те же процедуры реанимации: чистка модулей от пыли и замена предохранителей. Хела молча следовала за ним по пятам. Когда же он нажал кнопку и после этого загудел аварийный реактор, она не сдержалась:

— Ху-ху-ху-ху-ху! А я знала! Я знала, что ты сам пришелец из протобогов, как дедуля Брэд! Ху-ху-ху!

— Нет.

— Ху-ху-ху! — счастливо улыбалась она. — Отличная шутка, Хенг, если это твоё настоящее имя. Я не знаю никого, за исключением Гефеста, кто сумел бы оживить древнюю божественную технику.

— Я его ученик.

— Ху-ху-ху! Смешно.

Секунд через десять после самотестирования помещение осветили потолочные панели. Горели лишь треть из них, но света хватало, чтобы ещё больше поразиться запустению и больше не воспринимать мир в оттенках серого.

— Ты куда? — поспешила Хела за Хенгом, который направился на выход из технического отсека.

— В рубку управления. Тебе же скафандры нужны были, а они с высокой вероятностью будут там.

— Ху-ху-ху! Не притворяйся, что ты этого не знал.

По пути им встретилось ещё две нерабочих двери, ремонт которых ограничивался заменой предохранителей. Несмотря на безмятежный вид, внутри Хенга эмоции отплясывали джигу. Он восхищался технологиями инопланетян, которые продолжают работать через вечность. Любой прибор конца двадцать первого века был бы безвозвратно испорчен. Он держал лицо кирпичом, чтобы не провоцировать спутницу, поскольку где-то слышал, что психов легко спровоцировать.

В рубке управления имелось пять больших анатомических кресел. Как и всё вокруг, тут пол и панели покрывал толстый слой пыли. Два центральных места выделялись — там перед креслами панель имела органы ручного управления, а напротив остальных сидений столешницы были плоскими.

Вместе с появлением людей заработали два из пяти экранов, которые занимали верхнюю половину напротив кресел: второй слева и через один от него по центру напротив второго блока ручного управления, который представлял собой два джойстика с кнопками и две педали. О том, что экраны работают, говорила подсветка, которая пробивалась через слой грязи.

Грязь на экранах настолько спрессовалась, что оттереть тряпкой не вышло бы. Проблему загрязнения Чжао собирался решить с помощью топора и запасной тоги, за которыми нужно было идти в лагерь.

— Ты куда? — окликнула его спутница.

— За топором и тогой.

— Интересные конкурсы. Ху-ху-ху!

— Это для очистки экранов.

— Топором?! — взметнулись её брови ко лбу.

— Если я прав, там в качестве дисплея должен использоваться аналог искусственного сапфира, а его топором не поцарапать. Ничего не трогай!

Минут через пятнадцать он вернулся нагруженный вещами, которые могли помочь в деле очистки рубки. Там он обнаружил Хелу, которая с видом невинной девы разглядывала отшкрябанный ножом экран, на котором на английском было написано:

Продолжение активации программы

Установлена связь со спутниками

Загрузка 32 %...

— Та-а-а-к! — прищурился Хенг, впившись в девушку взглядом строгого учителя, который застал школьницу за вандализмом. — Что ты сделала?

— Оно само, — она улыбнулась и состроила невинные глазки. — Ху-ху!

— Не верю. Признавайся, что ты сделала?

— Ну-у... — ковырнула она носком ножки вековую пыль. — Я соскребла грязь с экрана. А там какая-то надпись на древнем языке, кажется, английском. Я в нём не сильна, но он очень похож на эсперанто. Там был вопрос на разрешение продолжения запуска программы.

— Дословно можешь воспроизвести?

Кивнув, она в пыли ногой воспроизвела надпись. Чжао с замиранием сердца следил за движениями носка стопы девушки.

Программа прервана

Прогресс запуска 27,6%

Для продолжения запуска дважды нажмите на кнопку джойстика

Ноздри ханьца принялись широко раздуваться, челюсти заходили ходуном, а серые глаза исторгли арктический холод.

— Вау! Ты злишься? Серьёзно? Впервые за всё время вижу у тебя проявление человеческих эмоций.

— Заткнись! — если бы взглядом можно было проморозить, то Хела превратилась бы в ледяную скульптуру. — Ты совсем головой не думаешь? Ты хоть знаешь, какую программу запустила? А если это система самоуничтожения реактора и сейчас всё взлетит на воздух? Или ты можешь поручиться за то, что корабль не послал сигнал другим пришельцам из расы вашего Брэда? А если они уже выслали флот для уничтожения Земли вместе со всем населением за нелегальное использование их технологий?

— Сомневаюсь, — смутилась под его напором древняя бессмертная. Сейчас она ощущала себя нашкотившим щенком, которого отчитывал хозяин. — Я думала, что это какая-то программа для обеспечения работы шаттла.

— Не припомню такого, — перевел Чжао хмурый взор на экран, где прогресс уже достиг сорока одного процента. — То есть, ты не знаешь, что подтвердила?

— Не знаю, — вздохнула она.

— Тогда валим! — рванул бегом на выход парень.

Хела с трудом его нагнала. Бег на скорости выше ста километров в час не мешал ей прокричать:

— Чего бежим?

— На случай подрыва реактора. Не факт, что успеем убежать достаточно далеко от эпицентра, но постараться стоит.

Бежали они достаточно долго. Хенг прыжками по десять-пятнадцать метров преодолевал препятствия. У Хелы на этот счёт имелось иное мнение — она сносила туловищем мелкие деревца и продиралась через кустарники, а крупные стволы и булыжники огибала. В итоге они залегли в низине и принялись ждать.

— Долго, — подняла голову брюнетка. — Думаю, что если бы реактор должен был взорваться, то он бы уже рванул.

— Лежи! — придавил её голову ханец. — Ты думаешь, реактор как граната взорвётся сразу? Он сначала будет перегружен, потом достигнет критической температуры и лишь после этого пойдёт в разнос.

— Чувствуется опыт, — ухмыльнулась Хела, но всё же голову опустила.

— Это теоретические знания. Я не пришелец.

— Угу-угу-угу... Ху-ху-ху!

— Можешь не верить, но это так.

— Скоро?

— Не знаю.

— Скоро?!

— Не знаю. Жди.

— Скучно... — Хела показательно широко зевнула. — Давай вернёмся или хотя бы убежим дальше.

— Точно не вернёмся, — изо всех сил боролся с раздражением ханец. — Бежать дальше опасно. Там может не быть столь удобной низины. На открытом пространстве мы будем в большей опасности, даже если выиграем расстояние. Поспи или ворон посчитай.

— Пф! — высокомерно вздёрнула она нос. — Ты предлагаешь королеве богов считать ворон?! Да я...

Неожиданно Хела широко распахнула глаза и опустила голову. Она с непередаваемым животным ужасом наблюдала за тем, как её тело начало рассыпаться пылью.

— Что... — она не успела договорить. Процесс моментально ускорился, и она вся превратилась в пылевое облако, которое тут же осыпалось компактной кучкой на землю.

Сказать, что Хенг удивился, будет очень мягко. Он пребывал в полном ступоре. Впервые в жизни он не мог найти объяснения произошедшему. Последнее, что он запомнил, большие и круглые от ужаса со смесью изумления глаза спутницы. Только что он говорил с девушкой, но она внезапно рассыпалась прахом у него на глазах, словно сказочный вампир под солнечным светом. Это было настолько ужасно и необъяснимо, что его мозги зависли, а тело закаменело.

Вот так вот жил человек тысячи лет, выжил там, где никто не выживал, а потом — пух, и нет человека.

Логично предположить, что между этим событием и запуском программы на древнем инопланетном шаттле прослеживается явная связь, ведь до этого Хела помирать не собиралась.

Ещё больший шок Чжао испытал, когда из его тела сквозь поры кожи начала просачиваться такая же серая пыль. Пылевое облако разлеталось вокруг его фигуры, а он чувствовал, как силы и жизнь покидают его. Парализующий животный ужас начал просачиваться в его сознание. Он чувствовал, как костлявая затягивает его в свои чертоги.

Неожиданно, будто в его сознании переключили рубильник, ярость поднялась из самых потаённых глубин, заставив вспомнить, что он не зря столетиями изучал йогу.

— Я вам не невинная овечка! — прорычал он.

В следующий миг Хенг скрестил указательные и средние пальцы на обоих кистях, привычным физическим якорем помогая сознанию погрузиться в глубокую медитацию. Такие якоря повсеместно использовались волшебными шиноби в японской анимации, с которой очень хорошо был ознакомлен Хизеши. Подумать только: в реальной жизни использовать приёмы из анимэ! Но они работали, а чего же ещё желать?

В районе солнечного сплетения он почувствовал тёплый отклик. Он начал раздувать это тепло в пожар, а затем заставил внутреннюю энергию закрутиться спиралью и разлететься по всему организму. Он пропитал этой силой весь организм и начал незримую борьбу с болезнью, которая заставляла его внутренности рассыпаться прахом. Вначале выходило со скрипом, но видя, как его мышцы истончаются на глазах, а кожа становится тонкой и хрупкой как пергамент, он продолжал борьбу за жизнь, используя всё больше и больше внутренней энергии, пока не достиг предела, который могла выдать солнечная чакра.

Серой пыли начало становится меньше, она осыпалась на землю с его кожи, которая под воздействием огромного количества внутренней энергии начала слегка светиться золотистым сиянием, проявляя ауру в видимом спектре вокруг контуров его тела.

Йоги, которые достигли просветления, способны продолжать жить с остановленным сердцем и без дыхания, даже если их закопать под землю и лишить доступа кислорода. Даже сейчас, когда все внутренние органы Хенга были разрушены, он продолжал бороться за жизнь в своём внутреннем мире, в который он погрузился с помощью медитации. Изнутри время словно остановилось, он не чувствовал внешних раздражителей и адской боли, при этом ему приходило извне знание о том, что из органов и в какой степени повреждено. Проще было сказать, что уцелело — ничего! Пострадали кости, кожа, все внутренние органы, включая самые важные для жизнедеятельности любого организма: сердце, почки, печень, лёгкие и мозг. Он не мог найти объяснения тому, как и почему продолжает разумное существование с повреждённым мозгом. В голову приходило одно: в настоящий момент его дух оказался сильнее брэнной плоти, но он не был уверен, что без последней сумеет продолжить существование, поэтому боролся за каждую клетку своего организма. Уцелевших клеток оказалось до слёз мало, поскольку наниты до этого проникли повсюду.

Внешне он выглядел окаменевшим в позе лотоса мертвецом, при этом его кожа была тёплой на ощупь. Насекомые старались облететь его. Хищные звери не приближались к нему. Так он и сидел в медитации ни живой, ни мертвый. Солнце двигалось по небосклону и скрылось за горизонтом, а он всё продолжал сидеть и источать золотистую ауру. Солнце взошло, а он всё сидел.

Через неделю лес начали прочёсывать воины в кожаных доспехах, которые прибыли для поиска врагов, которые напали на деревню их князя. Они обнаружили курган, а затем нашли в лесу до невозможности худого человека. У него были длинные чёрные волосы. Худоба его была настолько неестественной, что кожа обтягивала кости. Щеки впалые, ребра торчали. Но он был тёплым и светился золотым, отчего воины как один побоялись что-то делать с

этим странным человеком. Они послали гонцов к жрецам.

Подземный космический корабль они исследовали вдоль и поперек. Он их пугал своей инородностью.

Трое жрецов: глубокий старик с седой бородой по пояс и двое молодых юношей лет двадцати, прибыли на место через две недели. Они начали проводить обряды восхваления своих богов и просили у них ответа на вопрос о том, что это за человек и что за место под холмом? Естественно, никакого ответа они не получили, но этого им и не нужно было. Задача жрецов успокоить солдат, внушить им уверенность и принять какое-то решение, а обряды лишь мишура, которая позволяла выиграть время. В итоге главный волхв помял бороду на виду всех воинов и сказал:

— Боги даровали нам откровение. Это древний воин, чью гробницу вы обнаружили. Кто-то надругался над гробницей и вынул из неё тело воя. Нужно вернуть его обратно в гробницу и закопать, как того требуют боги.

Решение было принято. Воины испытали облегчение. Теперь было ясно, что делать, поэтому непонятого «мертвеца» прямо в позе лотоса переместили в самый центр гробницы (в рубку управления шаттла), приложили на место вырванную дверь и сверху засыпали землёй.

Лишь через пять месяцев заточения в кургане Хенг распахнул глаза. Его лёгкие со свистом втянули воздух впервые за полгода. Сердце начало снова биться в груди. Глаза Хенга претерпели изменения — из серых они превратились в янтарные. Если приглядеться, то в глубине можно разглядеть золотистые искры, будто радужку пропитала внутренняя сила. Кожа больше не испускала золотого сияния. Больше всего парень был похож на оживший скелет или недавнюю мумию.

Он неспешно огляделся и сразу опознал рубку управления шаттлом. Её всё ещё освещали треть потолочных панелей и пара экранов, один из которых был по-прежнему заляпан, а второй был весь в полосах после чистки ножом. Экраны демонстрировали голубые заставки без значков и каких-либо обозначений.

Голод и жажда терзали его, но с помощью внутренней энергии он пригасил эти чувства. Лишь за счёт этой силы он всё ещё был жив. Лишь она продолжала поддерживать жизнь в его ослабевшем теле. Мышц почти не осталось. Если бы человек с таким количеством мышечной ткани, как у него сейчас, попытался стоять и ходить, то у него ничего не вышло бы. А он и встал, и дошёл до пульта управления, и в грязное кресло пилота сел.

Положив руки на джойстики, он вдавил их и удерживал так десять секунд, после чего панель спереди щёлкнула и оттуда выехала клавиатура с английской раскладкой.

Вспоминая, что там было в игре виртуального будущего, Хенг неуверенно начал вдавливать клавиши. На него накатила ностальгия. Ощущения настолько позабытые, что печатать ему пришлось так, как если бы он впервые сел за клавиатуру, а не был опытным программистом.

По команде появилась консоль управления. Затем он запустил файловый менеджер и начал искать то, что должно быть на каждом звездолёте по лору игры — виртуального помощника, а по сути, ограниченный искусственный интеллект. И он нашёл нечто похожее — самый большой файл с названием «int».

После запуска на экране появилось обезличенное человеческое лицо, словно у манекена без волос, бровей и с белыми глазами.

— Искусственный интеллект шаттла два ноль два два три ноль девять приветствует вас, капитан. Какие будут указания?

— Отчёт по чёрному ящику в вольной форме.

— Есть, отчёт по чёрному ящику в вольной форме, капитан. Последний запуск шаттла произведён сто семьдесят восемь суток четырнадцать часов сорок две минуты назад. Критические повреждения оборудования — оставшийся ресурс двадцать восемь процентов. Запас топлива на двести сорок дней эксплуатации в нынешнем режиме. Полноценная эксплуатация корабля в таком состоянии невозможна. Требуется провести капитальный ремонт с заменой неисправных агрегатов. Сто семьдесят...

— Без точных минут и часов, — прервал отчёт Хенг, зная, что это может затянуться надолго. Ему хотелось поскорее выбраться наружу, напиться и поесть. Он готов был съесть что угодно, хоть человечину, оттого как никогда стал понимать Хелу. Когда голод настолько жутко терзает нутро, что даже медитация и внутренняя энергия его не могут до конца приглушить, то съешь что угодно для его утоления.

— В тот же день, — тут же сориентировался искин, — была запущена

приостановленная шесть тысяч семьсот восемьдесят три года назад программа.

— Что за программа?

— Сэр, вам развернуто ответить или кратко?

— Развернуто, но без лишних отступлений, чтобы была понятна суть.

— Принято, капитан, — продолжил искин. — Шесть тысяч семьсот восемьдесят три года назад во время полёта к обитаемой планете с двумя пассажирами высшего уровня на борту с головного крейсера поступил сигнал от искина первого класса высшего уровня. Сигнал содержал программу, которую предписывалось запустить и ретранслировать через спутники, которые шаттлу следовало установить на орбите планеты. Спутники были отстрелены и штатно заняли заданные орбиты. Был инициирован запуск программы. Пассажиры высшего уровня перевели шаттл на ручное управление с последующим принудительным отключением реактора и основного искина посредством применения ручного оружия типа фазер. Затем пассажиры провели экстренную эвакуацию. После этого произошла перезагрузка бортовых систем, следом шаттл провёл жесткую посадку в аварийном режиме.

Перед глазами Хенга разворачивалась картина происшествия. Две девушки убивают своего мужа инопланетянина и угоняют шаттл. На борту головного корабля остаётся кто-то, скорее всего, другие жены, возможно даже, что это андройды с искусственным интеллектом («созданные» Брэдом три жены), которым подобный исход не нравится. Они решают отомстить и посылают на шаттл вирусную программу, которая должна вмешаться в работу нанитов, которые содержатся в телах жён-убийц Брэда и его потомков самозванных богов.

Беглые жёны понимают, что корабль запустил какую-то пакость и начинают действовать. Они включают ручное управление и уничтожают реактор с основным искином, после чего эвакуируются. Тем самым они прерывают запущенную программу. Но корабль всё равно остаётся работоспособным — он перезагружается и подключает аварийные дублирующие системы. Возможно, что вирусная программа возобновляется, но это не точно. Скорее всего, для её повторного запуска требуется подтверждение, как это было с Хелой. После жесткой посадки скачок напряжения палит предохранители во всей электронной цепи, отчего аварийный реактор оказывается бесполезным и через некоторое время отключается. Вирус успевает загрузиться меньше, чем на треть. Этого хватает, чтобы испортить жизнь самозванным богам и заставить их придумать Игру и плодить бессмертных потомков.

Шесть с лишним тысяч лет самозванные боги резвятся, плодятся, убивают своих потомков и друг друга. И тут появляется парочка, которая откапывает судьбоносный и всеми забытый шаттл. Один неуёмный программист, явно получивший свои знания не просто так, а с помощью всё того же инопланетного компьютерного вируса, лезет своими шаловливыми ручками куда не надо и запускает резервный реактор. А вторая безумная баба, уверовавшая в свою божественность, запускает вирус, в результате чего тот через уцелевшие спутники передаёт приказ нанитам в телах носителей как нужно действовать. Скорее всего, им просто приказали отключить поддержку организмов и покинуть пределы тела, после чего полностью деактивироваться.

Тела самозванных богов были напичканы нанитами, и чем те сильнее, тем больше этих миниатюрных роботов в их организмах. Они фактически киборги, которые без нанитов нежизнеспособны. Хела, которая столетиями жрала одних лишь киборгов, вся состояла из нанитов, оттого и стала первой жертвой.

Хенг тоже должен был умереть, поскольку в нём нанитов было огромное количество. И если бы не его подвижки в йоге, так бы и вышло. Можно сказать, что он чудом выжил. Полгода в глубокой медитации он потратил на восстановление внутренних органов за счёт остатков живых тканей. Он пустил в дело каждую клеточку, которая осталась в его теле.

Другие самозванные боги наверняка все погибли. Выжить могли лишь обычные бессмертные, у которых в телах немного нанитов, но они после этого должны были лишиться всех достоинств и недостатков бессмертных, снова став обычными людьми. Сильные бессмертные наверняка тоже погибли, хотя могли и выжить, но с серьёзными последствиями для здоровья. В любом случае, с момента запуска вируса мир изменился и больше не будет прежним.

— Возможно отключить или откатить программу?

— Отключить возможно, — поведал искин. — Откат действий, совершённых под воздействием программы, невозможен в связи с деактивацией нанитов.

— Отключи программу.

— Процедура отключения программы выполнена, сэр.

«Вот и всё, — подумал Хенг. — Закончилась эра богов и бессмертных. Великий уравниватель всех уравнил и сделал смертными, в том числе и его».

— Существует возможность починить шаттл имеющимися средствами?

— Ответ отрицательный, капитан. Вероятность починки шаттла без запасных частей ниже одной тысячной процента.

— Где-нибудь на планете есть ещё один космический корабль или средства, пригодные для ремонта?

— По имеющимся сведениям, нет, капитан, — сухо констатировала искин. — Спутники не фиксируют в пределах планеты ни одного рабочего космического судна или три де принтера. На сигналы от гиперсвязи ответа не поступает. С вероятностью девяносто семь процентов центральный крейсер типа Энтерпрайз покинул пределы этой вселенной путём перемещения в параллельную вселенную.

— Очень интересно, — блеснули золотые искры в глазах Чжао. — Очень даже. У тебя в базе данных есть сведения о параллельных вселенных?

— Только базовые данные, сэр. По сведениям базы данных спутников вам была загружена большая часть этих сведений путем эмуляции виртуальной реальности внутри вашего мозга с помощью нанитов.

— То есть, нет никаких сведений о том, как построить машину для перемещения в другие вселенные, как сделать три де принтер и починить шаттл?

— Так точно, сэр. Никаких таких сведений, сэр. Возврат в базовую вселенную или на центральный крейсер невозможен, капитан. Согласно уставу Федерации вам предписывается забрать аварийный набор и попытаться выжить в условиях данной планеты.

— А он есть? Я имею в виду аварийный набор.

— Все аварийные наборы отсутствуют, сэр. В стандартных аварийных нишах имеется пять резервных скафандров. У всех них вышли из строя батареи и электронные модули. Эксплуатация скафандров не представляется возможной.

— Была бы жива Хела, она бы сейчас разразилась своим безумным смехом.

Превозмогая голод и жажду, Хенг ещё несколько часов копался в базе данных шаттла и расспрашивал искин. Убедившись, что ничего полезного не добьётся, он собрал остатки полезного барахла в виде трёх скафандров и обнаружил засыпанный проход наружу.

Пришлось откапываться с использованием внутренней энергии, запасы которой подходили к концу.

Снаружи он смог и попить вдоволь, и поесть свежей зайчатины, за которой вначале пришлось побегать. Силы начали потихоньку возвращаться к нему.

Ещё месяц Чжао жил возле шаттла и отъедался на подножном корме. Он отключил и законсервировал реактор и заново закопал курган. Несколько раз к нему выходили люди. В первый крестьянка с лукошком, которая при виде него моментально поседела и тут же сбежала обратно в лес. Второй раз через неделю прибыл отряд славянских воинов, которые при виде Хенга, напоминающего живой скелет, жуть как перепугались, но не придумали ничего лучше, чем напасть на него. Он их без напряжения раскидал, забрал коней, оружие, броню и припасы и отпустил на все четыре стороны в одних портках и рубахах. Убегая так, что пятки сверкали, они что-то в ужасе кричали про Кощея бессмертного и молились всем своим богам.

Припасы воинов быстро кончились. Уж больно аппетит у Хенга был звериным. Зато сразу было заметно, куда девается пища — всё шло в рост мышечной массы. Тело постепенно набирало массу, делая ханьца всё меньше похожим на обтянутый кожей скелет. Теперь он больше напоминал долго голодающего узника концлагеря.

Есть трофейных коней ему претила мысль о дороговизне этих животных. В целом же против конины он не имел ничего против, считая это мясо довольно неплохим. Но жадность заставила его выдвинуться на поиск людских поселений. Некогда разграбленную им с Хелой деревню он отбросил и пошёл по следам беглых солдат. Они привели его к другой деревне человек на двести. Его встречали основательный частокол, запертые ворота, злые и испуганные люди на стенах, луки, направленные на него, перешептывания с поминанием Кощея и никаких попыток наладить с ним диалог.

Ханец никогда не любил, когда его вместо каравая и чарки вина встречают потоком стрел со стен. Он вообще не любил, когда в него чем-то тычут, особенно эта нелюбовь обострилась после осознания того факта, что он больше не бессмертный. Тем не менее, внутренняя энергия и все навыки остались с ним. Поэтому он голыми руками отбил дюжину стрел, которые могли ему навредить, после чего одним прыжком перемахнул через частокол и стал раздавать мужикам подарки, которые у славян называются тумачами.

Жители деревни настолько оказались впечатлены его благодушными дарами, что вскоре с благоговением принимали его как дорогого гостя и предлагали богатые дары, лишь бы больше таких подарков не получать. Нагрузив продовольствием и дорогими вещами десяток лошадок и прихватив трёх молодых девиц, которых так настойчиво ему пытались вручить благодарные деревенские жители, он отправился в дальнейший путь.

Девушки были какими-то замухрышками — явные сироты, которых не жалко. Худые, грязные, с серыми волосами, вечно голодные, забитые и готовые выполнить любое поручение господина. В деревне их явно использовали в качестве рабской силы, хотя они рабынями не были. Но стоило их отмыть, приодеть в чистые новые вещи и накормить, как они разительно преобразились в трёх стройных красавиц: блондинку, русую и с тёмно-каштановой шевелюрой.

День он приглядывался к ним, не мешая обсуждать друг с другом свою дальнейшую судьбу. Поскольку до этого он с аборигенами общался на всем понятном языке силы, девки думали, что он их не понимает.

— Как думаете, девки, он нас убьёт? — вопрошала блондинка

— Страшный какой... — покосились на него каштановая девица.

— Хуже чем в деревне не будет, — пожалала плечами русая. — Не съест же он нас.

— Хоть бы, хоть бы, — прошептала блондинка.

— Не съем, — вся троица девушек замерла, услышав первые слова из уст господина. —

Служанками будете. Самая старательная сможет стать моей женой. Но для этого действительно придётся постараться и доказать, что достойна чести быть царицей.

— Царицей?! — охнула блондинка.

— Судя по всему, тут несложно будет завоевать себе царство, так что да, царицей...

— К-хм... — потушила глаза обладательница тёмно-каштановой шевелюры. — А он не так уж страшен и по-нашенски говорит.

— Я всё слышу!

— Простите, господин, — поклонилась она. — Я хотела спросить, если позволите, а что с вами случилось?

— Проклятье богов. Я их всех убил, и за это расплачиваюсь. Но ничего, вскоре мясо нарастёт, и я снова стану красавчиком. На самом деле я прославленный воин и бывший царь далёкого царства. Правление пришлось бросить, чтобы сразиться с богами, но теперь мои приключения закончены, и пора бы снова обзавестись своей страной, женой и детишками...

Эпилог

Сорок пять лет спустя. Франкский майордом

Пожилая седая женщина сидела на скамейке и грела кости в лучах тёплого полуденного солнца. Одета она была бедно в серое крестьянское платье, на ногах деревянные сандалии. За её спиной возвышалась плетёная покосившаяся хижина с соломенной крышей.

Через деревню неспешно двигался конь, на спине которого в седле ехал мускулистый смуглокожий красавец-воин с узким разрезом глаз и смолянисто-черной косой до пояса. К седлу были приторочены арбалет и прямой меч в ножнах.

Старуха подслеповато сощурилась. Ей показалось что-то знакомое в этом парне. Он заметил её интерес, и скука моментально сошла с его лица. Спрыгнув с коня, он привязал его к покосившемуся забору высотой по пояс и подошёл к женщине.

— Простите, господин, чем вас могла заинтересовать простая старуха?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся он. — Что, Дина, наказала тебя жизнь? Это карма! Не нужно было кусать руку кормящую.

— Э-э?! — напрягла она зрение и тут же округлила глаза и широко распахнула беззубый рот. — Хенг?

— Ха-ха-ха! А ты ожидала, что я тоже состарюсь и сдохну? Не дождетесь!

— Но как?! — на её перекошенном от изумления лице нервно задёргался левый глаз. — Я неожиданно узнала о том, что больше не бессмертная. Все бессмертные, кого я знала, перестали быть таковыми и начали стареть, заводить детей, а ты... Ты всё ещё выглядишь так же, как и сотни лет назад!

— Ага. Йогой надо было лучше заниматься, а не грабить своего учителя и благодетеля. Теперь где ты и где я? Такая гордая была, вся из себя самодостаточная феминистка, а в итоге

стала обычной крестьянкой и старухой.

— Знаешь, я ни о чём не жалею! — на самом деле Дине хотелось разреветься. В горле у неё стоял сухой ком, через который слова с трудом продирались: — Я прожила долгую, интересную и счастливую жизнь. Более семисот лет — такой срок никому из людей не отпущен. А под конец жизни я нашла свою любовь, и плевать, что он простой крестьянин. У нас родилось двенадцать детей, появились внуки и правнуки. Да, я прожила хорошую жизнь и мне не о чем жалеть. А тебя мне жаль, Хенг.

— Да ладно? — не сходила с его лица ехидная улыбка. — Тебе меня жаль?

— Конечно. Ведь ты ущербный, как и все бессмертные. Ты не можешь иметь детей.

Хенг не выдержал и звонко рассмеялся. Он долго ржал под недоумевающим взглядом Дины.

— Наивная американская девочка, — покачал он головой. — У тебя устаревшие сведения. Когда бессмертный достигает уровня ложного бога, то он может плодиться как кролик, чем я и занимался на протяжении века. Я был лордом у скоттов и заимел потомство от каждой второй крестьянской семьи в округе. Сейчас десятая часть населения Шотландии мои потомки. Последние сорок пять лет у меня было три жены, с которыми у нас на свет появились крепкие и здоровые дети. После смерти последней из жён я бросил очередное королевство, и там я, между прочим, был царем. Не первый раз, кстати. Так что ты ошиблась, дорогуша. По всем фронтам промахнулась.

— Сволочь! — Дина не выдержала. По её морщинистому лицу потекли слезы. — Как? Как ты сумел остаться бессмертным?! Я узнавала — все боги погибли, как и самые сильные бессмертные. Я сама еле выжила.

— Глупенькая, Дина. Как была девчонкой без мозгов, так ею и осталась. Я же тебе прямо сказал — весь секрет кроется в йоге, которой я тебя учил. Ты сама виновата в своей старости, поскольку возомнила себя всемогущей и бросила заниматься тем, что способно подарить настоящее долголетие и сверхспособности. Ты же слышала про моего учителя-индуса?

— Ты рассказывал о нём, — сжала она губы в тонкую линию, пытаясь удержать дрожь от ярости в смеси с черной завистью.

— Встретил его недавно — он ничуть не изменился и всё так же проповедует йогу. Правда, загадками тоже говорит так же, как и восемьсот лет назад, и мысли читать научился ещё лучше, а я от телепатов успел отвыкнуть. В общем, он узнал, что это я виноват в потере бессмертия бессмертными и гибели всех богов, но...

— ЧТО-О-О?! — вскочила на ноги разъярённая старуха.

— Но он на это лишь загадочно улыбнулся.

— Убью, тварь! — подхватив полено с половину её роста, скорее даже небольшое бревно, Дина не по-старчески шустро побежала к Хенгу с намерением его убить.

Он подпрыгнул и... никуда не приземлился.

На крики старухи стали собираться селяне, но стоило им посмотреть в сторону её хаты, как они тут же замирали статуями с распахнутыми ртами и рачьими глазами. А всё оттого, что Чжао застыл на небе на высоте семи метров, сложил руки перед грудью и с надменной ухмылкой взирал сверху вниз на беснующуюся старуху, которая носилась по своему двору.

— Убью, сволочь! Тварь! Мерзавец! — брызгала она слюной. — Не зря «ОН» назвал тебя ИУДОЙ! Иуда и есть! Как же я жалею, что спасла такого мерзавца! Лучше бы я тебя там так оставила болтаться на осине и давно обрела бы свободу!!!

Отбросив бревно, она стала хватать камни и пыталась сбить Хенга, но тот лениво шагал по небу и уходил от всех снарядов.

— Ха-ха-ха! У моего народа есть пословица: если долго сидеть на берегу реки, то можно увидеть, как мимо проплывёт труп твоего врага. Прощай, глупая воровка, счастливо сдохнуть от старости! — он запрыгнул на круп лошади, отвязал её и поскакал прочь из деревни мимо одеревеневших селян. А**

Больше книг на сайте - Knigoed.net